

ИСТОРИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Дитер Лауэнштайн

Элевсинские мистерии

ИСТОРИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Diether Lauenstein

Дитер Лауэнштайн

*Die Mysterien
von Eleusis*

*Элевсинские
мистерии*

Перевод с немецкого И. Фёдоровой

URACHHAUS

Stuttgart
1988

« Э Н И Г М А »

Москва
1996

ББК 84.4 Герм.
Л 28

Серийное оформление А. Юшкова

Подбор иллюстраций *Аоротей Ауэнштайн-Хермингхаус*

Лауэнштайн Дитер
Л 28 Элевсинские мистерии: Пер. с нем. Н. Федоровой. — М.: Энигма, 1996. — 368 с: ил.

Книга немецкого ученого Дитера Лауэнштайна посвящена крупнейшему мистериальному центру Древней Греции — Элевсину. Привлекая античные источники и материалы новейших археологических исследований, автор пытается воссоздать ход этого религиозного праздника и понять опыт и переживания мистов, связанных обетом молчания под угрозой смерти. Исследование не имеет аналогов в мировой научной литературе и является первой публикацией на русском языке, целиком посвященной этой проблеме.

ISBN 3-87838-498-2

ISBN 5-7808-0002-2

© 1987 Verlag Urachhaus
Johannes M. Mayer GmbH,
Stuttgart
© Издательство
"Энигма", 1996

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

I. ИСТОЧНИКИ

Императорские саркофаги 9

Греческие философы 12

Платон 12

Плотин 17

Ямвлих 20

Прокл 22

Данные раскопок 28

Раскопки 29

Надписи 36

Каменные свидетельства 37

Место бросания камней 38

Место, где происходили оргии 39

Римские властители 42

Закат мистерий 52

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ

Звезды, мифы и созерцательные образы 54

Герои 71

Персей 71

Тантал 74

Пелопс 75

Кадм 76

Эдип 77

Геракл 79

Тесей 83

Таинство в Лабиринте 92

Микенская религия и древнейшие культы
в Афинах и Элевсине 103

Культовый календарь 121

Детские и юношеские таинства 133

III. МАЛЫЕ МИСТЕРИИ	
Время и место	153
Мистерия на поле в Аграх	168
IV. ВЕЛИКИЕ МИСТЕРИИ	
Подготовка в Афинах	187
Священная дорога	198
У Колодца Прекрасных Хороводов	220
Жрецы	226
Отрок очага	228
Музыка	232
Триптолемов устав и "крещение"	235
Первая оргия: рождение и смерть	239
Междворье: побивание камнями	243
Вторая оргия: вынашивание и становление	246
Третья оргия: преобразование	254
Четвертая оргия: собрание	265
Продолжительность празднества священной ночи	271
V. ОТРАЖЕНИЯ ТАИНСТВ	
Трагедия	273
Пятый гомеровский гимн	276
Свидетельство "Илиады"	281
Свидетельство "Одиссеи"	299
Свидетельство "Аргонавтики"	312
Свидетельство в сказке Апулея	324
Свидетельство Апулеева "Золотого осла"	329
Свидетельство Апокалипсиса	342
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Примечания	344
Библиография	349
Указатель имен и географических названий	355
Источники иллюстраций	366

Предисловие

Лучшими из работ, давших материал для этой книги, я считаю "Элевсин и Элевсинские мистерии" Георгиоса Милонаса (1961) и "Элевсинские мистерии" Карла Керени (1962). Милонас долгие годы вел в Элевсине археологические раскопки, перевернул там едва ли не каждый камень и все же был вынужден закончить свой отчет фразой, которая в переводе звучит так: "Мы не знаем вполне — во всяком случае, пока не знаем, — каковы были сущность и смысл таинств Деметры, праздновавшихся в Элевсине. Нам известны подробности ритуала, но не его смысл". Потрачено столько физических сил — без духовного озарения. Керени полагает, что сумел проникнуть в смысл этих мистерий, сопоставив их с индонезийскими обрядами, бытующими на острове Серам. В предисловии к своей книге, почтив память предшественников — Ф. Ноака с его "Элевсином" (1927) и археолога Куруниотиса, ведшего раскопки в храмовом комплексе, — он далее пишет: "Книга Ад. Э. Йенсена "Хейнувеле. Народные сказания молуккского острова Серам" (1939) позволила мне приблизиться к ключевой проблеме Элевсина". Мне же представляется, что я сумел найти разгадку, основываясь на свидетельствах самой древнегреческой культуры. И пусть труд мой станет подспорьем для будущих исследований.

Решающее и первоочередное духовное воздействие на меня оказал трактат Иоганна Готлиба Фихте "О назначе-

нии ученого" (1794). Он как бы открыл мне, восемнадцатилетнему юноше, глаза. Образы Апокалипсиса (гл. 12) укрепили новое сознание. И в греческих фрагментах Элевсинских мистерий передо мною вновь распахнулся широкий мир этих образов. Наверное, что-то подобное происходило с Гегелем, когда он в юности писал стихотворение "Элевсин".

Внешние обстоятельства жизни сделали меня преподавателем санскрита и индоевропеистики, вынудили испытать тяжелые ранения под Киевом, под Москвой и у мыса Нордкап, забросили в Северную Америку, где осталась частица моего сердца, вознесли в Германии в ранг преподавателя философии, пока враждебная рука не отправила меня в Виндхук. Там и возникла эта книга. Семьдесят лет я странствовал, объехал полмира, вопреки своим помыслам и желанию, однако теперь, задним числом, все это будит во мне удивленное одобрение.

Виндхук. Рождество 1986 г.

Дитер Лауэнштайн

I. Источники

Императорские саркофаги

Источники знаний об Элевсинских мистериях весьма обильны, а вовсе не скудны, как слишком часто твердят. Один являет их тайну даже в центре Европы: в Ахенском соборе (ныне в пристроенном к нему музее) стоит римский мраморный саркофаг II века от Р.Х., на передней рельефной стенке которого изображены три сцены Элевсинских таинств. Аналогичные саркофаги с почти такими же рельефами есть в Риме и во Флоренции. Ахенский саркофаг был привезен императором Карлом в 800 году и предназначен для сохранения посмертных его останков. Сцена справа показывает похищение Плутоном божественной девушки Персефоны. С девушкой на руках бог поднимается на свою одноосную колесницу, запряженную четверкой коней. Центральная сцена представляет подруг, с которыми "девушка" ("Кора") только что водила хоро-вод.

Об этом повествует и общеизвестный открытый миф. Далее в нем рассказывается, что мать девушки, богиня Деметра, услышала лишь испуганный крик дочери, но похитителя не нашла и не знала, где его дом. Целый год скиталась она в поисках дочери, до тех пор пока богиня ночи Геката (и бог солнца Гелиос) не указали ей на Плутона и его обиталище в Гадесе. Чтобы от гнева Матери поля не погибло все растущее на земле, царь богов Зевс повелел своему старшему брату каждый год на некоторое время

Стрелец ведет Плутона с Корой

отпускать супругу его, Персефону, к матери, чем та и утешилась. Поля вновь стали плодоносны.

Третья (левая) сцена рельефа на передней стенке саркофага изображает Деметру, однако богиня-мать не сидит неподвижно во гневе, как повествует общеизвестный открытый миф, — она восходит на колесницу, намереваясь преследовать похитителя. Запряженные в колесницу огромные змеи не оставляют сомнения в том, куда держит путь Деметра — в Гадес.

Открытый миф наилучшим образом сохранился в эпосе VII века до Р.Х. — так называемом V гомеровском гимне. Тайный миф, где мать устремляется в погону, изложен в орфическом гимне Деметре Антее ("возмущенной"). Этот гимн сообщает также, что юноша Евбулей указал богине дорогу в Гадес. — Вот такими свидетельствами древних таинств на своей гробнице ознаменовал Карл Великий возникновение средневековой империи.

В религиозном смысле новое время пришло в Европу в 1518 году с Лютером и Меланхтоном. Последний еще прежде, в 1513 году, перевел на латинский язык и напечатал

вновь найденные тогда оды Пиндара, которые были написаны в V веке до Р.Х. В одной из них говорится:

Хорошо снаряжен [в смерти] тот, кто сходит во гроб, зная истину Элевсина. Ему ведом исход земной жизни и новое ее начало — дар богов¹.

Поэт говорит о смерти, о последующем земном рождении и о том, как таинства позволяют осмыслить метаморфозы между двумя жизнями и облегчают их. И Пиндар, и другие поэты и философы древности, пришедшие ему на смену, сообщали людям нового времени — вплоть до Гегеля, Шеллинга и Гёте — в основном спорадические сведения и все же вновь и вновь будили у них горячий интерес к таинствам.

Некоторые подробности стали известны лишь в 1812 году, когда был опубликован манускрипт, созданный в Византии приблизительно в V—VI веке и через Киев, Москву и Петербург попавший в Амстердам. Этот манускрипт содержал неизвестные дотоле произведения: 33 гомеровских и множество — 89 полностью сохранившихся — орфических гимнов в честь греческих богов. "Гомеровскими" принято называть некогда общеизвестные открытые мифы, "орфическими" — те, что имели определенное значение только в таинствах. Все они были собраны в VI веке афинянином Ономакритом, тем самым, который сумел сберечь и донести до нас эпосы Гомера и Гесиода. К сожалению, XIX век воспринял всерьез лишь гомеровские гимны. Мы же вслед за Карлом Керени² во многом опираемся и на гимны орфические.

В 1961 году, когда Георгиос Милонас обнародовал результаты тридцатилетних раскопок храмового комплекса, для нас открылся новый источник знаний³. Кроме того, мы привлекаем астральные мифы II тысячелетия до Р.Х., годовой круг аттических праздников, юношеские инициации, завершением которых как раз и были Элевсинии, а также остановки процессии на афинской Священной дороге в канун Священной ночи в Элевсине.

Греческие философы

Боковые стенки упомянутых трех саркофагов — римского, флорентийского и ахенского — украшены опять-таки сходными рельефами, центральная сцена которых изображает Афину и Артемиду: богини тщетно пытаются воспрепятствовать похищению Персефоны Плутоном. Для мистов Афина правит пониманием, Артемида же — настроением. Очевидно, та и другая душевная сила присутствуют здесь не случайно, хотя для успеха таинства их недостаточно, требуются, к примеру, еще и силы, которые подвластны Гере и Афродите. А какую именно роль играли "девы" Афина и Артемида, иллюстрируют нижеследующие фрагменты из произведений греческих философов от Платона до Прокла.

Платон

Ни один из греков не сообщил так много сведений об Элевсинских мистериях и ни один философ не использовал так широко их образы для выражения собственных идей, как Платон (427—347 до Р.Х.). Не исключено, что его ученик Аристотель в особом трактате о мистериях затмил своего учителя, но рукопись Аристотеля была утрачена в средневековой Византии. Тринадцать из сорока произведений Платона дают возможность познакомиться с Элевсиниями; аллюзии же обнаруживаются почти во всех сорока. Второй по важности философский источник знаний о мистериях — труды последнего из прославленных афинских неоплатоников, по имени Прокл (411—485)⁴.

О жизни Платона рассказывает его VII письмо к сицилийским друзьям-политикам: отпрыск одного из старейших афинских семейств, в возрасте 19—21 года он сочинял трагедии, которые сжег после встречи с Сократом. Сохранилось лишь несколько стихов. Ему было 28 лет, когда его учитель Сократ выпил свою чашу с ядом. После этого Платон отправился в дальнее путешествие, привед-

шее его сначала, вероятно, в Египет и в Кирену, а затем — вне всякого сомнения — в Южную Италию и Сицилию, где он повстречался с пифагорейцами (в том числе с Архимедом Тарентским), которые оказали на него как на философа не меньшее влияние, чем ранее Сократ. В сорок лет он возвратился на родину и основал — в форме Общества почитания муз — собственную философскую школу; размещалась она в загородном саду, который достался ему по наследству и носил название Академия. Именно там в течение следующих сорока лет собирались вокруг Платона первейшие ученые того времени.

Мы не располагаем прямыми свидетельствами того, что Платон принимал посвящение в Элевсине. Однако в VII письме (333 е), говоря об убийцах своего друга Диона, который очень недолгое время правил в Сиракузах, он пишет, что с Дионом этих людей связывали не общие занятия философией, а узы обычного приятельства, возникающие из совместных посвящений в [Элевсинские. — Д.Л.] мистерии. Таким образом, Дион и его убийцы принадлежали к обоим сообществам. Тот и другой путь казались им вполне достойными и естественными. Вот в подобном ключе Платон рекомендует своим сицилийским друзьям религиозное восприятие мистерий.

Формально Платонова философия схожа с этими таинствами уже в силу своей предназначенности для узкого круга избранных, о чем он говорит в VII письме, полемизируя с каким-то посланием Дионисия II: "Вот что вообще я хочу сказать обо всех, кто уже написал или собирается писать и кто заявляет, что они знают, над чем я работаю, так как либо были моими слушателями, либо услыхали об этом от других, либо, наконец, дошли до этого сами: по моему убеждению, они в этом деле ничего не смыслят. У меня самого по этим вопросам нет никакой записи и никогда не будет. Это не может быть выражено в словах, как остальные науки; только если кто постоянно занимается этим делом и слил с ним всю свою жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры

огня, возникает в душе это сознание и само себя там питает. И вот что еще я знаю: написанное и сказанное было бы наилучшим образом сказано мной; но я знаю также, что написанное плохо причинило бы мне сильнейшее огорчение. Если бы мне показалось, что следует написать или сказать это в понятной для многих форме, что более прекрасного могло быть сделано в моей жизни, чем принести столь великую пользу людям, раскрыв всем в письменном виде сущность вещей? Но я думаю, что подобная попытка не явилась бы благом для людей, исключая очень немногих, которые и сами при малейшем указании способны все это найти; что же касается остальных, то одних это совсем неуместно преисполнило бы несправедливым презрением [к философии], а других — высокой, но пустой надеждой, что они научились чему-то важному"* (341 с — е).

Для людей же, которые не подвергают себя столь суровому философскому воспитанию, говорит Платон, мистерии и их учение о загробном суде суть надежные провожатые души. Так, он советует сицилийским друзьям: "Воистину надлежит следовать древнему и священному учению, согласно которому душа наша бессмертна и, кроме того, после освобождения своего от тела подлежит суду и величайшей каре и воздаянию. Поэтому надо считать, что гораздо меньшее зло — претерпевать великие обиды и несправедливости, чем их причинять" (VII, 335 а). Этот пафос пронизывает все труды Платона от "Апологии Сократа" до "Законов".

Во второй речи "Апологии" Сократ ближе к концу объясняет, почему он не считает смерть худшим из зол: ...если смерть есть как бы переселение отсюда в другое место и если правду говорят, будто бы там все умершие: то есть ли что-нибудь лучше этого, о мужи судьбы? В самом деле, если придешь в Аид, освободившись вот от этих так называемых судей, и найдешь там судей настоящих, тех, что, говорят, судят в Аиде, <...> — разве это

* Перевод С.П. Кондратьева.

будет плохое переселение? А чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером! Что меня касается, то я желаю умереть много раз, если все это правда; для кого другого, а для меня было бы удивительно вести там беседы <...>. И наконец, самое главное — это проводить время в том, чтобы распознавать и разбирать тамошних людей точно так же, как здешних, а именно, кто из них мудр <...> было бы несказанным блаженством"* (40 е—41 с).

В позднем диалоге "Филеб" (62 с) Сократ говорит: "Ты, видно, хочешь, чтобы я, как толкаемый и теснимый толпой привратник, уступил и, распахнув ворота, позволил всем [привязанным к материальному. — Д.Л.] знаниям вливаться в них и чистому перемешиваться с недостаточно чистым?"** — Нет! Самое главное здесь Первая наука о принципах (едином, многом, части, целом и прочая), методы логики и так далее, и не просто знание их, а постоянное в них упражнение! Ворота к серьезным размышлениям, пишет Платон в "Государстве", нуждаются в суровом страже, "иначе нас справедливо высмеяли бы за то, что мы занимаемся пустыми пожеланиями. <...> виновниками нерасположения большинства к философии бывают те посторонние лица, которые шумной ватагой вторгаются куда не следует, поносят людей, проявляя к ним враждебность, и все время позволяют себе личные выпады"*** (499 с - 500 в).

В соответствии с этим Платон вкладывает в уста своего учителя Сократа иронический ответ на опрометчивые суждения собеседника: "Счастливец ты, Калликл, что посвящен в Великие таинства прежде Малых: я-то думал, это недозволено" **** ("Горгий", 497 с). А в "Пире" (210 а) жрица-пророчица Диотима из аркадской Мантинеи, где празднуются мистерии, схожие с Элевсинскими⁵, гово-

* Перевод М.С. Соловьева.

** Перевод Н.В. Самсонова.

*** Перевод А.Н. Егунова.

**** Перевод С.П. Маркиша.

рит: "Во все эти таинства любви можно, пожалуй, посвятить и тебя, Сократ. Что же касается тех высших и сокровеннейших, ради которых первые, если разобраться, и существуют на свете, то я не знаю, способен ли ты проникнуть в них"*.

Вскоре же после рассказа о Диотиме явился Алкивиад, незванный и весьма хмельной, тот самый Алкивиад, что в 415 году до Р.Х. вместе с приятелями в ночной пьяной дерзости, облачившись в пурпур, "выплясал", то бишь передразнил Элевсинские мистерии.

В "Федоне" (69 b—d) Сократ в день своей смерти наставляет юношей Симмия и Кебета: "Между тем, истинное — это действительно очищение от всех [страстей], а рассудительность, справедливость, мужество и само разумение — средство такого очищения. И быть может, те, кому мы обязаны учреждением таинств, были не так уж просты, но на самом деле еще в древности приоткрыли в намеке, что сошедший в Аид непосвященным будет лежать в грязи, а очистившиеся и принявшие посвящение, отойдя в Аид, поселятся среди богов. Да, ибо, как говорят те, кто сведущ в таинствах, "много тирсоносцев [участников. — Д.Л.], да мало вакхантов" [воодушевленных. — Д.Л.], и "вакханты" здесь, на мой взгляд, имеют в виду не столько иномыслителей, сколько истинные философы. Одним из них старался стать и я — всю жизнь, всеми силами, ничего не упуская. Верно ли я старался и чего мы достигли, мы узнаем точно, если то будет угодно богу, когда придем в Аид. Ждать осталось недолго, сколько я понимаю"**. Эта же тема — приводить здесь еще цитаты было бы излишне — развивается в Платоновом "Горгии" (523 сл.). Уже скромная ипостась сына повитухи, "промышляющего тем же ремеслом", — ипостась, в которой исторический Сократ вел свои увлекательные беседы⁶, отвечает задаче Элевсиний: рождению человека духовного из человека естественного.

Образ воспарения мыслящей души к миру идей — в

* Перевод С. К. Апта.

** Перевод С.П. Маркиша.

пространственных категориях: выше звезд, то есть вместе с одиннадцатью богами к небесно-духовному пиршеству (двенадцатое божество, Гестия, неизменно остается дома), — мы и полагаем основой действия в Телестерионе. "Федр" — единственный диалог, состоявшийся у Сократа вне афинских стен (так утверждает Платон). И этой чести удостоилось место, где за рекой Иллис праздновали в феврале Малые мистерии (229 сл.).

По "Федру" (244—245), Платон знает три пути приобретения углубленного религиозного опыта, конечно же сильно уступающих возвышению посредством его "Первой философии". Так вот, есть четыре вида *mania*, или неистовства от бога. Во-первых, напастное прорицательство; говорить о нем как об искусстве, пожалуй, слишком много чести. Носители его — пифия в Дельфах, жрицы в Додоне и несколько сивилл в Азии. Во-вторых, птицегадание. Уровнем выше находятся очистительные ритуалы и таинства, затрагивающие всего человека и посредством молитвы и почитания богов избавляющие его от болезней и тяжких бедствий. Третья *mania* — это поэзия, которая "охватывает нежную и непо-⁷чуждую душу". Четвертая — наивысшая — форма исступленности души (*mania*) есть прозрение вечной истины через философию. Касательно этого высочайшего пути к богу Платон в Седьмой книге "Государства" приводит свою знаменитую притчу о пещере, которая доныне являет собою глубочайший и при том весьма схожий с Элевсиниями символ ступеней познания.

Плотин

Грекоязычный египтянин Плотин (204/5—270), живший на 600 лет позже Платона, четверть века преподавал в Риме его учение. Незадолго перед смертью в одной из усадеб под Неаполем он встретил своего врача Евстохия такими словами: «"А я тебя все еще жду", потом сказал, что сейчас попытается слить то, что было божественного в нем, с тем, что есть божественного во Вселенной»⁷.

В Аттике, насколько нам известно, Плотин не бывал. Но хотя он и не видел тамошних таинств, все же охотно прибегал к их образам. Так, в день рождения Платона, который в кругу Платиновых учеников непременно отмечался речами, философ похвалил стихотворение своего будущего издателя и биографа Порфирия о священном бракосочетании, воскликнув: "Ты показал себя и поэтом, и философом, и иерофантом!"⁸

После смерти Плотина Амелий спросил дельфийского бога, где пребывает душа учителя, и услышал такой ответ: "Ныне же тело свое ты [Плотин. — Д.Л.] сложив, из гробницы исторгнув божью душу [daimon — Д.Л.] свою, устремляешься в вышние сонмы светлых богов, где вливает она желанный ей воздух, где обитает и милая дружба и нежная страстность, чистая благость царит, вновь и вновь наполняясь от бога вечным течением бессмертных потоков, где место любви, и сладковейные вздохи, и вечно эфир несмутимый, где от великого Зевса живет золотая порода — и Радаманф, и Минос, его брат, и Эак справедливый, где обретает приют Платонова сила святая, и Пифагор в своей красоте, и все, кто воздвигли хор о бессмертной любви..."⁹

Плотин представляет на обозрение идеи (I.6,8—9): "Если оно пробудилось недавно, оно не может видеть слишком большой блеск. Поэтому сначала нужно приучить самую душу видеть прекрасные занятия, потом прекрасные произведения, не те, которые создаются искусствами, но те, которые создаются так называемыми хорошими людьми. Потом рассматривай душу тех, кто творит прекрасные дела. Но как же сможешь ты увидеть ту красоту, которой обладает добрая душа? *Восходи к самому себе и смотри.* Если ты видишь, что сам ты еще не прекрасен, то подобно тому как творец изваяния в том, что должно стать прекрасным, одно удаляет, другое отделяет, одно сделает гладким, другое очистит, покамест не покажет на статуе прекрасную наружность, — таким же образом и ты удаляй излишнее и выпрямляй все кривое.

Очищая темное, делай его блестящим и не прекращай сооружать свою статую до тех пор, пока ты не увидишь, что целомудрие восседает на священном престоле"*.

Благообразии души заключено в добродетелях, в высших идеях и, наконец, в том едином, что, находясь над ними всеми, питает их и сохраняет. Душа становится тем прекраснее, чем менее она своенравна и дерзка. Подобно материи, которая, чтобы воспринять духовные формы, образы (τυροί), должна быть свободна от всякого качества, — душа, чтобы наполниться верховной сущностью, сама должна стать аморфной. В таком именно единении Минос общался с Зевсом, и, "редактируя свое уложение, он продолжал находиться под влиянием божественного наития"* (VI.9,7).

В сиянии единого блага душа расцветает наивысшей красотой. Единое же окутано "прекрасным", то есть Афродитой (VI.9,9), точно покровом; и однако, все прекрасное есть впоследствии опять-таки единое и исходит от него, точно сияние от солнца (VI.9,25; VI.9,9). Мы "в этом разе уподобляемся хору певцов, которые, хотя всегда окружают корифея, но иногда поют нестройно, не в такт, потому что, отвернувшись от него, обращают взор и внимание на что-нибудь постороннее, между тем как если бы они были постоянно обращены лицом к нему, то пели бы стройно, составляя все как бы одно с ним. Подобным образом и мы всегда находимся вокруг верховного существа, <...> но только не всегда мы направляем взоры свои на него, зато всякий раз как удостоиваемся узреть его, мы достигаем последнего предела наших желаний, успокоиваемся, не внося более никакого диссонанса в целый, окружающий Первоединого, божественный хор. Кто удостоится присутствовать в этом хоре, тот может узреть здесь источник жизни, источник ума, начало всякого бытия, причину всякого блага, корень души"*** (VI.9,8 сл.).

* Перевод А.Ф. Лосева.

** Перевод Г. В. Малеванского.

"Поэтому, если относительно материи известное положение гласит, что она должна быть лишена всех качеств для того, чтобы быть способной к восприятию всех и всяческих форм, то тем более необходимо душе быть свободной, чистой от каких бы то ни было образов и форм, если она желает, чтобы ничто не мешало ей наполниться сиянием света верховного существа"* (VI.9,7). И "созерцатель тут собственно не созерцает, <...> поглощенный (созерцаемым) он становится едино с ним наподобие того как центр совпадает в одной точке с другим центром <...> двух различных кругов"* (VI.9,10).

Даже ничто прекрасное его [созерцателя. — Н.Ф.] не привлекает в то время, как дух его воспаряет выше самой красоты, выше всего сонма добродетелей, подобно тому, как проникший во внутреннее святилище оставляет позади себя статуи, стоящие во храме, как такие предметы, которые предстанут первыми его взору уже после того, как он узрел сокровенное святое святых и наслаждался общением не с образом, или изваянием, которому принадлежит лишь второстепенное значение, а с самим Божеством. Собственно говоря, <...> созерцание <...> есть скорее всего <...> превращение себя в нечто совершенно простое и чистое, прилив силы, жажда теснейшего единения, напряжения ума в стремлении к возможно полному слиянию с тем, которого желательно зреть во святая святых единения, а в конце всего полнейшее успокоение, а кто рассчитывает <...> иначе узреть (Бога), тот едва ли успеет достигнуть общения с ним. <...> Таков путь богов, таков и путь <...> блаженных мужей: <...> бегство, стремление души к одному только Богу"* (VI.9,11).

Ямвлих

Ученик и биограф Плотина Порфирий (234 — между 301 и 305), долгое время живший у своего наставника в Риме, а затем в Сицилии и Сирии, но никогда не бывавший в

* Перевод Г. В. Малеванского.

Элладе, — этот Порфирий наряду с множеством иных трудов написал сочинение "Подступы к умопостигаемому"*, в котором собрал все вопросы, какие должна была рассматривать теология мифологическо-платоновской религии. Вопросы он якобы задавал египетскому жрецу по имени Анебон. В литературе ответ спустя многие годы дал его ученик Ямвлих (250 — ок. 330). Сочинение Порфирия утрачено; нам известны лишь скудные фрагменты, цитированные Ямвлихом в его книге "О египетских мистериях"¹⁰. И ставивший вопросы, и отвечавший на них оба родом из Сирии и с Элевсинскими мистериями незнакомы. Ямвлих и жил постоянно в Сирии. Его теологию — смесь неоплатонизма и язычества, где мистерии именуются "теургиями" ("боготворчеством"), — перенял император Юлиан (Отступник), правивший и писавший в 361 — 363 годах.

Превыше умного космоса иерархий Ямвлих помещает Плотина сверхдуховного бога, который, будучи выше творца, является царем всего (Мист. VIII.2). За ним следуют телесные божества, далее божества, связанные со светилами, в том числе архонты, архангелы и ангелы. Ниже действуют демоны, чья высшая категория властвует четырьмя стихиями (элементами) — огнем, ветром, водой и землей, — а низшая, неразумная категория пронизывает отдельные вещества. Кроме того, существуют могучие духи героев, а также души нерожденных и умерших людей, которые Ямвлих называет "иными и отличными" от демонов. Все они открываются в теургиях; чем чище обряды, чем правильнее символы и чем непорочнее душевный настрой жрецов, тем более высокие будут открываться иерархии. Через колдунов действуют вещественные демоны.

"Что препятствовало бы людям, занимающимся теоретической философией, вступать в теургическое единение с богами? — пишет Ямвлих. — Теургическое единение дают свершение неизреченных и богоугодно осуществляющихся превыше всякого мышления дел и сила мыслимых только

* В русских ссылках также: "Основы учения о мыслимом . — Здесь и далее все подстрочные прим. сделаны перев.

богами невыразимых символов"* (Мист. II.11). Сопутствующие причины тому — настрой и чистота.

Музыка помогает пробудить сей божественный настрой, "потому что душа, прежде чем предоставить себя телу, вслушивалась в божественную гармонию"* (Мист. III.9). В подобной теургии к музыке присоединялась и языческая литургия. Взаимосвязь мистерии и литургии здесь вполне очевидна.

Прокл

Последними схоластами Академии, закрытой императором Юстинианом в 529 году после девятивекового существования, были Плутарх Афинский (350—432/433), Сириан, Прокл (411/412—485), Марин и Дамаский (458—535). Плутарх принес в Академию идеи Плотина, и крупнейшим среди его приверженцев был Прокл. Ни один из тогдашних схоластов не был уроженцем Афин, большинство происходило из Сирии, Прокл — из Малой Азии.

Жизнеописание Прокла оставил его ученик Марин из палестинского Неаполя", философ родился в городе Византии в семье зажиточных ликийцев и шестнадцатилетним подростком отправился в Египет, в Александрию, чтобы изучать там грамматику, риторику, а также — ради освоения римского права — латинский язык. Когда его учитель Леонат собрался в Византию, Прокл поехал вместе с ним, но еще раньше в лице Олимпиодора нашел себе наставника в Аристотелевой философии. Девятнадцати лет от роду он прибыл в Афины изучать платоновское учение. В гавани его встретил молодой земляк-ликиец. По дороге в город они сделали привал у святилища Сократа и в тот же вечер поднялись на акрополь. Сторож уже стоял с ключами и сказал молодому пришельцу: "Кабы не ты, я запер бы ворота". Марин толкует эту фразу в том смысле, что, не приди Прокл в Афины, платоновская философия пресеклась бы¹².

На способности новичка первым в Афинах обратил

* Перевод Л.Ю. Лукомского.

внимание Сириан, который доложил тогдашнему заместителю схоларха Академии: "Будет из него или великое благо, или совсем тому противное!"¹³ Именно Сириан отвел юношу к старику схоларху, Плутарху Афинскому, и сказал вот что: "Позволь ему изучить, что надобно, хотя бы и при этом воздержании, а там пусть он хоть с голоду умрет, если хочет"¹⁴. Плутарх читал с ним Аристотеля, "О душе", и Платонова "Федона". Когда спустя два года мудрый старец умер, Прокл так сблизился с Сирианом, что они звали друг друга отцом и сыном; впоследствии бранные останки обоих упокоились в одной могиле. Жены и детей у Прокла не было¹⁵.

"Менее чем за два года прочитал он насквозь все писания Аристотеля по логике, этике, политике, физике и превыше всего по богословию. А укрепившись в малых предварительных таинствах, приступил он к истинным таинствам Платонова учения, приступил чередом и не сбиваясь с шага, как говорится в пословице. Сокрытые в нем божественные святыни он старался прозреть непомяченными очами души и незапятнанной ясностью умозрения"¹⁶.

Среди многочисленных сочинений Прокла самое первое ("Начала теологии"*) и самое последнее ("Теология Платона") написаны без какого бы то ни было стимула извне¹⁷. К двадцати восьми годам он создал комментарий к Платонову "Тимею" и до конца дней более всего ценил именно эту свою работу¹⁸. По зрелом размышлении стоит упомянуть также и комментарий к первой книге Евклидовых "Начал геометрии"¹⁹.

Из сочинений Платона выше всего он ставил "Тимея" и "Парменида"²⁰. Но будь Проклу дозволено сохранить лишь две книги, он выбрал бы халдейские оракулы да Платонова "Тимея"²¹. Долгих пять лет он работал над ныне утраченным комментарием к оракулам²². Доминиканец Вильем из Мербеке, "латинский" архиепископ Коринфа, перевел с греческого большинство трудов Прокла,

* В русском переводе: "Первоосновы теологии".

закончив свою работу в 1268 году. Его друг Фома Аквинский (1225/26—1274) использовал комментарий к "Тимею" и "Начала теологии". Майстер Экхарт, Таулер и Николай Кузанский читали Прокла, цитировал его и Кеплер. Весьма популярный в средние века Псевдо-Дионисий Ареопагит испытал большое влияние Прокла.

Труды Платона Прокл воспринимал как своего рода канонические священные писания, к которым он причислял также "Законы" и орфические гимны. Сам он слагал песнопения до глубокой старости. В Четвертом своем гимне он молит богов:

Вы, кто священной премудрости держит кормило, о боги!
Вы возжигаете в душах людских возвышающий пламень,
Дабы, покинув обители мрака, они устремились
К высям бессмертных, очистившись таинством гимнов
священных.
Слух преклоните, спасители! Ваши священные книги
Чистый излили мне свет, разогнавший туман непроглядный,
Дабы познал я вполне человека и высшего бога*.

Марин рассказывает: благочестивый муж "говорил, что философ должен быть не только священнослужителем одного какого-нибудь города или нескольких, но иереем целого мира"²³. И продолжает: "Очистившись, вознесшись над всем житейским, свысока глядя на всех его тирсоносцев, он достигнул истинного вакханства, воочию узрел блаженные его зрелища <...> прямым взглядом взметнул непосредственный порыв умственной своей силы к прообразам божественного Ума <...> наш философ без труда прозрел <...> богословие, даже то, которое было затуманено баснословием, и вывел его на новый свет для всех, кто хотел и мог ему следовать, вдохновенными своими толкованиями и согласованиями"²⁴.

Умер Прокл в семьдесят пять лет, "на двадцать четвертом году после царствования Юлиана". И последние пять лет прожил уже в бессилии; "тело его изнурилось и

* Перевод О. В. Смыки.

<...> впало в немощь, ослабев для всякого труда". С тем большим рвением он обратился тогда к теургии, к божественному творению — приватным культовым обрядам наподобие мистерий. Дочь его учителя Плутарха, именем Асклепигения, происходившая по материнской линии из древнего элевсинского жреческого рода, открыла ему смысл этих обрядов. Он "видел воочию светоносные призраки Гекаты"²⁵. "Угнетаемый недугом, мучимый болями, он отделялся от них тем, что снова и снова просил нас, — пишет Марин, — петь гимны богам, и, пока мы пели, он испытывал бестревожность и покой от всех страданий"²⁶.

Самые высокие мысли Прокла сосредоточены вокруг единого, истока всего бытия, всех чисел, умов и душ. Ниже единого двойство является как многообразие мира со всеми предметами; и лишь затем триада ведет всех к воссоединению с единым, тем образуя космос. Поскольку же христиане видят в Троице высшее божество, философ замечает: "Они следуют не высшему делу ума". Однако и у него триада управляет собором идей и несет его.

В области геометрии *именно таковы* символы: средоточие, радиус и круг. Множество кругов, средоточия (центры) которых сходятся воедино, отображает единение душ с богом. Круг, треугольник и спираль суть важные символы Духа.

Творение — выход многого из единого. Обращение ведет умы и души к их первоначалу, где они обретают спасение. Возвращение становится возможно через eḡōs, или любовь к богу. Для единения с богом порыву мыслящего ума необходимы и душевные настроения, свойственные мистериям: удивление, трепет, самоотверженность, потрясенность, эрос и, наконец, безмолвная вера; такая вера поселяет душу в невыразимом. Помимо веры душа, несмотря на ее несовершенство, должна обрести надежду и любовь.

"Вера, надежда, любовь" выполняют ту же ключевую роль, как и у апостола Павла; однако у индивидуалиста Прокла любовь всегда зовется eḡōs, или есть eḡōs, но не

агаре. Эрос — это любовь индивида к богу как к единому; эрос приводит душу к богу и стоит для индивида на месте Христа. Для "эллинов" бог не есть любовь, наоборот, мы любим бога, и, подобно нам, его любит все прочее великое множество душ и умов, каждый по-своему. Мыслящему духу и способной к метаморфозам душе эрос дарит силу совершать спиральное движение вокруг единого, как кносские мисты "обтанцовывали" лабиринт. "Если мы желаем спасения, то должны взять на себя усилия диалектики, беспощадную беседу самых простых основополагающих идей друг с другом"; или: "Желая предаться единому, душа должна уподобиться ему, пожертвовать своей особостью. Поскольку же богини часто суть праобразы благородных душ, необходимо — чтобы отыскать путь — еще и верить, что в таинствах Рея и Деметра на деле только едины"²⁷.

Поднимаясь над ощущениями собственного тела и мира, душа поднимается и над бурями внутреннего ощущения, и если ум тогда выступает еще и за пределы понятий рассудка, то душа изменяет свою форму и суть; она как бы выгоняет "цветок". Цветок этот может открыться единому, в котором вкушает вечную пищу. Пока душа пребывает там, в святая святых, тело как бы мертво. Три знака на вратах священного места в Элевсине: бычий череп, цветок и колос — указывают мисту, что ему надлежит совершить; а раз указывают мисту, значит, и философу.

Вспомним, что стихи из Проклова гимна повествуют о том, как незримый пламень возвышает души к высям таинств и как, напротив, оттуда изливается чистый, священный свет. Здесь уместен символ Солнца, которое в таинствах является не физически, а духовно. Прокл заимствовал этот символ из Платоновой притчи о пещере и солнце, на которой мы предпочли не останавливаться подробно в главе о Платоне, так как здесь это могло бы завести слишком далеко. Понятно, однако, что огонь в Анактороне, в маленьком "святая святых" Элевсиний, и для Прокла был самым священным символом. В. Байервальтес, в недавнее время занимавшийся углубленным изучением огромного

наследия этого философа, пишет: "Можно было бы раскрыть совокупную Проклову систему... в трех аспектах: 1) в структуре философской мифологии; 2) в бытии души и 3) в бытии математического. При этом очень во многом проявлялось бы своеобразие Прокловой философии сравнительно с ранним платонизмом, а также и с христианством... Христиане с их учением о Божественной Троице следуют [по мысли Прокла. — Д.Л.] хотя и высокому, но не высшему делу ума"²⁸.

Феодосии Великий в 392 году запретил жертвоприношения животных и закрыл языческие храмы; еще четырьмя годами позже Аларих разрушил Элевсин. У "эллинов" место жертвоприношений заняли орфические гимны. Они с давних пор сопровождали жертвоприношения, теперь же полностью их заменили. Если, как свидетельствует Марин, эти гимны оказались особенно подходящими для теургии в элевсинской традиции, то напрашивается предположение, что они были элементом древних таинств.

Вместе с подобными теургиями родилась платоническая литургия, или евхаристия. Христианская литургия тоже лишь в IV и V веке приобрела свою общепринятую форму с постоянным, закрепленным текстом²⁹; обе эти структуры развивались параллельно на одном и том же пространстве. Поскольку христианское учение, по сути, складывалось в течение этих двух веков и поскольку епископы на соборах ссылались не только на Павла, предание и т.п., но и на "науку", то есть на таких платоников, как Прокл, стало быть, культ они выстраивали не без оглядки по сторонам. В литургии христиан и поныне течет элевсинская кровь.

Данные раскопок

В 1645 году французские иезуиты впервые в новую эпоху упоминают в своих записках об аттических древностях. В 1658 году французы-францисканцы строили монастырь в Афинах, в том месте, которое называли тогда "Фонарь Диогена", и опять-таки сообщали о древностях. Однако Элевсин покуда не трогали³⁰. Лишь в 1675 году англичанин Джордж Уилер свидетельствует о наличии большой груды камней на месте элевсинской святыни, которую он опознал как таковую, потому что нашел там огромную, выше человеческого роста, статую девушки. По его предположению, это было культовое изваяние богини Персефоны.

Десятью лет спустя, в 1765 году, Ричард Чандлер увидел в деревне Элефси (*новогреч.*) эту статую и внес поправку в прежнее толкование, охарактеризовав ее как изображение жрицы. Когда в 1801 году Э.Д. Кларк вновь наткнулся на ту же статую, она по шею тонула в навозной куче. Православный священник объяснил ему, что это — нигде больше не известная — святая Дамитра, оплодотворяющая нивы, потому он и поместил ее в таком странном окружении. По сути, толкование было правильное; в результате перемены религии память о древнейшей владычице-матери Элевсина, Деметре, претерпела лишь некоторое искажение. Кларк вывез статую в Кембридж, в Англию, где она находится и поныне. Второе такое изваяние, менее поврежденное, обнаружилось позже и теперь украшает музей Элевсина. Обе фигуры некогда стояли по бокам с внутренней стороны вторых ворот, ведущих на священную территорию.

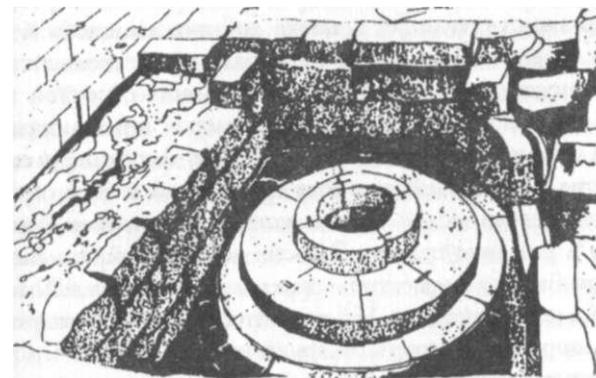
Гёте принял живейшее участие в находке Кларка (1817). Он узнал о ней из статьи под названием "United Antiquities in Attice", опубликованной в журнале Общества дилетантов. Догадки касательно таинств, навеянные чтением этой статьи, а также Плутархом, Гёте воплотил затем в "Фаусте" — в "Классической Вальпургиевой ночи", а также в сцене нисхождения Фауста к Матерям.

Раскопки

Систематические раскопки ведутся в Элевсине с 1882 года; начало им положили Деметриос Филиос и Вильгельм Дёрпфельд, великий ученик Шлимана. Дело инициаторов продолжили Андреас Скиас, Константинос Куруниотис, А. Орландос, Я. Травлос и — с 1930 по 1960 год — Георгиос Милонас, на книгу которого "Элевсин" мы здесь и опираемся.

К востоку от позднейшего акрополя, на месте мистериальных святилищ, в начале II тысячелетия до Р.Х. было земледельческое поселение. Обращенную к морю верхнюю часть юго-восточного склона холма занимали в XVIII и XVII веке жилые дома и могилы, а ниже, где впоследствии находился Дом посвящений, или Телестерион, построек не было. Застройка холма началась в 1580 году до Р.Х. Старую деревню потом забросили, в результате освободилось довольно значительное пространство для небольшого храма, того самого, что упомянут в V гомеровском гимне. Стало быть, достаточно уединенное помещение для сокровенных таинств появилось лишь с середины XVI века.

В большом Телестерионе V века располагалась "часовня", служившая наследницей храма, — Анакторон, или

Колодец Деметры

"Место Владычицы". Под ним археологи открыли в 1931 — 1932 годах остатки много более древней постройки, размерами в плане 7 x 4,5 м; судя по раскопочному слою, методу возведения и побочным находкам, она датируется серединой II тысячелетия до Р.Х. и в течение первых семисот лет своего существования не претерпела никаких изменений.

Впервые Дом посвящений был расширен в VIII веке до Р.Х., когда с восточной стороны соорудили небольшую, обнесенную стеной террасу. Значительное строительство и перепланировку предприняли спустя два столетия Солон (640—560 до Р.Х.) и Писистрат (600—527 до Р.Х.). После того как в 480 году до Р.Х. персы разрушили святилище, Афины строили там еще дважды — при Кимоне (510—449 до Р.Х.) и Перикле (490—429 до Р.Х.). В 310 году до Р.Х. добавилась колоннада перед Телестерионом; такую дату называет Витрувий (161,17).

В дальнейшем размеры и облик святилища оставались неизменны вплоть до 125 года от Р.Х., когда император Адриан несколько расширил Телестерион. В 166 году элевсинские храмы были разрушены вторично, на сей раз костобочками, варварским племенем с Балкан, которое опустошило всю Элладу. Император Марк Аврелий в 170—174 годах поднял комплекс из руин, заодно расширив главное святилище, а также добавив два двора и два второстепенных храма. Таким образом, собственно культовая постройка — Телестерион, место Третьей оргии, — достигла максимальных размеров при императорах Адриане, Антонине Пии и Марке Аврелии, а сами таинства в эту позднюю эпоху привлекали к себе огромное количество людей со всех концов Римской империи. Греки и римляне щадили Элевсин во всех войнах. Разрушен он был, как известно, трижды: Ксерксом в 480 году до Р.Х., костобочками в 166 году от Р.Х. и — окончательно — королем вестготов Аларихом в 396 году.

Первоначальный, микенский, храм — археологи называют его "Мегарон В" — был снесен Солонем, кото-

рый возвел на этом месте большой зал с закрытым задним помещением, причем вопреки культу повернул все постройки на 80° и ориентировал вход почти на север, туда, где к святилищу подходила его собственная Священная дорога из Афин. Новый Дом посвящений был вшестеро больше прежнего Анакторона с его портиком, достигнутого без малого тысячелетнего возраста. Что касается отправления культа, теперь этот зал заменил собою портик, а новое заднее помещение — давнее, в старом Анактороне. Оно и сохранило за собой это имя, а сам зал получил другое название — Телестерион, Дом посвящений. С той поры новый Анакторон уже не менял ни своего положения, ни размеров (3 x 12 м), тогда как Телестерион неоднократно перестраивался. В позднюю эпоху Анакторон — святилище, в которое нет доступа, — помещался свободно посредине Телестериона.

Портик маленького микенского Анакторона — возможно, именно там стояли мисты во время сокровеннейшей части таинств — был размером 4,5 x 2 м; большой зал для мистов при Солоне — 12 x 8 м, при Писистрате — 25 x 25 м, при Кимоне — 25 x 60 м, а при Перикле достиг приблизительно постоянных пропорций — 54 x 54 м. Писистрат вновь повернул главный фасад и вход к юго-востоку и обнес увеличившийся двор высокой стеной. Фактически лишь начиная с эпохи Солона третья часть таинств — Третья оргия — проходила в закрытом зале, в Телестерионе. В эпоху Перикла добавились два передних двора — внешний и внутренний; и наконец, Марк Аврелий выстроил четыре таких двора.

Солон не только выступил в поддержку Первой священной войны за Дельфы, но и воевал с соседним дорийским городом Мегарой за святыни Элевсина, а также за обладание Саламином, уже преследуя светские цели. Он строил Священную дорогу из Афин до Элевсина, а мегарцы еще раньше начали прокладывать из своего города такую дорогу со священными остановками; обе дороги должны были встретиться. Именно эта война —

оружием и строительством — позволяет осознать всю серьезность вмешательства Солона в архитектуру святилища. Его новаторство шло вразрез с древним культовым канонам, требованием ориентации построек по оси восток — запад. Преемник Солона Писистрат хотя бы устранил это нарушение.

Ниже по склону холма, к востоку-юго-востоку от первого храма, почти у наружного острия треугольного двора, окаймленного Писистратовой стеной, археологи обнаружили древний колодец. Мы полагаем, что о нем-то и рассказывает V гомеровский гимн: там сидела скорбящая Деметра, когда ее увидели дочери Келея. Колодец построен, безусловно, в глубокой древности — вероятно, в XVI веке до Р.Х. — и уже тогда выполнял культовые функции. Возводя свою стену, которая, собственно, должна была пройти прямо по шахте колодца и перекрыть ее, Писистрат, чтобы этого не произошло, сделал специальную нишу. Однако пользоваться колодцем стало, по сути, невозможно, и тогда был вырыт новый, хорошо сохранившийся по сей день "колодец Деметры" за пределами священного участка, слева от позднейшего входного портика — пропиленев, — неподалеку от храма Артемиды Привратницы, также относящегося к более поздней эпохе. Мегарцы построили аналогичный колодец и в память о цветущей лужайке, с которой Плутон похитил Кору, назвали его Анфион — Цветочный колодец.

В 160 году от Р.Х. Павсаний так описывал эту вторую Священную дорогу: "Вторая дорога ведет из Элевсина в Мегару. Если идти по этой дороге, то путникам встретится водоем, называемый Анфион. В своих поэмах Памф [догомеровский поэт. — Д.Л.] рассказывает, что у этого водоема сидела Деметра после похищения своей дочери в виде (простой) старухи; отсюда дочери Келея, приняв ее за (иноземку) аргивянку, отвели ее к матери, и Метанира таким образом доверила ей воспитание своего сына. Несколько в стороне от водоема — святилище Метаниры, а за ним — могилы [семерых аргивян. —

Д.Л.] ходивших походом против Фив. <...> За могилой аргивян находится памятник Алопы [Лисички. — Д.Л.], которая от Посейдона родила Гиппотоонта и (за это) на этом месте была убита своим отцом Керкионом [с которым пришлось сразиться и Тесею. — Д.Л.]. <...> Это место и до моего времени называется палестрой Керкиона <...> 31.

Относительно почитания Деметры в Мегаре Павсаний далее (1.39,5) пишет: "<...> город <...> был так назван при [доэллином] царе. — Д.Л.] Каре, царствовавшем на этой земле; они рассказывают, что тогда впервые у них были сооружены святилища Деметры, и люди называли их Мегарами. <...> А прежде он назывался Ниса".

По мегарской версии, первым иерофантом в Элевсине был, таким образом, сын Посейдона и Алопы. Погибнув, Алопа как бы разделила функции Персефоны, ибо оккультного Плутона публично зачастую именовали Посейдоном. Таблички из "микенского" Пилоса говорят о Посейдоне как о верховном боге, сходном с подземным Плутоном, однако вовсе еще не похожем на более позднего олимпийского Зевса. Мегарцы связывали с Элевсином такие древние мифы, какие позднее бытовали только в Аркадии.

В Аттике этому древнему мифу близок лишь цикл о Тесее; если мегарцы полагали родиной Деметры Аргос, то афиняне — Крит, где принял посвящение Тесей. Но в VI веке до Р.Х. афиняне уже давным-давно твердо усвоили мифологию Гомера и Гесиода, согласно которой Зевс, безусловно, главнее своих братьев и царит в одиночку. И если мегарцы почитали Гиппотоонта, сына подземной Алопы, как древнейшего иерофанта Элевсина, то у афинян эта Алопа была супругой элевсинского властителя полей, по имени Рар, а их трагический поэт Херил ок. 500 года до Р.Х. объявил первожреца Триптолема их сыном. Поля Рарион расположены возле дороги в Афины. Тем самым Мегара отсекалась уже и чисто географически³².

Наша реконструкция ночного ритуала опирается на все ступени архитектурного развития святилища, но прежде всего учитывает тот облик, какой оно имело с времен Перикла, то есть начиная приблизительно с 440 года до Р.Х. Тогда в западной части у колодца была площадка для открытых культовых танцев; в защищенной части существовали два двора, а также Дом посвящений — Телестерион. Особое место — "междворье" — было отведено для промежуточного эпизода. Третья оргия проходила в Телестерионе; Четвертая по содержанию повторяла другие, а физически представляла собой возвратный путь. В 170 году от Р.Х. Марк Аврелий выстроил для каждого эпизода особый двор, так что в последний период рядом с Домом посвящений располагались четыре двора. Предшественником этих пяти "подмостков" вплоть до VII века до Р.Х. был один-единственный незащищенный двор юго-восточнее малого храма; Писистрат, возведя стену, защитил его и придал ему постоянную форму. Именно там проходили Первая, Вторая и Четвертая оргии, тогда как Третья первоначально разыгрывалась, вероятно, в преддверии храма, а позднее уже в Телестерионе.

Георгиос Милонас, последним ведший раскопки в Элевсине и пользовавшийся непререкаемым авторитетом, считает итоги раскопок на священном участке скудными с точки зрения содержательности: "хотя там был перевернут каждый камень", священное празднество и его культовый смысл остались неизвестны. "С ранней юности, — пишет он, — я пытаюсь доискаться, что же там некогда происходило. Надежды таяли одна за другой, потому что каменных свидетельств не было. Много ночей я стоял на ступенях Телестериона, купаясь в волшебном-серебряном сиянии луны, и надеялся услышать голос посвященных, надеялся, что человеческая душа все же сумеет уловить искорку сокрытого от рассудка. Увы! Древность упорно хранит свою тайну; Элевсинские мистерии разгадать невозможно"³³. А

чтобы дать чувству хоть какую-то зацепку, он сравнивает их с воскресным причастием в Православной церкви.

По правде говоря, Милонас напрасно падал духом. Внешние свидетельства раскрывают многое — надо лишь знать их духовное окружение. Вполне обоснованно Милонас сетует только на то, что его жившие в прошлом веке наставники — филолог-классик фон Виламовиц и археолог Нильссон — были духовно далеки от сего предмета. И тот и другой при всей своей учености и славе страдали слепотой, что обнаруживается и в их суждениях о не столь древних и более доступных свидетельствах. Так, они писали объемистые труды о Платоне и древнегреческой религии, но сами не были ни мыслящими платониками, ни людьми мало-мальски религиозными. Милонас унаследовал их позитивистскую беспомощность, которая заметна и в его трактовке лишь иррационально любимых им таинств: например, он сравнивает начальное шествие мистов в Фалер, к морю, под возгласы "halade mystai", с нынешним автомобильным потоком в летний выходной день³⁴ или же привлекает для сопоставления обряды Православной церкви (мы тоже находим это бесполезным), однако решительно отказывается обратиться за помощью к современной древним таинствам орфике вкупе с ее сохранившимися гимнами, ибо "орфики были шарлатанами" — оценка, заимствованная у Ульриха фон Виламовица, который был духовно глух к тому миру³⁵.

Милонасу отнюдь бы не помешало наряду с блестяще проведенными раскопками изучить не только возникновение греческой и латинской литургии³⁶, но воспользоваться и орфическими гимнами, которые почти на тысячу лет старше, как духовными провожатыми к таинствам; ведь их исключение равнозначно историческому подлогу. С освоением этих источников раскрываются многие другие, что мы надеемся показать, в частности, на примере нашей реконструкции мистерий.

Надписи

Некоторые надписи в Элевсине сообщают нам очень древние имена богов. Конечно, интерес представляют не все надписи; иные из них, относящиеся к поздней империи, содержат лишь сугубо частные факты. А вот имена богов всегда говорят весьма многое. Например, одна из древних надписей требует по обряду: "Козу купно для Деметры, Гекаты и Харит"³⁷. Поскольку Элевсинии не допускали кровавых жертв, речь здесь идет, видимо, о примыкающем к ним открытом празднике Фесмофорий. Что же до таинства, то мы можем узнать из этой надписи по крайней мере имена божеств, причем особое внимание следует обратить на Харит, ибо они указывают на стилистику обрядов, которой была совершенно несвойственна жестокость прочих мистерий; мы называем эту стилистику "обращение к музам".

Другие надписи содержат указания на открытые военные игры, предварявшие таинства и тоже именовавшиеся Элевсиниями. Так, одна из надписей ок. 500 года до Р.Х. перечисляет жертвы, которые полагалось принести накануне этих игр: "Трехлетний бык обоим богиням [Део и Коре] и Плутону Долиху; по одному барану Триптолему, Телесидрому ["священному бегуну", то есть Евбулею. — Д.Л.], Артемиде, Посейдону, Харитам, Гермесу и Гее"³⁸. Тех же богов Аристокфан рекомендует для поклонения женщинам на афинском празднике Фесмофорий³⁹. Пятый гомеровский гимн VII века до Р.Х. относит такие военные игры не к сентябрю или октябрю, как сообщает надпись, а к весенним месяцам, видимо к февралю. Но маловероятно, чтобы они происходили дважды в году. Проведение игр весьма существенно с точки зрения духовного смысла мистерий, и в свое время мы остановимся на этом подробнее.

Каменные свидетельства

Первый двор внутреннего святилища располагал нижними и верхними подмостками. Внизу стоял "камень скорби", сиденье Деметры, перед которым плясала нагая служанка Ямба-Баубо. Вероятно, она выплясывала перемену обличий, движение вспять от человека и животного вниз к змее. Под конец у нее в руке было яйцо, которое она протягивала богине. Этот дар надлежало поместить в середину круглого камня со множеством выемок — для раздельного принесения в жертву всевозможного зерна. Лишь это яйцо вызывало у старухи улыбку.

Пещеры элевсинских Матерей

Второй эпизод разыгрывался на подмостках возле холма, откуда дорога вела направо вглубь, к древним пещерам около заслоняющего их небольшого храма Диониса. Слева, уже на самих подмостках, стояла герма — четырехгранный каменный столп с головой Гермеса.

Остановки открытой Священной дороги из Афин — не доходя до первой речки Кефисс — являют параллельно этому поле Деметры, "skira" (отсюда мисты наблюдали танец Ямбы на мосту), а затем справа за речкой — камень Плутона (Зевса Мэлихия), опять-таки указывавший на небольшой храм перед древним двойным гротом. На

верху Пестрой горы* находилось святилище Аполлона Хранителя Прямостоящего Образа Человеческого, и, как в Дельфах, оно имело связь с мастером превращений Дионисом. Возле гермы наша реконструкция мистерий помещает сцену бичевания, а в финале — висящий скелет.

Место бросания камней

Побиванию камнями как побочному действию отведено место на особом дворе, который император Марк Аврелий выстроил специально для этой цели в 170 году от Р.Х. Археолог Милонас называет это место, расположенное к северо-западу от Телестериона, западным двором⁴⁰. Там было крутое возвышение, удобное для скатывания камней; внизу проходил глубокий ров — он защищал мистов, хотя они толком его не видели. Прежде, начиная с 540 года до Р.Х., роль подмостков, скорее всего, выполнял впоследствии скрытый выступ холма у дороги, соединяющей дворы.

Обрядный характер побивания камнями удостоверяет священный обычай, существовавший, согласно Павсанию (II.32,2), в Трезене (Тройзене). Там почитали двух побивенных камнями девушек-критянок — Дамию и Авксесию, — в честь которых был установлен ежегодный всеобщий праздник под названием Литоболия, или "Бросание камней". Имена девушек недвусмысленно указывают на Деметру (Da-mater) и Персефону, которая в таинствах является и как Авксесия, "сияющая". Афиней Навкратийский (200 г. от Р.Х.) упоминает одноименный афинский праздник⁴¹; точно так же Гесихий (VI в. от Р.Х.) в своем лексиконе старинных слов толкует "balletus", или "броски", как название аттического праздника.

Если мистерия в целом, по Апулею (XI.21,7), есть "уподобление добровольной смерти", то, собственно, по-настоящему умирают, лишь покидая первый двор, после Первой оргии. Тогда Мать полей, кормилица Деметра ста-

* См. у Павсания "гора Пойкила".

новится Антеей, "жуткой"; если ориентироваться по Гесиоду, Деметра здесь, видимо, отождествляется со своей матерью Реей.

Западный фронто дельфийского храма Аполлона изображает швыряющих камни гигантов, которые пытаются штурмовать Олимп. Эта картина не раскрывает ничего касательно Аполлона, скорее она связана с "совладельцем" храма, Дионисом, и показывает, как поражают богов дня боги ночи, претворяющие в реальность угрозу дионисийских таинств; как говорит Апулей: "...весь звездный свод в Тартар низринет" (II.5,4). Царица подземного мира является людям противоположным образом — так, безвестный Филокос молит Деметру Антею: "Верни Персефону обратно, под звездные своды!"⁴²

Места, где происходили оргии

Со времени Писистрата Вторая оргия разыгрывалась в старом дворе перед храмом Владычицы, Анакторона, где в древнейшую эпоху совершались все фазы мистерий; мы назовем его *внутренним двором*. Открытый портик с восточной стороны здания первоначально, по-видимому, служил подмостками. В 596 году до Р.Х. Солон перенес вход Дома посвящений на северную сторону, куда подходила Священная дорога из Афин. Таким способом он "отключил" вторую Священную дорогу, из Мегары. Шестьдесят лет спустя Писистрат уже мог не опасаться конкуренции; расширив здание, он развернул его в прежнем направлении, приблизительно по оси восток — запад. Лишь святая святых, Анакторон, сохранил ту же форму и положение, что и при Солоне. В 440 году до Р.Х. Перикл только еще раз увеличил Дом посвящений.

Мы пытаемся описать обряд так, как он мог проходить в постройках эпохи Перикла. Вторая оргия имела место во внутреннем дворе шириной 70 м и глубиной 30 м и на подмостках в форме возвышенного портика шириной 50 м и глубиной 12 м, где с 310 года до Р.Х. находилось двена-

дцать колонн⁴³. При Писистрате во внутреннем дворе были воздвигнуты два алтаря — по одному "для матери и для дочери"; Перикл эти алтари убрал. Поскольку необходимо было пространство для мистов, жертвоприношения целиком переместились на площадку перед зданием.

Соответствующая остановка на Священной дороге, возле Рэт, напоминала о войне элевсинцев с афинянами, в которой обе воюющие стороны потеряли своих царей.

Третья оргия до Солоновой перестройки святилища примерно с 600 по 596 год до Р.Х. происходила, как и все прочие оргии, в единственном дворе перед древним Анактороном. Прежде всего Солон выстроил для мистов закрытый зал, Телестерион, который и предназначался для Третьей, самой сокровенной оргии. И новый Анакторон примыкал к внутренней стороне его заднего фасада. Обойти зал вдоль стен стало невозможно. Стало быть, как и раньше, процессия должна была двигаться вокруг здания снаружи, и этот этап был своего рода прологом, пока около 440 года до Р.Х. Перикл не выстроил огромный Телестерион, где Анакторон занял срединное положение. Теперь шествие снова могло войти в состав Третьей оргии. Такой вид постройки святилища сохраняли вплоть до их окончательного разрушения в 396 году от Р.Х.

Внутренность Анакторона ни разу не подвергалась изменениям. От начала и до конца там располагался очень низкий круглый жертвенник из кирпича, точь-в-точь такой же, как домашний очаг микенской знати II тысячелетия до Р.Х. На протяжении эпох на этом алтаре во время Третьей оргии горел огонь, в котором мальчик-прислужник курил ладаном.

Священная дорога с ее молотильным двором, деревом гнева и "часовней" (жертвенником) Триптолема свидетельствует о содержании Третьей оргии. А открытый для всех костер на площадке для танцев был предвестником сокровенного огня в Анактороне. Тайное жертвоприношение животного и тем более человека совершенно ис-

ключено, ведь и в преддверии святилища сжигали только хлебные лепешки.

О Четвертой оргии многое можно узнать опять-таки из истории поздних построек: после набега костобоков, разрушивших весь храмовый комплекс, император Марк Аврелий (161 — 180) в 170 году от Р.Х. отстроил не только западный двор для побивания камнями, но и высокую террасу за Телестерионом. Эта дополнительная площадь для собраний подтверждает, что Четвертая оргия разыгрывалась не в Телестерионе — император праздновал ее наверху.

Небольшие храмы — 11 x 14 м и 18 x 25 м — подкрепляют наше толкование роли террасы. Археологи связывают эти храмы с императрицами Фаустиной и Сабинной⁴⁴. Еще гораздо раньше обе они были обожествлены как "новые Деметры". Со 140 года Фаустине был посвящен храм на Священной дороге в Риме; элевсинский ее храм выходил на конечную, внутреннюю часть Священной дороги, где мисты от веку лицезрели Промежуточную оргию. Храм смотрел на вынужденно узкую (20 м), зато очень длинную новую террасу. Возле этого здания сидела она во время Четвертой оргии как "примиренная Деметра", в белых одеждах, встречая мистов и посылая в мир Триптолема, героя-земледельца.

С Перикловой эпохи эта сцена происходила в верхней части внешнего двора, справа, перед древней пещерой. Процессия выходила из Телестериона через портик главного, восточного фасада и возвращалась туда же, где ее встречала примиренная уже Деметра; мисты тем временем стояли в нижней части двора.

В остановках Священной дороги из Афин Четвертая оргия никак не отражалась; по этой дороге мисты разве что возвращались утром после таинств из Элевсина домой. Впрочем, и на обратном пути остановки Священной дороги не могли оставить их равнодушными — вот так же и Четвертая оргия, которая опять вела мистов по "театру" трех предшествующих оргий, как бы собирала душевные их плоды.

Римские властители

Строили в святилище "обеих богинь" Элевсина всегда по приказу властителей. Последними из греков, как сообщает римлянин Витрувий (VII. 17), были Перикл (ок. 430 г. до Р.Х.) и Деметрий Фалерский (ок. 310 г. до Р.Х.). Спустя 300 лет их примеру последовали римляне: Аппий Клавдий Пульхр, консул 54 года до Р.Х. На следующий год, став проконсулом Ахайи, он планировал выстроить величественные пропилеи (преддверие), ведущие на священную территорию; об этом мы узнаём из надписи на постройке. Однако же план Пульхра, согласно завещательному распоряжению, лишь много лет спустя осуществил его племянник. То, что мы видим ныне, создано Марком Аврелием. Цицерон, который в 51—50 годах до Р.Х. был проконсулом Киликии, одновременно имея и административную власть над Афинами, соперничал со своим предшественником Клавдием Пульхром, когда вознамерился пожертвовать аналогичное преддверие Платоновой Академии. Так он, во всяком случае, писал в Рим своему другу Помпонию Аттику⁴⁵; но выполнить это намерение Цицерон не успел. Тридцатью пятью годами раньше, в 86 году до Р.Х., во время войны с Митридатом Сулла взял Афины, союзные Митридату, перебил население и наряду со многими другими архитектурными сооружениями разрушил и Академию. А ведь для образованных римлян вроде Цицерона только она и была сравнима со святилищем элевсинских "обеих богинь". Элевсин Сулла пощадил. Как сам этот факт, так и сопоставление с Академией показывают, сколь высокое место занимало элевсинское святилище в римском сознании.

Издатель Цицерона, Тит Помпоний Аттик, настоятельно советовал великому писателю как проконсулу провинции Ахайи в 57 году до Р.Х. освободить Элевсин от действующего повсюду в Римском государстве запрета на ночные культы, причем не просто смотреть сквозь пальцы на их отправление, но отменить запрет официальным рас-

поряжением. Принятый в 186 году до Р.Х. закон "Senatus consultum de bacchanalibus"* разрешал только пятерым мужчинам или семи женщинам устраивать ночное таинство без присутствия заранее приглашенного платного римского магистрата. Цицерон так ответил другу Аттику: "<...> если твои любимые Афины, по моему мнению, создали многое исключительное и божественное и сделали это достоянием человека, то самое лучшее — те мистерии, благодаря которым мы, дикие и жестокие люди, были перевоспитаны в духе человечности и мягкости, были допущены, как говорится, к таинствам и поистине познали основы жизни и научились не только жить с радостью, но и умирать с надеждой на лучшее⁴⁰ .

Поскольку после персидских войн афиняне решили впредь не допускать варваров в Элевсин⁴⁷, Цицерон оправдывал силой введенный здесь Римом в 146 году до Р.Х. обычай считать римлян, говорящих по-гречески, эллинами. Знание греческого было необходимо оттого, что вне языкового понимания мистерии оставались практически непостижимыми, ибо, согласно Плутарху (ок. 45 — ок. 125), они состояли ни много ни мало из трех элементов: *dromena*, или действий, для чего требовалось знание соответствующих мифов; *legomena*, или речей, и *deignymena*, или явленных символов⁴⁸.

Чужеземные властители не всегда относились к Элевсинским мистериям с тем благоговением, которое было свойственно проконсулам Клавдию Пульхру и Цицерону. Когда в сентябре 335 года до Р.Х. Александр Великий разрушил город Фивы, элевсинский иерофант имел мужество в знак протеста отменить таинства, но уже спустя тридцать лет (в 304 году до Р.Х.) афиняне уступили самым что ни на есть святотатственным притязаниям "погубителя городов" Деметрия касательно мистерий. Ведь в 323 году, после смерти Александра, Афины взбунтовались против македонского наместника Кассандра, однако не

* Постановление сената о вакханалиях (лат.).

** Перевод В.О. Горенштейна.

смогли противостоять его превосходящим силам и обратились за помощью к Деметрию, который привел флот и пешие войска из Сирии и Киликии. Сразу же по прибытии он расположился на акрополе, в храме девы Афины. Народ волей-неволей постановил: "Все, что ни повелит царь Деметрий, да будет непорочно в глазах богов и справедливо в глазах людей"⁴⁹. После того как был избран на Истме "вождем Эллады", Деметрий в апреле направил в Афины послание, из которого Плутарх приводит следующую выдержку: "<...> немедленно, как только прибудет, желает пройти посвящение в [Элевсинские. — Д.Л.] таинства, причем весь обряд целиком, от нижней до созерцательной ступени, намерен постигнуть сразу". Это требование шло вразрез со священными законами святыни, которые позволяли проводить Малые мистерии только в феврале, а Великие — только в сентябре—октябре, притом лишь через полтора года после Малых.

В начале апреля послание Деметрия огласили в народном собрании, и один только элевсинский жрец-дадук — звали его Пифодор — рискнул возразить, но безуспешно. По предложению некоего Стратокла собрание решило переименовать текущий месяц *мунихион* (апрель) сначала в *анфестерион* (февраль), а затем — в *боэдромион* (октябрь). Стало быть, в угоду Деметрию Великие и Малые мистерии отпраздновали разом и не ко времени. Деметрий принял звание эпопта, или "созерцателя", которое приобреталось обычно *de facto*, большей частью лишь после повторного участия и без права титулования. Тогда-то Филиппид написал в укор автору предложения: "Годичный целый срок в единый месяц сжал", а о царе: "Святой акрополь наш в харчевню превратив, к Афине-деве в храм распутниц он привел"⁵⁰. Это самопоругание Афин случилось в 304 году до Р.Х.; Рим не совершал там столь тяжких святотатств.

Первым могущественным римским властителем, явившимся в Элевсин, был Сулла, который побывал там в 85 году до Р.Х., во время войны с Митридатом, на об-

ратном пути в Италию. Через семь лет (в 78 году до Р.Х.) полководец скончался. Плутарх рассказывает: когда Сулла разорил всю Азию, Эфес, Дельфы и Афины, "его посвятили в [Элевсинские. — Д.Л.] таинства, и он забрал себе [в Афинах. — Д.Л.] библиотеку теосца Апелликона, в которой были почти все сочинения Аристотеля и Теофраста, тогда еще мало кому известные. Когда библиотека была доставлена в Рим, грамматик Тираннион, как рассказывают, многое привел в порядок, а родосец Андроник, получив от Тиранниона копии привезенных книг, обнаружил их и составил указатели, которыми пользуются и поныне. Старшие же перипатетики сами по себе были, видимо, людьми умными и учеными, но из сочинений Аристотеля и Теофраста знали, кажется, немного, и то не слишком хорошо, потому что наследство скепсийца Нелея, которому Теофраст оставил свои книги, досталось людям невежественным и безразличным к науке"⁵¹. Ученый римский грек Тираннион в 55 году до Р.Х. выкупил их из наследства диктатора у сына Суллы Фавста. Только через пятьдесят лет после смерти Суллы, при Августе, можно было свободно купить их и прочесть. Судьба этих свидетельств о школе великих философов связана с Элевсиниями потому, что сам Платон сравнивал свою школу с Великими мистериями как с внутренне наиболее родственным им духовным институтом, и потому, что его ученик Аристотель посвятил этим таинствам отдельный труд, ныне, увы, утраченный.

Правители Аттики, судя по всему, отношения к Элевсинским мистериям не имели; в эту категорию попадают и противник Суллы Митридат VI Понтийский, и римляне Марий (158—86 до Р.Х.), Помпей (106—48 до Р.Х.), Цезарь (102—44 до Р.Х.), Антоний (ок. 83—30 до Р.Х.) и, как ни странно, даже умница Тиберий (42 до Р.Х. — 37 от Р.Х.). Его предшественник Октавиан, которого весь мир называет ныне императором Августом (44 до Р.Х. — 14 от Р.Х.), при первой же возможности, то есть сразу

после морской победы над Антонием (2 сентября 31 г. до Р.Х.), принял в Элевсине посвящение в законные сроки⁵².

Нам неизвестно, был ли император предварительно, как полагается, посвящен в Малые мистерии; это маловероятно. Позднее он весьма вольно обращался со сроком Великих мистерий. Так, летом 19 года до Р.Х., отдыхая на Самосе, где его посетило посольство индийского царя Пора, он решил показать чрекеземцам нечто особенное, причем такое, что бы они сумели оценить; он, конечно, имел в виду высокообразованного брахмана (по-гречески *гимнософиста*) Зармара. Август повез Зармара в Афины и распорядился летом отпраздновать Элевсинии. Вскоре после этого Зармар взшел на собственноручно сложенный костер и совершил акт самосожжения. Надпись на его надгробии гласит, что, поступив так, он достиг бессмертия⁵³. Индус прозрел таким образом высокий дух этих таинств и удостоверил, что их цель раскрывается в огне, а искомый результат есть бессмертие. Только насильственная жестокость поступка Зармара безусловно в корне противоречила греческому и особенно элевсинскому "обращению к музам"; кроме того, как говорит Платон⁵⁴, закон Элевсинских таинств запрещал самоубийство.

Император Тиберий Клавдий (41 — 54), проводя политику религиозной централизации, пытался перенести в Рим и Элевсинии⁵⁵, однако безуспешно; лишь позднее это осуществил Адриан. Стоик Эпиктет (50 — 120) — до 92 года он преподавал в Риме, а затем, отправленный Домицианом в ссылку, в Никополе, на западе Греции, — выступал против такого переноса, имея перед глазами пример Адриана, в уста которого он вкладывает следующие слова: "В Элевсине есть Священное здание; и здесь [в Риме. — Д.Л.] тоже теперь есть такое. Там элевсинские жрецы свидетельствуют, что иерофант Леосфен — вопреки уставу он называет свое имя — после Адриана за один год на двух празднествах отдельно посвятил императоров Антонина Пия (138—161) и Луция Вера (161—163), которого принял также в родовой союз Евмолпидов; вероятно, это означает, что Луций Вер был наделен званием иерофанта. То же самое произошло,

там? — [Эпиктет:] Безбожник! К чему все это, если дело происходит не в надлежащее время и не в надлежащем месте? Только после надлежащей жертвы, после надлежащих молитв и только если человек заранее полностью осознает, что приближаются священные встречи, притом священные с древнейших времен, — только тогда от таинств есть польза"⁵⁶.

Среди многочисленных императоров, посещавших Грецию после Августа, в Элевсине не побывал матереубийца Нерон, который путешествовал по Элладе в 66 году. Вероятно, он страшился "обеих матерей" и предостережения элевсинского вестника, адресованного мистам, которые виновны в кровопролитии. Так или иначе, Нерон объехал Элевсин стороной, тогда как в других местах появился, а праздники самых разных сроков повелел совместить в один год⁵⁷. Флавии — Веспасиан, Тит и Домициан, — а после них Нерва и Траян интереса к мистериям не выказывали.

Адриан (117 — 138) совершал таинства сам как иерофант, признанный Элевсином, — сначала там же, в Элевсине, а на склоне лет — дважды (в 131 и 137 году) на своей вилле в Тиволи. В 111 году он, занимая пост командующего афинским гарнизоном, или архонта, принял великие посвящения⁵⁸; повторно он принял их, уже став императором, в 135 году⁵⁹, но не в 128 году во время визита в Афины, поскольку этот визит состоялся не в надлежащем месяце. Адриан лишь распорядился тогда строить названные его именем новые городские кварталы к юго-востоку от акрополя, а на Священной дороге — мост через Рэты.

Там элевсинские жрецы свидетельствуют, что иерофант Леосфен — вопреки уставу он называет свое имя — после Адриана за один год на двух празднествах отдельно посвятил императоров Антонина Пия (138—161) и Луция Вера (161—163), которого принял также в родовой союз Евмолпидов; вероятно, это означает, что Луций Вер был наделен званием иерофанта. То же самое произошло,

наверное, и с императором Коммодом (180—192), ибо элевсинская надпись гласит: Меммий в жреческом сане *эпибомия* участвовал в посвящении императоров Луция Вера, Марка Аврелия и Коммода⁶⁰. Итак, после Траяна все приемыши-императоры становились элевсинскими адептами, а следом за императорами в Элевсин потянулось великое множество людей, подобного которому не было никогда — ни до, ни после.

Последние строительные работы и расширение святилища предпринял император Марк Аврелий (161—180). Балканские варвары-костобоки вторглись в 166 году от Р.Х. в незащищенное святилище, разграбили и сожгли храмы. Император восстанавливал, расширял и укреплял их вплоть до 174 года. Как раз в то время возникли ворота, арку которых по сей день украшает скульптурная голова Марка Аврелия. Размером они меньше прежних пропилеев и стоят на их месте. Внутри к давним постройкам добавились два новых двора и два отдельных храма — знаки проникновения сюда императорского культа. Государство открыто проникло во владения богов; впрочем, тогда это не считали ни столь щекотливым, ни предосудительным, как полагаем мы теперь. Император обеспечивал целостность государства и терпимость в сфере сосуществования всех языческих культов.

Отстроив новый Телестерион, Марк Аврелий принял там в 176 году посвящение в Великие таинства и удостоился жреческого сана *литобол* ("бросатель камней"). Кроме того, император сделался главой одного из двух семейств элевсинских жрецов — *кериков*, или вестников-глашатаев, что, возможно, сопровождалось дополнительными, чрезвычайно сокровенными посвящениями. Далее, он — второй и единственный после Адриана властитель, — как и иерофант-глава второго жреческого семейства, получил право доступа во внутреннее помещение, Анакторон⁶¹. Таким образом он сосредоточил в своих руках власть обоих верховных жрецов, что противоречило законам здешнего культа. И сколь ни ценим мы этого

императора, неоспоримо, что в Элевсине он преступил священный кодекс. Подлинное несчастье явилось в лице его сына, императора Коммода (176—192), человека взбалмошного, сумбурного, который присвоил все отцовы почести и тем самым сделал упадок святыни достоянием гласности.

Уже говоря об Адриане, отличавшемся большой умеренностью, христианин и чуждый всякого фанатизма Ориген (185—254) вопрошал: "Что же за бог был этот дружок божественного императора, по имени Антиной, в честь которого назван город в Египте, а вдобавок под его именем и защитой проводятся мистерии, дающие прорицания?" Когда Антиной утонул в Ниле, Адриан установил его бюст в преддверии элевсинского Телестериона. Ориген продолжает: "Шайка обманщиков, желая выслужиться перед царем или князем, как будто бы подняла этого [Антиноя. — Д.Л.] до бога"⁶². А Коммод, когда выступал в таинствах в той же роли, что и его отец, якобы не просто грозил некоему человеку мечом, как положено по обряду Третьей оргии, но убил его по-настоящему и нарочно⁶³.

"Солдатские" императоры, сменившие Коммода, в Элевсине уже не появлялись. Вместе со своими армиями они отдавали предпочтение претендующим на исключительность персидско-парфянским мистериям Митры. Впоследствии благоволил Элевсинским таинствам лишь образованный Галлиен (253—268). Духовная субстанция священного места к тому времени уже разрушена. Даже общая реставрация при Диоклетиане (284—305) уже не привлекла туда большого наплыва паломников.

О распущенности жречества рассказывает позднеязыческий автор Евнапий около 400 года от Р.Х. в своем труде "Жизнеописания философов и софистов" (7,3). Мистерии Митры, пишет он, имели высшую степень, которая именовалась "отец", и запрещали ее носителю посвящение в другие таинства; это правило нарушил последний элевсинский иерофант, сделавший себя главою обоих куль-

тов. Для низших степеней посвящения культ Митры тоже отгораживался от иных культов, равно как иудаизм и христианство.

Последним властителем, определенно принявшим посвящение в таинства Митры как один из "отцов" и, вероятно, в Элевсинские мистерии тоже, был Юлиан Отступник (355—363). Письма императора и вышеупомянутый Евнапий из Сардов (345—414) рассказывают, что по-христиански воспитанный в доме Константина Великого Юлиан девятнадцатилетним юношей (351 г.) был посвящен в Эфесе своим учителем, философом Максимом, в приватные таинства Гекаты. Такие проводившиеся в узком кругу праздника называли теургиями. Юлиан жил в Эфесе среди философов-неоплатоников, для которых Ямвлихов «Комментарий к "Халдейским оракулам"» играл роль Евангелия. Все совершавшиеся в ту пору таинства — в честь Кибелы, Вакха, Исиды или Митры — эти неоплатоники воспроизводили в малом масштабе. Лишь Элевсин был для них светочем слишком далеким. Хотя Юлиан впоследствии и называл Ямвлиха своим иерофантом, его преемника, философа Сократа — своим дадухом, а философа Максима — своим мистагогом⁶⁴, это была уже чисто платоническая фигура речи, не имевшая никакой связи с культом.

Если Юлиан не принял посвящение в таинства Митры в Эфесе, то уж наверняка был посвящен в Паризиях, куда его направили в 355 году наместником в звании цезаря. Начиная с 360 года в письмах он называет Гелиоса-Митру своим заступником. В сан общеимперского "отца" его возвели в 361 году, когда он уже был константинопольским самодержцем. У себя во дворце Юлиан ежедневно отправлял культ Митры как литургию — то в качестве священнослужителя, то в качестве слушателя⁶⁵.

С мая по октябрь 355 года он, однако же, учился в Афинах и нашел там наставников, связанных с Элевсином. Один из них, Гимерий из Прусы, был женат на дочери тогдашнего дадуха. Любознательный Юлиан, ра-

зумеется, свел знакомство со всеми элевсинскими сановниками; по косвенным данным — с иерофантом в том числе. Ведь когда пятью годами позже Юлиан выступал против своего правящего кузена Констанция II, он пригласил элевсинского иерофанта в Паризии, чтобы посоветоваться с ним как с оракулом, а затем взял его с собой в поход до самого Нэсса (Ниша в современной Сербии). Там их застала весть, что Констанций скончался и двор признаёт Юлиана августом, или самодержцем. После этого новый император отослал иерофанта с многолюдной почетной свитой назад в Элевсин⁶⁶. И если Юлиан был посвящен в таинства Митры лишь в Паризиях, то напрашивается предположение, что в октябре 355 года он стал элевсинским мистом.

Закат мистерий

После недолгого правления Юлиана (361—363) на престол вззошел христианин Флавий Иовиан, человек из высших чиновничьих кругов Византии. Уже в 364 году власть принял его преемник — фанатичный кафолик* и воин Флавий Валентиниан I (364—375), большей частью живший в Трире. До Элевсина оттуда было далеко. Но, выступая против христиан-донатистов и недавно возникшего манихейства, он тем резче обрушивался на "эллинов" (язычников). Древнеримский закон 186 года до Р.Х. "Senatus consultum de bacchanalibus" вновь обрел силу. Элевсинии угодили в разряд вакханалий и подверглись бы искоренению еще тогда, если бы не проконсул провинции Ахайя, римский сенатор-старовер по имени Веттий Претекстат. Как сообщает греческий историк V века Зосим, Веттий написал императору, что без Элевсиний жизнь для эллинов не имеет ценности. После этого император отказался от намерения вводить там данный закон⁶⁷. Через девять лет, в 384 году, в Риме патрицианка Акония Фабия Паулина завещала выбить на ее надгробии надпись, обращенную к супругу:

Ты, набожный мист, хранишь в ларце твоею сердца дары священных таинств. Силою священных наставлений ты избавил меня от участи смерти.

В Малые таинства ты посвятил меня, тем даруя мне честь принять наконец и посвящения в Великие мистерии Элевсина⁶⁸.

Веттий и Акония принадлежали к римскому окружению высокообразованного "язычника", римского префекта Симмаха (ок. 345—402)⁶⁹, который впоследствии безуспешно добивался от Валентиниана II (375—392), опять-таки пребывавшего главным образом в Трире, вновь установить в римской курии имперский символ — древнюю статую боги-

* Утверждение о фанатичности Валентиниана I достаточно спорно и разделяется не всеми историками.

ни Победы, убрannую оттуда по приказу императора. Его предшественником в должности префекта Галлии, к которой в те годы относили собственно Галлию, Испанию и Мавританию, был Амвросий, ставший позднее епископом. Этот Амвросий и одержал тогда победу над Симмахом.

Христианская Византия обошлась без запрещения Элевсинских мистерий: император Аркадий (395—408) отдал святилище на разграбление королю вестготов Алариху, который в 396 году шел через Балканы. Десять лет спустя "эллин" Евнапий так описывает эти события: "Имя тогдашнего иерофанта я назвать не вправе [согласно священному уставу. — Д.Л.]. Посвятивший и меня, он происходил из рода подлинных Евмолпидов и предвидел разрушение святилищ и гибель Греции. В моем присутствии он предсказал, что после него будет всего лишь один иерофант, притом такой, которому вообще даже касаться нельзя трона иерофантов. Ибо еще раньше он принял посвящение в таинства других богов [Митры. — Д.Л.] и давал страшную клятву вовек не становиться во главе иных церемоний, кроме посвященных Митре. И все же он будет верховным жрецом Элевсиний. Не Евмолпид и даже не аттический гражданин... Святилища — так далеко простиралось предвидение пророка, моего иерофанта, — подвергнутся разрушению еще при жизни вероломного и прошлого преемника. Тот увидит все своими глазами. Позднее он будет презираем всеми за безмерное тщеславие [жажду обладать сразу двумя жреческими должностями. — Д.Л.] и, лишившись всех почестей, вскоре умрет. — Так и вышло на самом деле: едва этот человек из беотийских Фестий, уже имевший сан "отца" в таинствах Митры, стал иерофантом [в Элевсине. — Д.Л.], как через Фермопилы в страну вторгся Аларих со своими ордами, быстро, точно на состязаниях по бегу. Монахи в темных одеждах указывали ему дорогу. — Святилище погибло, оттого что сам недостойный иерофант нарушил священный устав"⁷⁰.

II. Предварительные рассуждения

Звезды, мифы и созерцательные образы

Звезды у нас над головой были упорядочены в созвездия эллинами I тысячелетия до Р.Х. — того периода, который мы называем классическим; они в свою очередь заимствовали этот порядок у шумеров III тысячелетия до Р.Х. Заметьте различия между наукой и религиозным мифом вплоть до эллинов VII века до Р.Х. не существовало: религия с ее таинствами и чувственная видимость на земле и на небе пребывали в полной гармонии. Поэтому имена созвездий дают нам сведения даже о древних, сокровенных таинствах.

Каждый год солнце проходит через двенадцать разных по величине созвездий, образующих в совокупности так называемый Зодиак. С точки зрения культа — и астрологии — эти созвездия представлены двенадцатью равновеликими знаками. Каждый из них занимает одну двенадцатую часть круга. Каждый месяц года имеет свой определенный знак, причем смена знака приходится ныне на 21-е дни месяцев. Такой круг, отмеряемый от 21 марта, сохраняется чуть более 2000 лет. Затем солнце отстанет на один знак. Теперь, вот уже около 1000 лет, оно восходит в знаке Рыб. Поскольку же созвездие Рыб необычайно велико, физико-астрономически солнце стоит в знаке Рыб уже 2000 лет, что с позиций культа, религии и астрологии не имеет значения; там важен лишь знак.

В этом смысле примерно с 3000 до 1000 года до Р.Х. "правил" знак Тельца, а с 1000 года до Р.Х. и до 1000 года

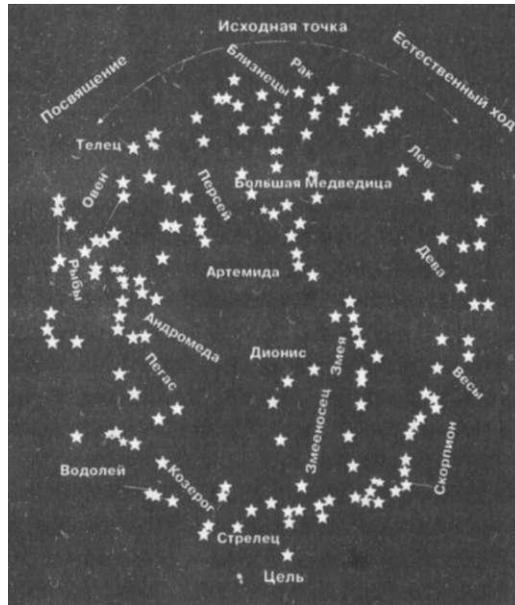
от Р.Х. — знак Овна. Элевсинии относятся к числу праздников, средоточием которых является богиня Афродита, чей священный день, 24 апреля, при установлении таинств в XVI веке до Р.Х. находился под знаком Близнецов, — значит, в ту пору Элевсиниями управляли Афродита и Близнецы.

Сезонные сроки праздников всегда были одни и те же и ориентировались по трем *Горам* — весне, сухому жаркому лету и дождливой зиме. Весна продолжалась с 21 февраля по 20 июня, лето — с 21 июня по 20 октября и зима — с 21 октября по 20 февраля. Каждый месяц состоял из трех декад. Первая декада отводила по одному дню каждому из важных божеств. Когда случались культовые погрешности или служение некоему божеству надлежало углубить посредством таинств, для этой цели использовали тот же по порядку день следующей декады, так что 1-м, 11-м и 21-м днем всякого месяца распоряжалось одно и то же божество, равно как и 2-м, 12-м, 22-м и т.д.

Созвездия и знаки годичного пути солнца в легко запоминающейся форме называет латинское двустишие, начинающееся, согласно своей эпохе, с Овна:

sunt	♈	♉	♊	♋	♌	♍
aries	taurus	gemini	cancer	leo	virgo	
Овен	Телец	Близнецы	Рак	Лев	Дева	
	♎	♏	♐	♑	♒	♓
libra-que	scorpius	arcitenens	capet	amphora	pisces	
Весы	Скорпион	Стрелец	Козерог	Водолей	Рыбы	

Шумеро-сирийско-фригийско-эллинский миф до рубежа II и I тысячелетий до Р.Х. знал одно-единственное материнское божество, которое являлось подземно, на земле — в плодородной почве, на небе — в царстве планет и неподвижных звезд (на тверди небесной). В гомеровском семействе олимпийских богов VIII века до Р.Х. из праматери вышли уже несколько женских образов, хотя бы Гея ("земля"), Рея ("текучая", "плодородная"), Деметра ("матерь полей"), Афродита ("пенорожденная" владычица живот-

От небесных Близнецов к Стрельцу

но-человеческой плодовитости) и Гера как владычица человеческого сообщества. В Эфесе к этому ряду принадлежала и тамошняя многогрудая Артемиды, хотя вообще Артемиды (значение ее имени не выяснено), скажем в отношении к Ниобе и ее детям, а также как богиня охоты, вооруженная луком и стрелами, считается божеством смерти, а не жизни, и как раз в этой ипостаси она — сестра Аполлона.

Вокруг древнейшей "Великой Матери" танцевали Близнецы, юноши с оружием, то есть снаряженные орудиями смерти; как спутники сирийской богини, они назывались *корибантами* ("танцорами"), как спутники Афродиты в Элладе, особенно в Спарте, — *куретами* ("юношами"), или *Диоскурами* ("сыновьями Зевса"). Имя одного — Кастор ("очиститель"), имя другого — Полидевк ("указчик"); открыто их почитали как спасителей на море и в последнем дохристианском тысячелетии представляли на

ступени героев, в виде всадников, охраняющих свою сестру Елену, человеческую ипостась Афродиты.

Такие куреты были и в свите элевсинской Деметры. Один звался Триптолем ("сильный воин", или "троепашец"), а второй — Евбулей, или Евбул ("советчик"); тот же эпитет, видимо по традиции оракулов мертвых, в Элевсине имели и бог Гадес, и подземный Зевс, и его сын Дионис. Этим близнецам соответствовали главные священнослужители — выходцы из двух жреческих семей, где данные чины передаются по наследству. По нашему предположению, первоначально Триптолем был тождествен курету Кастору, а Евбулей — курету Полидевку.

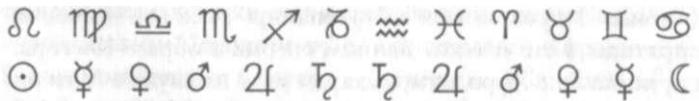
Кастор-Триптолем и Полидевк-Евбулей "обтанцовывали" год, равно как и Великую Мать Элевсина, по ходу ежегодных праздников, но в противоположных направлениях, причем оба они — в III и II тысячелетии — начинали свой танец под созвездием Близнецов в день рождения Афродиты, 24 апреля. Кастор двигался вместе с Солнцем через праздник *Скиры*, или жатву ячменя (на Троицу 2 июня), после чего следовал обмолот и уборка в кладовые огромных, в рост человека, сосудов для зерна (*нифосов*). Зерно, дочь полей — с октября по июнь семимесячное дитя, — спускается таким образом в Гадес. Летом, пока поля остаются под паром, Деметра во гневе. Напомним, что на Троицу мать и дочь разлучаются.

С жатвой Кастор переходил к глубокой вспашке в сентябре и далее к севу в октябре перед зимними дождями и к заделке семян. Так он становится "троепашцем" Триптолемом. Понятно, что ему очень хочется увидеть на Рождество бурный рост колосьев. Так Триптолем из курета ("воина") превратился в "троепашца"; оба эти значения спрятаны в его имени. Воином он был в образе Кастора, спутника Реи-Афродиты, пахарем стал на службе Матери полей Деметры, в имени которой слог "de" или "da" означает давнюю меру площади, а "meter" — "мать". Мистерии Афродиты возникли в глубочайшей древности — эти таинства вполне мыслимы уже в эпоху со-

бирателей и охотников. Мистерии Деметры под стать лишь земледельцам, и в Элевсине они существовали по меньшей мере с XVI века до Р.Х.

Великие элевсинские мистерии должны бы проходить под знаком огненного Стрельца, под которым позднее в храмовом комплексе на холме над аттическим рынком справляли торжества в честь Афины и Гефеста. Почему в историческое время эти таинства фактически праздновались месяцем раньше, согласно соотношению 1500 года до Р.Х., под знаком Скорпиона, остается загадкой; разрешение ее, возможно, кроется в том, что установление таинств (в пещере) следует отнести во времени еще дальше — к началу III тысячелетия до Р.Х. Однако подобное допущение если и вписывается в ряд прочих данностей, то с очень большим трудом.

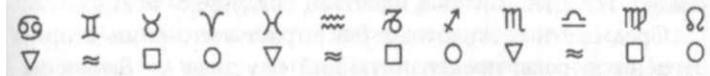
Планеты, которых во II тысячелетии до Р.Х., до того как Утренняя и Вечерняя звезда были связаны воедино, насчитывалось восемь, но уже в гомеровском гимне Аресу (VII век до Р.Х.) упомянуты лишь семь, а именно (используя принятые поныне латинские названия) Луна С, Венера ♀, Меркурий ☿, Солнце ☉, Марс ♂, Юпитер ♃ и Сатурн ♄; Земля имеет знак ♁. — соответственно геоцентрической системе мира планеты ("блуждающие звезды") совершают в кругу двенадцати созвездий сложные танцы по кругам и спиралям. Каждая планета нерегулярно попадает в каждый из двенадцати знаков, непрерывно меняя свое положение в Зодиаке. Тем не менее есть твердый порядок соответствий знаков и планет, который поныне применяется в астрологии и приложим также к Элевсиниям:

Луна и Солнце имеют лишь по одному "знаку" — ☉ — и таким образом едва не выпадают из ряда планет. Знаки Рака и Льва правят в разгаре лета, а оно — во

всяком случае, в Элевсине — противомистично. у остальных планет по два знака, и эти знаки зеркально упорядочены относительно самого короткого дня в году.

Важен порядок сочетания четырех элементов в (для мистерий обратной) последовательности: ветер V, вода яг, земля O > огонь •; свет обозначается знаком Д:

Природно-мифически у Деметры в середине зимы, 25 декабря, когда появляются светло-зеленые, *сЫлое*, всходы зерновых, когда поднимаются первые колосья, *haha*, проходят остатки гнева; поле опять полнится жизнью. Здесь бы Кастору-Триптолему и закончить свой бег; тогда во II тысячелетии он стоял бы и под первым мирным знаком — Козы, или Козерога. Однако мистерия завершает свой путь знаком раньше, под Стрельцом. Вероятно, этот "огненный" срок определял не Кастор, а его оккультный, движущийся в обратном направлении брат-близнец Полидевк-Евбулей.

Кастор-Триптолем, проходя через шесть знаков лета, видел многократное преображение своего бога Диониса, неизменно связанного с Деметрой. На Троицу, 2 июня, по случаю праздника Скиры, Деметре, которая с жатвой впадала в смертную скорбь, приносили в жертву тщательно откормленного тельца — последний знак жизни и культурно-мифический символ бога. Тогда же в подземелья бросали свежабитых поросят, чтобы их гниющая субстанция разбудила у зерна стремление прорасти к октябрьскому севу. Забой во II тысячелетии совершался под небесным Раком, который у шумеров IV тысячелетия, видимо, осенял летний солнцеворот, ведь это животное способно одинаково легко двигаться и вперед, и назад.

Во Льве, под которым Солнце во II тысячелетии занимало самое северное положение, великий небесный бог являл свое превосходство над земным тельцом. Классические изображения льва, раздирающего тельца (быка), можно еще увидеть на коронационной мантии Фридри-

ха II Гогенштауфена (XIII в.). Далее следуют Дева, Весы, Скорпион и Стрелец (Кентавр), каковой знаменует переход к зиме с ее шумерскими домашними животными — козой, овцой и быком; сюда же замешались в виде знака и Рыбы, опять-таки животные по-своему полезные. Зимой к ним присоединяется и богосын, предстоящий не в облике животного, но в ипостаси грядущего человека.

Среди летних животных Рак играет всего лишь второстепенную роль; предшествующий ему знак — Близнецы в их расходящемся беге — уже, по сути, описывает его характер. Столь же невелика роль Весов; в наше время они отданы в руки Деве. Шумеры толковали эту маленькую группу звезд и как вытянутые клешни следующего, весьма впечатляющего знака — Скорпиона. Так в северной половине Зодиака, затмевая все своей яркостью, сияет между Львом и Скорпионом триада Девы, а дальше, у ее ног, ближе к полюсу, — Дракон и огромная Медведица с детенышем.

Эта звездная Дева вовсе не обязательно тождественна планетарной Небесной Деве, рождающей младенца. Младенец у эллинов рождается на Рождество и на Крещение. А звездная Дева, вероятно, вообще бесплодна, ведь она вполне может быть охотницей Артемидой, которая явлена в Большой Медведице. Для младенца Диониса она в таком случае — восприемница, а в Эфесе — еще и кормилица.

Сомнительность этой концепции состоит в том, что Артемиде не охотится на Большую Медведицу, а сама живет в ней, и, однако же, у Медведицы есть детеныш. Еще больше настораживает Дракон, распростертый у ног Девы, а ведь в классическом сюжете о рождении божественного младенца (на это указывал еще Ф. Болл в 1914 году⁷¹) Дракон стремится пожрать новорожденное дитя (Откр. 12). Если бы этому Дракону самим своим существованием надлежало опровергнуть толкование летней "Девы" как бесплодной Артемиды, то ее знак — и без того правящий в северном Зодиаке — стоял бы между танцующими братьями-Близнецами на Пасху, 24 апреля,

и между умерщвляющими друг друга Близнецами под Стрельцом, в октябре (по мифу, это, как правило, сыновья Эдипа — Этеокл и Полиник), а другая, планетарно-мистическая Дева стояла бы тогда на Рождество, 25 декабря, под именем Семелы (Земля-Луна) в еще большем великолепии. Летняя же звездная "Дева" имела бы зимой планетарное отражение как *virgo partium*, та, что от молнии небесной зачинает и рождает духовного младенца. Завершая эту книгу, мы покажем, что христианский Апокалипсис также рассматривает созвездие Девы как *virgo paritura*.

Культо-мифически аттическая религия в сентябре-октябре роняет в душу человека зародыш духовной жизни, который миф обозначает как первое рождение бога Диониса. Персефона беременеет от Плутона, рожая змею под небесным знаком Скорпиона. Под Стрельцом, или Кентавром, эта змея превращается в тельца, которого холит и лелеет Гермес. Но титаны, слепые первозданные силы, разрывают тельца на части, и только сердце его, или сущность, спасает Афина. Жертвоприношение тельца с вынутым сердцем было частью открытого жертвенного обряда. Именно под Стрельцом встречаются в таинствах и Близнецы — в единоборстве Этеокла и Полиника, смертельном для обоих. Мист обретает способность породить духовного человека.

Культо-мифически в Аттике 25 декабря под "Водолеем" (Посейдоном) господствует то, что осенью заложила Персефона: человеческая душа, или Семела, зачинает от молнии Зевса, владыки упорядоченного мира (во II тысячелетии от единого Зевса-Посейдона), младенца-человека, а сама при этом сторает. И опять Афина спасает этот зародыш и упрямивает Зевса выносить его, зашив в бедро. Зевс соглашается и вынашивает младенца к 6 января, когда жизнеспособный мальчик является на земле. К 16 января он вырастает и становится юношей, однако теперь враг в образе волка, Ликург, гонит его в море, к Фетиде — не к титаниде Тефиде, — чтобы к 1 февраля, под знаком Рыб, он бородатым мркем на корабле-колеснице (*carrus navalis* — карнавал)

вновь явился на сушу и во время Малых мистерий сочетался браком с Ариадной, "священной" дочерью бога, в храме Диониса на Болотах, в Аграх.

Ариадна и Персефона, по сути, одна и та же богиня. Семела — их человечески-душевное отражение. Физически Великая Мать Ариадны — Земля, растительно — Деметра, по животнo-человеческой плодoвитости — Афродита. Люди III тысячелетия до Р.Х. предпочитали Афродиту, и только во II тысячелетии они стали больше тяготеть к Деметре.

На зимних ступенях детски-юношеского становления Дионис отражает своего вечносущего отца Плутона, "богатого". Весной является "Единая", несущая природную жизнь, дарующая жизнь. На переходе к лету является "дочь" Ариадна-Персефона. А летом присутствует "Единый", знающий смерть. Один отец с октября выпускает из себя "сына" Диониса. Именно так — вне времени — трактует религию тех, кому принадлежали культовое помещение VII тысячелетия до Р.Х. и тамошние изображения богов, и археолог, раскопавший Чатал-Хююк⁷².

Душевно люди живут вместе с Триптолемом силами времен года и праздников. Духовной глубины они достигают через многотрудный Евбулеев поворот времени вспять. Вне времени собирают они вечную жатву через созерцание, изъяснимое лишь посредством наставительных образов. Ярчайший пример тому — новозаветный Апокалипсис (гл. 12).

Уборка ячменя, формально падающая на 2 июня и запечатленная мифически как похищение Персефоны, дочери Деметры, была естественным началом одухотворения богини весны Афродиты. Праздник осеняла птица Афродиты, любительница зерна, — "белый голубь"; в поздних мистериальных романах встречается также "белая чайка". Ступенями своего созерцания мист обязан собственным усилиям на попятном пути через зимние времена. Первое озарение несет следующая серия образов: голубь, косматая звезда, поток золотых рыб, Небесная

мать с младенцем. Озарение подготавливается праздниками в ходе года, но развивается в обратном направлении.

Касательно планетарной Афродиты-Венеры как явления физического необходимо подчеркнуть: Венера и два курета — Утренняя и Вечерняя звезда — поменялись ролями и именами самое позднее в VII веке до Р.Х. Таинств II дохристианского тысячелетия это еще не затрагивает. Однако забывать о перемене не стоит. Она явилась первым разрывом между чувственной кажимостью и религиозным учением и безусловно ослабила религиозное переживание мистов. Современные ориенталисты хотя и утверждают, что в Вавилонии телесное единство Утренней и Вечерней звезды было замечено уже в начале II тысячелетия до Р.Х., но в Элладе — по крайней мере в широких слоях населения (как свидетельствуют литературные источники) — примерно до 700 года до Р.Х. об этом не знали. Еще в 240 году до Р.Х. Аполлоний Родосский в своей "Аргонавтике" называет Кастора Утренней звездой. Вечерней звездой был его близнец Полидевк, а редко видимый Меркурий обозначал скромную, молчаливую мать.

Кастор-Триптолем ("трижды воин") сродни, вероятно, куда более позднему планетарному богу Аресу — прежде воином среди богов был звездный Стрелец, — тогда как (Полидевк-)Евбулей равнозначен также, вероятно, молодому Гермесу-Меркурию, проводнику мертвых и мистов. Гермес и Арес, скорее всего, боги последнего дохристианского тысячелетия, которые со временем заняли место небесных воинов-танцоров; вот так же Афина Паллада как богиня-градозащитница сначала была "вооруженной Афродитой" и лишь много позже, в классическую эпоху, стала владычицей мыслей. Новый облик она приобрела, вероятно, в Элевсине ок. 1500 года до Р.Х., в Афинах — самое раннее в X веке, а окончательно он сложился лишь в VII веке, когда из афористической мудрости вроде "Книги Притчей Соломоновых" развилась философия, а из длинных родословий — наука.

В VII веке до Р.Х. оккультный Евбулей-Гермес или Полидевк-Гермес отдал свое уже лишнее имя и характер зачас-

тую сокрытой планете Гермесу-Меркурию, которая прежде принадлежала Матери. Она же забрала себе звезды сыновей — теперь фактически как одну звезду. Гермес остался оккультным богом *par excellence*; Геката, тень уже и ранее связанной со смертью Артемиды, осталась оккультной богиней как таковой. В VII веке до Р.Х. планеты Венера и Меркурий поменялись именами.

Наряду с древними образами созвездий уже с конца II тысячелетия до Р.Х. возникают новые, например крылатый конь Пегас. И не удивительно: если рогатый скот разводили еще в незапамятные времена, то одомашнивание лошади, а тем паче ее использование для верховой езды началось в Средиземноморье лишь во II тысячелетии, причем ездить верхом стали не ранее XVI века до Р.Х. Древнейший двенадцатизначный Зодиак знает быка (Телец), барана (Овен) и козла (Козерог), то есть домашних животных, а также "продукт питания" — Рыб; всё это — знаки зимы и весны, когда Великая Богиня исполнена благоволения и природа цветет; вот примерно так думали шумеры III тысячелетия до Р.Х.

Сухим летом и ранней осенью Солнце восходит в знаках диких животных — Рака, Льва, Скорпиона или Змеи, — в это время Великая Богиня гневается. Зимой и весной, когда Великая Богиня благоволит земле, мы находим в Зодиаке домашних животных Шумера, а заодно и небеспольных рыб. По первому впечатлению удивляет, отчего среди них отсутствует осел — выючное животное, в ту эпоху весьма широко распространенное. Однако в культе он являет себя (под планетой Сатурн) вместе со своим господином — Водолеем, или Посейдоном, — 25 декабря, сливаясь обликом и натурой с прислужниками Сатурна, или сатирами.

Поразительно, что круг Зодиака, как бы естественный для Шумера в III тысячелетии, мистически тоже был и остался продуктивен. Что до тайных законов созерцания, то образный материал зависит от окружения миста не

больше, чем сновидения; другое дело — выбор образов и их последовательность. Эти оккультные законы последовательности строги, и действие их настолько всеобъемлюще, что на протяжении 4000 лет при коренной смене религий — от язычества к христианству — у мистов и мистиков снова и снова невольно возникает одна и та же последовательность образов.

Попробуем свести воедино созерцательные образы небесного Зодиака и соответствующие природно-праздничные символы.

Сбор ячменя на Троицу, 2 июня, как начало жатвы всех зерновых, естественно, привлекает ручных белых голубей. Элевсинское мистическое созерцание в сентябре-октябре начинается духовным символом "парящего белого голубя" среди живописно-пухлых облаков, на фоне которых является заключительный образ: божественный юноша — открыто в Афинах, с торжественной процессией 1 февраля, которая начинается у моря; мистически в Элевсине как юноша Хрисаор ("златомеч"); христиански у Матфея (24:30): "...тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; ...и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных..." или в Апокалипсисе (1:7): "Се, грядет с облаками" и (1:13—16): я видел "подобного Сыну Человеческому... Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч", — иными словами, это *Хрисаор* на облаках.

Более четко следует выделять душевное отражение летнего знака Девы в мифах зимнего праздника — метаморфозу небесной Девы в девушку Семелу, что зачинает на Рождество младенца Вакха; от рождения жизнеспособного мальчика на Крещение вплоть до изгнания его в море (у христиан этому соответствует бегство в Египет). Мальчика Вакха Элевсинии претворяют в созерцаемого душою Иакха; соответственно христианский мистик И. Шеффлер (Ангелус Силезиус) говорит о празднике Рождества: "Пусть Вифлеем сто раз был родиной Христа, но нет Христа в тебе — вся жизнь твоя пуста"*.

* Перевод Е. Витковского.

Мать и дочь с Иакхом

После Рождества и в разгаре зимы как эллинские, так и христианские праздники продолжаются — наступают карнавал, Страстная неделя и Пасха. По-эллинически вместе с Пасхой годичный круг опять подходит к Великой Матери Астарте-Афродите с ее атрибутами — зайцем, яйцом и голубем. Если мист, как Евбулей, отправится вспять по этому пути, он встретит голубя Афродиты, косматую звезду огненного "Овна" (вероятно), золотых рыб "Рыб" и "Водолея" (в Евангелии речь идет о чудесной рыбной ловле — Лк. 5 и Ин. 21), то бишь символы Рождества Девы с младенцем. Эти четыре образа он переживает как целостный ряд в таинствах под знаком пламенного "Стрельца". Лишь три знака огня: Овен, Лев, Стрелец — обеспечивают время и силы и для Великих мистерий. Под знаком Овна принял посвящение Пелопс, под Львом — Геракл, под Стрельцом — Триптолем. Библейский Апокалипсис совершает посвящение опять-таки под знаком Льва.

Душевная и юношеская ипостась Водолея — *Хрисаор*, "златомеч", — в христианстве соответствует "Сыну Человеческому", что ярче всего видно в Апокалипсисе (1:16): "...из уст его выходил острый с обеих сторон меч..." Но этот созерцательный образ не входит в упомянутый четырехобразный ряд и может являться до или после, сам по себе.

Определяя возраст Элевсиний, стоит призвать на помощь прецессию солнца — его отставание на один знак за две с лишним тысячи лет. Приблизительно за 26 000 лет точка, где восходит солнце в фиксированный момент года (день весеннего равноденствия), смещается среди звезд навстречу годичному движению солнца на полный круг, то есть на все двенадцать знаков. Ведь солнце, во-первых, движется в течение года вперед, как Триптолем, а во-вторых, в течение Платоновского года — вспять, как Евбулей в течение семи месяцев.

Во II тысячелетии до Р.Х. солнце восходило 21 марта в знаке Тельца, ныне — в знаке Рыб. Поскольку солнце — в образе Кастора-Триптолема — каждый месяц восходит в новом знаке, то в период между 1600 и 1500 годами до Р.Х., когда по данным археологии были учреждены Элевсинии, 24 апреля, или день рождения Афродиты, произошло на знак Близнецов. Согласно такому звездно-календарному установлению середины II тысячелетия до Р.Х., таинства праздновались вплоть до их пресечения в 396 году от Р.Х.

Мистерии были сулеймой древних годичных праздников, обобщенной в понятии "бракосочетание времен года", — "собраны были все боги", как говорит Гомер. Кульминация их, что однозначно подтверждают предания, соотносится со стихией огня. Поэтому они бы должны проходить в октябре, под небесным знаком Стрельца. Фактически же мы обнаруживаем их в сентябре, и это еще ждет своего объяснения. Возможно, что у этих таинств были предтечи — обусловившие связь с этим знаком — в начале III тысячелетия, когда Стрелец осыял восход солнца в день осеннего равноденствия.

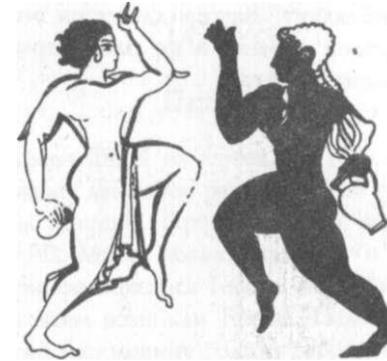
Среди великих героев, которыми во II тысячелетии нередко становились боги — так, Утренняя и Вечерняя звезда стали Кастором и Полидевком, — на табличках из Пилоса, датируемых примерно 1500 годом до Р.Х., отсутствует Геракл, хотя Кастор там назван. Мифически Геракл вполне бы мог быть "Стрельцом" среди людей на

земле, ибо он сгорает через Несса, небесного "Стрельца", коня-кентавра. Но Геракл постоянно носит львиную шкуру, а знак Льва представляется нам более сильным. Предание удостоверяет, что с древнейших времен — а не только в классической греческой астрологии — элемент огня соответствовал небесным знакам Овна, Стрельца и Льва. Если говорить о Нессе, то полуконь вместо тельца указывает, что Геракл был героем приблизительно XIV века до Р.Х.; лишь в Аттике предание эгоистично делает его современником Тесея, которого мы относим примерно к XI веку до Р.Х. Геракл же, как мы полагаем, появился в XIV веке.

В таинствах конца II тысячелетия, начиная примерно с 1350 года до Р.Х., но не в Элевсиниях, древний быкочеловек "Стрелец" невольно все время наводит на подозрение, что он уже стал "конечеловеком", или всадником, тем более что именно тогда и Диоскуры в Спарте стали всадниками. Правда, Евбулея это касается гораздо меньше, чем Кастора-Триптолема, ибо во II дохристианском тысячелетии для коня мифически открылось небо, но не Гадес. В Гадес боги и люди могли попасть только пешком либо с помощью шумерского осла. В Элевсиниях Близнецы шли пешком.

Полидевк-Евбулей совершает встречный путь через зимние праздники в честь Диониса. Как и его брат, он начинает движение под небесными Близнецами, на Пасху; нынешним своим немецким названием (Ostern) этот праздник обязан германской богине по имени Остара, а была она не кто иная, как Астарта, великая сирийская богиня. Культовые атрибуты у обеих — заяц и яйцо. Евбулей заканчивает свой путь под "Стрельцом".

Под небесным Стрельцом встречаются в Священную Ночь брата — светлый Триптолем и темный Евбулей. Летние праздники в естественном ходе года — остановки Кастора-Триптолема; весенние и зимние праздники, посвященные богу Дионису, на попятном пути соотносились с Полидевком-Евбулеем. Эти братья, столь раз-

Кастор и Полидевк

личные по своей сути, сталкиваются под небесным Стрельцом и убивают друг друга. Двойная их смерть предваряет огненное рождение божественного младенца, которое обеспечивает одухотворение, пробуждение или дальнейшее развитие мистов и одновременно существование мира.

И согласно небесному порядку, и согласно порядку годовых праздников, Элевсинии приходится на десятый день после Фесмофорий, осеннего праздника Деметры, после сева ячменя в октябре. Великие мистерии проводятся под Стрельцом.

Другой порядок знаков и планет, возникший, вероятно, не ранее VII века до Р.Х., отдает месяцы во власть родственных планетам олимпийских богов. Элевсинии, проходившие в осенние месяцы — боэдромион и пианепсион, — соотносились, как и сами эти месяцы, с солнцеподобным Аполлоном, а следующий месяц, ненастный маймактерион (ноябрь) — с необузданной Артемидой, что родственна луне. Для данных таинств это хотя бы еще имело смысл, поскольку оба названных божества находятся на стороне смерти. На стороне жизни стоит Афродита, в апреле. В V веке до Р.Х. как месяц Великих таинств постоянно указывали боэдромион. И все же к пониманию Элевсиний это

мало что прибавляет. Важен для этих мистерий был звездный Стрелец в огне, а не планетарный Аполлон (солнце) в сиянии света.

Герои

Персей

Персей — древнейший из героев, подвиги которого в таинствах отражают душевное развитие. Сам родом из Аргоса, он основал Микены. Произошло это, вероятно, еще в XVIII веке до Р.Х. Много позже, примерно в XIV и XII веке до Р.Х., в Тиринфе появился Геракл, а в Афинах — Тесей. Между ними затем возникли Тантал, Пелопс, Кадм и др.

Имя Персей наполовину роднит героя с богиней мертвых Персе-фаттой, или Персе-фоной. Рождение его в Аргосе произошло так⁷³: Зевс золотым дождем проник в закрытые подземные покои аргивянской царевны Данаи и таким образом зачал с нею мальчика Персея. Данаю с якобы внебрачным младенцем заключили в деревянный ящик и бросили в море, но некий рыбак вытащил их на берег скудного кикладского острова Сериф. Оттуда взрослый герой отправился на запад, на край света, к **Горгонам**, могущественным хтоническим существам, у которых на голове змеи вместо волос. Горгоны — дочери морских чудовищ **Форкия** и **Кето**. Одна из них, по имени **Медуза**, взглядом превращала в камень все живое; Персей отрубил ей голову. От смертельного взгляда глаза в глаза он, по совету Афины, защитился металлическим щитом, в вогнутой внутренней поверхности которого видел ее образ. Так он сумел поразить Медузу метким ударом, не глядя прямо на нее, а отрубленную голову, сохранившую смертоносный взгляд, спрятал в сумку.

Из тела Медузы взвились к небу сначала крылатый конь поэтов **Пегас**, а затем божественный герой **Хрисаор** — "златомеч". Гомер и Пиндар, однако, именуют так еще и божество со смертоносным луком — **Феба Аполлона**⁷⁴ *. Миф о Хрисаоре, видимо, возник в первой половине II тысячелетия до Р.Х., а миф о Пегасе — безусловно лишь во второй его половине.

* В русском переводе Н. Гнедича: "царь златострельный".

У Гесиода родители Хрисаора — земная Медуза и небесный бог Посейдон. В нашем понимании это означает: человек, который под стать Космосу, рождается от верховного бога и сил земли. Гесиод (ок. 700 г. до Р.Х.) говорит: "Также Горгон родила, что за славным живут Океаном рядом с жилищем певиц Гесперид, близ конечных пределов ночи: Сфенно ["сильную". — Д.Л.], Евриалу ["быструю". — Д.Л.], знакомую с горем Медузу ["извечное горе". — Д.Л.]. [Для нас это — воление, мышление и чувствование. — Д.Л.] Смертной Медуза была. Но бессмертны, бесстрастны были обе другие. Сопрягся с Медузою той Черновласый [Посейдон. — Д.Л.] на многотравном лугу, средь весенних цветов благоуханных после того, как Медузу могучий Персей обезглавил [Таинства не терпят вмешательства головы, то есть рассудка. — Д.Л.], конь появился Пегас из нее и Хрисаор великий. Имя Пегас — оттого, что рожден у ключей океанских, имя Хрисаор, — что с луком [или мечом. — Н.Ф.] в руках золотым он родился. Землю, кормилицу стад, покинул Пегас и вознесся к вечным богам. Обитает теперь он в палатах у Зевса и Громовержцу всеумудрому молнию с громом приносит. Этот Хрисаор родил трехголового Герионея ["возраст". — Д.Л.], соединившись в любви с Каллироею ["прекрасным потоком", "жизненной силой". — Д.Л.] Океанидой. Герионея того умертвила Гераклова сила возле ленивых коров на омытой водой Ерифее. В тот же направился день к Тиринфу священному с этим стадом коровьим Геракл, через броды пройдя Океана, [пса. — Д.Л.] Орфа убивши и стража коровьего Евритиона за Океаном великим и славным, в обители мрачной. Кето же в пещере большой разрешилась чудовищем новым, ни на людей, ни на вечно живущих богов не похожим, — неодолимой Ехидной ["чувственность". — Д.Л.], — божественной, с духом могучим, наполовину — прекрасной с лица, быстроглазую нимфой, наполовину — чудовищным змеем, большим,

Персей и Медуза

кровожадным, в недрах священной земли залегающим, пестрым и страшным. Есть у нее там пещера внизу глубоко под скалою, и от бессмертных богов, и от смертных людей в отдалении: в славном жилище ей там обитать предназначили боги. Так-то, не зная ни смерти, ни старости, нимфа Ехидна, гибель несущая, жизнь под землей проводила в Аримах. Как говорят, с быстроглазую девою той сочетался в жарких объятиях гордый и страшный Тифон беззаконный"* (274—307).

Все эти мистериальные боги, кроме Прометейя и Хрисаора, живут на западном краю земли; они — существа Гадеса, силы, а не конкретные телесные существа или небесные боги. Когда таинства высвобождают из миста (в божественном аспекте) высшего человека, вроде Хрисаора, одновременно высвобождаются и уходят вниз совсем уж первобытные силы, которые необходимо вновь обуздать, все порознь. Даже Одиссей, находясь у входа подземного царства, боялся, "что хочет чудовище, голову страшной Горгоны, выслать из мрака Аидова против меня Персефона"⁷⁵. Одиссей много моложе Персея и все-таки вновь ожидал увидеть давно убитую Персеем горюну Медузу в ее первоначальном облике. Стало быть, она заново

* Гесиод. О происхождении богов (Теогония). Перевод В.В. Вересаева.

встречается каждому человеку, заново рождаясь из собственной его природы. И каждый мист, если хочет пробудить в себе Хрисаора, должен срубить ее змееволосую голову. Крылатый конь Пегас, много более молодой, на службе небесного Зевса стал в I тысячелетии до Р.Х. носителем грома и молнии.

На обратном пути из западных краев Персей странствовал через Эфиопию на дальнем юго-востоке (Южный Египет) и увидел там прикованную к скале деву Андромеду, которая была предназначена в жертву морскому чудовищу (дракону). Персей убил чудовище смертоносным взглядом Медузы, а девушку взял в жены. Вернувшись на родину, он основал город Микены. Скала — это тело. Прикованная к ней дева — душа, которую мист отрывает от телесности, заключая силу инстинкта, чудовище, в узилище тела, превращая ее в камень.

Тантал

Тантал ["страдалец". — Д.Л.] явился вскоре после Персея из малоазийской Фригии. Его мать звалась Плуто ("богатая"), а это один из эпитетов Персефоны. Юношей Тантал похитил для Зевса — в ту эпоху, наверно, еще для Плутона — другого красивого юношу, Ганимеда. Они были как близнецы. Зная, что впоследствии он потчевал богов, своих гостей, мясом собственного ребенка, мы обнаруживаем триединство *мужнина — юноша — ребенок*, такое же, как у Диониса.

По приглашению отца богов Тантал часто бывал на олимпийских пиршествах, слышал разговоры богов и передавал их своим земным друзьям. Зевс смотрел на это сквозь пальцы. (Можно представить себе Танталовы оракулы!) Однажды, когда боги гостили у Тантала — мистерия, — он убил своего сына Пелопса и стал потчевать их его мясом. Боги узнали о злодействе и опрокинули стол. Только Деметра, богиня пропитания, в забывчивости успела съесть плечо. Гермес сложил косточки как положено и, подставив

вместо плеча слоновую кость, вновь оживил мальчика. Зевс и это детоубийство воспринял снисходительно, ибо оно было одним из образов мистерий.

Но в конце концов Танталов друг Пандарей похитил у Зевса "золотую собаку". Тантал спрятал животное. И тогда у царя богов лопнуло терпение: он обратил Пандарея и его жену в камень, Тантала же низверг в Гадес. Там он стоит в воде до самого подбородка, но едва наклоняется, желая напиться, как она опускается, так что Тантала мучает вечная жажда; над ним висят спелые фиги, но не дают себя сорвать — и Тантала мучает вечный голод. Вдобавок над его головой нависает скала, готовая вот-вот упасть. Золотая собака, возможно, намек на страдания, которые якобы могут быть вызваны таинствами, а кары — последствия ошибки.

Пелопс

Пелопс означает "хранитель оси" — и оси боевой колесницы, и оси мировой. Жил он в Писе, на западном побережье большого, названного по его имени полуострова Пелопоннес. В состязании на колесницах в Писе — впоследствии их проводили в близлежащей Олимпии — он приблизительно в XIV веке до Р.Х. победил царя Эномая, имя которого — "сила вина" — говорит, что он был служителем Диониса. Дочь Эномая Гипподамия — "укротительница коней" — любила Пелопса. Она сопровождала его на одноосной боевой колеснице, запряженной четверкой коней, которых подарил ему Посейдон. Царь Эномай обычно позволял сопернику вырваться вперед, а затем вонзал ему в спину копье. На сей раз, однако, случилось иначе: дочь подменила на отцовской колеснице деревянные чеки восковыми, так что Эномай разбился, не успев поразить Пелопса копьем.

Став героем Писы, Пелопс сделался отцом трех сыновей — Атрея ("бесстрашного"), Фиеста ("копильщика") и Хрисиппа ("золотого коня"). В нашей интерпретации

сыновья суть образы душевных сил — мужества, набожности и мудрости.

Хрисипп умер в девятнадцать лет: братья бросили его в колодезь. Атрею в знак его царской власти Гермес принес золотого барашка. Брат Фиест этого барашка украл. Это настолько возмутило бога солнца Гелиоса, что он обратил свой бег вспять и стал двигаться как сейчас, с востока на запад⁷⁶. В отместку Атрей пригласил Фиеста к себе и накормил мясом собственных его детей, а потом сбежал в Микены, где тоже умер молодым. Пелопс — редчайший пример полного цикла мистерии под огненным знаком Овна.

Знаком царской власти в Микенах был скипетр, изначально предназначенный Зевсу, и сын Атрея, Агамемнон, получил его из рук дяди, Фиеста⁷⁷. Спасение и дела Фиеста мы истолковываем следующим образом: среди выше-названных душевных сил набожность дольше всего сохраняла связь с богами, а встречное движение солнца для людей эпохи Тельца было уже подготовлено кражей золотого барашка (Овна).

Кадм

Кадм был родом из финикийского Тира; имя у него тоже финикийское. Поиски похищенной сестры Европы (Европа означает "широкоглядящая", или "распахнутокая", а это считалось признаком подземных богов) привели его в Беотию, "коровью страну", где белая корова указала ему место для постройки города Фивы. Неподалеку, в Лебадии, долгие века поклонялись богине по имени Деметра Европа⁷⁸.

Белую корову должно рассматривать как ипостась богини плодородия; похититель Европы в свою очередь имел облик белого быка. Предание называет его Зевсом, мы, однако, предпочитаем другое, на наш взгляд более правильное имя — Посейдон. Кадм жил еще в ту эпоху, когда солнце находилось в знаке небесного Тельца, то есть в XIV или XV веке до Р.Х.

Там, где корова легла на траву, а позднее поднялся

город Фивы, был источник, который стерег его хозяин, бог Арес, в образе огромного змея. Кадм убил змея, вырвал его зубы и посеял их в землю. Из диковинных этих семян выросли воины, сильные и свирепые, как титаны; герой назвал их *спартами*. Воины тотчас вступили в междоусобную схватку и бились, пока их не осталось всего пятеро. Эти пятеро стали спутниками Кадма и основателями знатнейших фиванских родов. В жены герой взял Гармонию, дочь Ареса и Афродиты. На свадьбе присутствовали все боги.

От этого брака родились ничем себя не прославивший сын и четыре замечательные дочери, в том числе Семела, мать бога Диониса, которая понесла от Зевсовой молнии и от нее же умерла. Афина спасла зародыш, сестра Семелы Ино стала кормилицей Диониса, а затем "белой богиней" Левкотеей, "морским демоном", советчиком людей.

Эдип

Шли годы, и вот царем в Фивах стал правнук Кадма Лай ("левша"). Лай воспылал любовью к юноше Хрисиппу ("золотому коню"). Опозоренный юноша покончил самоубийством. В наказание главная тамошняя богиня Гера поселила у стен города Сфинкса, который терзал жителей

Сфинкс

загадками. Самая трудная из загадок гласила: "Кто ходит утром на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?" Ответ, конечно же, был: "Человек. Человек в разные поры своей жизни".

У Лая родился сын, и дельфийский оракул предсказал отцу, что его ждет гибель от рук сына. Тогда Лай проколол ребенку ступни, ремнями связал ему ноги и велел бросить в лесу. Но пастухи нашли младенца, воспитали и вырастили. Юноша Эдип отправился в Дельфы, встретил на дороге отца и; ни о чем не подозревая, в ссоре убил его, а затем пошел в Фивы и решил 'загадку Сфинкса; в награду фиванцы отдали ему в жены вдовствующую царя. Она родила Эдипу двух дочерей и двух сыновей-близнецов, которые впоследствии погубили друг друга. Узнав о роковых обстоятельствах своей жизни, Эдип ослепил себя и в ясном сознании отошел в Гадес; случилось это неподалеку от Афин, в Колоне, в священной роще Эвменид.

Микенские греки II тысячелетия до Р.Х., конечно, вряд ли считали вопрос Сфинкса непосильной умственной загадкой, но предмет его — человек — многообразен и глубок. Сфинкс представлял собою место мистерий вблизи Фив. Лай и Эдип составляли здесь единство хотя бы уже потому, что оба — "левша" и "распухшие ноги" (Эдип) — были калеками. Комментарий по поводу "Илиады", помещенный в этой книге, покажет, какие органы мистического восприятия стремились пробуждать посредством микенских мистерий, прежде всего в области головы и торса, а потом на руках и ступнях. Последние напоминают о ранах Христовых.

Загадка Сфинкса указывает на временную сущность человека: греческая философия обращалась преимущественно к пространственной его сущности. Аристотель направил свое внимание также на естественное развитие человека, которое, по мнению этого философа, физически завершалось в двадцать восемь лет, а духовно — в пятьдесят. Мистерия же искала за временной сущностью некое ду-

Этеокл и Полиник

ховное единство; исходя от взрослого, она обращается на юношу (вспомним любовь Лая к Хрисиппу), а затем на ребенка (в предании — отринутый Эдип). А в итоге она, двигаясь вспять, переступает порог рождения и созерцает духовного человека в образе рождения младенца от девы.

Возвратное преодоление порога юношества и покидание ступени отцовства легенда описывает как отцеубийство. Ступень юношества в образе взаимного убийства близнецов преодолевается в обратном направлении; в данной легенде это — сыновья Эдипа Этеокл и Полиник. Конечная цель — рождение младенца в свободном созерцании.

Геракл

Наиболее популярный из греческих героев — Геракл, потомок Персея. Его подвигов хватит на целый эпос, но такового не существует. Зато он был излюбленным персонажем изобразительного искусства. Геракл родом фиванец и классические свои подвиги совершил на службе у царя Эврисфея, который правил в Фивах, хотя вообще-то Зевс предназначал престол Гераклу.

Фиванская царица Алкмена родила в одну ночь близнецов, из которых первый, Ификл, был сыном царя Амфитриона, а второй, Геракл, — сыном Зевса. Ификлов сын

Иолай впоследствии постоянно сопровождал своего дядю. Ификл и Иолай, судя по именам, вполне сопоставимы в паре Кастор-Полидевк с (зимним) оккультным братом-близнецом; иное дело Геракл. Двенадцать испытаний, или подвигов, выпадают на долю лишь одного из близнецов, Геракла, который поначалу больше схож с Кастором, а не с Полидевком; сопровождает этого близнеца Иолай.

Круг подвигов открывается 1) схваткой со львом, далее следует 2) борьба с девятиголовой гидрой, которой помогает чудовищный рак. Знаток небесного Зодиака тотчас насторожится: похоже, оккультный встречный путь, который на сей раз начинается во Льве, и по оставшимся после Рака десяти знакам проделает его лишь один из близнецов. Но если проследить дальше Геракловы "двенадцать подвигов", то их сопоставление с этими знаками теряет всякую убедительность. По порядку надо бы ожидать затем Близнецов, Тельца, Овна, Рыб, Водолея и Козерога. Фактически же мы имеем в качестве "подвигов" убийство, укрощение или присвоение 3) лани, 4) Стимфалийских птиц, 5) Эриманфского вепря, 6) чистку Авгиевых конюшен, 7) укрощение Критского быка, 8) укрощение коней-людоедов фракийца Диомеда, 9) завладение поясом царицы амазонок Ипполиты, 10) похищение коров Гериона, 11) яблок Гесперид и 12) трехголового адского пса Кербер*.

Сходство с шумерским Зодиаком есть — в том, что Геракл наряду с дубинкой нередко пользуется луком, также и в последней схватке с кентавром Нессом. Вдобавок аттическое предание стремится сблизить его с Тесеем или Тесея с ним, да еще и заставляет Геракла принять испуле-

В разных источниках указана различная последовательность подвигов; в частности, у Аполлодора в "Мифологической библиотеке": 1) Немейский лев; 2) Лернейская гидра; 3) Керинейская лань; 4) Эриманфский вепрь; 5) Авгиевы конюшни; 6) Стимфалийские птицы; 7) Критский бык; 8) кобылицы Диомеда; 9) пояс Ипполиты; 10) коровы Гериона; 11) золотые яблоки Гесперид; 12) Кербер.

Владычица Гера

ние на поле Малых мистерий. Сообщение о Критском быке, одном из "двенадцати подвигов", опять-таки недвусмысленно указывает на кносского царя Миноса. Тем не менее подвиги и Зодиак остаются разными рядами образов. Уже постоянно повторяющийся мотив коня относит подвиги к много более позднему периоду, чем эпоха шумерского Зодиака, которому подчиняются по крайней мере Великие элевсинские мистерии; и все же на фоне судьбы едва ли не исторического Тесея Геракл выглядит значительно древнее, мы вполне можем поместить его еще в XIV столетие до Р.Х. Тогда Ясона с его аргонавтами и героев Гомера Ахиллеса и Одиссея нужно отнести к XIII, а Тесея — только к XII веку.

Сугубо эллинскими и не сопоставимыми с шумерским зодиакальным крутом являются в Геракловых подвигах многочисленные географические указания — сначала на его родине, в Аргосе, затем в Элладе и, наконец, по всей земле. Куда только не заносили Геракла его подвиги: на фракийском севере он побеждает Диомеда, в Африке сражается с великаном Антеем, на востоке бьется с амазонками, на Кавказе помогает луком и стрелой Прометею, а на дальнем западе встречает титана Атланта (Атласа), который

держит на своих плечах небесный купол.

Аполлоний Родосский (240 г. до Р.Х.) в своей эпической поэме "Аргонавтика" вслед за Ономакритом (VI век до Р.Х.), на которого ссылается Павсаний (8, 31), говорит, что Геракл следовал иным мистериям, нежели Тесей, аргонавты и элевсинский Триптолем. Но Ономакрит называет Геракла еще и "Идейским Дактилем", а этот юноша — танцор Афродиты, властвовавшей таинствами в Кноссе.

Хронологически Геракл из-за часто упоминаемого в его мифе коня относится самое раннее к XV или, вероятно, XIV веку, хотя аттическое предание связывает его с Тесе-ем, то есть с XII веком.

Скорее всего, двенадцать подвигов Геракла — это этапы мистерии, но, поскольку мы ставим перед собой иные задачи, да и объем книги весьма ограничен, мы не можем позволить себе выстраивать гипотезы по этому поводу. Как бы там ни было, его мистерия, подобно почти всем здесь упомянутым, следовала годовому пути солнца. Причем если большинство таинств, подчиняясь шумерскому Зодиаку, движутся от Близнецов к завершению в Кентавре-Стрельце, Геракл начинал свой путь в знаке Льва (в ту эпоху — в июне-июле), переходил в мае к Раку и достигал цели либо в октябре, победив кентавра Несса, либо, возможно, опять в знаке Льва, приведя Эврисфею адского пса.

Павсаний пишет о присутствии Геракла в до-дорийских Амиклах неподалеку от Спарты, микенском поселении, которое новые хозяева — дорийцы — в конце XI века разрушили, не тронув, однако, святилищ. Там спартанцы ежегодно (в июле) на протяжении трех дней справляли свой главный праздник — Гиакинфии. Во II тысячелетии с этим праздником, видимо, сочетались таинства, которые проходили десятью днями позже и, скорей всего, были связаны с двенадцатью "подвигами" Геракла.

Амиклейские таинства, пришедшие в упадок после вторжения дорийцев незадолго до начала I тысячелетия, восполняют ожидаемое согласно трем *Горам*, или временам года,

Эврисфей: плоть спасает труса
от духовности

Афина и Посейдон

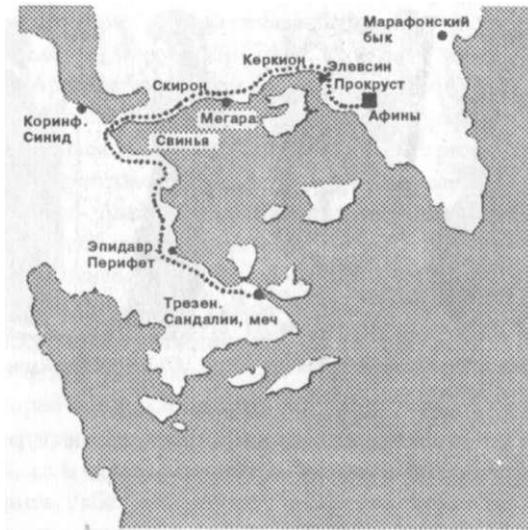
триединство возможных годовых праздников в рамках микено-эллинских мистерий под знаком Льва.

Тесей

С Тесея, основателя послемикенского города Афины, началась в XI веке великая история Аттики. Но только Плутарх (I 20 г. от Р.Х.), а незадолго до него Аполлодор рассказывают о жизни героя, и на эти рассказы — наряду с вазовой живописью — мы опираемся в описании его знаменательных для нас культовых подвигов.

Духовным отцом царя был Посейдон; впрочем, это мог бы утверждать о себе любой из его предшественников. Родным отцом Тесея был Эгей, "козий царь", правивший деревней без стен, что лежала у подножия разрушенного акрополя. Трезенская девушка Этра после недолгой связи с Эгеем стала матерью Тесея, а происходила она из древнего рода Пелопса. Какое личное имя она дала сыну, мы не знаем. Было все это около 1170 года до Р.Х. в Трезене, на восточном побережье Пелопоннеса.

В шестнадцать лет Тесей был настолько силен, что сумел поднять каменную глыбу, под которой Эгей с ведома матери спрятал для него меч и сандалии, чтобы в свое время опознать по ним сына. Мы истолковываем меч как знак

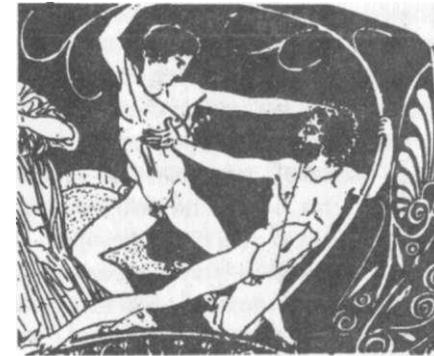
Этапы юношеских инициации: от Трезена до Афин

самостоятельности поступков, сандалии — как знак особого пути судьбы. Тесей странствовал с запада на восток вдоль побережья Саронического залива, намереваясь потребовать для себя у отца прав царского сына, что в дальнейшем и осуществил с помощью меча.

По дороге, возле Эпидавра, на него напал сын Гефеста Перифет, "пылающий"*, вооруженный громадной палицей. Тесей отнял у него оружие. Победенная здесь стихия — огонь. В наши дни сказали бы: юноша берет инициативу в свои руки, действуя, становится хозяином обстоятельств.

За Эпидавром юношу — своего укротителя — поджидал Синид, "разбойник"; эта ситуация разыгрывалась в стихии ветра, то есть в воздушном пространстве. Пригнув к земле две пинии, Синид привязывал встречных путников к вершинам, с тем чтобы деревья, распрямившись, разорвали его жертву. Тесей подверг этой процедуре самого разбойника — значит, умер старик, а не молодой. Ныне

* У автора неточность: Перифет означает "палиценосный".

Тесей убивает Синида

здесь, пожалуй, уместно говорить о воздушных замках, с которыми юноша не пожелал иметь дела. В культе Диониса этому соответствовало разрывание жертвенного животного (лучше всего — быка), то бишь самого бога. Так постигается "твердость в образе жизни".

Опустив далее укрощение Кромлионской свиньи, то есть чувственности, — мистически оно стоит в ряду стихий между ветром и водой, что совершенно правильно, — мы видим юношу у моря в окрестностях Мегары на "белых" известковых скалах Скира. Там разбойник Скирон, сидя над бездной, заставлял прохожих мыть ему ноги и неожиданным пинком стаскивал их в море, на съедение огромной водяной черепахе. Тесей отправил туда самого Скирона. Истолковать это можно так: простота (рабская служба) и обращенность к внешней действительности, иначе сознание сосредоточится лишь на жизненных процессах внутри плоти, будет поглощено круговоротом соков — в созерцании этот круговорот и есть водяная черепаха.

Не доходя до Элевсина, Тесей встретился с борцом Керкионом и победил его. Керкион — тот же Антей ("жуткий"), с которым двумя сотнями лет раньше сражался в Ливии Геракл. Земля давала Антею неиссякаемую силу — пока он ее касался. Ныне Антея можно истолковать как веру людей в "данные факты". Кто подни-

мет их до уровня ума, способен придать им новый порядок, открывающий новые подходы.

К югу от Элевсина обитал Прокруст ("растягатель"), который и стал следующим противником Тесея. Прокруст подгонял всех своих гостей под размеры собственного ложа — обрубал "лишнее" топором или растягивал, пока человек не умирал. Эта метода по сей день частенько используется в суждениях о людях. Перебороть ее возможно в таинствах, посредством углубленного образа человека, который наряду с состоянием на некий момент демонстрирует и возможности развития.

Прокруст нарушал предпоследнюю часть полного посвящения, поскольку, калеча людей, пренебрегал целостностью человеческого образа, который опирается на скелет. Мучительные страдания души и раны тела — вот содержания таинств, но никак не увечья. Тантал — вероятно, в XVIII или XVII веке до Р.Х. — испытывал всеведенье Великой Богини, явившейся к нему в облике Дионы, и ради этого потчевал ее и других богов мясом своего сына Пелопса. Диона отвергла угощение; только богиня пропитания Деметра съела плечо. Однако Гермес тотчас возместил этот ущерб.

В XIII веке до Р.Х. Моисей повелел Израилю вновь блюсти древний закон — хранить в целостности скелет пасхального агнца, причем предпринятая в XX или в XIX веке до Р.Х. попытка Авраама принести в жертву Исаака показывает, что первоначально и иудеи тоже подменяли жертвенным животным самого человека. Устами Моисея Божество приказывает: "И костей ее [Пасхи, то есть пасхального агнца. — Д.Л.] не сокрушайте" (Исход 12:46). Евангелие от Иоанна (19:36) соотносит эту заповедь с мертвым телом распятого Иисуса, которому перед снятием с креста не перебили кости, ибо он странным образом скончался уже через три часа после распятия.

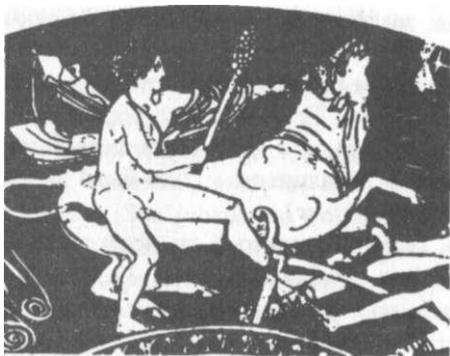
Пока мы говорили об испытаниях юноши, который еще только ищет себя. Если бы Тесей пожелал затем преодолеть себя, то его мистический путь не просто начинал-

ся бы, но и завершался тоже в огне. Он проделал путь через стихии ветра, воды, земли и огня, соответствующий как Кносским, так и Элевсинским таинствам. Странствие шестнадцатилетнего Тесея к тайне образа при встрече с Прокрустом сопоставимо лишь с юношеской инициацией, но не с полным посвящением (оно было доступно начиная с девятнадцати лет).

Юноша Тесей, которого в ту пору звали иначе, добрался до Афин приблизительно в 1150 году до Р.Х., 8 гекатомбеона, то есть 18 июля, что показывает его принадлежность Посейдону, управлявшему восьмым, а значит, также восемнадцатым и двадцать восьмым днем каждого месяца. В городе его подвергли очищению от убийства родича, Синида, так как во II тысячелетии до Р.Х. лишь убийство родича отягощало душу. Очистительная церемония искупления происходила возле камня Зевса Мэлихия (Плутона), который стоял далеко к северо-западу от Афин, на реке Кефисс. Много позже, при Солоне, около 600 года до Р.Х., отсюда начиналось религиозное шествие к Великим элевсинским мистериям 27 сентября, остановки на пути которого предвосхищали этапы таинств. Это опять-таки подтверждает, что Синид был владыкой первой части некоего посвящения — владыкой, неизменно укрощающим ветер. Когда Тесей затем 8 пианепсиона (28 октября) вернулся с Крита, он немедленно возблагодарил Аполлона Дельфиния (божество, близкое Посейдону) и южнее акрополя⁷⁹ принес ему жертву. Там поблизости жил его отец Эгей.

После того как Тесей воздвиг стену, старая царская резиденция оказалась за пределами внутреннего города, на слишком большом удалении от нового Тесея рынка. Однако в религиозном плане этот район на восточном берегу Иллисса сохранил свою важность. Сразу за речкой, или ручьем, простиралось издревле почти нетронутое поле Артемиды Ловитчицы, на котором богиня устраивала в феврале Малые мистерии.

Решающим испытанием Тесея — решающим для су-

Тесей укрощает Марафонского быка

деб его царства и власти — была схватка с человекобыком Минотавром в Кноссе. Усмирив Марафонского быка, Тесей заранее освоил древний аттический опыт. Но обратим наши взоры к Кноссу, тем более что археологические данные, и прежде всего раскопанный Артуром Эвансом дворец, обеспечивают нас определенными зацепками.

Кносский царь-жрец — с 1450 года до Р.Х. уже ахейский, то есть греко-микенский, — видимо, по-прежнему носил титул "минос". Восемь столетий Крит духовно главенствовал в Эгее, и тамошние цари возомнили, будто им одним принадлежит право наставлять цвет эгейского юношества и тем привязывать его к себе. Как и раньше, он каждые девять лет ожидал из Аттики семь юношей и семь девушек, которых присылали "в жертву" быку из его Лабиринта. Мы предполагаем, что за этим крылось намерение развить их духовно — так, как подобает людям знатного происхождения; это и значило, что кносский бык "пожрал" их души.

Итак, Тесей стал предводителем этой группы молодежи. Корабль отплыл из древней гавани Фалера в день рождения Артемиды — 6 мунихиона (26 апреля). Артемидо-Геката во всех таинствах считалась охранительницей врат. Четырнадцать молодых людей (мы бы сказали — студен-

тов) заранее, 24 апреля, в день рождения Афродиты, молили эту богиню о помощи и принесли ей в жертву козу, которая, умирая у алтаря, превратилась в козла. Измене- нию пола животного соответствовала хитрость Тесея: он передел девушками двух безбородых юношей, так что на деле в путь отправились пять девушек и девять юношей. В древности на Крите все жертвователи, в том числе и мужчины, для жертвоприношения и молитвы переодевались женщинами; вероятно, и здесь будущие мисты поступили так же, хотя бы отчасти. Позднее в Элевсине вообще все мисты появлялись в миртовых венках невест. Мист должен быть восприимчив, способен к зачатию, чтобы потом перерасти себя; на созерцательной ступени это означает: как мать сына, он должен произвести на свет новую, духовную личность. При этом естественный пол роли не играет.

Когда 8 пианепсиона (28 октября), то есть через шесть месяцев, Тесей вернулся и подле храма Аполлона Дельфиния принес благодарственную жертву Дионису и Ариадне, ему прислуживали те же два юноши в девичьем платье, украшенные осенними лозами с гроздьями винограда. Этот ритуал публично повторялся в Афинах из года в год 8 пианепсиона.

Минос в Кноссе похвалялся своим происхождением от (подземного) Зевса, и этот бог громом подтвердил слова царя. Тогда Тесей нырнул в морскую пучину и испросил у Посейдона золотой венок царицы моря Амфитриты как свидетельство своего божественного происхождения. Этот венок с алмазом посередине символизировал незримый орган ясновидения во лбу, глаз Полифема; так рассказывает поздний греческий поэт Нонн (V век от Р.Х.). Венок обеспечивал своему носителю тщательнейшее руководство главной жрицы, которая в служении носила имя богини Ариадны, "высокосвященной", и вправе была надеяться, что сумеет пробудить у "послушника" и иные мистические органы.

Отец критского царя Зан-Плутон и отец юноши Тесея

Ослепление Полифема

Тесей принимает золотой венок Амфитриты

Посейдон — это один и тот же божественный Отец; Посейдона, "супруга Владычицы", принято было воспринимать как внешнюю сторону Плутона, "богатого". Богатство есть потенциальная возможность, реальность же имеет пределы. Таинства — как глубинная философия — раскрывают эту возможность. Потому-то они даруют гениальное прозрение.

О Кносских мистериях Плутарх сообщает: царь назначил состязания, где его военачальник Тавр ("бык") должен был выступить против Тесея. И потому только, что Тесей победил, Минос благосклонно отпустил всех четырнадцать подростков на родину. Поскольку же на Крите за такими состязаниями наблюдали и женщины, царская дочь увидела победителя и, загоревшись любовью, уехала с ним. После трехдневного отдыха на прибрежном островке Наксосе Тесей оставил ее и тайком уплыл на Делос. Тогда бог Дионис (Плутон) забрал от туда свою невесту.

На Делосе Тесей принес жертву богу-покровителю своего ионийского рода, Аполлону, и оставил там статуэтку Афродиты из Кносса. В память о Лабиринте он учредил на острове особую пляску — так называемого "журавля", — которую исполняли еще много лет спустя. Под-

плывая к аттическому Фалеру, Тесей забыл сменить черный парус на белый, и его отец Эгей, истолковав это как знак крушения своих надежд, в отчаянии бросился в море. Посвященный Тесей стал царем города.

Точно так же и после Элевсинских мистерий мисты из практических соображений возвращались в черных одеждах, под стать трауру Деметры, хотя успешное завершение таинств по идее требовало белых. И во всех дионисийских мистериях бог — или царь — поначалу являлся стариком, а в конце — юношей. На небесах заключительный акт полного посвящения отражался как переход из созвездия Козерога в созвездие Стрельца. Муж под Козерогом (Козой) зовется Эгей ("козий царь"); для Тесея (после его посвящения под огненным Стрельцом) Эгей — уходящий со сцены царь.

Оставление Ариадны на Наксосе показывает, что мистическое переживание, совершенно естественно, нельзя закрепить в памяти в той мере, как физическое событие. От полного забвения Тесей защитил себя прежде всего пляской журавля как безмолвной краткой формой таинства и, наконец, статуэткой "Афродиты". Этот образ свидетельствует, что Ариадна была ипостасью Великой Матери, которая на средней ступени таинства превратилась в Пенорожденную (морем). На третьей, высшей ступени она стала Уранией ("небесной"); в мистическом же восприятии — звезднорожденной, вышедшей из косматой звезды.

Кроме того, пониманию мистерии способствует сохранившаяся в кносском дворце фреска, изображающая упомянутое Плутархом состязание, а также традиционное графическое представление Лабиринта в виде спиральной площадки для танцев⁸⁰.

Таинство в Лабиринте

Опираясь только на эту часть **предания**, правильного представления о схватке Тесея с Минотавром не составишь, необходимо привлечь на помощь весь путь становления героя, а вдобавок подсказки, которые дает минойское искусство. Разумеется, не можно учесть и звездный порядок египетско-критско-аттической группы богов во II дохристианском тысячелетии, который описан нами в главах "Звезды, мифы и созерцательные образы" и "Культовый календарь". Полное посвящение в ту давнюю эпоху началось в день Афродиты (24 апреля) под небесными Близнецами и достигало кульминации в октябре, под небесным Стрельцом. Тесей, как предводитель четырнадцати аттических "жертв" Минотавру, попрощался с Афродитой 24 апреля, покинул Аттику 26 апреля и вернулся домой 28 октября.

В главе "Звезды, мифы и созерцательные образы" мы соотнесли знаки Зодиака, планеты и стихии согласно указаниям античной астрологии, оговорив при этом, что причина данной последовательности планет неясна. В связи с таинством в Лабиринте напрашивается иной, естественный порядок по восходящей — от Земли через Меркурий и Венеру к солнцу. Но в этой южной культовой группе богов определенно имеет место возвратный ход по зимним знакам через Тельца и Овна до Стрельца.

Таинство в Лабиринте (слово это догреческое) начина-

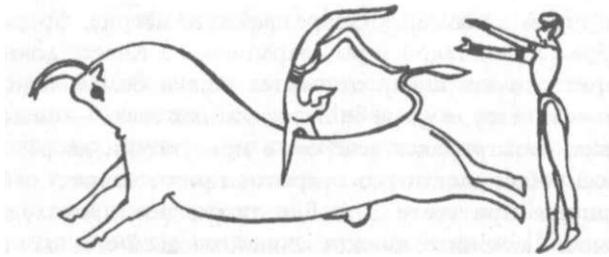

Дионисийское посвящение под Стрельцом

лось игрой с быком во дворе царского дворца; фрески с изображением такой игры сохранились в Кноссе доныне. Планетарно эта сцена относится еще к Земле, по стихии — к ветру, а на небе неподвижных звезд — к знаку Тельца. Разыгрываясь вечером в присутствии двора, она являла собой достаточно открытое приготовление, совершавшееся при свете дня. Все оккультное происходило ночью в Лабиринте, на окруженной высокой стеною круглой площадке, которую можно приблизительно представить себе по весьма схематичным древним рисункам, хотя в натуре она по сей день не обнаружена. Учитывая предание, мы полагаем, что Лабиринт состоял всего из двух спиральных витков и круглой, открытой сверху центральной площадки, величиной немногим более низкого, мощного камня крута, который относится к эпохе неолита (3000 г. до Р.Х.) и находится в часе пути оттуда, в "пещере Илифии" — Артемиды Родовспомогательницы, а она-то и руководила мистами. Ныне эта пещера служит овчарней. На просторной прямоугольной площади кносского дворца большие фрески живописуют игру с быком. А вот древняя аттическая роспись на вазах изображает

Жрица Ариадны перед таинством

Игра с быком во дворе кносского царя
перед таинством в Лабиринте

Придворная дама из Кносса наблюдает за игрой с быком

круглую середину Лабиринта, где мистов ночью ждал Минотавр.

Минотавр — наполовину бык (еще не конь!), наполовину человек; не в пример кентавру у него человеческое тело и бычья голова. На круглой площадке в Лабиринте могут стоя разместиться около трех десятков молодых людей. Все это в безлунную ночь озарялось светом звезд.

Игра с быком требовала мужества, решимости и ловкости. Срываю и несчастным случаям кносский двор, вероятно, даже радовался, ибо остальные претенденты тем самым осознавали всю серьезность происходящего. Как и египетская, здешняя культура не ведала сострадания; эту душевную силу человечество обрело только в последнем

дохристианском тысячелетии. На родину сообщали: по-жран Минотавром.

Из юношеских испытаний Тесея ближе всего к этому стоит единоборство с Синидом, разрывавшим путников в стихии воздуха. Синидово испытание и обряд, который менады совершали с ланью и зайцем, наводят на мысль, что быка в дворцовом дворе под конец тоже должны были растерзать на куски. Укрощение Марафонского быка, предпринятое Тесеем, видимо, следует расценивать как неудачную попытку перенести Кносские мистерии в Аттику. Однако установление Малых мистерий в Аграх прошло успешно.

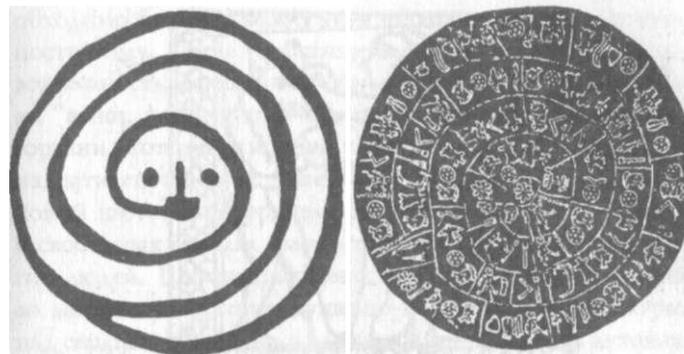
Мисты входили в Лабиринт через узкую низкую дверцу, с опущенной головой, в согнутом положении, двигаясь в танце задом наперед и держась за вымазанный кровью канат, который с силой тянул впередиидущий мистагог. Этот канат был "красной нитью" Ариадны. В наружном витке мистов ожидали подручные в звериных масках, главным образом "волки", и отнимали у них все, что можно: остатки бычьего мяса и лишнюю одежду, — норовя при этом причинить боль. Танец — прыжки с высоко вскинутыми коленями — продолжался под звериный рев и волчий вой.

Ныне нам трудно душою ощутить то, что переживали относительно стихий и планет тогдашние люди с их весьма неразвитой еще внутренней жизнью (неслучайно лица на ранних изображениях выглядят пустыми). Ведь и в нашей культуре за последние 200 лет было несколько десятилетий, отмеченных особой восприимчивостью к луне в тихую погоду или к ветру, теперь уже непонятной. Мы почти бесчувственны и неспособны уловить настрой подобной игры природы. Что же тут говорить о сердцах, открытых иным стихиям и планетам! И все-таки для мистов и мистиков — как прежде, так и теперь — достижение главной цели, созерцания, наполовину зависит от правильного настроя, от его тончайших нюансов. От древних критян и эллинов, к примеру, стихия ветра — планетар-

но под властью Луны (Гекаты), астрально под знаком Рака — требовала одного настроения, а стихия земли — под планетой Венерой и знаком Тельца — совершенно другого. Именно способность чувствовать оттенки настроения, а не осведомленность о смыслах созерцания, какие мы тут излагаем, и отличала древнего мистика. Вдобавок критяне II и III тысячелетия до Р.Х. "чувствовали" не умом и сердцем, а пляшущими ногами (кстати, как раз это Одиссей с благоговением наблюдал у феаков⁸¹).

Гомер, живший на четыре столетия позже Тесея, значительно лучше более ранних свидетельств доносит до нас то всеобъемлющее мироощущение, каким обладали древние и не обладаем мы. Его рассказ о богах уводит за пределы человеческой особи. Афродита, раненная в руку ахейским героем Диомедом, бросается в слезах к своей матери, титаниде Дионе. И та молвит: "Милая дочь, ободрись, потерпи <...> Так пострадал и Арей, как его Эфиальтес и Отос <...> страшную цепью сковали: скован, тринадцать он месяцев в медной темнице томился. <...> Гера подобно страдала, как сын Амфитриона мощный [Геркл. — Н.Ф.] в перси ее поразил треконечную горькой стрелой. <...> Тот же погибельный муж, громовержцева отрасль, Айдеса [Гадеса. — Н.Ф.], ранив у врат подле мертвых, в страдания горькие ввергнул". И лишь Аполлон сумел остановить храбреца Диомеда, сурово предупредив его: "Вспомни себя, отступи и не мысли равняться с богами"⁸².

Требующий всех сил танец задом наперед, со склоненной головой, уже сам по себе мог стимулировать одаренного миста к обнаружению во лбу душевного органа, который сказание о Тесее называет *венком Амфитриты*, а Гомер в "Одиссее" — *глазом Полифема*. Имя Полифем означает "бестолочь", "болтун", в лучшем случае "страдающий глосолалией". Здоровья ради без Афины здесь не обойтись. Окультное как бы дополняет упорядоченное сознание, объемлющее восприятие и рассудок. Оно не должно ущемлять это сознание, как у Полифема. Сам лобный сверхчувственный орган не развивает разум, он просто фиксирует духов-

Кносский Лабиринт.
Этрусское изображение

Лабиринт. Древнекритское
изображение

ное в виде образов. Этим глазом мист замечает голубя в облаках и косматую звезду на ночном небе, чему мешают собственные его желания и инстинктивные порывы, которые предстают в созерцании как нападающие звери. В Лабиринте этих зверей являли мистам во плоти. Сила чистого постижения, не опирающаяся на внешние чувства и рассудок, виделась в созерцании как звезда. Гомер в "Илиаде" так завершил этот образ: "Словно звезда, какую Кронион Зевс посылает знаменьем или пловцам, или воюющим ратям народов, яркую; вокруг нее несчетные сыплются искры, — в виде таком устремляясь на землю, Паллада Афина пала в средину полков..." (4,75)

Вслед за мистами мы попадаем во внутренний виток Лабиринта, где Гермес или иной провожатый приготавливает душу к метаморфозам, а Геката касается органа оккультного восприятия в области шеи, чтобы Афродита затем участливо открыла сердце. Виток заканчивается круглой площадкой Афродиты, которая зовется *морем*. Здесь властвуют небесные знаки Водолея, Козерога и Стрельца. Помимо нескольких волков — возможно, это собственные неподобающие ощущения мистов, — они встречают здесь безмолвных, белых как мел, нагих умерших. Эти новые спутники — свидетельство того, как трудно вызвать достаточно жаркую самоотверженность. В юношес-

Тесей и Минотавр. Эллинское изображение

ких испытаниях Тесея внутреннему витку соответствует встреча со Скироном, "хозяином белых скал", который грозил ученику мытьем ног и падением в море. В Скироновом море испытываемого преследовала черепаха. Древнеегипетская космогония в этом образе воздвигала землю из бесформенного праморя. Вот и здесь, в Лабиринте, посреди "моря" лежал большой камень, круглый и плоский.

После волчьего воя безмолвие мертвых было сущим благодеянием. Если понятная при этом холодность в сердцах молодых мистов таяла, уступая место пылкой преданности прозреваемому божеству — "отцу Посейдону", до этих сердец достигала нежная, космически-планетарная музыка, способная осчастливить иного Орфея.

Внутренняя спираль и "море" более не терпели никаких внутренних личин — не важно было происхождение, которое во II тысячелетии до Р.Х. ценилось едва ли не превыше всего, не важны были красота, имущество, положение, знания, умения, репутация, пол, высокое или низкое самомнение, помыслы и конкретные упования, — лишь сосредоточенность, гибкое, живое служение и преданность высокому, прозреваемому или еще неведомому. Не равенству людей — самой большой иллюзии на этом этапе становления — учили там через поступки, а горячей искренности, насколько ее уже развивала тогдашняя религия. Не-

обходимо было острое чутье к обретенной силе и преданности тому, для чего посвящение и судьба предоставляют возможность. Такая позиция и настрой пробуждали не только "венки Амфитриты" или подобный же орган в области гортани, который позднее в Элевсине именовался шестнадцатилепестковым "цветком", но и двенадцатилепестковый цветок над сердцем. Венки Амфитриты показывают в свободных формах умонастроение и образ мыслей других людей. Шестнадцатилепестковый "цветок Элевсина" во многом раскрывает душевно-живое окружение. Орган над сердцем позволяет услышать музыку и песнь духовных наитий. Как сказал поэт:

**Дремлет песнь в любом предмете,
И душа во всем жива,
Все откликнется на свете
На волшебные слова*.**

Орган, расположенный ниже, обеспечивает доступ к талантам и возможностям других, к сокровищам Плутона.

Вернемся, однако, к Тесею. Что произошло с ним на круглой площадке посреди Лабиринта? Когда вереница мистов вместе с мертвецами добралась до "моря", все они выстроились вдоль стены и бросили канат, наслаждаясь долгожданным покоем. Волки остались снаружи. И мистагог, тянувший канат, тоже до поры до времени исчез. Кому сердце поверяло это, тот прозревал и слышал "звук, рожденный без прикосновения", словно сами планеты пели, то отдаваясь в напряжении, то сближаясь; "музыка сфер" — так впоследствии назвал это Пифагор. Немного погодя мистагог вернулся с лирой и протянул ее одному из мистов, в котором заметил умиленное волнение, чтобы тот хоть немного повторил на струнах.

Тесей присел на круглый камень посередине и тихо заиграл, прислушиваясь и сам. Остальные, спокойно вышагивая, скоро подхватили знакомую песню во славу

* Перевод Е.В. Витковского.

Певец в Лабиринте. Эгейская культура

Афродиты. Затянул ее мистагог, но без слов. Потом он снова исчез. Эту сцену описывает Гесиод в "Щите Геракла": блаженные ведут хоровод в озаренной светом части Гадеса (*Элизии*), посередине, играя на кифаре, сладостно и печально поет могучий сын Лето — Аполлон.

Шествие и песня заканчиваются, и в крут мистов врывается бык; вернее, у этого существа человеческое тело и бычья голова. Играл эту роль мистагог. Он выхватил у Тесея лиру и столкнул его с центрального камня. Герой вступил с ним в борьбу, как с каким-нибудь Антеем. Если в этом нападении и не было логики, в нем все же были метод и цель: умиротворенность и небесная музыка исчезли. Тесей очутился на земле возле круглого камня, и тут он вспомнил о похожем камне ранней юности, под которым некогда нашел меч и сандалии.

Он быстро поднял и этот камень — вместо меча под ним обнаружилась сухая тростинка, тлеющая изнутри. Огонь в тростинке стал оружием героя — он поджег бычью маску противника. Тот поспешно сорвал охваченную пламенем звериную личину, и взорам явился юноша, точь-в-точь Гиакинф-Аполлон. Впрочем, по другим свидетельствам, это была Ариадна.

Даже если мы согласимся с последним, мы все равно не сможем однозначно истолковать созерцательный об-

раз. Это могла быть *Афродита Анадиомена*, богиня Венера, что свежая, как роса, выходит из моря, а с другой стороны, поскольку здесь участвует огонь, не исключено, что внутреннему взору открылась дева с младенцем Иахом. Так или иначе, у мистов пробудились оккультные органы над лбом, гортанью и сердцем, и они сумели узреть *Афродиту Уранию*, Небесную Жену в солнечной ауре, на лунном серпе, а затем наблюдали, как она преображается и в конце концов держит на руках младенца Диониса — будто и не требовалось превращений от змеи, рожденной Персефоной в Гадесе, до бородатого мужа, прибывшего к берегу на *carrus navalis*, до дня рождения Афродиты на Пасху и далее вспять, к младенцу Иахку.

Раз Тесей сам, сидя на круглом камне, играл на лире, словно музыкант Гиакинф, и созерцал мистического младенца, значит, в танце он снова и снова повторял хвалебный клич: "Paide [младенец, мальчик. — Д.Л.] Βακχε Paide-Pai-Paian! Io, Io, Io-Iakche!"

Еще с именем несказанного младенца на устах — несказанного, ибо речи вносят смущение, ведь дело-то идет о душевном возвышении человека, — мисты длинной чередой, теперь уже без каната, возвратились в царский двор. Настало утро. Царь велел препроводить их в трапезную и молча разделил с ними завтрак.

Между тем жрица-царевна — мы называем ее Ариадной — в своем подземном святилище, малом подобии Лабиринта, принимала каждого миста отдельно. Вход наводит на мысль о спирали, само помещение напоминает "море", закругление отсутствует. Каменный стол под окном испещрен мелкими священными письменами. По просьбе Ариадны каждый рассказывал, что видел, слышал и пережил в Лабиринте. Сама она ничего к этим сообщениям не прибавляла. Кто остался слеп и глух, от нее тоже ничего не узнавал. Если же открывалось глубинное, она повторяла и дополняла рассказ, чтобы все запомнилось правильно и надолго. В особенности три образа никогда не проходили мимо ее внимания, стоило хотя бы вскользь

Ариадна после таинств

упомануть их в рассказе: косматая звезда, поток золотых рыб и Небесная Жена, в какой бы ипостаси ее ни созерцали — только лишь Афродиты или матери младенца Иакха.

На память либо попросту в знак участия она одаривала каждого тем, что ему под стать: кносскими бычьими рогами, изображением волкочеловека и проч. Тесей получил резную статуэтку Небесной Афродиты.

Микенская религия и древнейшие культы в Афинах и Элевсине

По свидетельству археологов, раскопавших в Элевсине маленький храм "владычиц", мистерии существовали там еще в микенскую эпоху около 1550 года до Р.Х., а поскольку эти таинства бытуют в обрядах, которые мало подвержены изменениям и отражаются в мифах, нам полезно ознакомиться с богословием или мифологией тех времен.

К числу микенских городов-государств, безусловно, принадлежали Пилос, Амиклы, Тиринф, Коринф, Фивы, Афины, Элевсин и — начиная с XIII века — также завоеванный греками критский Кносс. Наивысшего расцвета эти государства достигли в XVII и XVI веках до Р.Х.; не позднее чем к концу этого периода в Элевсине был построен первый Дом посвящений. Культы, верования и практический опыт эти государства заимствовали у крито-минойской культуры, которая была еще на тысячу лет древнее. Сюда относится и слоговое письмо, которое археолог Артур Эванс обнаружил в 1900 году на глиняных табличках кносских хранилищ. Назвали его *линейным письмом Б*, оно прочитано, язык — греческий.

Прежде чем обратиться к религиозной части 600 коротких текстов, записанных на табличках, мы остановимся на более древних преданиях Эгейского региона вообще.

Самый ранний религиозный памятник в Эгеиде — неолитическое городище возле турецкой деревни Чатал-Хююк в Южной Анатолии, неподалеку от Коньи, где Джеймс Мелларт в 1961 — 1963 годах провел первоначальные раскопки. Тамошные культовые помещения и идолы доказывают, что религия крестьян и ремесленников в VIII и VII дохристианских тысячелетиях уже была сходна с древнекритской, датируемой четырьмя тысячелетиями позже; обе легли затем в основу раннегреческой религии.

Мелларт так описывает духовные небеса над Чатал-Хююком: "Семейство богов было подобно человеческо-

му семейству; четыре его аспекта в порядке важности таковы: мать, дочь, сын и отец, — а тем самым возникает вопрос, сколько богов видели в них люди неолита — четырех или только двух, потому что мать и дочь (или, возможно, девушка и мать) суть всегда лишь два аспекта понятия "женщина", а сын и отец — две стороны понятия "мужчина". Общее впечатление говорит в пользу двух божеств — Великой Богини и ее сына и возлюбленного. Однако великолепная работа из слоновой кости, найденная на микенском акрополе, соответствует упоминанию о "двух владычицах" в кносских текстах⁸³.

Грекоязычные племена расселились на Южных Балканах и островах Эгейского моря в начале II тысячелетия до Р.Х. Догреческую культуру, существовавшую в этом регионе примерно до 1900 года до Р.Х., принято, вслед за древними, называть *пеласгской*, или *карийской*. О том, каков был тогдашний язык, можно лишь догадываться по топонимам вроде *Элевсин* или *Коринф*. Материально сохранились остатки построек, оружие, украшения, скульптуры и прочие предметы культуры⁸⁴. Религия этих племен, как и обнаруженная при раскопках материальная культура, поначалу, видимо, шла из Анатолии, а впоследствии испытала значительное влияние Крита.

"Минойская" культура древнего Крита датируется началом III тысячелетия до Р.Х. Благодаря развитому судоходству она поддерживала постоянный контакт с Древним Царством (Египет). В начале II тысячелетия в столице, Кноссе — открытом в 1900 году А. Эвансом, — в средней части северного побережья, к югу от нынешнего Ираклиона, и в некоторых других местах на юге и востоке острова были для культовых и административных целей воздвигнуты огромные дворцы. Поскольку греческое предание называет древнего царя Кносса *Миномом*, что, вероятно, было титулом вроде *фараона* (Великий Дом), мы обозначаем эту культуру как *минойскую*.

Во II тысячелетии в Кноссе пользовались слоговым письмом, которое впоследствии заимствовали греко-микенские завоеватели. Хотя мы вот уже более тридцати лет умеем читать раннегреческий язык Микен, Пилоса и других городов материка, аналогичный по шрифту минойский расшифровать до сих пор не удалось.

Минойская религия угадывается в расставленных повсюду символах — вырезанных из стеатита бычьих рогах и двойных топориках-лабрисах. Изображения на геммах и на стенах дворцов также сообщают кое-какую информацию. На этих изображениях преобладают морские мотивы, причем, как ни странно, в первую очередь подводные. Помимо этого можно видеть, скажем, танцора перед алтарем, над которым свободно парит некая фигура, толкуемая нами как божество. Особенно впечатляет в кносском дворце фреска на стене внутреннего двора — изображенные в натуральную величину юноши и девушки подбегают спереди к быку, делают стойку на его рогах и соскакивают, совершив сальто назад.

Высокогорные пещеры зачастую служили местами жертвоприношений, о чем и свидетельствуют остатки костей животных. В глубокой пещере среди холмов юго-восточнее Кносса — у Гомера об этой скале упоминает Одиссей (Од. 19,189), и посвящена она была *Артемиде Илифии* — есть неолитическая (ок. 3000 года до Р.Х.) мощеная площадка спиральной формы, похожая на миниатюрный лабиринт. На алтарях под открытым небом приносили в жертву цветы, зеленые ветви, плоды, рыбу, зерно, лепешки, вино, мед, мак, вазы и одежду, но не теплокровных животных. Судя по изображениям на печатях, при культовых отправлениях все, в том числе молящиеся мужчины, носили одежды, в которых обычно ходили только женщины. Долгое время считалось также, что в древности на Крите не существовало особых храмовых построек. Однако в 1979 году в семи километрах к югу от Кносса греческие археологи И. и Э. Сакелларкисы нашли маленький трехкелейный храм, разрушенный

землетрясением ок. 1700 года до Р.Х. В одном из помещений обнаружили все приметы животной жертвы вместе с ножом, а также скелет мужчины лет восемнадцати. Ввиду этого приходится допустить, что минойцы, как тогдашние микенцы и сирийцы, приносили своему божеству и человеческие жертвы⁸⁵.

Останки жертвенных животных обычно находили только возле пещер. В Древнем Крите отсутствуют типичные для Греции большие алтари, на которых под открытым небом сжигали жертвы, равно как и в домах отсутствуют прямоугольные греческие очаги. Лишь дорийцы, пришедшие на остров между 1200 и 1000 годами, строили дома с передней и прямоугольным очагом, а перед храмами — жертвенники, подобные упомянутым выше.

Не следует опрометчиво считать небольшие минойские алтари для цветочных жертвоприношений на свежем воздухе знаком чувствительной набожности. Ведь кносская игра с быком вполне могла предварять культовый ритуал, в ходе которого юные акробаты живьем разрывали своего быка на куски и поедали его сырое мясо. Греческие обряды, связанные с Дионисом, наводят на мысль о минойских праформах. Масштабный, жуткий праобраз того, что уже в христианскую эпоху греческие женщины и девушки проделывали с молодыми косулями и зайцами на буйных празднествах в горах, безусловно, разыгрывался во внутренних дворах древнекритских дворцов перед придворной знатью, однако это были мистерии, на изображение которых налагался запрет. Кносский сын-бык по имени Минотавр при Тесее (1100 год до Р.Х.) якобы пожирал аттических юношей и девушек; культ, лежащий в основе этой легенды, видимо, наяву воплощал обратный ее содержанию праобраз. Разумеется, во время игр иной раз кто-то и погибал.

Имена минойских богов пока неизвестны. Фигуры богов, однако, можно описать по мелким изображениям на геммах и золотых перстнях; подспорьем служит и древнегреческое предание о Крите: мы угадываем в них Вели-

кую Мать; рядом с нею стоит между львами "горная богиня", возможно являющая собой вторую ее ипостась. Есть еще богиня — или же ипостась — с голубями, а также — со змеями в руках⁸⁶.

Составить представление о древнекритских мужских божествах лучше всего помогает греческое предание об этом острове: "Зан", или Зевс, родился в диктейской пещере, в горах на востоке Центрального Крита. Там для него плясали вооруженные нагие юноши, в протомифах, видимо, по двое. Этот Зевс мог принимать образ быка. Так он поступил, например, когда умыкнул на Крит из Тира финикийскую царевну Европу. В Европе, "широкоглядящей", или "большеглазой", греки-беотийцы видели ипостась богини Деметры³⁷; приходит на ум и Горгона, убивающая взглядом. А вообще кносский "владыка быка" был водным богом, которого греки называли *Посейдон* — "супруг владычицы".

Впрочем, весьма сомнительно, чтобы минойцы уже различали трех божественных братьев — Зевса, Посейдона и Гадеса-Плутона. Вероятно, для них существовал лишь один: в дневном облике как Зан-Посейдон и в тайном, ночном — как Плутон, "богатый". Некоторые минойские сказания, соотносимые только с Посейдоном-Плутоном — например, сказание о похищении Европы, — были позднее отнесены греками-дорийцами, завладевшими островом, к гомеровско-олимпийскому Зевсу.

Согласно Солону, еще и в классическую эпоху афиняне связывали с таинствами бога Зана-Зевса минойских времен, называя его Мэлихием, "милостивым", то есть подземного Зевса, или Плутона, который охотно являлся в змеином обличье. Но в мистерии диктейской пещеры Зан обращался в ребенка. Юноши плясали там, бряцая оружием, чтобы — по позднейшим толкованиям — его отец Кронос не услышал плача, иначе бы он пожрал новорожденного младенца⁸⁸. Ситуация вполне под стать и Дионису. В пещере долгое время показывали надгробие с надписью: "Здесь лежит великий Зан, которого они зовут

Зевсом"⁸⁹. Этот Зан был, вероятно, господином мертвых, что звался в Элевсиниях Дионис-Плутон.

Минойская культура угасла постепенно — закат ее начался, видимо, в XV веке до Р.Х., когда Крит пострадал от сильных землетрясений; судя по достоверным источникам, следующий удар был нанесен около 1370 года, когда "микенские греки завоевали главный город минойцев Кнос, и еще один — около 1220 года, когда произошло катастрофическое извержение вулкана Санторин. Довершило этот процесс новое заселение острова дорийцами на рубеже тысячелетий. Таким образом, мы и здесь вновь сталкиваемся с "микенскими" греками, которых на Пелопоннесе те же дорийцы оттеснили в горы Аркадии. Аркад был сыном Арктос, "медведицы", то есть богини Артемиды.

Культ аркадской Реи тоже предусматривал месяц гнева, но Рея гневалась не из-за похищения дочери, как Деметра, а из-за того, что Посейдон надругался над ее честью; в результате на свет родилась неистовая богиня Артемида. Лишь из второго, добровольного союза родилась Персефона, и это примирило Рею. Данный миф о Рее почти так же близок Элевсинским мистериям, как миф о Деметре из V гомеровского гимна.

В микенскую эпоху, как свидетельствуют письменные памятники, над богами царил не Зевс, а Посейдон. Конечно, Зевс уже был, но считали его не верховным богом, а, вероятно, только олицетворением грозовой бури. В остальном на табличках встречаются приблизительно те же имена богов, что у Гомера, и среди них — для многих ученых неожиданно — имя Диониса. Некоторые боги, например Аполлон и Арес, упомянуты под именами, которые Гомер использует лишь как эпитеты. О Геракле, своем земляке из Тиринфа, микенцы, похоже, не знали. Вот почему мы датируем предание о нем только XIV веком.

Во II тысячелетии об Аполлоне свидетельствует прежде всего его святилище в Амиклах, к югу от Спарты, где он звался Гиакинфом. Тарентинцы, спартанские колонисты VIII века, вообще называли Аполлона только Гиакин-

фом⁹⁰. Позднее в Амиклах использовали оба имени, причем Гиакинф был подземным богом; человеком, спутником божества, он стал лишь в более позднем античном мифе. Аполлон по нечаянности убил его, бросив диск, малое подобие солнца.

Павсаний так описывает святилище в Амиклах (III.19,1—4), которое спартанцы еще и в его время, во II веке от Р.Х., посещали по случаю самого большого, трехдневного праздника в жаркую пору года: "Среднее сиденье — самое обширное из всех и на нем стоит статуя бога [Аполлона. — Д.Л.]. Я не знаю никого, кто измерил бы ее точной мерой, но так, на глаз, можно было бы дать верных тридцать локтей. Это творение <...> очень древнее и сделанное без всякого искусства. Если не считать того, что эта статуя имеет лицо, ступни ног и кисти рук, то все остальное подобно медной (бронзовой) колонне. На голове статуи шлем, в руках — копьё и лук.

Пьедестал этой статуи представляет форму жертвенника, и говорят, что в нем был похоронен Гиакинф и что во время праздника Гиакинфий еще до жертвоприношения Аполлону они приносят жертвы, как герою, этому Гиакинфу, проникнув в этот жертвенник через медную дверь: эта дверь у жертвенника находится налево. На этом жертвеннике сделаны: одно изображение Бирис [или Ириды. — Д.Л.] в виде рельефа и другое — Амфитриты и Посейдона. Рядом с Зевсом и Гермесом, беседующими между собою, стоят Дионис и Семела, около нее — Ино [как помощница. — Д.Л.]. На жертвеннике сделаны изображения Деметры, Кору и Плутона, а за ними Мойры и Горы, вместе с ними — Афродита, Афина и Артемида: они ведут на небо Гиакинфа и Полибою, как говорят, сестру Гиакинфа <...> На жертвеннике сделано изображение и Геракла, которого Афина и другие боги тоже ведут на небо".

Святилище в Амиклах сохранилось примерно в том виде, какой оно имело в позднемикенскую эпоху. Тамошние изображения богов свидетельствуют, что до вторжения до-

рийцев на Пелопоннес и на Крит в XI веке до Р.Х. амиклейскому Аполлону-Гиакинфу, как и Гераклу, были доступны и подземный мир, и небеса, а именно это являлось конечной целью и для мистов; упомянутые изображения указывают также, какие божества оказывали при этом помощь, а значит, могли участвовать в мистериях. Судя по более поздним памятникам, из изображенных здесь богов лишь олимпийский Зевс оставался от таинств в стороне.

По данным раскопок, плоская от природы вершина крутого холма, который стал афинским акрополем, служила местом человеческих поселений с VII тысячелетия до Р.Х. В 1500-1250 годах до Р.Х. там располагался дворец, поначалу неукрепленный. Окружавшие его дома ремесленников и склады исчезли без следа. Около 1300 года до Р.Х. по верхней кромке холма возвели защитную стену с воротами на север и на запад. Северные ворота уже около 1250 года были замурованы, так что остался лишь западный вход. Перед ним возник небольшой нижний город в форме узкого серпа, площадью около 30 000 кв. метров, который между 1220 и 1210 годами до Р.Х. также был обнесен стеной. Но еще до 1200 года все снова было разрушено⁹¹. Бурный XIII век положил конец "микенской" крепости и ее культуре.

В древнейшей крепости было одно место, о котором писал путешествовавший по Греции в 160 году от Р.Х. Павсаний и которое удалось вновь найти в 1937 году. Относится эта находка примерно к концу "микенской" эпохи в XIII веке до Р.Х. и связана с неким культом.

На северной кромке холма, между воротами XIII века, Павсаний видел лестницу и вход в подземелье, которое и в его время (160 г. от Р.Х.) служило малому, тайному культу Афины, хотя почти никто уже об этом не помнил. Он сообщает: "Говорят, что первым царем в современной Аттике был Актей. После смерти Актея власть принял Кекроп, женившийся на дочери Актея; у него родились дочери Герса, Аглавра и Пандроса <...>. Власть Кекропа

принял Кранай <...> впоследствии он и сам был изгнан Эрихтонием <...> Говорят, что у Эрихтония не было отца из числа смертных людей, но что его родителями были Гефест и Земля" (1.2,6).

Здесь сведены воедино три сказания о мифических древних царях. Павсаний продолжает: "За храмом Диоскуров находится священный участок Аглавры. Говорят, что Аглавре и ее сестрам, Герсе и Пандросе*, Афина дала [младенца. — Д.Л.] Эрихтония, положив его в ящик и запретив им любопытствовать, что там положено. Пандроса, говорят, послушалась; ее же две сестры, открыв ящик, сошли с ума, увидав Эрихтония, и бросились вниз с акрополя, там, где он был особенно крутым" (1.18,2).

Добавим: эти сестры были из числа городских богов, к которым аттическая молодежь по обычаю обращалась с молитвой, поступая на военную службу. Значит, культ их был древним и считался некогда очень важным. Как утверждает в своем Лексиконе Стефан Византийский (ок. 520 г. от Р.Х.), они были духами плодородия.

Павсаний далее рассказывает: "Недалеко от храма Афины Полиады [Парфенона на акрополе. — Д.Л.] живут две девушки [их было три. — Д.Л.]; афиняне называют их "аррефорами". Они известное время живут при богине, а когда наступает праздник, вот что они делают ночью. Они ставят себе на голову то, что даст им нести жрица Афины, причем ни дающая не ведает, что она дает, ни несущие не знают, что они несут, а в городе есть огороженное место недалеко от Афродиты "В Садах", и на этом участке подземный естественный ход; сюда-то и идут девушки. Спустившись в это подземелье, они оставляют то, что принесли, и берут другое, тоже закрытое [в кувшинах. — Д.Л.]" (1.27,4).

Лестницей Павсанию воспользоваться не дозволили; иначе бы он заметил то, что в 1937 году обнаружила лопа-

* Аглавра была богиней солнечного света, Герса — богиней росы и Пандроса — богиней весеннего дождя.

та археолога: ступени ведут не в нижний город, где у подножия крепостного холма находились "сады Афродиты", а кончаются на полпути, в открытом "гроуте Аглавры"; там лестница сворачивает к глубокому колодцу в скале. Речь идет о колодезном ходе, каковые встречались и в других городах того времени, например в Микенах и Иерусалиме. Он был построен вместе с воротами в середине XIII века до Р.Х., однако прямому назначению служил, как показывают осколки кувшинов для воды, всего-навсего лет сорок. Затем внизу с западной стороны возвели стену, за которой лежали другие, видимо более обильные колодцы. Примерно к 1200 году до Р.Х. впервые возник маленький, укрепленный нижний город⁹².

Поскольку тайный колодец в горе более не использовался, нижняя часть хода обрушилась, а верхняя часть, до открытого грота высоко на склоне, отныне служила только потаенному культу "росных" сестер. Этот культ по меньшей мере ровесник хода, если не старше, и наводит нас на мысль, что Афина в ту пору выполняла задачи, впоследствии отошедшие к Деметре. Кстати, персы в 480 году якобы пробрались вверх по этому гроту, чтобы захватить крепость. В Иерусалиме в 1005 году до Р.Х. Давидов военачальник Иоав тоже воспользовался таким ходом, чтобы ночью проникнуть в город и взять его (Втор. 5).

Три семи-одиннадцатилетние "росные" сестры относили в недоступный грот и приносили обратно ту же субстанцию, с которой афинские женщины совершали шествия во время праздника Скира, на Троицу; беотийские женщины пользовались ею в роще Деметры и Кору возле местечка Погнии, или "Владычицы". Павсаний сообщает: "Они опускают [убитых. — Д.Л.] поросят-сосунков в так называемые "мегароны" (подземные залы)" (IX.8,1). Разложившаяся к сентябрю-октябрю субстанция поистине была *неописуема*. Аттические девушки, видимо предполагая увидеть в кувшинах змея-Эрихтония, заглянули туда, и разум их помутился. Смотреть на содержимое кувшинов не следовало. Перед нами — тайна октябрьского праздника Арре-

форий, мистическим развитием которого предположительно являлись Великие элевсинские мистерии.

При этом возникает вопрос. Согласно элевсинским воззрениям, дочь Деметры Персефона родила сына Иакха. А согласно древнему публичному культу и по преданию, которое связывает Афины с Гефестом, Афина зачала — только для праздных зевак это якобы сделала Земля — от кузнеца сына Эрихтония. Если во II тысячелетии микено-ахейской эпохи Афина еще сама исполняла Деметрины плодотворящие волшебства, значит, в ту пору она могла играть и роль Персефоны. Обе богини, таким образом, имели дело с землей и огнем. Позднее, в начале I тысячелетия, плодотворящие функции сосредоточились в руках одной только Божественной Матери, душевное развитие тех же процессов вело к божественной дочери. Обе эти роли в раннюю эпоху принадлежали Афродите. Лишь она могла быть девой, выходящей из моря, затем стать воительницей, затем посетить подземный мир и зачать от тамошнего владыки сына, который в свое время станет в верхнем мире царем и ее возлюбленным Адонисом ("моим господином") и умрет, чтобы вернуться к подземному отцу, "Богатому", и вновь сплавиться с ним воедино до той поры, пока вновь не придет богиня. Вот именно этой Афродите и поклонялся Тесей. Ее статуя — копия с древней скульптуры, в стиле Фидия — сохранилась в Афинах на исконном месте.

Поскольку же в Аркадии еще и в классическую эпоху была "Афродита Вооруженная", или "mechanitis"⁹³, и поскольку не одна лишь Афродита вышла из моря, но и Афина именовалась Тритогенеей, то есть "рожденной Тритоном", а Тритон был водным божеством, мы можем сделать вывод: древнейшей богиней в Афинах была Афродита. В одной ипостаси она выполняла функции, которые Деметра и Персефона выполняли по отдельности.

Тогда Афина не была еще царицей и родительницей мысли, она была защитницей царской крепости — вооруженной Афродитой". Именно ее устами прорицали

Афина. Статуя на акрополе, работы Фидия Афина Парфенос. Статуя Фидия

мертвые, так же как и устами Персефоны. Гефест — особая ипостась владыки подземного мира, "Богатого", или Плутона, — всегда был оружейником, Афродита-Афина — оружейных дел мастерицей. Гомер считает связь Афродиты с Гефестом совершенно законной, то есть изначальной. На новом акрополе, сооруженном около 600 года до Р.Х. Солоном, Афина обитала в храме Гефеста и имела сына от бога-кузнеца — Эрихтония, первого царя города. Стало быть, более поздняя городская богиня Афина — владычица мыслей — выделилась из архаичной Афродиты уже после Тесеевой эпохи (после 1100 года до Р.Х.). В шутку можно утверждать, что эта богиня явилась из головы олимпийского Зевса лишь в IX—VIII веках до Р.Х.; в малоазийской Ионии это было скоро замечено и воспето Гомером; в Афинах и Элевсине сия новость стала достоянием народа только в VI веке.

История богини Афины позволяет подобным же образом взглянуть и на Элевсинские мистерии и предположить, что во II тысячелетии они существовали как некий культовый минимум — праформа, претворенная в танце Близначев. Учитывая мифологическое иносказание, можно представить себе, что Отец присутствовал там незримо, ибо молитвы и гимны были обращены именно к нему.

В искаженном видимом образе он являлся как Золотой телец, как "царственное животное", или Минотавр и проч. По праву зримо выступали тогда Афродита, довольно смутно, и совершенно отчетливо, на переднем плане, — двое вооруженных куретов. Персонажей для обряда посвящения в любом случае достаточно, а тем более для посвящения совершеннолетнего юношества, которому предстояло впервые взять в руки оружие.

Коренной перелом внешне совершился в Аттике в XIII веке, в эпоху, когда Моисей пас стада в земле Мадямской. Около 1250 года до Р.Х. древнейшая афинская крепость на западном склоне холма была разрушена, но открытое поселение у подножия холма уцелело, а возможно, возникло вновь. В XII веке легендарный основатель нового города, царь Тесей, призвав к себе окрестных жителей, расширил это поселение и укрепил его. Царя Тесея предание связывает с Кноссом, который в ту пору представлял собою уже не древнеминойский, а греческий город, хотя архаический культ там, возможно, еще не угас. Впрочем, не исключено, что предание отражает духовное господство Древнего Крита над побережьями материковой Греции, характерное для более поздней эпохи.

Тесей расположил свою агору — рыночную площадь — на гребне между акрополем и ареопагом, укрепил поселение впятеро большее, чем то, что было здесь прежде, однако до "нового рынка" на западе еще не добрался — при нем там находился некрополь. Классическая рыночная площадь с храмом Гефеста и Афины на возвышении датируется лишь VII веком до Р.Х. Позднейшая богиня-дева в ту пору была женой кузнеца.

О древнейшей истории строительства Афин стоит сделать еще одно замечание, немаловажное с точки зрения Малых мистерий, происходивших за речушкой Илосс. Архаические Афины, отчасти оказавшиеся за пределами построенной Тесеем стены, находились — если не считать храм Диониса на Болотах — по ту сторону, то бишь между рекой и крепостным холмом.

Итак, древнейший город был разрушен, но открытое поселение у подножия холма продолжало существовать или возникло вновь. Городское предание гласит, что тамошним царем был Тесей, связывая его тем самым с XII веком.

О Тесеевом городе археолог Я. Травлос пишет следующее: «На агоре Тесея до конца VII века постоянно шло строительство. Этот комплекс включал: 1) святилище Афродиты Пандемос с особой оградой, в которой проходили Народные собрания, а кроме того, целый ряд других храмов: 2) Гермеса, 3) Деметры Хлои (зеленых всходов на Рождество), 4) Геи Куротропос, 5) Килонейон и, вероятно, 6) Бузигион. Однако знаменитый ареопаг — место на одноименном холме, где велся суд, — лежал вне Тесеевой стены. Все упомянутые святилища (1—6) находились за пределами дотесеевой стены XIII века, а это лишний раз подтверждает, что Тесей застал нижний город неукрепленным. Классический рыночный холм и пространство Новой агоры вплоть до Солона использовались только для захоронений. А поскольку захоронения, кроме могил героев, всегда помещались за чертой древних эллинских городов, Тесеева стена, правда пока не обнаруженная, на севере не доходила до нового рынка, который в классическую эпоху был той самой агорой»⁹⁴.

На юге и юго-востоке Тесеева города, ближе к Иллису, но опять-таки вне стен, находятся архаические святилища из тех, что видел здесь еще Тесей: священный участок Аполлона Дельфиния с древним судилищем, затем священный участок Геи возле земляной расселины, куда во времена Девкалиона, по преданию, схлынули воды потопа. В эту щель 13 анфестериона (3 февраля) бросали пшеничную муку и мед — для умерших. На юге располагалось святилище Крона и Реи, далее — Диониса на Болотах Иллиса; там стояла — сохранившаяся донныне в копии — герма "Небесной Афродиты, старшей из сестер — вершительниц судеб (Мойр)", как гласила под-

пись. Еще была могила героя — древнеаттического царя Кодра, а также могила до-дорийского властителя Ниса из Мегары, изображенного в виде "царя с золотыми волосами"* — кносский царь Минос якобы убил Ниса во время военного похода, обрезав ему волосы. Дальше по берегу можно видеть место, откуда северный ветер Борей, по преданию, похитил царевну Орифию, одну из ипостасей Артемиды⁹⁵.

Вполне вероятно, что аналогичным образом между 1600 и 600 годами до Р.Х., вплоть до Солона, развивался и самостоятельный и, пожалуй, не менее древний соседний город Элевсин; только здесь поселение и в I тысячелетии от Р.Х. оставалось на вершине холма, так как внизу была расположена уже тогда запретная священная территория "Матерей". Если в III дохристианском тысячелетии город тоже находился у подножия холма, значит, пещера, которая вплоть до последнего периода отчасти использовалась для таинств, была достаточно удалена от домов, так что в ней и перед ней можно было справлять простейшие таинства, где главную роль играли вооруженные Близнецы. "Обе матери", возможно, не старше вооруженной Афины, но много древнее Афины-девы; мы полагаем, что впервые они появились в XVII или XVI веке, и маленький храм "Владычиц" — Анакторон, — воздвигнутый в 1550 году, соответствует этому допущению. Неизмеримо старше, однако, Афродита с сыновьями — Утренней и Вечерней звездой.

Об этапах религиозной истории Аттики в I тысячелетии до Р.Х. можно лишь строить догадки исходя из более поздних сообщений Гомера и Гесиода в VII веке до Р.Х. В процессе становления Элевсинских мистерий каждый из этапов безусловно учитывался и частью входил в таинства, а частью подлежал исключению — вот как Зевс Олимпийский. Воспроизвести эти этапы в мистериях мы не в

* У Павсания в "Описании Эллады" — с пурпурными (1.19,5).

состоянии. Нам удалось только в самых общих чертах обрисовать раннюю фазу развития.

О религии древнего Элевсина и других городов той же культуры свидетельствуют таблички из Пилоса в позднейшей Мессении (Зап. Пелопоннес). Относятся они к эпохе постройки первого Анакторона. Найденные лишь после 1950 года таблички, числом около 600, с такими же письменами и на том же языке, что и в Кноссе, упоминают пять различных божественных "*do-po-ta*", по-аттически "*des-po-tai*", или "Владычиц". Не исключено, что речь идет об одной богине, которую в пяти разных культовых центрах называли по-разному. Ведь в горной Аркадии, куда во второй половине XIII века укрылось от вторжения дорийцев микенское население, сохранившее, как и на Кипре, древний язык и древние обычаи, — в горной Аркадии путешественник и историк религии Павсаний, побывавший в этих краях между 170 и 180 годами от Р.Х., застал широкое почитание богини Персефоны, или *Персефатты*, которую обыкновенно звали просто Владычицей; вероятно, люди избегали произносить ее имя⁹⁶.

Табличка XIII века из Микен упоминает некую "*Potnia situ*" — "Владычицу зерна". В Аттике так обозначали Деметру; однако не надо забывать, что, согласно Павсанию, в древних, важных культовых центрах Аркадии отцом "Владычицы" (Персефоны) считался не Зевс, а Посейдон и что мать Персефоны в Аркадии полагали не Деметру, а Рею.

Рассматривая алтарь Аполлона в Амиклах, мы видим, что там изображены те же боги, которые участвуют в Элевсинских мистериях, и обнаруживаем, что амиклейский Аполлон, связанный с летним солнцем — этим убийственным диском, — имел подземного двойника, какового мы, по желанию, вправе назвать Дионисом или Гиакинфом.

Из героев пилосские таблички упоминают Таланта (если это слово исконно греческое, он может быть или божественным великаном Атлантом (Атласом), или смертным Танталом) и Кастана, впоследствии звавшегося Кастором. Итак, Диоскуры были микенцам известны. Далее,

Микенская религия

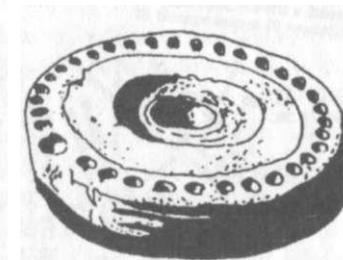
Зерно, прежде всего ячмень, убирают в подземные хранилища в огромных, ростом с человека, сосудах — пифосах. Так Гадес-Плутон — "незримый Богатый" похищает дочь Матери полей, которая затем, в летнюю пору, когда нивы лежат под паром, находится в гневе

здесь имеются некий Тесей и некий Гектор. Если пилосский Талант — это смертный злодей Тантал (а мы делаем именно такое допущение), тогда — и по формальным причинам тоже — можно считать позднейшее предание о нем, его деяниях, сыновьях и внуках микенским. О Геракле вообще нет речи.

Самые старые, но возникшие уже в последнем дохристианском тысячелетии сказания об основателях микенских царских династий отражают, в частности, тот способ, каким ахейцы, пришедшие примерно в XVIII веке до

Мать и дочь

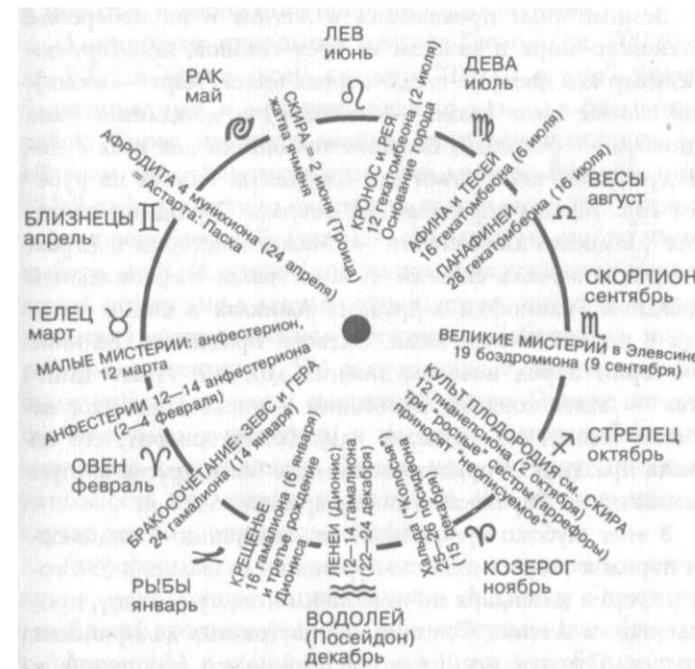
В жертву Матери полей приносят, разделяя по лункам лучшее из урожая семян и зерна

Р.Х., вобрали в себя пеласгско-минойскую религию Восточного Средиземноморья. При этом они сохранили память о мужах с Востока, которые обеспечили им доступ к своим древним таинствам. Ибо "подвиги" этих градооснователей воспроизводили посвящение в таинства, точно так же как и запечатленные в надписях пирамид "деяния" фараонов, а отнюдь не военно-политические победы, о которых сообщают надписи I тысячелетия до Р.Х. из Ашшура.

Тот же характер носит и сказание о Геракле, только оно, как нам думается, отражает более раннюю ступень, когда в XIII или XII веке складывалось самосознание ахейцев. Некий Тесей-"градооснователь" мог существовать где угодно. Аттическое предание о Тесее моложе, оно отражает переход уже к собственно греческому периоду и относится, скорее, к XII или XI веку. Затем следует переход к "геометрическому" периоду (1000—750) и далее, к "архаическому" (750—600) — такова периодизация, принятая в современной науке и основанная на тогдашней вазовой росписи. Ну а после — уже Солон (600 г.).

Культурный календарь

Ночь и день задают жизни, в том числе религиозной, ярко выраженный жесткий ритм. Восход солнца дарит самые священные мгновения. Год и его сезоны — в Аттике таких сезонов, или *Гор*, насчитывали три — следуют изменениям солнечного воздействия. Наблюдаемые фазы луны естественным образом расчлениют год на двенадцать или тринадцать природных месяцев, притом в Аттике новолуние считалось священным новым началом и подчинялось богу Аполлону Очистителю. Продолжая традицию древнейших культурных народов Двуречья, здесь на небесном пути солнца и луны различали по числу месяцев двенадцать групп неподвижных звезд и, как полагали на первых порах, шесть

Праздничный календарь II тысячелетия до Р.Х.

малых "блуждающих" звезд, или планет под названиями: Утренняя звезда (Кастор), Вечерняя звезда (Полидевк) — впоследствии объединенные, (позднее названная Венерой) мать Афродита, или Венера (позднее названная Меркурием), Арес, или Марс, Зевс, или Юпитер, Кронос, или Сатурн. Небесный танец этих девяти или десяти подвижных огней на небе определял на земле праздники и таинства.

Когда жрецы по неделям и месяцам предсказывали некий важный узел в танце небесных и земных сил и описывали его молодым танцорам в образе человеческо-божественных встреч, танцоры могли для себя, да и для общины, наглядно, с полной отдачей представить эти узлы, или праздники. Природное явление, небесное воздействие и набожность образовывали неразрывное единство.

Земные силы проявлялись в Аттике и на побережье Эгейского моря в каждом из трех сезонов, или *Гор*, по-разному: как цветуще-плодотворная весна (март — июнь), засушливое лето (июль — октябрь) и дождливая зима (ноябрь — февраль). Большие праздники для всех с последующими таинствами для избранных падали на рубежи *Гор*: Афины справляли 21 февраля "праздник цветения", а десять дней спустя — Малые мистерии в Аграх. Спарта отмечала схожий с таинствами национальный праздник Гиакинфии в древних Амиклах в конце июня или в первых числах июля. Элевсин праздновал Великие мистерии перед началом зимних дождей. Иные таинства — взять хотя бы Элевсинии — подводили итог не только сезону, но и целому году. Гомер говорит, что на таких праздниках присутствовали все боги; другие авторы называют их "бракосочетанием времен года".

В этот глубоко органичный по ощущению и видимости порядок разрушительным ураганом ворвалась в 594 году реформа календаря по нововавилонскому образцу, проведенная в Аттике Солоном по настоянию дельфийских жрецов. Отныне месяц не имел никакого отношения к луне, которая продолжала свой впрямь неприкаянный бег на уже почти совсем обезбоженных небесах. Каждому ме-

сяцу отвели тридцать дней и — взамен "недели" — три "декады". "Лишние" дни отправили в добавочный тринадцатый месяц, нынешний март. Луна, как до нее планеты Венера и Меркурий, утратила связь с религией. Только солнце властвовало годом, да и то уже не сообразно видимым явлениям, с которыми как раз и соединяется ощущение, а всего лишь сообразно расчетам. Осуществив эту реформу, Солон нанес религиозной жизни не меньший урон, чем постройкой на священном участке нового, уже не ориентированного по звездам зала собраний для мистов взамен древнего, тысячелетнего Анакторона. Его преемник Писистрат попытался по возможности реставрировать давний комплекс; календарь же с его делением на *sky* и *heaven*, на огоньки у нас над головою и богов поэзии и культа, пал жертвой просветителей. Не диво, что канул в небытие и набожный танец молодых мужчин.

Для древних природных месяцев Гесиод (ок. 700 года до Р.Х.) в конце своей книжки "Труды и дни" указал благоприятные и неблагоприятные дни для различных работ. Спрос на такие знания существовал повсюду — об этом свидетельствует столь же древнее Второзаконие (18:9 сл.), где можно найти предостережение от "гадателей и прорицателей". Гесиод — большой мастер по части выбора дней. И вот что мы у него обнаруживаем: порядковый номер дня в декаде определяет его качество и принадлежит соответствующему божеству. Собственно, после реформы календаря в 594 году подобные знания должны были утратиться, как и священный танец. Однако же эти свойства были перенесены и на искусственные, безотносительные к луне декады. Гесиод комментирует последовательность праздников и указывает, как ее дополнить в случае тех или иных отклонений.

До реформы календаря все месяцы начинались с новолуния, день которого принадлежал Аполлону Очистителю. В иной ипостаси он владел еще четвертым днем (вместе с Афродитой) и седьмым. Когда возникла необходимость увязать лунный год с солнечным, вводили тринадцатый

месяц — повторяли *анфестерион*, месяц цветения, в феврале — марте. Каждый из дней посвящался вполне определенному богу, из месяца в месяц боги были одни и те же. Об этом подробно сообщает календарь аттических праздников; много узнаем мы от Гесиода (VI век до Р.Х.). Его отец, уроженец Ионии, переселился в Беотию, и сын почти безвыездно жил в этих краях. Но поэтическое творчество ставит его в один ряд с Гомером. Боги у него ионийские.

Помимо природного деления месяца в соответствии с фазами луны Гесиод уже учитывал абстрактное деление месяца на три декады, последняя из которых зачастую была короче двух других. Попытавшись подчинить этой троичности девятки, мы объяснили бы только никчемную раскрытость Гесиодовой десятки, но не разрешили бы ни одной из прочих загадок. Итак, декада существовала еще до Солоновой реформы календаря в 594 году до Р.Х. — это вполне вероятно, но и только. Позднее она была столь же общепринята, как в наше время неделя, однако, не в пример неделе, оставалась привязана к месяцу.

Суждения Гесиода о днях первой декады приложимы и к дням последующих декад, так что характер первого, одиннадцатого и двадцать первого или второго, двенадцатого и двадцать второго дня почти одинаков. Относительно и без того абстрактной декады реформа календаря ничего нового не дала; в остальном же она привела тогда к огромной неразберихе в религиозной жизни. Подобные насильственные меры, направленные на упрощение счета времени, в основе своей антирелигиозны. Сердцу нужна переменноритмическая связь с солнцем, луной и звездами наверху — не с одним только солнцем, — а внизу с сезонами года, жизненными возрастными и историей, всегда без доминанты рассудка.

В VII веке дельфийское жречество потребовало ввести в Элладу новый в ту пору вавилонский год из двенадцати месяцев по тридцать дней, причем всякий четвертый год последний месяц (февраль) должно было повторять дважды, чтобы остаться в гармонии с путем солнца. Смена

месяца наступала между днями, которые мы теперь зовем двадцатым и двадцать первым.

Публичные праздники почти сплошь падали на первую декаду и согласно порядковому номеру дня ориентировались на соответствующее божество. Таким образом, этот порядок праздников ограничен девятью божествами или группами божеств. Две следующие декады по содержанию ничего нового не прибавляют, давая лишь возможность повторения — ограниченного праздника в узком кругу и глубокой медитации. В Афинах этот Солонов календарь вскрыл чрезвычайно удивительный и даже досадный факт: свои дни имеют Дионис, Афродита, Артемиды, Аполлон, но не Зевс, хотя, согласно Гомеру и Гесиоду, он является верховным богом, и не Афина, а ведь и сам город, и вся Аттика принадлежали именно им. Выходит, при введении календаря они не занимали такого высокого положения?

В новом календаре, по Гесиоду, десять дней декады распределялись по следующим божествам: четвертый — Афродита, седьмой — Аполлон, восьмой — Посейдон и девятый — Деметра. Станным образом календарь умалчивает о первых трех днях каждого месяца, а также о пятом и десятом. Но Гесиод по крайней мере замечает, что начало месяца священо⁹⁷, на древний манер указывая тем самым на Аполлона Очистителя.

Чтобы узнать больше, нельзя останавливаться на публичной, первой декаде, нужно взглянуть на две другие, оккультные декады: концы всех трех декад, похоже, не были отмечены праздниками, кроме трех случаев в году, а именно 30 скирофориона (20 июня), оно принадлежало Зевсу Сотеру и Афине Сотейре; 30 пианепсиона (20 октября), когда праздновали Афине Халкидской вместе с Гестом, и 30 неизвестного месяца, посвященное в портовом Пирее богу-врачевателю Асклепию из Эпидавра и его супруге* Гигиее, "здоровью"; при этом устраивалось

* У автора неточность: Гигиея, по мифу, дочь Асклепия.

ропре, торжественное шествие. Поскольку Гефест, Асклепий и все *сотеры*, то есть "спасители", принадлежали к числу подземных богов, Афины из эвбейской Халкиды (этот город в XIII веке избежал разрушения и поэтому долго сохранял в Элладе ведущее место), — эту Афины, ибо она еще была микенской, можно также считать *сотейрой*. В пользу этого свидетельствует древнейший в Афинах культ ее и "росных" сестер, равно как и ее общий с Гефестом архаический храм на Рыночном холме. Так или иначе, в ее храме на акрополе об этом говорила змея под шитом. Отсюда мы делаем вывод: десятым и двенадцатым днем каждого месяца властвовали божества Гадеса, сокровенного мира еще не родившихся и мертвых, а также божества возможности поступка. Далее, можно предположить, что Гермес как провожатый мертвых был соотнесен с пятым числом.

Неясен остается характер первого дня. Привлечем на помощь одиннадцатое и двенадцатое, тогда получается: одиннадцатого пианепсиона (1 октября) городские женщины тайно в своем кругу праздновали первый день Фесмофорий, тогда-то и доставали для посева из подземелий поля Скира Деметрину плодотворящую субстанцию — разложившихся поросят, — которую спрятали там на Троицу, смешав с посевным зерном. Значит, богиней этого дня могла быть Деметра, но доподлинно известно, что ей принадлежало девятое число. Так или иначе, оставалась еще Мать-Земля, и первое число могло бы соотноситься с нею, если бы Аполлон не настаивал на двух именинах.

Второй день, взятый сам по себе, тоже остается неясен. Но каждое двенадцатое число безусловно принадлежит Дионису. И мы с оглядкой переносим этот характер и на второй день. Третий день опять-таки поддается интерпретации лишь через тринадцатый: мертвые приближались тогда к своим семьям, особенно в последний тринадцатый день года, 13 анфестериона (3 февраля). 23 анфестериона было посвящено Зевсу Мэлихию ("милостивому"), подземному Зевсу, который является в об-

разе змеи и должен бы зваться Плутоном. "Милостивы" и "спасительны" только подземные боги, ибо они правят царством возможностей; олимпийцы же властвуют готовым, застывшим миром, где до следующего великого переворота никаких существенных изменений нет и не будет. В неизвестное время года отмечался праздник Афины Тритомениды, "третьедневной", — какого месяца? всех и каждого? Речь идет, вероятно, об упомянутой выше древней Афине Сотейре.

Подводя итог, можно сказать: первые три дня каждого месяца, обычно свободные от публичных праздников, втайне принадлежали неохотно призываемым прабожествам; первый — Праматери, то есть Хаосу, Гее, Горгоне, Рее; второй — Праотцу Плутону и его сыну Дионису; третий — подземному "отцу и его дочери", Зевсу Сотеру и Афине Сотейре.

Четвертым днем властвовала, как уже говорилось, Афродита, особенно 4 мунихиона (24 апреля), своим днем рождения. У сирийцев эта богиня называлась Астартой, а у германцев ее имя превратилось в "Остара", и праздник богини — "Ostern", Пасха, — до сих пор сохранился у нас вместе с ее атрибутами — яйцом и зайцем.

Пятый день праздновался только в боэдромионе, но и тогда имел культовое наполнение лишь в первой декаде, 25 сентября; в этот день приносили жертвы Матери-Земле и мертвым. Гесиод предупреждает: "Пятым же дней избегай [для трудов. — Д.Л.], тяжелы эти дни и ужасны; в пятый день, говорят, Эринии пестуют Орка, клятвопреступным на гибель рожденного на свет Эридой"* (802—804). Мы предполагаем, что этот день посвящался еще и "провожатому мертвых" Гермесу-Меркурию, но доказательств у нас нет.

Шестой день принадлежал Артемиде, особенно 6 мунихиона, 26 апреля, ее день рождения. Согласно закону, который гласил, что в тот же день следующей декады мо-

* Перевод В.В. Вересаева.

гут состояться тайные мистерии соответствующего божества, шестнадцатым числом властвовала ее оккультная сестра Геката.

Седьмой день в постсолонову эпоху принадлежал Аполлону Очистителю. День рождения Аполлона приходился на 7 мунихиона, 27 апреля.

Восьмой день посвящался Посейдону, особенно 28 декабря; а его сын Тесей облюбывал 28 июля, так как в этот день пришел юношей из Трезена в Афины. Ему же принадлежало 28 октября, ибо в этот день он как "спаситель" вернулся из Кносса и стал царем⁹⁸. Но раз в году восьмым днем владел врачеватель Асклепий — 28 февраля.

Девятый день всех месяцев и декад занимала Деметра со своей дочерью Персефой. Особенно их чествовали в Элевсине — в начале весны военными играми молодых мужчин, а во время осеннего сева — публичными жертвами, вероятно 9 пианепсиона; сюда же девятнадцатого числа относились и Великие мистерии. Сроки этих мистерий мы в дальнейшем обсудим подробно.

В Солоновом календаре, как уже говорилось, бросаются в глаза пробелы, касающиеся Зевса и Афины. Верховный бог и владычица города, которым принадлежали два самых больших храма, которым 28 гекатомбеона (18 августа) посвящался самый пышный праздник года — Панафинеи, когда в городе сменялись и чиновники, — этим божествам не посвящен ни один из десяти возможных дней. Кстати, и Панафинеи своей восьмеркой указывают не на Зевса, а на Посейдона. По преданию, этот бог властвовал здешним краем до Афины. В таком случае возникает подозрение, что в микенскую эпоху он был отцом или супругом богини, в ту пору еще "аттической Афродиты".

По-видимому, 28 гекатомбеона старый календарь воздавал честь не воспетому Гомером и Гесиодом олимпийскому Зевсу, а Праотцу Посейдону с супругой или дочерью. Но общественное сознание Афин после Солона определял двор Писистрата (545—527), а в нем — Ономакрит как почитатель и блюститель традиций Гомера и Ге-

сиода. Лишь в сокровенном слое календаря мы еще угадываем более древнюю ступень веры; лишь эта более древняя ступень и соответствовала мистериям.

Павсаний, говоря об Аркадии, приводит небольшую религиозную историю, которая вполне приложима и к Аттике (VIII.2,1): царь Пеласг был для III тысячелетия тем же, чем для II тысячелетия был Ликаон или в Аттике микенского периода 1900—1200 годов — царь Кекроп. Павсаний, стало быть, рассказывает об Аркадии: "Ликаон [или царь Волк. — Д.Л.], сын Пеласга, оказался еще более мудрым <...>. На горе Ликее он выстроил город Ликосуру, Зевсу дал эпитет Ликейского и учредил Ликейские игры. <...> Лично я думаю, что афинский царь Кекроп и Ликаон жили в одно время, но в вопросах религии они были не одинаково мудры. Кекроп первый назвал Зевса Верховным и решил не приносить ему в жертву ничего, что имеет душу, сжигая на алтаре в виде жертвы местные лепешки, которые и до нашего времени афиняне называют пеланами. Наоборот, Ликаон на алтарь Зевса Ликейского принес человеческого младенца, зарезал его в качестве жертвы и окропил его кровью алтарь. Говорят, что сейчас же после этой жертвы он из человека был обращен в волка".

Изображениями волколюдей расписаны этрусские гробницы — один вылезает из колодца. Древнейший бог подземного мира в образе волка уподобляется видом своему стражу — псу Керберу. Волками или псами становились порой и его почитатели. Так вот, Кекроп уничтожил жестокий культ волка, вплоть до последнего времени связанный с Дионисом. И Зевс, отождествлявшийся ранее лишь с грозой и бурей, приобрел с тех пор исключительно небесный характер, какой свойствен ему у Гомера. Дочь Зевса Афина ранее была схожа с вооруженной Афродитой, именно поэтому она и могла стать супругой оружейника Гефеста. Однако в XI или в X веке она обрела свою позднейшую сущность и в дополнение к ремеслу, как давняя Афродита *mechanitis*, могла теперь даровать людям и чистую мысль. Вместе с Гомером в Элладе уже занялась заря философии.

В Аттике же Афина утратила в публичном культе свои подземные атрибуты — кроме неприметной змеи у ног — лишь в VI веке, но не с календарной реформой 594 года, а несколько позднее. Прежде она была просто дочерью своего отца: со змеею или как змея — отца-Плутона; а как Тритогея ("дочь Тритона") она была водным божеством, подобным Посейдону. Лишь богиня в высоком шлеме (она появляется позже) — дочь олимпийского Зевса.

Существовавший ни много ни мало три тысячелетия устойчивый календарно-культурный порядок и тот менялся в человеческом восприятии. А вот годовой природный ритм на одной и той же географической территории в течение подобного промежутка времени остается одинаков. Нашупывая подход к мистериям как "бракосочетанию времен года", мы неизменно вписывали праздники Деметры и Диониса в рамки природного года. Однако сугубо натуралистическое толкование этих богов и мистерий представляется нам неправомерным. Элевсинии хотя и соотносились с природными процессами, но конечной их целью было нечто далеко превосходящее природу — более высокое развитие человеческой души".

Звездный порядок Элевсиний был схож или даже совпадал с мистическим путем, который прошел Тесей — после "микенских" юношеских инициаций — в Лабиринте критского Кносса в XII веке. Под схожим или таким же точно небом, как критские и аттические таинства, справлялись в III и II тысячелетиях египетские мистерии в честь Исиды и Осириса. Но совершенно иной путь избрал Геракл в аргонидском Тиринфе и прямо противоположный — иранские мистерии солнечного бога Митры.

Если говорить о Тесее — а он хотя бы уже по имени "градооснователь" Афин, безусловно после 1200 года, но, возможно, лишь около 1100-го, — то в его предании помимо юношеских инициаций изображена также мистерия для брачного возраста, примерно для двадцатилетнего.

Юношеская инициация Тесея наряду с предварительным испытанием в Трезене, на западном побережье Саронического залива, где он находит орудия судьбы — меч и сандалии, требует сражений в царствах четырех стихий: у Эпидавра он одолевает Перифета, сына бога огня Гефеста; на Коринфском перешейке двумя соснами разрывает в воздухе своего родича Синида; затем одолевает свинью, видимо как образ плотских инстинктов; под Мегарой сталкивает в море разбойника Скирона; неподалеку от Элевсина побеждает Антея-Керкиона и, наконец, за Элевсином ломает кости и весь облик Прокруста, обуздывая таким образом все четыре стихии.

Границы времен года — *Гор* — как бы задавали срок для трех видов таинств: Диониса-Артемиды в феврале, Гиакинфа-Аполлона в июле и Персефоны-Диониса в октябре. Таинства Персефоны с особой яркостью и торжественностью праздновались в Элевсине в сентябре. Мистерии Гиакинфа, существовавшие в Амиклах, скорее всего, вплоть до XI века, были нами упомянуты в связи с Гераклом. Искать их в более позднюю эпоху имеет смысл только там, где начиная с V века присутствовали пифагорейские общины; вещественные их свидетельства мы обнаруживаем в императорском Риме.

Древние июльские мистерии Гиакинфа, видимо, происходили в Амиклах только в микенскую эпоху. Позднее Эллада уже не знала мистерий в честь Аполлона. Даже в важнейшем святилище Аполлона в Дельфах обряды, напоминающие таинства, соотносились исключительно с Дионисом и отправлялись в январе. И в Афинах, которые с времен Солона поддерживали тесную связь с Дельфами, мистерий у Аполлона не было. Возобновление их состоялось, вероятно, уже в эпоху римских цезарей.

От некоей (предположительно пифагорейской) мистериальной общины в вечном городе перед нынешним Порт-Маджоре сохранилась подземная базилика, где большая писанная по штукатурке картина над апсидой изображает древнегреческую поэтессу Саффу, которая —

подобно Бритомартис — бросается с Левкадской скалы на Лесбосе в морскую пучину, чтобы "по ту сторону моря" встретиться с ожидающим ее богом Аполлоном. Предание рассказывает аналогичную историю о любви Сапфо к юноше Фаону ("блистающему"), ставшему причиной ее добровольной смерти. На римской картине присутствуют оба — "блистающий" Фаон и его праобраз Аполлон¹⁰⁰.

К летним мистериям относятся, как сказано выше, и "двенадцать подвигов" героя Геракла. Начинаются они единоборством героя со львом, переходят к двенадцатиглавой гидре вкупе с побочным противником — раком и продолжают, хотя и под непривычными знаками, свое возвратное движение через тайны года. Любопытно, что при этом сообщаются точные названия географических пунктов, рассыпанных по всему известному тогда земному кругу и составляющих в совокупности крестообразную фигуру. Мистерии — вообще "лупа времени", равно как и "двенадцать подвигов", но эти летние мистерии как бы еще и "сжимают" пространство.

Детские и юношеские таинства

Греческому слову *mysterion* в латыни соответствует прежде всего *sacramentum*, а если речь идет о менее важных обрядах — *sacramentalia*. У эллинов было множество таких обрядов для молодежи.

Рождение младенца род подкреплял на седьмой день — наречением имени. Накануне ночью женщины танцевали только перед матерью и младенцем. Этим обрядом они призывали Мойр, богинь судьбы, принять маленького человека под покровительство¹⁰¹. Танец обеспечивал ребенку гармоничные отношения с небесами. Наречение имени вводило малыша в его ближайшее земное окружение. Ребенок получал право на жизнь; до тех пор он мог стать добычей смерти, и никого бы это не тронуло.

Трехлетним мальчикам в первый день Праздника цветения впервые стригли волосы, происходило это в Аграх. Там же на второй день праздника сам ребенок совершал обряд опрокидывания стола. Рано утром он вместе с остальными членами семьи наблюдал, как от моря шествует Дионис, направляясь к маленькому храму на Болотах, что рядом с Аграми. Теперь на низком столике-треножнике ему показывали основные формы мира вкупе с субстанциями, через которые бог являет себя людям. Ребенок узнавал предметы и их имена: шар, треугольная пирамида, кубики, шерстяные лоскутья, яблоки, медовые лепешки и кувшинчик с вином; в этот второй праздничный день все взрослые ходили с такими кувшинчиками, почему этот день и звался "днем кувшинов", а наутро в семейных домах как бы гостили умершие родственники, ибо кувшинчик был также надгробным символом — из него совершали возлияния на могиле. Что же до упомянутого столика, то его нарочно ставили так, чтобы ребенок, выслушав объяснения, легко мог его опрокинуть. Родня тотчас поднимала испуганный крик насчет пролитого вина — ведь это кровь только что вернувшегося домой бога. Нынче эту кровь пролил ребенок, а некогда вот точно так же его в образе тель-

ца разорвали титаны, предки рода людского. Если Дионис усмотрит в этом инциденте продолжение давнего злодеяния, он наверняка разгневется на всю семью. Значит, надо поскорее убраться подальше отсюда — и незадачливого проказника тащили прочь. Огорченное семейство возвращалось домой, а там ребенок находил маленькую копию той колесницы-корабля, на которой поутру ехал бог. Стало быть, по дороге через город Дионис оставил для мальчика подарок, а это означает, что, невзирая на скверное происшествие, он все-таки милостив и к ребенку, и к его семье. Осенью того же года по ходатайству отца мальчика занесли в список граждан.

Девятилетние мальчики принимали третье посвящение. Обряд этот изображен на шкатулке слоновой кости, которая была сделана в IV или V веке от Р.Х. и ныне хранится в Болонье: обнаженный мальчик сидит на маленьком алтаре; перед ним преклоняет колена женщина с зеркалом, вероятно Гера. Но мальчик в зеркало не глядит; воздев руки, он оборачивается к двум вооруженным юношам, танцующим вокруг алтаря¹⁰².

К той же эпохе, что и шкатулка, относится Песнь в честь св. епископа Киприана Антиохийского, которую сложила во время долгой ссылки в Иерусалиме (441—460) императрица Евдокия. И она сама, и ее святой были родом из Афин. Зная, что в детстве Киприан был язычником, Евдокия вкладывает в его уста фразу: "В десять лет я взмахивал факелом Деметры и на плечи мои давило бремя Белых страстей Коры"¹⁰³. Факел Деметры — свидетельство тому, что он был мальчиком-посвященным в Элевсиниях либо в более поздних частных таинствах, или теургиях. Под "Белыми страстями Коры" подразумеваются белые как мел титаны, разорвавшие тельца, которым был сын Персефоны, первый Дионис. Белыми как мел и нагими выступали в культе лишь титаны да мертвые. Поэты Еврипид и Нонн связывают этих Белых еще и с Пенфеем, царем-"печальником", которого, приняв за зверя, разорвала в клочья собственная мать-менада, когда

он запретил ей служить богу. Оба поэта называют Пенфея "титан, с опозданием рожденный"¹⁰⁴. А вот сиракузец Феокрит считал, что Пенфей похож на девятилетнего* мальчика¹⁰⁵. Итак, на шкатулке слоновой кости изображен мальчик, сидящий на алтаре бога Диониса, который оберегает его от титанов, а они угрожают ему — с помощью зеркала — собственным его телесным обликом. Танцующие Диоскуры помогают "спасителю Дионису", чтобы мальчик не соблазнился данностью, тем, что он якобы есть, а обратился к более высокому, явленному в танце, ведь он может достигнуть этого.

Посвящение происходило так: в закрытом помещении женщины — Эринии или "разгневанные" богини судьбы — преследуют мальчика, "виновного" в любви к своему титанову телу. Они срывают с него одежду и гонятся за ним, награждая тумачами и забрасывая известкой и клейстером, пока белый титанчик не спасается на алтаре. Там он находит покой в созерцании куретов. Это семнадцатилетние юноши, которые танцуют в вооружении и своим танцем изгоняют Эриний.

История юного Нарцисса — купаясь в озере, он влюбился в собственное отражение и утонул, не в силах от него оторваться, — иллюстрирует то же испытание. Диоскуры должны были бы спасти и его и сделали бы это, если бы он принял следующее посвящение.

Девятилетние девочки обретали душевную самостоятельность, поступая в услужение к богине. Когда Агамемнон собрался вести греков в Трою, но флот без попутного ветра застрял в беотийской Авлиде (так их наказала повелительница ветров Артемида), царь пожертвовал богине свою дочь Ифигению. Артемида перенесла девушку — как собственную ипостась — в свой храм в Тавриде. Когда спустя многие годы Орест вернул свою сестру Ифигению домой, они взяли с собой статую богини и поместили ее в самостоятельном тогда городке Бравроне на вос-

* В русском переводе — "маленького"

точном побережье Аттики. Поэтому афиняне, по возможности, возили девочек в Браврон или хотя бы в ближайший храм Артемиды, чтобы принести их в жертву богине на манер новых Ифигений, и они в буром медвежьем платье — медведица считалась древнейшей ипостасью богини — служили владычице. Таково было первое испытание девочек за пределами родительского дома. Маленьких бурых служительниц звали "медвежатами" — Арктос, или по-латыни, Урсула. Там девочки оставались до юношеских инициаций в двенадцати- или тринадцатилетнем возрасте.

Согласно возрастным этапам дети в течение девяти лет принимали три культовых посвящения, точно так же и юноши и девушки между тринадцатью и восемнадцатью годами трижды проходили посвящения. Посвящения для достигших зрелости девушек изображены на картинах главного зала Виллы мистерий близ Помпей (I век от Р.Х.). Дом был защищен от незваных пришельцев широким рвом. Пепел от извержения Везувия в 79 году заполнил все комнаты и тем сохранил картины. О соответствующих посвящениях для юношей рассказывает греческий роман "Дафнис и Хлоя" римлянина Лонга, который написал свое небольшое произведение сто лет спустя. Он иносказательно повествует как о посвящениях юношей, так и о посвящениях девушек, что позволяет лучше понять помпейские картины.

Большой зал виллы имеет форму прямоугольника размером 4 x 8 м. Главная дверь находится посредине одной из торцевых стен, небольшая дверца есть и справа, в длинной стене. На красном фоне стен изображено в натуральную величину в общей сложности двадцать девять фигур (нередко это одни и те же персонажи, только занятые разными делами). Действие развивается слева направо. Картина напротив двери как бы подводит итог и могла бы существовать сама по себе: Дионис полулежа приник головой к женщине, сидящей в

центре. Верхняя часть этой главной фигуры — единственное, что пострадало от времени. Возможно, перед нами Ариадна, "высокосвященная", а этот эпитет принадлежал древнейшей Афродите, которую впоследствии толковали как Персефону.

Начав с небольшого участка стены слева от главного входа, мы следуем за только что вошедшей, полузакутанной в покрывало девушкой в возрасте между тринадцатью и шестнадцатью годами. Очередная картина, уже на левой стене, показывает эту девушку без покрывала. Она слушает восьми-десятилетнего нагого мальчика, который под присмотром пожилой женщины читает свиток, вероятно правила предстоящего обряда.

Лонг начинает свой роман так: мальчик Дафнис и девочка Хлоя младенцами были оставлены в пещере нимф на острове Лесбос. Пастухи нашли их и воспитали как собственных детей. Настоящие родители, скорей всего, были свободными гражданами, причем богатыми, так как рядом с мальчиком лежали пурпурное покрывало, золотая застёжка и ножичек с рукояткой слоновой кости, а рядом с девочкой — золотые украшения. Установление происхождения детей и образует основной мотив романа.

Когда Дафнису исполнилось пятнадцать, а Хлое — тринадцать, названные родители определили их в пастухи. Хлоя пасла овец на равнинных приречных лугах, Дафнис — коз на холмах в глубине острова. При этом мальчик так дивно играл на свирели, что один старый пастух вызвался научить его играть и на большой сиринге, или Пановой флейте. Но сиринги под рукой не оказалось. Тогда сынок этого старика, по имени Титир — на тамошнем наречии так называли сатира, — быстро, словно олень, побежал за большою флейтой, легкости ради сбросив рубашку — то есть видом он был весьма похож на мальчика-чтеца из Виллы мистерий. Скоро Дафнис в совершенстве овладел игрою на сиринге, и старик подарил ему этот инструмент, наказав передать его когда-нибудь лишь достойному. Вскоре овцы и

kozy плясали под наигрыш Дафниса, будто среди животных явился новый Орфей.

На следующей картине Виллы мистерий девочка моет руки; две женщины держат наготове полотенца. Лонг рассказывает соответственную сцену так: Дафнис упал в медвежью яму и с ног до головы перепачкался глиной. Точь-в-точь белый титан. Хлоя вымыла его у источника в пещере, посвященной Пану. А потом вынуждена была умыться и сама.

Следующая картина изображает козленка, которого вот-вот принесут в жертву. Почтенный старец, с виду похожий на Пана, играет на лире. Лонг рассказывает: Дафнис опять угодил в ловушку и остался невредим только потому, что вместе с ним упал козел и мальчик приземлился ему на спину. Хлоя привела одного из пастухов, и они сообща вытащили юношу из ямы, воспользовавшись вместо веревки длинной белой девичьей головной повязкой. Пастуху, который пришел на выручку, дети подарили козленка, для жертвоприношения.

Продолжение сюжета слева, на торцевой стене против двери. Здесь вновь появляется старец; в левой руке у него чаша с водою, которую он подносит некоему молодому (мужскому?) персонажу, причем подносит он ее так, чтобы этот персонаж отразился в воде или по крайней мере мог решить, будто отразился. Незаметно для юноши, сбоку, другой персонаж поднимает вверх уродливую маску сатира — под таким углом, что юноша может счесть отражение этой маски своим лицом. О рассказе Лонга мы сообщим чуть позже.

Центр торцевой стены занимает уже описанная "итоговая" картина. Правее опять появляется молодая девушка. Она стоит на коленях возле прикрытого Нечто, осторожно приподнимает покрывало. Еще правее, в углу, мы видим крылатую женскую фигуру с протестующе вскинутой левой рукой. Под покрывалом угадываются очертания фаллоса. Далее, на длинной правой стене, та же девушка, обнаженная до пояса, стоит на коленях, спрятав

лицо в подоле стоящей женщины, которая обнимает ее руками. Крылатая фигура в углу теперь взмахивает длинной розгой; секунда — и эта розга со свистом хлестнет по обнаженной спине девушки.

Лонг рассказывает вот что: телесно Дафнис и Хлоя еще не пробудились. Тогда одна старая пастушка открыла юноше секрет его пола. А Хлоя меж тем попала в лапы чужака, якобы друга хозяев поместья, который пытался соблазнить ее. Она не уступала, и он привез на корабле из-за моря молодых людей — поохотиться на зайцев у Хлои на пастбищах. Свой корабль они привязали ивовой лозой к столбу. А их собаки гоняли в холмах не только зайцев, но и Дафнисовых коз, из которых несколько убежали на берег и перегрызли корабельные "швартовы" — корабль унесло в море. Тогда разъяренные охотники схватили пастуха Дафниса, сорвали с него одежду и жестоко избили. В качестве возмещения за потерянный корабль они угнали с собой Хлоиных овец, причем и пастушке, и скотине одинаково досталось хворостиною. Поскольку же Дафнис отверг притязания сластолюбивого чужака, который пытался соблазнить и его, тот оклеветал мальчика перед хозяевами, а они приказали еще раз высечь Дафниса.

Заключительная картина в помпейской Вилле мистерий изображает танцующую нагую девушку. У Лонга в финале козлята водят хоровод под наигрыш Дафнисовой сиринги. Однако в близком по сюжету произведении, повести об Амуре и Психее, финал аналогичен этой заключительной настенной картине: после множества испытаний, которые едва не погубили Психею, на свадьбе у нее танцует, скинув покровы, сама богиня Афродита. Лишь тогда Зевс-Юпитер объявляет прошедшую испытания девушку бессмертной.

В конце своего романа Лонг приблизительно воспроизводит центральное изображение зала: бога и его ближайших спутников. Дафнис нашел в лице хозяев поместья своих настоящих отца и мать; родителями Хлои оказа-

лись их знатные друзья. Имя отца Дафниса было Дионисофан — "сияющий Дионис". По острову быстро разнеслась весть: "Дионисофан нашел своего сына; козопас Дафнис теперь хозяин лугов". "Пурпурное покрывало, застежку и нож, — говорит юноше отец, — я положил рядом с младенцем не для опознания, а в дар мертвому". А когда Хлоя встретилась со своим отцом, тот вскричал: "Что вижу я, моя дочь: ты родилась вновь!"

Цель юношеской инициации достигнута: в смертном от природы потомке титанов — человеке — отыскалось бессмертное, свершилось второе рождение. Такая же инициация соответствует у христиан первому причастию или конфирмации. Дальнейшие вакхические таинства у христиан соответствия не имеют, разве что напоминают "обращение", проводимое пиедистами в конце второго десятилетия, или же участие в причащении.

Следующая ступень посвящения имела место в семнадцать лет и была широко распространена на Крите. В классической Элладе (начиная с 700 года до Р.Х.) повсеместно бытовали только соответствующие таинства для девушек. В подростковом возрасте оба пола воспитывались раздельно; позднее, с девятнадцати лет, они снова находились под совместной опекой.

Прежде чем восемнадцатилетних граждан начинали учить обращению с оружием, семнадцатилетним в рамках посвящения дозволено было с оружием танцевать.

Танец вооруженных семнадцатилетних куретов

У пещеры Великой Матери на критской Иде

Тогда они назывались *куретами*, и слово это выступало во множественном числе. Поэт Еврипид (485—407) в своих "Критянках" вкладывает в уста хора таких юношей текст: "Я сделался мистом идейского Зевса, Загрея, мечущего грома в грезах ночи. Среди куретов я зовусь священным Вакхом, вкусившим сырого мяса и вздымавшим факелы Матери Горной"¹⁰⁶,

"Горная Матерь" — это Рея, родившая в пещере подземному Зану младенца Загрея. Чтобы пожирающий младенцев отец Кронос — таково более позднее эллинское толкование — не услышал плача новорожденного, у пещеры в зимнем высокогорье танцевали, бряцая оружием, обнаженные юноши. Каллимах в Гимне Зевсу пишет об этом так: "Бурно кружились куреты окрест твоей колыбели, громко бряцая оружием, для Кронова чуткого уха звоном медяным щитов твой детский плач заглушая"¹⁰⁷.

Юноши, танцевавшие под лязг оружия на критской горе Иде, были те самые, описанные выше дети-помощники Диониса. Танцевала каждый раз одна пара. Праобразами их были Диоскуры — Кастор и Полидевк. С древнейших времен в планетарных сферах они кружили в танце возле Афродиты — как Утренняя и Вечерняя звезда возле редко видимого Меркурия, который в ту пору еще пред-

ставлял эту богиню, а не посланца богов Гермеса-Меркурия. В начале развития олимпийской мифологии из Утренней и Вечерней звезды вышли определенно Гермес и, вероятно, Арес. Когда астрономы в VII веке обнаружили, что сверкающие братья на самом деле всего лишь одна планета, и назвали ее Венерой-Афродитой, меньшее светило досталось Меркурию-Гермесу. Возможно, хотя все-таки довольно сомнительно, что именно тогда красную планету нарекли Марсом.

В религиозном плане Арес взял на себя многие из давних функций Диоскуров, оттеснив Близнецов на уровень героев. Но танец он сам перенять не мог, для этого красная планета слишком медлительна. Вместо этого Марс-Арес посватался к своей прежней владычице, которая принадлежала раньше кузнецу Гефесту как побочной ипостаси Плутона. В Элевсиниях эта новая связь не играла важной роли, уже потому, что в Третьей оргии являлась вместо Афродиты одна только Персефона; во Второй же оргии оставался шанс для новации. Таинства куретов, по сути еще совершенно минойские, были обращены не к Персефоне, а к исторически более древней Рее-Афродите. Когда в начале последнего дохристианского тысячелетия родился Марс-Арес и начиная с VII века юноши вместо культового танца с оружием стали проходить вполне рациональную групповую военную подготовку, культовый танец мало-помалу исчез. Сохранились только юношеские посвящения для девушек.

В гомеровской религии куретова сила идет не от Кастора-Триптолема, а уже от Ареса, "дарующего смелую юность"¹⁰⁸. Эта сила Кастора — доблесть, — разумеется, была необходима мисту и впредь как внутреннее достоинство. Древнейший Элевсин требовал испытаний мужества в суровых военных играх, что проходили весной¹⁰⁹. После введения государственной военной подготовки нужда в них отпала; чисто внешне такие культовые игры Эллада сохранила в Олимпии. В Этрурии и в Риме они стали

сперва сугубо погребальными, а затем выродились в бои рабов-гладиаторов. Для юношей-мистов обязанность участвовать в таких играх была в Элевсине упразднена, вероятно, лишь при Солоне (600 год до Р.Х.), который взамен Мегары присоединил к Аттике Элевсин.

Эллада и Элевсин ставили доблесть на первое место, полагая ее главной силой внутреннего развития мужчины. Однако же они вполне отдавали себе отчет в том, что у этой добродетели есть и обратная сторона — варварская необузданность. Мастерство в бою хотя и разжигает доблесть, но слишком легко возвращает человека во власть первозданных титанических сил, имя которым — ярость и жажда убийства. У Гомера ярость зовется Энио, грозная богиня, следом за Аресом "ведущая бранный мятеж беспредельный"¹¹⁰. Певец гомеровского гимна Аресу молит: "Если б мог я <...> разумом натиск души укротить..."¹¹¹

Между неистовой Энио и высколенной доблестью от Ареса находится помощник — титан Анит, который (его имя идет от глагола *анюо*, "свершаю") дарует "могучее свершение", волю к битве или стойкость в завершении начатого дела. Анит был воспитателем девочки Персефоны¹¹². Доблесть и упорство в исполнении долга позволяют душам мистов приблизиться к Персефоне. Наставник, видимо, довершал в мистах свое дело, прежде чем, заглянув в себя, они будили Персефону. Арес и Анит — неперемненные подготовители, но не исполнители.

Покуда Диоскуры и куреты танцевали с оружием в руках для подземнорожденного божественного младенца, еще была жива толика минойской религии, еще властвовала древняя Рея-Афродита. Лишь Матерь полей перевела Триптолема из воинов в "троепашцы", в работники. Вот и ныне тоже Аресу, Афине, Деметре и Персефоне удастся успешно развить человека между шестнадцатую и девятнадцатую годами, лишь в этот период им совершается самостоятельная, уверенная работа, лишь тогда с помощью Афины рассуждают без

предвзятости, лишь тогда обеспечивается свобода интимных мистических переживаний.

Танец куретов попал к древним эллинам с минойского Крита, влияние которого на рубеже тысячелетий ослабело и около 600 года до Р.Х. полностью иссякло. В эти столетия (1100—600 год до Р.Х.) наставником стала Азия, хотя и в более низкой, побочной роли. Сходный танец исполняли теперь корибанты уже не из знати; он стал популярен в простонародье. Молодые мужчины танцевали для фригийской Матери — для Кибелы. Подле Кибелы находился только один юноша, горячо ею любимый, снова и снова умирающий и воскресающий, — Аттис. Этот Аттис был малоазийским собратом сирийского Адониса, друга Астарты. И у Кибелы, и у Астарты спутник всего один. Танцоров же при этом было великое множество. Танцевали они нагими и с оружием; вместо мечей и щитов довольствовались ножами, которыми кололи себя самих и друг друга, ранили, иногда оскопляли. Скопцы играли ведущую роль. Здесь и речи не было об эллинском "обращении к музам".

Начиная с эпохи Солона, когда для всех без исключения юношей была введена прямо-таки поразительная система военной подготовки, молодежь потеряла интерес к культовым танцам с оружием. В V веке ни небо, где уже не было танцующих Диоскуров, ни земная жизнь не давали пищи религиозному совершенствованию молодых мужчин.

Что же до пятнадцати-восемнадцатилетних девушек, то их и после 700 года до Р.Х., а тем паче после Солона (600 год до Р.Х.) опекали в культовом плане гораздо лучше, чем юношей. В январе, по окончании Леней (на Крещенье) — а в этом женском празднике незамужние девицы не участвовали, — они под водительством молодых женщин в неистовой процессии устремлялись по зимним горам Беотии на снежный Парнас, вздымающий свою вершину над Дельфами. Эта дорога с площадками для танцев, то бишь для отдыха, считалась

священной и политически всегда была открыта для такой процессии.

Раз в два года эти празднества справляли с особенной пышностью. Каждая девушка хотя бы однажды в жизни принимала участие в таком странствии. Многие с удовольствием повторяли его неоднократно, зачастую уже будучи молодыми женщинами. На бегу они сильно хлестали друг дружку жесткими стеблями тростника, которые назывались *тирсами* и нередко были увенчаны большой сосновой шишкой. Внутри стебля такого тростника, нартекса, Прометей спрятал и принес людям небесный огонь. Тот, кому доставался удар тирсом, как бы соприкасался с небесным огнем, в него как бы ударяла молния, дарующая гениальность.

Четырнадцатилетняя аттическая царевна Орифия, по преданию, была похищена Бореем, северным ветром, в день мертвых, 13 анфестериона. Когда ее сверстницы по весне впадали в меланхолию, их, не утруждая северный ветер, сажали на качели и сильно раскачивали.

Семнадцатилетние фиады, или "курительницы ладана", тоже обитали в царстве бурь. Ни северный ветер, ни меланхолия их уже не трогали. Они стремились к высокому, вместе с телами поднимали к снежному Парнасу и свои души. То место, где они завершали празднества, было огромной пещерой на высоте 1360 м. А снежная вершина Парнаса, на которую взбирались отдельные группы, достигала и достигает высоты 2457 м над уровнем моря. Плутарх в связи с этим сетует на обморожения у девушек и молодых женщин¹¹³. Длинные пестро-красные шерстяные юбки под названием "лисицы" и оленья шкура на плечах считались самой подходящей одеждой.

Павсаний (X.4,2—4) рассказывает о таких менадах — "безумных", а затем "курящих" в пещере: "Фиады — это женщины из Аттики, раз в два года [в январе. — Д.Л.] отправляющиеся на Парнас и там вместе с женщинами из Дельф совершающие оргии — торжественное служение в

Менады протягивают Дионису зайца

честь Диониса. У этих фиад установлено во время пути из Афин устраивать пляски во многих других местах, в том числе и у панопейцев [к востоку от Дельф. — Д.Л.] <...>. В Панопее <...> стоит небольшое здание из необожженного кирпича, а в нем статуя, изображающая, как одни говорят <...> Прометея <...>. Здесь в овраге лежат два камня, каждый такой величины, что может служить достаточным грузом для одной повозки. <...> Говорят, что эти камни еще остались от той глины, из которой Прометеем был вылеплен весь человеческий род. Там же, около оврага, есть могильный памятник и Тития" [великана среди титиров, или сатиров, убитого Аполлоном при попытке овладеть его матерью Лето. — Д.Л.].

"Если идти из Дельф на вершину Парнаса, то приблизительно в стадиях 60 [12 км. — Д.Л.] от Дельф есть медная статуя и отсюда подъем в пещеру Корикион, который легче сделать человеку пешком, без поклажи, чем верхом на муле или коне. Пещера Корикион и по величине превосходит только что названные, и почти везде можно ходить по ней даже без светильников <...>. Живущие около Парнаса считают, что эта пещера находится под особым покровительством нимф и Пана. От Корикиона подняться на вершину Парнаса

трудно даже пешком и налегке, так как его вершины находятся уже выше туч, и фиады на них [в январе. — Д.Л.] совершают свои исступления и Аполлона¹¹⁴.

Парнасские обряды мы реконструируем по четырем картинам, находящимся в довольно большом храме Диониса в Афинах, около древнего театра, откуда начинался путь в горы. Павсаний видел эти картины в 160 году от Р.Х. и записал их темы: 1) Дионис ведет Гефеста на Олимп; 2) Пенфей, царь "Печальник", погибает от рук своей матери и других менад — они разрывают его на части; 3) Ликург, царь "Волкотварь", преследует молодого Диониса; 4) Тесей покидает спящую Ариадну на Наксосе, и к ней приближается Дионис.

Первая картина в храме показывает, о чем идет речь в таинствах: Гефест родился хромоногим, и его мать Гера тотчас же сбросила младенца в подземный мир. Хоть и хромой, он все же оказался необычайно искусен в ремесле и подарил матери прекрасное кресло собственной работы, но едва она села, как ее опутали незримые путы, от которых она не могла освободиться. Поэтому олимпийские боги сочли за благо попросить хромоногую вернуться на небо и выволить Геру. Дионис, которому

Дионис выводит хромого Гефеста из Гадеса

открыты и небо, и ад, привез Гефеста на осле, в сопровождении сатира — божества чувственности.

Гера здесь — душа. Дух техники вдвое крепче приковывает ее к телу, как к креслу, дух мистики освобождает ее. Дионис и Гефест полярно взаимосвязаны. Оба с легкостью направляют свои старания на дела ради одного только грядущего, оба ловко действуют руками и легко забывают вину и долг — бремя прошлой судьбы. Гефест утратил к этому всякий интерес и чутье, потому-то и живет с хромой ногой. Еще и у Гёте Мефистофель хромоног, а в позднеантичных романах мы сплошь и рядом видим ковыляющих посвященных. В языке мифических образов осел увозит в подземный мир, тогда как конь, особенно крылатый Пегас, поднимает в небеса.

Вторая храмовая картина показывает опасность, которой таинства чреваты для недостойного: фиванский Пенфей, царь "Печальник", украдкой подслушивает менад во время танца в честь Диониса. Предводительницей хорова была его мать; она заметила соглядатая, но не узнала в нем сына и вместе со своими спутницами разорвала его в клочья, как лань. В Тесеевом мифе нам бы, соответственно, сообщили, что Синид разорвал героя, привязав к верхушкам сосен. Пенфей любопытен и в духовных процессах несведущ; поэтому вместо возвышения и роста они приносят ему гибель.

Третья картина показывает, как таинства ступень за ступенью стимулируют развитие души, и каждая из этих ступеней таит свои опасности. Дионису должно родиться трижды, прежде чем он, духовное существо, сможет одарить людей на земле. Да и тогда он еще нуждается в самом тщательном уходе. В Гадесе Персефона закладывает основу духовного человека, рождая его там "в огне" под знаком Стрельца, в октябре. Семела зачинает его душевно — под Рождество от молнии; но и это пропало бы втуне, если б Афина с ее "укрепляющими идеями" не спасла его из мимолетных душевных порывов, или "ветров". Зевс, властитель ясного света, хозяин на-

шего сложившегося мира — в более древнюю эпоху Водлей-Посейдон, — укрывает спасенное Афиной сердце в своем теле и 6 января рождает мальчика в третий раз. Теперь Дионис находится в земном человеческом мире. Но царь "Волк", не терпящий бесполезного развития, проникается к нему враждебностью. В доме морской богини Фетиды мальчик должен исподволь созреть, стать взрослым бородатым мужем. Так же и мистики подолгу в строгой тайне лелеют то, что уже определенно живет в них и растет. Болтовней они зреющее не портят.

Буйствующие на Парнасе девушки считались кормилицами осиротевшего, рожденного Зевсом в третий раз 6 января божественного ребенка, который затем в темной пещере становится у них на глазах взрослым юношей. И на Парнасе в этих девушек (якобы) молниями били наполненные огнем стебли тростника, и от ударов они зачинали плод небесной жизни. От молнии каждая "кормилица" становилась зачинающей матерью бога, Семейной. Одновременно эти удары прощали кровь растерзанных животных, в которых повторно умер Загрей.

В пещере Корикион через десять дней после Леней (Крещенья) эти девушки за одну ночь сжигали великое множество стиракты или ладана, почему их и звали "курительницами". Под защитой дыма они отыскивали в корзинке (для провеивания зерна) трижды рожденного младенца и наблюдали его быстрый рост. Плутарх пишет: кружась в хороводе, фиады будят младенца в корзине¹¹⁵. Затем бог поднимался на ноги, танцуя, исчезал в дыму и, время от времени появляясь, демонстрировал ступени становления, пока не превращался в безбородого юношу. Тут снаружи входил царь "Волк", или "Волкотварь", со свитой вооруженных пиками волков-пособников — чтобы прогнать его. Фетида дает ему прибежище в море.

Бог-мальчик и бог-юноша то скрывался, то появлялся вновь, а девушки пели XXX орфический гимн:

**Я Диониса зову, оглашенного криками "эйа"!
 Первороденный и трижды рожденный, двусущий владыка,
 Неизреченный, неистовый, тайный, двухвидный, двурогий,
 В пышном плюше, быколикий, "эвой" восклицаящий, бурный,
 Мяса вкушитель кровавого, чистый, трехлетний, увитый
 Лозами, полными гроздьев, — тебя Ферсефоны с Зевесом
 Неизреченное ложе, о бог Евбулей, породило.
 Вместе с пестуньями, что опоясаны дивно, внемли же
 Гласу молитвы моей и повеи, беспорочный и сладкий,
 Ты, о блаженный, ко мне благосклонное сердце имея!***

Пока девушки наверху в пещере Пана пели и наблюдали, внизу в дельфийском храме поддерживали торжество жрицы Диониса. Плутарх сообщает: "<...> когда вдохновенные жрицы пробуждают Ликнита, "чистые" [посвященные постарше. — Д.Л.] приносят тайную жертву в святилище Аполлона"¹¹⁶. Происходило это в заднем, обычно недоступном помещении храма. Там рядом с Пупом Земли стоял тренажник пифии, там находилась могила убитого Аполлоном змея Пифона и урна с прахом мертвого Диониса. Так сообщает мифолог и провидец Филохор, которого афиняне убили в 260 году до Р.Х.¹¹⁷

Первый Дионис — Иакх и сын Персефоны — принимал там как умерший жертву из воды и пресных лепешек с медом. Ибо в дельфийском храме наряду с олимпийским Аполлоном обитал и подземный Дионис. Мы знаем об этом не только из сообщения тамошнего чиновника и жреца Плутарха, но и по изображениям на фронтоне, которые были восстановлены после пожара 375 года до Р.Х. Павсаний приводит их описание: "На фронтонах храма изображены: Артемида, Латона [Лето. — Н.Ф.] и Аполлон, музы, заходящее солнце (Гелиос) [и Дионис. — Д.Л.] и женщины-фиады"¹²⁰ (X.19,3).

В более древнем храме, построенном в 513—505 годах до Р.Х., на западном фронтоне, который по всем ста-

тьям годится для Диониса как подземного бога, была изображена битва олимпийцев с гигантами — повтор древнейшей борьбы трех сыновей Кроноса с титанами. Обе сцены вполне приложимы и к Дионису, но в более поздней связи с ночными таинствами в пещере Пана прослеживается четче. В парнасской пещере вместо гигантов выступают "волки", опять-таки персонажи чрезвычайно архаичного культа.

Плутарх толкует соотношение двух владельцев храма так: "Дионис со своими оргиями — властелин зимы; Аполлон, которому ясными, чистыми звуками поют пеан, правит летом"¹¹⁸. Более поздний латинянин Макробий (ок. 400 года от Р.Х.) соединяет задачи обоих богов под именем одного Аполлона: "Аполлон подобен солнцу ночи"¹¹⁹. Увидеть "в полночь <...> солнце в сияющем блеске" — вот какова, по Апулею, была цель полных таинств. Однако фиады совершали только подготовительную юношескую инициацию, которой еще очень требовалась тайная поддержка в храме.

Духовную взаимосвязь Дельф и Элевсина засвидетельствовал в 328 году до Р.Х. афинянин Филохор в своем гимне, выбитом на камне в Дельфах. Чтобы понять его, нужно вспомнить, что "пеан" — дельфийский возглас в честь Аполлона. "Io-bakchos" или "Iakchos" — элевсинский возглас в честь Диониса. Гимн гласит: В божественном безумье ты, Дионис, вторгся, факелами потрясая, в цветущую укромность Элевсина: эвоэ, изэ, изэ-вакхос, изэ, изэ-пеан! Элевсинский народ призывает тебя: ты по нраву тем, кто видит священные празднества. Ты отворяешь смертным в их стараньях гавань [мира в Элизии. — Д.Л.]¹²⁰

Четвертая картина в храме у афинского театра подсказывает, как поступить с плодом таинства. Она изображает Тесея: он покидает похищенную в Кноссе, спящую теперь Ариадну, и бог Дионис вновь забирает к себе вечную свою невесту. Мистерии таят в себе столь необычное переживание, что человек сохраняет их как

* Перевод О.В. Смыки.

диковинный сон лишь в знаках-символах, а не в прямом воспоминании. Лишь божество живет в постоянном присутствии духа: Дионис забирает свою невесту. Четвертая картина указывает правильный отклик таинства в душе миста.

III. Малые мистерии

Время и место

Анфестерии, публичный Праздник цветения 11 — 13 анфестериона (1 — 3 февраля), чествовали уже бородатого Диониса, который на колеснице-корабле (*лат.* *carrus navalis* — карнавал) возвращался с моря домой через древнюю гавань Фалер и в облике одетого в пурпур жреца, культового "царя" города, ехал в свое древнейшее святилище "на Болотах" (возле речки Илисс), чтобы там сочетаться браком со своей "царицей". Царица звалась Ариадной. Сопровождали бога полсотни чувственных сатиров, козлорогих, с лошадиными хвостами. Эти персонажи происходят из сатурновых месяцев (декабря и января), находящихся под знаком Козерога (Козла) и Водолея (Посейдона с ослом или позже с лошадью). Сами Анфестерии подпадали под знак Рыб. Скачущая звериная походка сатиров особенно подчеркивала выпрямленную божественно-человеческую осанку царя.

Дионис отнюдь не являет собой физический идеал мужчины, он показывает его развитие во времени — от ребенка к юноше, мужу и старцу. Он служит человечеству, позволяя далеко заглянуть в прошлое и грядущее; взор отдельного человека он устремляет на повторные его рождения. Дионис всюду поощряет становление и управляет им, он — это не вечное бытие. Внутри божества бытие принадлежит Отцу, а не сыну Дионису.

Когда 1 февраля Дионис ступал на берег, все граждане приветствовали его древними словами:

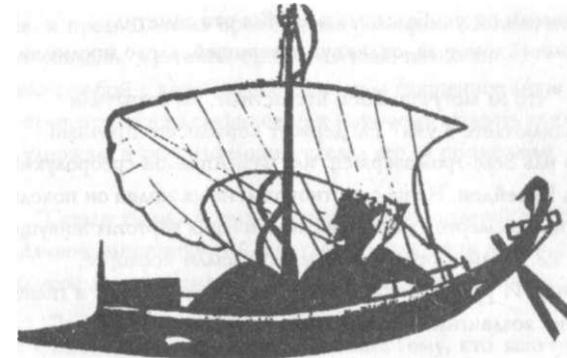
**О Дионис герой!
Гряди же во храм,
В дом твой священный,
С духами прелести вешней
Гряди в святыню твою!
Буду тебе танцевать,
Бык благородный, достойный.
Бык благородный,
Ныне гряди к нам!**¹²¹

Быком Дионис был по весне (до мая) под владычеством Афродиты. По случаю жатвы ячменя 2 июня (на Троицу) этого быка приносили в жертву богине Деметре — так требовал культ. И в природе тоже Лев засухой и зноем побивал в июле Тельца — бог делался Львом. После октябрьского сева, перед зимними дождями, он под знаком Скорпиона превращался в подземную змею. Таков был круг годичных метаморфоз. Великие мистерии под Стрельцом сводили все эти преображения в одну-единственную ночь; видимо, аналогичным образом обстояло и с мистериями Гиакинфа, которые проходили летом, под знаком Льва. Могло ли такое иметь место в весенних таинствах в Аграх? Нам кажется, едва ли.

О времени, которое Дионис провел в море, а также о его путешествии по летнему небу повествует VII гомер-

Артемиде Агротера

Дионис плывет в феврале по морю

ровский гимн, созданный в VIII или VII веке до Р.Х. Гимн этот как бы подводит итог, суммирует и оттого сродни мистериям. Он показывает близкую связь Диониса с Артемидой, которая предстает там как огромная медведица. Ведь Артемиде и самой, под именем Бритомартис, "сладкой невесты", некогда пришлось бежать в море от критского Миноса.

VII гомеровский гимн гласит:

**О Дионисе я вспомню, рожденном Семелю славной, —
Как появился вблизи берегов он пустынного моря
На выступающем мысе, подобный весьма молодому
Юноше. Вкруг головы волновались прекрасные кудри,
Иссиня-черные. Плащ облекал многомощные плечи
Пурпурный. Быстро разбойники вдруг появились морские
На крепкопалубном судне в дали винно-черного моря,
Мужи тирренские. Злая вела их судьба. Увидали,
Перемигнулись и, на берег выскочив, быстро схватили
И посадили его на корабль, веселясь душою.
Верно, то сын, говорили, царей, питомцев Кронида.
Тяжкие узы они на него наложить собрались.
Но не смогли его узы сдержать, далеко отлетели
Вязи из прутьев от рук и от ног. Восседал и спокойно**

Черными он улыбался глазами. Все это заметил
Кормчий и тотчас, окликнув товарищей, слово промолвил:

"Что за могучего бога, несчастные, вы захватили
И заключаете в узы? Не держит корабль его прочный.
Это иль Зевс-громовержец, иль Феб-Аполлон сребролукий,
Иль Посейдон. Не на смертнорожденных людей он походит,
Но на бессмертных богов, в олимпийских чертогах живущих.
Ну же, давайте отчалим от черной земли поскорее,
Тотчас! И рук на него возлагать не держайте, чтоб в гнев
Он не воздвигнул свирепых ветров и великого вихря!"

Так он сказал. Но сурово его оборвал предводитель:

"Видишь—ветер попутный! Натянем же парус, несчастный!
Живо за снасти берись! А об нем позаботятся наши.
Твердо надеюсь: в Египет ли с нами прибудет он, в Кипр ли,
К гиперборейцам, еще ли куда, — назовет наконец он
Нам и друзей и родных и богатства свои перечислит,
Ибо само божество нам в руки его посылает".

Так он сказал и поднял корабельную мачту и парус.
Ветер парус срединный надул, натянулись канаты.
И совершаться пред ними чудесные начали вещи.
Сладкое прежде всего по судну быстроходному всюду
Вдруг зажурчало вино благовонное, и амвросийный
Запах вокруг поднялся. Моряки в изумленье глядели.
Вмиг протянулись, за самый высокий цепляясь парус,
Лозы туда и сюда, и в обилии гроздь повисли;
Черный вкруг мачты карабкался плющ, покрываясь цветами,
Вкусные всюду плоды красовались, приятные глазу,
А на уключинах всех появились венки. Увидавши,
Кормчему тотчас они приказали корабль поскорее
К суше направить. Внезапно во льва превратился их пленник.
Страшный безмерно, он громко рычал; средь судна же являя
Знаменья, создал медведицу он с волосистым затылком.
Яростно встала она на дыбы. И стоял на высокой
Палубе лев дикоглазый. К корме моряки побежали:
Мудрого кормчего все они в ужасе там обступили.

Лев, к предводителю прыгнув, его растерзал. Остальные,
Как увидели, жестокой судьбы избегая, поспешно
Всею гурьбой с корабля побросались в священное море
И превратились в дельфинов. А к кормчему жалость явил он,
И удержал, и счастливейшим сделал его, и промолвил:

"Сердцу ты мил моему, о божественный кормчий, не бойся!
Я Дионис многوشумный. На свет родила меня мать,
Кадмова дочь Семела, в любви сочетавшись с Кронидом".

Славься, дитя светлоокой Семелы! Тому, кто захочет
Сладкую песню наладить, забыть о тебе невозможно *.

Обратимся к Артемиде. По одному из мифов, который сохранился в религиозно почти микенской еще Аркадии, как повествует Павсаний, Посейдон в образе жеребца изнасиловал беглянку Рею в образе кобылы, которая затем, б мунихиона (26 апреля) родила девочку Артемиду. Эта Артемида отнюдь не была тождественна подземной Гекате, она мыслилась по сю сторону. Поэтому мать блуждала во гневе, пока уже добровольно не зачала от Посейдона вторично и не родила богиню Персефону. Примиренная Рея установила мистерию, которая, как и Элевсинии, справлялась осенью.

В честь самой Артемиды мистерий не было, и в древней Аркадии тоже. В остальном аркадская Кора, или Персефатта, соотносилась с завершением года и в противоположность элевсинской Коре не имела отношения к севу и жатве зерновых. Рубеж сезонов, или Гор, падавший на февраль, бесспорно, был отмечен в Аграх таинствами, в которых особую роль играла Артемида. Но уже по календарю они не могут быть равнозначны Великим мистериям.

В Аграх, или Ловах, судя по данным раскопок, были святилища Посейдона, далее, Посейдона и Афродиты, а также Артемиды и Реи. Верхний храм принадлежал Посейдону, а

* Перевод В.В. Вересаева.

найденный в русле речки возле Метроона рельеф изображает Геракла перед Плутоном. Согласно Павсанию, эти мистерии чествовали наряду с Артемидой великую богиню Рею, которая с точки зрения культа — и не только по Гесиодовой "Теогонии" — была древнее Деметры. Тайнства у Иллисса нельзя соотнести с Матерью полей; но очень может быть, что они связаны с аркадским мифом.

В кругу аттических мифов и праздников Артемида возникает еще не на *haha* (Рождество), но на Крещенье. Как зимняя охотница в январе и феврале она тождественна своей критской подруге Бритомартис, "милый невесте", которая после девятимесячных преследований царя Миноса в конце концов бросилась в море. Каллимах (т 250 г. до Р.Х.) повествует о том, как она познаёт ветер, воду, землю и огонь. Огонь вспыхнул на алтаре, который воздвигли над ее могилой. У Каллимаха рассказывается так:

Но среди нимф возлюбила ты дивно гортинскую нимфу,
Зоркую Бритомартис-оленеубийцу, за коей
Гнался по критским горам Минос, язвимый желаньем.
То в укромах лесных от него таилася нимфа,
То в болотных лощинах; он девять месяцев кряду
По бездорожью блуждал, не желая погони оставить;
Но под конец, настагаема им, она ввергнулась в море,
Прянув с обрыва, а там ее удержали тенета
Спасших ее рыбаей. С тех пор кидонийцы "Диктиной"
Нимфу зовут самое, а утес, с которого нимфа
Прянула, кличут "Диктейским"; алтарь у берега воздвигнув,
Жертвы приносят они, венки же плетут из фисташек
Или сосновых ветвей, но мирт рукам их запрещен,
Ибо веточка мирта, за неплоса край зацепившись,
Девы замедлила бег; с той поры ей мирт ненавистен.
Светоченосная Упис, владычица, критяне даже
И тебя самое именуют прозванием нимфы I^{22*}.

* Перевод С.С. Аверинцева.

"Светоченосная" Артемида — это сошедшая на землю богиня Луны. Через луну, тишь и бурю она задает человеку настрой, подобно тому как ее старший брат Аполлон обеспечивает людям прямую, направленную к солнцу осанку. Оба склоняют к человеку силы своих созвездий и потому не тождественны миродержавным титанам — Луне и Солнцу. Они лишь управляют их силами.

Артемида, бросающаяся 16 января в море, подобно Дионису, — сама менада. Отведенная ей стихия — ветер, навязанная — вода, под знаком Водолея.

Аттическая подруга богини, Орифия ("бегущая по горам")¹²³, похищенная северным ветром Бореем, — тоже ее часть. А о том, что этими весенними тайнствами правила не одна Артемида, свидетельствует хотя бы храм Диониса "на Болотах" к северу от Иллисса. Подтверждение мы находим и у Стефана Византийского (VI век от Р.Х.): в своем лексиконе "Описание народов" под словом *agra* он пишет, что мистериями в Аграх равно распоряжался и Дионис.

Если говорить о полном составе богов-участников, то следует назвать прежде всего великую мать Рею. Учитывая миф о Тесее, мы, по существу, можем отождествить ее с кносской Афродитой. Далее, здесь присутствовал Плутон, древнейший "Богатый", наиболее близкий Дионису "на Болотах", выступающему в образе зрелого мужа. Судя по сохранившимся изображениям, не обошлось здесь и без Пана и Гермеса.

Однако же Деметра, Афина, Гера и Арес, выступающие в Элевсиниях, здесь, в Аграх, никакой роли не играли. Не слишком подходящий для "бракосочетания времен года" весенний срок накладывал свои ограничения. По всей видимости, тут не было речи и о знаке огня — Овне.

Платон в "Федре" дает описание поля в Аграх около 480 года до Р.Х., Павсаний — около 160 года от Р.Х. и археолог Я. Травлос в своей "Топографии античных Афин" — в 1971 году. Согласно Платону, поле Артемиды и место, где северный ветер похитил царевну Орифию —

кстати, к северу от Илисса, — находятся рядом, и оба они наводят страх.

Павсаний тоже видел на северном берегу Илисса, недалеко от огромного храма Зевса, законченного только императором Адрианом (117—138), "древние произведения <...> храм Кроноса и Реи и священный округ Геи (Земли) <...>. Здесь, приблизительно в локоть шириной, расселась земля, и говорят, что после потопа, бывшего при Девкалионе, сюда ушла вся вода; поэтому сюда каждый год бросают пшеничную муку, замешенную с медом [для мертвых. — Д.Л.]. <...> близко стоит <...> святилище Аполлона, называемого Дельфинием, <...> о храме Афродиты у них нет никакого предания; все равно как и о статуе Афродиты, которая стоит недалеко от ее храма; ее внешний вид — четырехугольный, такой же, как и у гермов. Надпись объясняет, что это "Небесная Афродита" — старшая из так называемых Мойр (богинь судьбы)" (1.18,7 — 19,1—2).

Этот древний храм Очистителя Аполлона Дельфиния, который действовал при поддержке Судьбы-Афродиты, позволяет предположить рядом со знаменитым судилищем под его покровительством еще и государственный оракул, ведущий начало с времен Тесея, по меньшей мере с XIII, а то и с XIV века. Поскольку Геродот именует Ономакрита (до 510 года в Афинах), советника тирана Писистрата и его сыновей, "составителем оракулов" (7.6,3), можно помыслить, что деятельность его протекала именно здесь. А поскольку Павсаний связывает Ономакрита еще и с Дионисийскими оргиями (VIII.37,3), мы кульгово соотносим между собой эти места по берегам Илисса.

Павсаний продолжает: "Кто переходит здесь (по мосту) Илисс, тот вступает в местечко, называемое "Агры" (Ловы) с храмом Артемиды Агротеры (Ловитчицы); говорят, что здесь некогда, придя с Делоса, охотилась Артемида" (1.19,7). Этот мост и искусственная запруда под ним найдены при раскопках.

Раскопки показывают¹²⁴, что описанный Павсанием путь от классических восточных городских ворот, которые он в 160 году от Р.Х. уже видеть не мог, до моста составлял около 500 м. Храм Аполлона Дельфиния, где в 1200 году до Р.Х. вершил суд Эгей, всегда находился за пределами нижнего города, который здесь, впервые окруженный стеной около 1230 года до Р.Х. и полностью укрепленный Тесеем примерно в 1150 году, вплоть до эпохи Солона (около 600 года до Р.Х.) не менял своей величины. Расширения производились неизменно на севере акрополя. Если, как мы предполагаем, февральские мистерии установил Тесей, сделал он это в том же городском пейзаже, какой Павсаний описывает в 160 году от Р.Х. Здесь почти ничего не изменилось; Агры оставались Аграми.

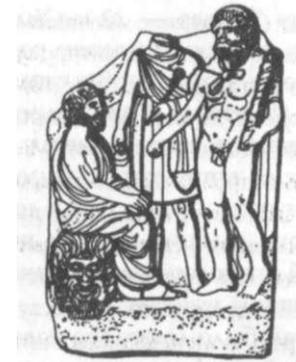
Вступление Диониса под вечер одиннадцатого анфестериона, как и процессия двенадцатого, называлось *rompe*. В императорском Риме колесницей-кораблем пользовалась и богиня Исида, едучи с моря; там-то и возникло название *carrus navalis* — карнавал. В Афинах 12 анфестериона (2 февраля) все устремлялись в Агры. Каждый нес кувшинчик с вином, *chus*, отчего и день назывался *choes*, или "кувшинчики". Вино считалось кровью бога. Как происходила инициация трехлетних детишек, мы уже рассказали выше.

Третий праздничный день был посвящен умершим. Их громко приглашали в прежние жилища и угощали там медом или медовыми лепешками. Но храмы богов-олимпийцев для них, подземных, были закрыты, доступ преграждали красные веревки. Кносские обряды свидетельствуют, что красная нить подземным хорошо знакома. Умершие бродили по улицам; их изображали нагие, с головы до ног выкрашенные белым, как правило, худые парни. Вечером в домах провозглашали: "Мертвые, подите прочь! Праздник окончен!" Поскольку умершие гостили в городе тринадцатого — после "кувшинчиков", двенадцатого, — *chus* нередко становился могильным знаком.

Спустя десять дней, в ночь с 22 на 23 анфестериона (с 12 на 13 февраля) на поле в Аграх справляли соответствующие мистерии, которые после 600 года до Р.Х., когда Элевсин с его Великими мистериями был присоединен к Аттическому союзу, стали называться Малыми мистериями. То, что таинства проводились в феврале (анфестерионе), опасений не вызывало, ведь после введения Солоном в 594 году Дельфийского календаря именно этот месяц вкупе с мистериями повторялся каждые четыре года как дополнительный. Тогда при соответствующем стечении народа таинства проводились дважды, а иной раз по необходимости так поступали и в отсутствие дополнительного месяца.

На поле в Аграх, юго-восточнее моста, то есть вверх по Иллису, Травлос раскопал древний фундамент и, сравнив с Метрооном на агоре, предположил, что это храм Реи. Южнее этого места, но еще в пределах речной долины, находится упомянутый Павсанием и сохранившийся до нового времени, хотя ныне и разрушенный, храм Артемиды. Еще дальше к югу, на холме, лежат развалины святилища Посейдона. Значит, храмовых зданий там три. Вблизи моста и теперь можно видеть выбитое на скале большое — в метр величиной — изображение бога Пана. Пан считался сыном "проводника душ" Гермеса и, подобно своему отцу, мог стать помощником мистов. Недалеко отсюда, к востоку, среди речной гальки был найден каменный рельеф, изображающий Геракла, которого Гермес провожает к Плутону. Древний бог-отец сидит на скамеечке, к которой прислонена маска речного бога Иллисса. Рельеф этот создан позднее изображения Пана.

Короткую дорогу от Тесея города вполне позволительно считать дорогой мистериальных процессов. На ней мисты встречали следующих божеств: 1) Гею; 2) Кроноса и Рею; 3) Афродиту и 4) Аполлона. Последний, как и в Дельфах, мог у себя в храме давать

Плутон, Гермес и Геракл

приют своему антиподу Дионису или, как в лаконских Амиклах, подземной своей тени, Гиакинфу. Здесь Аполлон видел подземного брата на другом берегу речки, которая с установлением мистерий превратилась в метафизическую границу между этим и тем светом. Жертва вернувшегося с Крита Тесея Ариадне и Дионису перед храмом Аполлона, как ее описывает Плутарх, указывает на Диониса.

Продолжая путь по светской дороге севернее речки — вне подступов к мосту, — мисты миновали бы маленькое святилище Геракла и Гебы, затем могилу мегарского царя Ниса, убитого Миносом, а еще дальше (взгляд с моста туда еще вполне достигал) — место, где северный ветер Борей похитил царевну Орифию. Эти семь пунктов выполняли в Малых мистериях роль, аналогичную той, которой в Элевсиниях служили остановки на Священной дороге.

На том берегу, южнее речки, мист первым делом видел резное изображение Пана. Чтобы понять его роль в мистериальном обряде, стоит обратиться к сказанию об Амуре (Купидоне) и Психее, которое изложено Апулеем и представляет собой отражение мистерий Афродиты. Там Пан играет ту же роль, что и в Аграх.

В этом сказании Психея — самая младшая и самая прекрасная из трех кипрских царевен: родители бросают ее на обрыве высокой горы, чтобы стала она супругой ужасного дракона (Плутона). Так предрек Аполлон. Но, как только наряженная невеста остается одна, западный ветер Зефир уносит ее в прелестную уединенную долину. Там она живет в пустом дворце. Еду и питье ей подают незримые руки, она слышит музыку кифар и пение. В полночь же к ней приходит божественный супруг, который наутро с рассветом исчезает.

Однажды сестрам было дозволено навестить Психею. Они напоминают ей об Аполлоновом прорицании насчет дракона, якобы предназначенного ей в супруги, а затем оставляют девушке масляную лампу и бритву, чтобы она увидела дракона и отсекла ему голову. Психея дожидается следующей ночи и видит в свете лампы бога Амура. Капелька горячего масла брызжет ему на плечо. Амур просыпается и, увидев Психею с бритвой, взлетает в воздух. С вершины кипариса он рассказывает ей обо всем и исчезает.

В отчаянии Психея бросается в ближайшую реку. Волны выносят ее на другой берег, а там сидит деревенский бог Пан и учит свою возлюбленную Эхо петь на разные голоса. Вокруг резвятся козочки, пощипывая прибрежную травку. Пан успокаивает измученную Психею: "Девушка милая, я деревенский житель, пасу стада, но, благодаря своей глубокой старости, научен долгим опытом. Так вот, если правильно я сужу, — а это именно умные люди и называют даром провиденья [divinatio. — Д.Л.], — не старайся вперед погубить себя, а ступай дорогой, которую я тебе укажу, она приведет тебя к цели".

Психея встречает богинь Цереру (Деметру) и Юнону (Геру) — увы, они отказывают ей в помощи. В конце концов ее приводят к Венере (Афродите), матери Амура. Та награждает девушку колотушками, а затем подвергает тяжелым испытаниям — приказывает 1) ра-

зобрать кучу смешанного зерна; 2) добыть руно золотых овец, несущих гибель смертным (они подвластны небесному Овну); 3) зачерпнуть воды из вечного Стикса* и 4) принести Венере (Афродите) немножко Прозерпининой (Персефониной) красоты. Амур помогает ей все исполнить, а отец богов дарует бессмертие. На свадьбе танцует нагая Афродита.

Среди испытаний первое, с зерном, хотя и относится к числу древнейших, равно как и сама богиня Деметра в силу ее элевсинской славы, представляются оговоркой африканского римлянина Апулея; они не из сказания об Афродите и выбиваются из порядка прочих испытаний, которые соответствуют четырем стихиям — воздуху, воде, земле и огню, причем Амур укрощает огонь. Он провожает Психею к Персефоне, а ведь та, как подземная богиня, связана с землей и — благодаря особой своей сущности — и с огнем тоже. В итоге небесная красота является как женщина без дитяти. — Заметим попутно: "провидение" Пана помогает девушке как Полифемов глаз. Подлинное таинство должно преображать природные дары: глаз Полифема был выжжен, чтобы под контролем способности суждения развить лучший, аналогичный орган духовидения. Это различие, похоже, в Аграх не учитывалось.

Судя по археологическим находкам, в таинствах здесь участвовали следующие божества: Пан, Гермес, Артемиды-Геката, Афродита и Посейдон, далее Рея с Кроносом или Плутоном. Для эллинов Кронос под Водолеем — Посейдон, а для умерших и мистов — Плутон.

Гомерово "Одиссея" в Двенадцатой песни дает описание посвящения. Вероломство спутников Одиссея, покусившихся на острове Тринакия на священных быков бога Гелиоса, составляет содержание этой песни и драматическую кульминацию эпоса. Затем следует первое кораблекрушение, долгий плен у Калипсо на острове

* У Апулея — из Коцита.

Огигия, затем второе кораблекрушение и, наконец, долгая повествовательная ретроспектива перед морским народом феаков. На Тринакии спутники Одиссея шесть дней с необузданной жадностью поедают мясо священных быков. "Кожи ползли, а сырое на вертелах мясо и мясо, снятое с вертелов, жалобно рев издавали бычащий" (XII, 395 сл.). Эта картина вполне могла бы разгравываться перед храмом Посейдона в Аграх и легко сопоставима с описанием оракула у Павсания.

Там речь идет о прорицалище неподалеку от беотийских Фив, где вопрошающий — сбитый с толку водяными вихрями и с почти отошедшей душой — сам давал себе ответ, который мог вспомнить лишь с посторонней помощью. Павсаний пишет (IX.39—40): "Если какой-либо человек решит спуститься в пещеру Трофония, то прежде всего он должен прожить определенное число дней в особом здании; это здание — храм Доброго демона и Доброго случая (Тихи). Живя здесь, он совершает различные очистительные обряды и <...> для омовения ему служит река Теркина. Мяса он получает много от жертв [его ежедневно привозят из города. — Д.Л.] <...> в эту ночь, в которую каждый должен спуститься в пещеру, в эту ночь приносят в жертву барана <...>. А спуск этот совершается следующим образом. Прежде всего в эту ночь его ведут к реке Теркине, моют его и умащают маслом. Ведут его два мальчика лет по 13, из числа горожан <...>. Затем <...> ведут его не прямо в пещеру прорицания, а к источникам воды <...> Здесь он должен напиться из одного воды Леты (Забвения) <...> а из другого он таким же образом пьет воду Мнемосины (Памяти). <...> Показав ему статую, <...> которую жрецы не позволяют видеть никому, кроме тех, кто намерен идти в пещеру Трофония, поклонившись и помолвившись этой статуе, они ведут его в прорицалище. На него надевают льняной хитон и специальную местную обувь. Сам оракул находится за рощей на горе. Здесь сделана ограда из белого мрамора,

окружность которой как самый небольшой молотильный ток, высота не меньше двух локтей. <...> За этой оградой есть отверстие в земле <...>. В самые недра пещеры схода не сделано никакого, но когда кто-нибудь идет к Трофонию, ему дают узкую и легкую лестницу. Между этим сооружением и внутренностью пещеры спускающийся встречает щель, шириной в две спифамы (ладони), а высотой в одну. Спускающийся ложится на пол, держа в руках ячменные лепешки, замешенные на меду, и опускает вперед в щель ноги и сам подвигается, стараясь, чтобы его колени прошли внутрь щели. Тогда остальное тело тотчас же увлекается и следует за коленями, как будто какая-то очень большая и быстрая река захватывает своим водоворотом и увлекает человека. Те, которые таким путем оказываются внутри тайного святилища, узнают будущее не одним каким-нибудь способом, но один его видит глазами, другой о нем слышит. Спустившимся возвращаться назад приходится тем же самым путем, через ту же скважину ногами вперед. Они говорят, что никто из них не умер, исключая одного из телохранителей Деметрия. Говорят, что этот не совершил ничего из установленных при святилище обрядов <...>. Того, кто вернулся наверх из пещеры Трофония, жрецы опять берут в свои руки, сажают на так называемый "Трон Мнемосины" (Памяти) <...> и <...> спрашивают, что он видел и что слышал. <...> Те, которые спускались к Трофонию, обязаны всё, что каждый из них слышал или видел, оставить здесь, написав на доске. <...> Это место прорицаний прежде не было известно беотийцам, и открыто оно было по следующему случаю. <...> уже второй год бог не давал им дождя <и> Пифия велела им идти в Лебадию к Трофонию <...> тут некто Саон <...> увидел рой пчел и велел следовать за ними, куда они полетят. <...> И говорят, что этот Саон был обучен Трофонием установленному тут священнодействию <...>".

Можно подумать, Саон руководствовался XII песнью "Одиссеи": на Тринакии обжирались мясом. Засим следовало первое кораблекрушение и плен у Калипсо, "той, что сокрыта", — в прорицалище этому соответствовало спокойное созерцание обычно сокрытого изображения божества; далее человека подхватывал поток — для Одиссея второе кораблекрушение. И наконец, долгий рассказ Одиссея перед феаками равнозначен "Трону Памяти".

Это описание, вероятно, указывает на пробразы мистерии в Аграх. Во-первых, мисты сталкиваются с растерзанием (изначально это вообще поедание мяса) и с последующим искуплением через Гекату. Разверзается бездна чувственности и жестокости, и ее необходимо преодолеть. Во-вторых, можно ожидать созерцания статуи в храме Посейдона на холме. Кстати, акцентировать внимание на сходстве с Голгофой не стоит. Малые мистерии нимало не приближаются к ней ни значимостью, ни последствиями. В-третьих, возможно, что в долине перед Метрооном наиболее одаренных посещали видения. В-четвертых, здесь даровалось благо воспоминания.

Мистерия на поле в Аграх

Через десять дней после Анфестерий, трехдневного Праздника цветения с 11 по 13 анфестериона (1—3 февраля), ради глубокого одухотворения справлялись таинства на поле в Аграх. Участвовала в них преимущественно молодежь, еще не вступившая в брак, юноши — начиная с восемнадцати лет. Что касается юношей, то, по аналогии с древним Элевсином, они должны были уже стать воинами и служить городу. Так вообще в этом возрасте сплавлялись воедино силы жизни и смерти, причем в таинствах это происходило более осознанно и напряженно.

Малые мистерии, как позднее (после 600 года до Р.Х.) были названы эти таинства, прячут от нас свой ход еще

больше, чем Великие, элевсинские. С тех пор как Элевсин был присоединен к Аттике и открыл афинянам свои таинства, сообщения о Малых мистериях исчезли. Однако в середине нашего столетия археолог Я. Травлос обнаружил и опознал остатки их построек, которые говорят и о формах культа¹²⁵. А мистические орфические гимны, которые в Афинах пели до присоединения Элевсина к Аттическому союзу, дают сведения об их содержании. Вот на такой основе мы и делаем попытку реконструировать ход Малых мистерий.

Желающий принять посвящение в Аграх подавал во время Анфестерий (2 или 3 февраля) прошение в храм Кроноса и Реи, что на северном берегу Иллисса, называл свое имя и род и предъявлял дары, какие получил трехлетним ребенком **В** тот же самый день на том же месте, — тетраэдр, шерстяной лоскут, кубик и шар. У кого они не сохранились, того проверяли по списку граждан и вручали новые; к таинствам допускали только афинян. Причем за плату. Затем претенденту советовали надеть самое простое платье, сообщали ему пароль нынешнего года, например "Мойра" или "охотница", и снабжали соответствующей метой — скажем, красной

Пан и одна из мистов

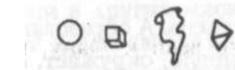
ниткой на левом запястье, на правом плече или на правой шиколотке.

В вечерних сумерках двенадцатого февраля участники собирались возле храма Кроноса. Рослый силен (сатир) вел их к мосту через запруду, где другие сатиры проверяли у каждого адепта мету, пароль и платье и подвергали всех очищению ладаном. Освященные совершали затем омовение у речки. За мостом их обмазывали жидкой известкой — одному только лицо и руки, других почти целиком. И наконец, жрица в белых одеждах быстрым жестом опалила их горящим факелом с головы до ног, спереди и сзади.

Затем их поодиночке вели к Пану, где некий сатир еще раз наставлял каждого в необходимости хранить тайну и в правильном поведении этой ночью: "Ты не знаешь ни мира, ни мистерий, ни души твоей. Коли заметишь что-то новое, воспринимай это как должное; не мни себя умнее других. Коли мистерия неожиданно ошеломит тебя, ответить должна твоя душа, не ты; жди, заговорит ли она. Если нет, с тем большим вниманием наблюдай следующую часть таинств. Сокровенный разговор души и таинства непременно происходит; только он не всегда достигает твоего уха. Но то, что ты услышишь, замкни в себе! Сделай святыню в сердце своем; и пусть не будет туда доступа. Дабы защитить святыню в груди твоей — вот зачем мистерии потаенны.

Теперь взгляни на это игровое поле. Оно изображает твою жизнь. Посередине находятся девять полей, по три для богов, героев и людей. Эту часть Мойры определили до твоего рождения. Но боковые поля свободней, они принадлежат титанам. В таинствах тебе дозволено осторожно к ним приблизиться. Лишь они одни способны и готовы поднять тебя на одну или две ступени, а недостойных могут и столкнуть вниз. Лишь в нижней части тебе дана свобода через усердие. В остальных они властвуют безраздельно, руководствуясь степенью пробужденности твоей души... Сейчас будут брошены твои жребии — уга-

т		т
и	боги	и
т		т
а	герои	а
н		н
ы	люди	ы

Игровое поле с четырьмя видами жребиев

дай же, куда склоняется твоя душа: к какому герою, чтобы стал ты с ним схож, к какому богу, чтобы стал он звездой жизни твоей. Скажешь об этом лишь мне; никому другому не открывай священных образов в сердце твоём. Завтра утром снова придешь ко мне, не к другому сатиру".

Мист бросает свои четыре жребия. Сатир бегло смотрит на бросок, внимательно слушая затем толкование миста. О том, кто вызывает у него интерес, он сообщает Пану.

Как только все получают свое наставление, рослый силен, обернувшись лицом к западу, к Пану, запекает благодарственный орфический гимн, а мисты подхватывают:

**Ныне, вакхант вдохновенный, блаженный, гряди
к возлияниям**

Благосвященным и добрую жизни кончину пошли нам...*

Корифей оборачивается к востоку и устремляет зов в чистое поле, а мисты вглядываются во мрак:

* Орфические гимны цитируются в переводе О.В. Смыки.

**Я придорожную славлю Гекату пустых перекрестков,
 Сущую в море, на суше и в небе, в шафранном наряде,
 Ту, примогильную, славлю, что буйствует с душами мертвых,
 Ту нелюдимку Персею, что ланьей гордится упряжкой,
 Буйную славлю царицу ночную со свитой собачьей.
 Не опоясана, с рыком звериным, на вид неподступна,
 О Тавропола, о ты, что ключами от целого мира
 Мощно владеешь, кормилица юношей, нимфа-вождия,
 Горных жилища высот, безбрачная — я умоляю,
 Вняв моленью, гради на таинства чистые наши
 С лаской к тому волопасу, что вечно душою приветен!**

Вместо богини является олень. А образовавшаяся было группа устремляется врассыпную, окружает, обступает животное, десять, двадцать рук вцепляются в него и растерзывают на части. Каждый хватает, каждый рвет свою долю, каждый испытывает себя, поедая сырое мясо. Если прежде в советчике-силене странно соединялись чувственность и душевная мудрость, то теперь оживает жестокое неистовство. Прежде чем душе будет указан многотрудный путь восхождения, в человеке отверзается ад. Пусть Пан решит эту загадку, ведь глубже его никто не заглянет в устройство тела и души.

Пожиратели сырого мяса вместе с проводниками-сатирами собираются у восточного фасада храма Артемиды-Гекаты. Дружелюбные сатиры выталкивают вперед девушек и женщин. Жрица с несколькими факелоносцами зажигает огонь на открытом алтаре, бросает туда лепешки и велит мистам воздеть окровавленные руки в молитве.

**О ключница вселенной! даруй искупление крови,
 В опасности мистов храни, проводи нас к титанам!**

Слыша это, сатиры отходят в сторону, достают короткие свистульки и, наигрывая немудреную мелодию, удаляются назад к Пану.

Им на смену из-за алтаря появляются белые как мел умершие. Они не дружелюбны, а деловито-суровы. За-

метив у девушек украшения, или, скажем, искусно обожженный ремешок вместо скромной повязки вокруг обязательного узла волос, или нарядное головное покрывало, они тотчас все это отбирают навсегда. Одновременно откуда-то сзади прибегают волки, выхватывают у нерасторопных остатки оленьего мяса, срывают с юношей всю одежду, кроме серой рубахи, а если кто ведет себя несокромно, хлещут колючими ветками. Узнавши тех, кого Пан взял на заметку, они внимательно к ним присматриваются. Волки — те же помощники, под руководством которых мисты бросали жребии, только теперь они в других масках.

Едва смолкнут вдали свистульки сатиров, одна из помощниц выносит к алтарю кувшин с водой. Жрица громко произносит над ним молитву:

Тефия титанида,
 Афродиты сокрывая мать,
 Силу твою даруй этой воде!

Из храма выходит жрец Гермеса и тоже произносит над водой молитву:

Пусть, Океан, будет эта вода
 Толикой первичного моря,
 Защитой от участи злой!

Жрец и жрица окунают в воду ветки и кропят мистов; больше всех достается стоящим впереди мертвым, чуть меньше — девушкам. Волки, еще шныряющие среди мистов, отбегают назад. Жрица повторяет стихи уже пропетого песнопения:

**О нелюдимка Персея, о ты, что ключами от целого мира
 Мощно владеешь, будь к нам благосклонна!**

После довольно продолжительной паузы из храма доносятся звуки кифары. Жрица зовет: "Приди!" Появляется старец вроде Нереея, морского прорицателя, идет направо, где стоит высокое сиденье, усаживается и, подыгры-

Одиссей ослепляет Полифема

вая себе на кифаре, поет древние сказания; начиная с VI века, вероятно, зачастую Гомера, о битве богов на Скамандре, но до той поры вот что:

Горных хозяйка дубрав, Артемида, зверей господня!
 Гневно под Троей могучего брата отцова, владыку морей
 Посейдона, мощная, ты укоряла.
 Дерзкой насмешкой звала стрельца Аполлона, брата родного ее,
 С земли колебателем выйти на битву.
 Но раздражилась Гера, супруга почтенная Зевса,
 <...> и руки богини своею рукою
 Левою хватает, а правую, лук за плечами сорвавши,
 Луком, с усмешкою горькою, бьет вокруг ушей Артемиду:
 Быстро она отвращаясь, рассыпала звонкие стрелы
 И, наконец, убежала в слезах <...>
 Та же взошла на Олимп, в меднозданный чертог громовержца;
 Риза на ней благовонная вся трепетала. Кронион
 К сердцу дочь прижал и вещал к ней с приятной усмешкой:
 "Дочь моя милая, кто из бессмертных тебя дерзновенно
 Так оскорбил, как бы явное ты сотворила злодейство?" <...>
 Тою порой Аполлон вступил в священную Трою...
 Тайнств подруга ночных на полях невозделанных в Ловах,
 Помни, спутников сила твоих меньше намного
 Царственной мощи твоей!

Ведь Диомед, воеватель бесстрашный; сразил копием Афродиту.
 Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
 Нежную; быстро копые сквозь покров благовонный, богине

Тканый самими Харитами, кожу пронзило на длани
 Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
 Влага, какая струится у жителей неба счастливых:
 Ибо ни браши не ядят, ни от гроздий вина не вкушают;
 Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают.

(Ил. 21; 5)

Прежде ужасных деяний богов на Скамандре
 [продолжает старец]
 В ужас повергли всех смертных дела Ахиллеса.
 Облеченный всей силою духа, первого он Ифитиона свергнул,
 Которого имя с тобой, Артемида царица, роднит,
 В голову пикою грянул, и надвое череп расселся.
 Последним пред битвой бессмертных пал Астеропей,
 Ветвь Пелетона, которого Аксий широкоотекущий
 С юной родил Перибоею, Акессаменовою дочью
 Старшею; с нею поток сочетался глубокопучинный.
 Быстро Пелид устремлялся, а тот из реки на Пелида
 Вышел, двумя потрясающий копьями: дух неоницу
 Ксанф возбуждал: раздражался бессмертный за юношей
 красных,

Коих в пучинах его Ахиллес убивал без пощады.
 Но Астеропееву душу мечом Ахиллес исторгнул:
 Чрево близ пуна ему разрубил, и из чрева на землю
 Вылилась внутренность вся... (Ил. 21)

Певец на высоком сиденье поет дальше о битве богов
 (Ил. 21; 22):

Но меж другими бессмертными вспыхнула страшная злоба,
 Бурная, чувством раздора их души в груди взволновались.
 Бросились с шумной тревогой; глубоко земля застонала <...>
 Арес <...> ударил коньем в драгоценный эгид многокистный,
 <...>

Зевсова дочь отступила и мощной рукой подхватила
 Камень, в поле лежащий, черный, зубристый, огромный,

В древние годы мужами положенный поля межою;
 Камнем Арея ударила в выю и крепость сломила. <...>
 За руку взявши его, повела Афродита богиня,
 Тяжко и часто стнящего; в силу он с духом собрался.
 Но, Афродиту увидев, <...> Афина бросилась с радостью
 в сердце;

Быстро напав на Киприду, могучей рукой поразила
 В грудь; и мгновенно у ней обомлело и сердце и ноги.
 Оба они пред Афиною пали на злчную землю.

После же битвы богов Гектора злая судьба совершилась:
 <...> Как звезда меж звездами в сумраке ночи сияет,
 Геспер, который на небе прекраснее всех и светлее, —
 Так у Пелида сверкало копьё изощренное, коим
 В правой руке потрясал он, на Гектора жизнь умышляя,
 Места на теле прекрасном ища для верных ударов <...>
 Там лишь, где выю ключи с раменами связуют, гортани
 Часть обнажалася, место, где гибель душе неизбежна:
 Там, налетевши, копьем Ахиллес поразил Приаида;
 Прямо сквозь белую выю прошло смертоносное жало <...>
 Все, изумляясь, смотрели на рост и на образ чудесный
 Гектора и, приближаясь, каждый пронзал его пикой.
 Ахиллес же на Гектора недостойное дело замыслил:
 Сам на обеих ногах проколол ему жилы сухие
 Сзади от пят и до глезн и, продевши ремни, к колеснице
 Тело его привязал, а главу волочиться оставил.
 Но Феб от него, покровитель,
 Феб и от мертвого вред отклонял; о герое и мертвом
 Бог милосердствовал: тело его золотым он эгидом
 Все покрывал, да не будет истерзан, Пелидом влачимый.

Глядите же, раны какие видел Скамандр
 У бессмертных богов и людей!

Так пел певец. Когда он умолкает, жрица словами Орфея
 (XXXVII о.г.) призывает богов, властвующих созиданием и
 преображением:

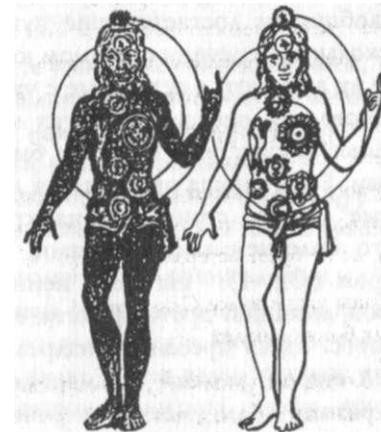
О Титаны, о чада прекрасные Геи с Ураном,

Наших отцов прародители, вы, кто под толщей земною
 В Тартара доме, во глубях подземных теперь поселились,
 Вы, о исток и начало всего, что смерти подвластно, —
 Многострадальных существ, наземных, морских и пернатых,
 Ибо от вас происходит все то, что рождается в мире.

Вас умоляю — от нас отдалите вы гнев вредоносный,
 Ежели нашему дому пошлют его мертвые предки.

У храма Гекаты факелы гаснут. Жрица исчезает внутри,
 с нею певец. Жрец Гермеса берет вместе со своим жезлом,
 на котором здесь лишь одна змея, последний светильник,
 шагает в гору, к храму Посейдона, и зовет: "За мною!"
 Когда все идут, он громко молится словами Орфея:

Слушай меня, о Гермес, сын Майи, о вестник Зевеса!
 Сердце имущий несильное, ты, состязаний блюститель,
 Смертных владыка, со множеством замыслов Аргобийца!
 О мужелюбец, в крылатых сандалиях, слов прорицатель,
 В радость тебе и борьба, и обман, и коварство, о хитрый,
 О толкователь всего, беззаботный, о выгод даритель.
 Ты, безупречный, и мира защиту в руках своих держишь,
 О Корикиец, пособник, пестры твои хитрые речи,

"Целостный земной и естественный и темный человек в звездах и стихиях" — так писал в 1722 году ученик Якоба Бёме Иоганн Георг Гихтель в своей "Практической теософии"

В деле помощник, о друг для людей в безвыходных бедах,
 Ты — языка величайшая сила, столь чтимая в людях,
 Внемли и жизни моей благое пошли окончанье —
 Быть на ногах, в наслажденьи ума и памяти твердой!

Впереди шагают "мертвые" с девушками и женщинами, за ними — юноши с волками. Корифейка поет орфически:

Буду я Ночь воспевать, что людей родила и бессмертных,
 Ночь — начало всего, назовем ее также Кипридой.
 Кругом бредя, ты играешь, гонясь за живущими в небе,
 Либо, коней подгоняя, к подземным богам устремляешь
 Бег их и светишь в Аиде опять, ведь тобой управляет
 Строгий Ананки закон, что всегда и для всех неизбежен.
 Ныне, блаженная, всем вожденная Ночь, — умоляю,
 Внемли с охотой словам к тебе обращенной молитвы,
 Мне благосклонно явись, разогнав мои страхи ночные!

У юношей больше оснований бояться, чем у девушек: волколуди не отстают и знай хлещут их колючками. Сползла рубаха — а иной одежды здесь не терпят, — развязались сандалии, всё тотчас исчезает, и последние из мистов уже пятятся задом, чтобы хоть как-то себя защитить. Жалобщикам достается еще пуше. Углядев одного или нескольких отмеченных Паном юношей, волки рьяно берут их в оборот, а остальные с ужасом смотрят, как на одного или нескольких нагих юношей набрасывают оленью шкуру или лоскутья бычьей кожи, мокрые от крови. Если юноша оказывается лежащим на спине, "мертвые" тотчас становятся на края кожи и награждают его болезненными пинками, насмехаясь вместе с Гомером (Од. 4): "На море пенно-широком находится остров, лежащий против Египта; его именуют там жители Фарос. Здесь пребывает издревле морской пронизательный старец, равный бессмертным Протей, египтянин, — разные виды умеет он принимать и являться способен всем, что ползет по земле, и водою, и пламенем жгучим. Кожи тюленя из вод принесла Ме-

нелая богиня, чтобы спрятался он и старца смог удерживать, который, увидя, что все чародейства напрасны, сделался тих и ответ на вопрос его дал. Старцу сему открыта минувшего бездна и грядущее как на ладони. Ты теперь, юный Протей, рвися из хватки, меняйся, старца великого дар отыщи и открой нам судеб назначенье. — Говори же немедля, кто здесь пинает тебя!"

Гермес, или его жрец, впереди всех поднимается выше в гору, снова восклицая: "Следуйте за мной!" Побитых юношей отпускают, и волки гонят их к храму Посейдона. Там у восточного входа ждет Афродита. Ее жрица зажигает огонь на открытом столообразном алтаре, делает Гермесу знак стать по левую руку, а когда воцаряется тишина, произносит:

Нити судеб прядущая наших, Клото!
 Ты, о Лакхёсис, дающая каждому жребий,
 Третья сестра — Неизбежность-Атропос,
 Будьте к мистам добры, помощью их осчастливьте!

Три темные старухи под пурпурными покрывалами выходят из дверей храма. Они несут короткую мачту с еще более короткой реей. Афродита кричит через головы мистов в темное, дикое поле:

Нету на свете убийств, не отмщенных тобой, Тисифона!
 Дерзость людскую уздой ты смиряешь, Мегера!
 Ты, Алекто, назначаешь возмездье сурово!
 Вечные судьи, богини змеиноволосые,
 Мукою тяжелой от скверны вы очищаете мир.
 Промыслом вашим благим силы мистов умножьте!

Волки сквозь толпу прокладывают дорогу к алтарю еще трем жутким, темным фигурам, помогают им нести корабельный киль. Гермес подводит всех к Мойрам и ремнями прикрепляет мачту к килю. Затем волки хватают самого сильного, самого перепачканного кровью юношу, привязывают ремнем к этому сооружению — руки к штевню — и ставят его в углубление позади алтаря. Пока миста привязывают, Гермес стирает кровь, оставляя пятна лишь в местах ране-

ний, полученных на Скамандре богами. Из поставленной вертикально связки сверху выступает киль.

Мойры и Эринии шестером образуют на заднем плане полукруг. Афродита и Гермес стоят перед алтарем. Богиня указывает мистам на окровавленного юношу, подвешенного к стойке, и восклицает: "Пророчество!" Одновременно Гермес поднимает свой жезл (длиной в половину человеческого роста и лишь с одной змеей, которая золотом сверкает на черном фоне). Некоторое время он молчит, все замирают в спокойном созерцании.

Когда Гермес опускает жезл, Афродита без светильника и без провожатых сходит с холма к святилищу Матерей-в-Долине. Шесть старух, до сих пор стоявшие за алтарем, следуют за ней в некотором отдалении. Волков больше не видно. Наверху "мертвые" и мисты вместе с Гермесом ждут у дверей храма, пока оттуда не выходит жрец Посейдона в черном одеянии. Он и Гермес отвязывают юношу, обертывают его в льняное полотнище, кладут на носилки. Двое "мертвых" поднимают носилки, двое других зажигают факелы от огня на алтаре и медленно шагают в долину, куда ушла Афродита. За ними идут Посейдон, Гермес, "мертвые" и мисты. Никто никого не погоняет. Полночь миновала.

Перед новым плаванием Персефона делает мачту килем — характер становится судьбой

Возле Метроона Афродита зажгла огонь на выложенной камнем круглой площадке — именно такие площадки служат алтарем подземным богам. Мойры и Эринии набрасывают на плечи белые плащи и приподнимают пурпурные покрывала. Ужасом от них уже не веет, к тому же они стали неразличимы. Молча восседают они на высоких сиденьях, образуя полукруг между алтарем и храмом. "Мертвые" останавливаются перед восточным фасадом, факелonosцы занимают место по бокам дверей. Старый жрец Посейдона в черном и жрица в белом входят в храм. Гермес, расставляя мистов с восточной стороны алтаря, все время присматривает за огнем. Потом он бросает в огонь ладан и молится, обратившись лицом на восток:

**Форкис, рожденный Землею и морем Понтийским,
Склоняем главу мы пред властью твоей в этом месте.
Пусть дети твои страхов чрезмерных не нагоняют на мистов.
К просьбе моей, о великий, будь благосклонен.**

И как бы к себе самому, пристально глядя в огонь:

**Персей иль, быть может, иной из древних героев,
Что умел укротить Форкиса дочерей,
Погрузи в души мистов твой образ!**

Вновь глядя на храм, он продолжает:

**Рея-владычица, ты, первородного дочь Протогона!
Летом он знойным как лев-небожитель быка задирает,
Зимой же мистам дарует спасенье.**

**Блаженная Крона супруга, ты любишь неистовства в громе
тимпанов,**

**Любы тебе среди гор завыванья ужасные смертных,
Ухо твое к нам преклони этой ночью.**

**Мистам теперь помоги благосклонным советом,
Мирным покоем наполни их души во смерти!**

Из храма опять выходит старый жрец, на сей раз в белом, с золотой эгидой и в пурпурном плаще. Гермес раздувает огонь. Старик — теперь это Кронос-Дионис-

Плутон — сдергивает с носилок покров, поднимает юношу, набрасывает на него пурпур и ведет в храм. Там они расспрашивают друг друга о загадках обрядов нынешней ночи, в той мере, в какой открывается дух юноши. Эти тайны мы оставим им.

Гермес делает мистам знак подойти к шести тронам между алтарем и храмом. "В священной робости спросите о судьбе земного круга, города, а уж потом — о вашей собственной", — говорит он. Начинаются тихие, вполголоса, беседы.

Сведущая в судьбах жрица — любая из шести — прежде всего, как правило, спрашивает: "Что ты видел?" Ответ может быть каким угодно. Если в нем, сколько бы ни варьировался вопрос, не будет ничего особенного, жрица скажет: "Ступай к Пану и брось жребий у твоего сатира!" Так мисты поодиночке идут к выходу. Сагиры следят, чтобы никто не сбился с пути.

Того же, кто что-либо расскажет о пережитом священном событии, старухи дополнительными вопросами побуждают к самораскрытию, подробно толкуют пережитое и указывают возможность его применить. Если мист вспомнит разыгранную у храма Гекаты битву на Скамандре из "Илиады" — в более архаические времена пелись более древние сказания, — ему раскрывают

Рейя

общий смысл образа подвешенного перед храмом Посейдона юноши либо толкуют загадку этой сцены посредством ее вариации, скажем — через спасение Ахиллеса из зыбучих приречных песков Посейдоном и Афродитой, хотя до сих пор эти божества сражались с ним как противники.

Если мист пытается поведать об оккультном восприятии через некий орган, жрицы устанавливают точное местоположение этого органа, сравнивая его затем с красными пятнами на теле юноши, и значительное их количество само по себе проясняет зачаточность собственного восприятия. Ну а начни мист излагать содержание видения, его посылают к жрице в храм.

Там опытная служительница отделяет фантазии от истины, болезненно-навязчивую речь от неспешного свободного рассказа. Все, что жрице представляется здоровым и правдивым, она упорно извлекает дальше, советуя почаще вспоминать эту беседу наедине с собой. "Если б Одиссей, — замечает она, — погружённый феаками в сон, похожий на смерть, и высаженный на Итаке близ пристани Форкиса, в гроте нимф, не пересчитал бы тотчас после пробуждения и не назвал поименно все подаренные ему богатства, он бы никогда не вернулся в этот грот после избияния коварных женихов Пенелопы, которое отняло у него все силы, и сокровища так бы там и остались, забытые. Вот и ты должен поведать мне обо всем, что видел, слышал или чувствовал, тогда сокровища ночи таинств останутся с тобою". Жрица охотно выслушивает любое сказание, особенно сказание о Персее. Гомера она привлекает для толкования, ведь мисты большей частью живут эпосами, и великие произведения долго, порою всю жизнь трогают их душу, потому что помогают бодрствовать духу таинств, который иначе легко канет в забвенье.

Изобилие истинных образов у Гомера едва ли не бесконечно. Если в речи миста звучат болезненные нотки или он вдруг начинает явно упиваться рассказом об уви-

денных образах, достаточно упомянуть о приключениях у Кирки-Цирцеи или Калипсо либо о том, как скромно-человечная Навсикая в конечном итоге куда больше способствовала спасению героя, чем обе богини. Бывают и такие, что упорно выспрашивают подробности устройства мистерий, — им, если они мало-мальски понятливы, можно указать на трех девушек, связанных с Ахиллесом: первая, на острове Скирос, Дейдамия, родила ему сына Неоптолема; затем ему была обещана дочь Агамемнона Ифигения, но Артемида перенесла ее в Тавриду и сделала там жрицей; и наконец, он захватил под Троей девушку с Лесбоса, по имени Брисеида, прекрасную, как Афродита, однако же предводитель войска, царь Агамемнон, отнял ее у героя, и по этой причине Ахиллес сорок дней не участвовал в сраженьях, лишь после битвы на Скамандре, смерти Гектора и ночного выкупа его Приамом Ахиллес наконец в мире почиет рядом с нею на ложе.

Одному из посланных в Метроон мистов перед жрицею в пурпурном покрывале является легкий, точно радуга, образ Одиссея — герой падает с плота в море, сбрасывает одежду и обертывает грудь покрывалом Белой морской богини Ино, которое помогает ему миновать смертоносный прибой и добраться до берега страны феаков (Од. 5). Едва этот образ исчезает, возникает другой, показывающий более раннее крупное кораблекрушение, которое постигло героя вблизи бездонного морского водоворота Харибда. Молния разбивает корабль в щепки, ломает киль и мачту (Од. 12). Тут мист смекает, что сегодня ночью видел это несчастье перед храмом Посейдона, страшное и для него самого тоже, ибо молния поразила его душу! Вот что он там выстрадал. Наконец образы облечены в слова рассказа и развеялись, и жрица велит еще раз точно повторить самое важное, чтобы ни одно духовное впечатление не пропало втуне.

"Толстокожие" сперва возвращаются во владения Пана, к мосту. Сатир-наставник опять подводит своего

подопечного к игровой доске; ему еще раз говорят о начальном жребии и о том, как он же сам его истолковал, особенно подчеркивая имя древнего героя, коль скоро мист назвал одно из срединных полей. Затем сатир велит снова бросить жребий — он даст подтверждение или что-то добавит. Если выпадает аналогичное толкование, особенно если герой тот же, сатир может сказать: "Тебя, как Одиссея, возвращающегося домой спустя двадцать лет, ожидает много могущественных "женихов", которые домогаются твоей души. Герой придет на помощь, чтобы ты не потерял свою душу. Замкни его имя в сердце, не впускай никого в это святилище, никому о нем не говори. Они подступят к тебе, вооруженные сотнею уловок, будут соблазнять почестями, должностями, властью, богатством, влюбленностью, страхом. Все это тебе дозволяется иметь вовне, в городе; но никто не должен властвовать в твоём доме и в сердце, кроме избранного тобою героя. Если — упасите боги! — настанет день, когда ты усомнишься в герое, снова приди на посвящения и скажи, почему ты пришел".

Того же, кто говорил в Метрооне, храме Матерей, со жрицей, один из "мертвых" провожает к Пану, который, задавая два-три вопроса, прощупывает душу миста и назначает исход. Жребий более не бросают. Пан милостив; он любит таинства, а неприкрашенную, природную жизнь знает лучше и точнее других. Если самый настрадавшийся приходит к нему непробужденным, Пан защищает беднягу от высокомерия и печется о его телесном очищении, приказывая двум сатирам: "Идите с этим юношей к запруде и очистите его с головы до ног! А после — живо через мост, чтоб юноша до рассвета вернулся домой и никто из граждан не видел его нагим". Самому юноше он говорит: "Чем ты был здесь — спасибо за службу! — тебе уже не бывать. Молчи обо всем, ибо так велит суровый закон, а еще затем, чтобы не стяжать на себя сраму. Коли ты через год осенью пожелаешь участвовать в Элевсиниях, заблаговременно

выучи гимн Гомеров Деметре! Ну а теперь поспеши умыться!"

Встретив миста, которому этой ночью было видение, Пан в кратких словах хвалит его и добавляет: "Безмолвно в мыслях веди сам с собою об этом беседу и примечай, где в жизни или в стихах подобное встретишь. Далее путь лежит в Элевсин".

IV. Великие мистерии

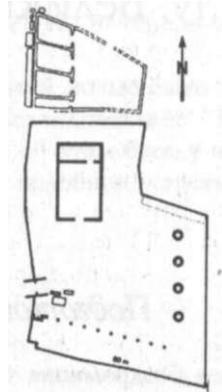
Подготовка в Афинах

Десятого боэдромиона (1 сентября) претенденты, или неопиты, Великих мистерий и давние элевсинские мисты начинали воздерживаться от мяса и вина, хотя в иные времена по крайней мере 12 боэдромиона, в день Вакха, усердно отдавали им должное. 14 боэдромиона, за пять дней до выступления процессии в Элевсин, из тамошнего святилища прибывали жрецы и жрицы со статуей юноши-бога Диониса-Иакха и атрибутами культа, а именно корзинами, которые назывались *kistai*. Конный отряд обучающихся военному делу аттических юношей, одетых в черное, встречал их у маленького храма Эхо за Пестрой горой, видимо на давней границе афинских и элевсинских земель. По эту сторону Пестрой горы, у моста через Кефисс, где ныне расположен Ботанический сад, процессия делала остановку у священной смоковницы, посвященной боже-ству в образе змеи, по имени Зевс Мэлихий. Пять дней спустя это же место было первой культовой остановкой процессии, направлявшейся в Элевсин¹²⁶. Изваяние Иакха устанавливали на Старом городском рынке, в Элевсинионе. Так называлось столичное святилище обеих элевсинских владычиц, "Матери и Девушки". Иерофант тотчас поднимался на акрополь к Парфенону, чтобы сообщить городской богине о прибытии нездешнего бога.

Элевсинион на Старом рынке существовал с конца VII века. Солон (640—560 г. до Р.Х.) воздвиг его после

Священная корзина
Элевсинион в Афинах

присоединения Элевсина к аттическому государству. Состоял он из окруженного стеною участка с одним-двумя зданиями и располагался между рынками, примыкая с севера к Старому, а с юго-востока к Новому, который был построен Солоном и теперь как раз и назывался рынком, агорой. Через 700 с лишним лет Павсаний так описывал этот городской ландшафт: "Входящим в афинский Одеон [на Старом рынке. — Д.Л.] в числе многого другого бросается в глаза статуя Диониса, заслуживающая внимания. Поблизости есть источник, называют его "Эннеакрунос" (с девятью трубами) — так оборудован он был Писистратом, водоемы есть по всему городу, а родник этот один. [13 анфестериона (3 февраля) женщины берут здесь воду для жертвы мертвым. — Д.Л.] Выше этого источника [к юго-востоку, где местность повышается к акрополю. — Д.Л.] сооружен храм Деметры и Керы и храм Триптолема [их жреца. — Д.Л.], в котором есть его изображение" (1.14,1).

Сам Элевсинион стоял внизу на склоне акрополя. При Солоне он занимал территорию размером 20 x 30 м, позднее — 40 x 30; храм (17 x 10 м) располагался с северной стороны. В римскую эпоху возле южной стены добавился открытый портик¹²⁷. В V веке до Р.Х. для подготовки мис-

тов служили только храм да площадь перед ним (20 м²).

На следующий день афинский верховный жрец, носивший титул "архонт базилевс", принимал двух главных элевсинских жрецов — иерофанта и дадуха — в Пестром портике на северной стороне Нового рынка. Засим они получали разрешение через вестника пригласить весь афинский народ на таинства в Элевсин. Но для этого было названо три условия: 1) не запятнанные кровью руки; 2) "внятная речь", то есть знание греческого языка и 3) "праведная жизнь", то есть отсутствие судимостей¹²⁸. Здесь не упомянуто еще одно условие, которое, однако, со времен Солона носило обязательный характер: в предшествующем году (как минимум девятнадцать месяцев назад) неофит должен был принять участие в Малых мистериях; полугодовой срок (с февраля текущего года) не учитывался. Прошения подавали в Элевсинион, причем в письменном виде. Жрецы сверяли имена по аттическому списку граждан — он хранился неподалеку, в афинском Метрооне, который служил также городским архивом. Затем имена проверяли по судебной книге и по спискам участников Малых мистерий, а в заключение — по перечню элевсинских мистов.

Желательно было пройти посвящение не единожды; именно из таких посвященных выходили мистагоги, или руководители неофитов. С конца VII века, выполнив указанные четыре условия, любой гражданин Аттики мог свободно участвовать в мистериях; сюда относятся и те, кто исключительно ради этой цели становился приемным сыном или дочерью аттического семейства; в римскую эпоху упомянутая хитрость получила широчайшее распространение. Элевсинии были доступны и для рабов, если они вносили высокую плату. Ведь рабы в те далекие времена трудились исключительно на земле, а значит, принадлежали к Триптолемову братству и вполне могли принять таинства Матери полей.

Свободное аттическое юношество допускалось к участию в мистериях лишь после прохождения военной подготовки, что, учитывая проходившие в феврале древние элев-

синские военные игры, было, по-видимому, весьма архаическим (пятым) условием. С той поры как Рим подчинил себе Македонское царство (168 год до Р.Х.) и Ахейский союз (146 год до Р.Х.) и Эллада утратила государственную самостоятельность, Элевсинии стали доступны для всех римлян, проживавших на территории империи — как для мужчин, так и для женщин, — не моложе девятнадцати лет, коль скоро они владели греческим языком, в соответствии с местным законом были формально усыновлены аттическим семейством и уплачивали высокий взнос.

Служками были так называемые "отроки очага"; в обрядах каждый раз участвовал лишь один из них. Выбирали для этого мальчиков 8—12 лет из знатных аттических родов, отец и мать у них непременно должны быть живы. В позднеримскую эпоху, когда Адриан во II веке от Р.Х. возродил Элевсин, на посвящениях пассивно присутствовало довольно много детей, в том числе, видимо, и девочек. Подростки от 13 до 17 лет к мистериям не допускались никогда¹²⁹. Юноши-мисты в Элевсине были определенно не моложе 19 лет, ведь в архаический период им полагалось предварительно участвовать в военных играх, а в более позднее время — пройти военную подготовку.

Те, кто подавал прошение впервые, звались неофитами; под вечер 15 боэдромиона (5 октября) они, наверное, узнавали в Элевсинионе, допустили их к таинствам или нет. Тогда-то они и платили мзду: двух овец, одного барана, одного поросенка, а вдобавок крупную сумму денег¹³⁰. Мисты носили черную одежду; белой одежда стала, только когда Марк Аврелий возобновил таинства в 174 году от Р.Х. Подобно, в соответствии с гневом и милостью Деметры, ритуальные одежды должны бы сперва быть черными, а затем — белыми; именно так являлась сама богиня.

Приемная церемония требовала времени, а Элевсинион просторностью не отличался. Всяк сам приносил свою жертву на одном из алтарей во дворе. Алтари эти были низенькие, столь любезные земным божествам, — круглые микенские очаги. Даже если каждая церемония занимала

лишь пять минут и если разрешалось жертвовать одно животное от целой группы, времени все равно не хватало. Ведь начиная с V века число участников колебалось от пятисот (в неудачные годы) до трех тысяч (в хорошие годы); особенно велико оно было каждый четвертый год, когда празднества справляли чрезвычайно пышно. Однако часто называемая цифра 30 000 объясняется неверным толкованием одного фрагмента у Геродота; ниже мы еще на этом остановимся. Три тысячи человек и то помещались в столичном Элевсинионе лишь по очереди, быстро сменяя друг друга. Да и в элевсинский Телестерион больше народу войти не могло; даже в открытых дворах случилась бы давка.

Надлежащее, достойное участие обеспечивали мистагоги, каждый из которых руководил одной группой. Недозволенное участие каралось смертью. Римлянин Тит Ливий рассказывает, что во II веке до Р.Х. два юноши из аркадского Акакесия ненароком и по неведению пришли вечером Священной ночи в Элевсин, из любопытства вместе с большой толпой отправились на священный участок и выдали себя неуместными вопросами. Оба они были казнены¹³¹.

Порядок искупления и жертв, принятый в афинском Элевсинионе, мы находим у Моисея (Лев. 1 сл.). В I и II тысячелетиях тот же порядок действовал от Сирии до Италии, а значит, и у Израиля; только относительно Крита и Египта полной уверенности нет. Этот порядок гласит: есть два вида жертв, которые могут праздноваться сообща: 1) очистительная жертва и 2) полная жертва. Жертвующая община вправе и должна вкушать лишь от второй, ибо ее мясо связывает людей с соответствующим божеством. Мясо же очистительной или искупительной жертвы вкушать не дозволено; а именно таковыми были приносимые здесь в жертву поросята.

Только Аристофан в своей комедии "Лягушки" (ст. 337), написанной в 405 году, мечтательно рассуждает о запахе поросятины перед мистериями. Но эти слова он

Каждый мист приносит в жертву поросенка
Жрица производит

очищение ветром, водой
и огнем

вкладывает в уста слуги, а значит — глупца. Очистительные жертвы всюду подлежали полному сожжению. От сжигаемых поросят город наполнился запахом жаркого, но отведать этого жаркого никому не доводилось. Обряд очищения описан не только у Моисея, но и у Аполлония в "Аргонавтике", где его исполняет Кирка (IV.700 сл.). О том же обычае упоминает Гомер, заставляя Агамемнона во искупление ссоры с Ахиллесом "отсечь гортань кабану". "Жертву [неразъятую. — Д.Л.] Талфибий [жрец. — Д.Л.] в пучину глубокую моря седого рыбам на снесь, размахавши, поверг" (Ил. 19,267—268). Для полного очищения Агамемнону потребовалась бы затем церемония с веялкой и факелом. Но поскольку под Илионом шла война, эти детали были опущены. В Элевсинионе — судя по рельефу, изображающему посвящение Геракла, — каждого миста очищали веялкой и факелом, хотя и не ранее 16 боэдромиона.

Ранним утром 16 боэдромиона по Афинам разносился клич: *halade mystai!* — мисты, к морю!¹³² После этого все участники с живым поросенком под мышкой, каждый в сопровождении мистагога, шли на берег близ Фалера — дорога занимала час, — чтобы умыться самим и вымыть

Геракл со змеей и один из мистов получают очищение
для Великих мистерий

поросенка. По возвращении в Элевсинион этого поросенка под руководством жреца приносили в жертву на низком круглом алтаре подземных богов. Мист обгаграл руки кровью животного, воздевал их в молитве и просил Зевса о чистоте. От крови поросенка жрец очищал его дополнительной жертвой, бросая в огонь хлеба. Только затем мисту разрешалось принести обеим элевсинским богиням настоящую жертву: овцу Деметре и барана Персефоне; мясо и шкура животных доставались жрецам. Предварительно мист принимал краткое очищение ветром (с помощью веялки) и огнем (с помощью факела).

Вечером 16 боэдромиона, а может, только 17-го аттические крестьяне публично приносили в жертву Деметре и Коре свинью. Мисты же 17-го числа по очереди вновь забивали в Элевсинионе своих овец — для второго, великого искупления. Белую шкуру животного расстилали на сиденье, на которое усаживался мист, закутав голову покрывалом. Теперь его очищали две жрицы: спереди — служительница Деметры, водившая вверх-вниз плоской плетеной веялкой для зерна; сзади — служительница Гекаты, представлявшая и Персефону и совершавшая те же манипуляции горящим факелом. Засим следовали подлинныи огненные и благодарственные жертвы: овца для Деметры и баран для Кору. Обычно их употребляли в пищу, но для мистов в эти дни мясо было под запретом. Вот почему

здесь и мясо, и шкуры целиком принадлежали жрецам, которые, никоим образом не греша против культа, все это продавали, чтобы выручкой покрыть свои расходы.

Платоник-христианин Климент Александрийский (f 220 г. от Р.Х.) сообщает нам вербальную формулу, которой сопровождался 17 боэдромиона обряд в Элевсинионе: "Я постился, пил кикеон, брал кое-что из большой корзины (*kiste*) и, подержав в руках, клал в маленькую, а из маленькой опять в большую"¹³³. Обе корзины известны по местным изображениям и убедительно свидетельствуют, что эта фраза возникла в аттических Элевсиниях. Впрочем, не надо забывать, что начиная с 332 года до Р.Х. в Александрии Египетской существовало предместье под названием Элевсин и что тамошний культ тоже именовался Элевсиниями, а потому "элевсинские" цитаты у александрийских писателей могут идти и оттуда.

Чтобы твердо установить точное место обряда, связанного с этой фразой, в совокупном ходе аттических Элевсиний, нужно учитывать и когда готовили *кикеон* — напиток с мятой и поджаренной ячной мукой, — и когда его пили, ведь указанная фраза связана именно с этим. По поводу питья в V гомеровском гимне сказано: "В жилище Келея". Для культа Священной ночи это могло бы означать — в первом дворе. Там происходила Первая оргия, и Деметра являлась в скорбном оцепенении, в каком она, согласно гимну, пребывала в жилище Келея, когда попросила и получила вместо вина этот незатейливый напиток. Но с точки зрения культа маловероятно, чтобы на священной территории вообще вкушали еду и питье, разве только в конце празднества как бы в завершение жертвы, но в таком случае (хлеб и) вино, а не кикеон. Следовательно, кикеон пили, по всей вероятности, до Священной ночи, самое раннее 18-го, а самое позднее — 19-го, во время процессии, да и тогда, скорее всего, лишь перед Рэтами на полуденном привале у моря — такова точка зрения К. Керени¹³⁴, и мы ее разделяем. Г. Милонас полагает, что мисты вкушали этот напиток вечером после процессии и танца

девушек на площади перед священной территорией¹³⁵; если так, значит, вербальная формула произносилась при входе в святилище. Возможно, но едва ли вероятно. Мы думаем, возле Рэт этой формулой только напоминали об обряде, что подтверждает и прошедшее время глаголов. Она служила там паролем, оберегающим от недозволенного вторжения. Сам обряд — не питье — мы относим к 17 боэдромиона. На следующий день, 18-го, в канун процессии, мисты тихо сидели по домам и готовили этот напиток — так сообщает в своей "Афинской политике" Аристотель¹³⁶, а уж он-то был прекрасно осведомлен.

События в целом развивались вот как: прежде чем мисты утром 17-го шли в Элевсинион к последней жертве, три экзегета в Пестром портке разъясняли им заповеди первосвященника Триптолема¹³⁷. Это не были объявленные ранее условия (чистые руки, внятность речи и праведная жизнь) — теперь речь шла о заповедях, которые с точки зрения нынешних ученых представляются скорее пифагорейскими: во время празднеств "нельзя убивать животных и вкушать мясо, а в жертву дозволено приносить лишь плоды полей и деревьев". Эти дополнительные заповеди, присущие многим древним таинствам, имели силу только в период подготовки, а заповедь жертвы — только во время мистерий; тесно связанный с таинствами Пифагор, однако же, давал подобные указания на всю жизнь. Культурное вегетарианство проповедовал в Аттике еще царь Кекроп, живший, вероятно, около 1300 года до Р.Х. "Он <...> решил не приносить <...> в жертву ничего, что имеет душу"¹³⁸. О Кекропе мы уже говорили в главе об аттических праздниках.

Последний ритуал в столичном Элевсинионе совершали 17 боэдромиона, и, учитывая сообщенную Климентом Александрийским формулу, происходило это так: принеся последнюю очистительную жертву, овцу, мист клал ее шкуру на сиденье и принимал очищение факелом и веялкой. Когда с его головы снимали покрывало, жрицы-очистительницы успевали исчезнуть. Он увидит их в храме, куда его теперь ведут.

В преддверии главного зала он вместе с другими членами своей группы обнаруживает за ширмой старую жрицу Деметры, которая, подобно своей богине, сидит на корзине под названием *kiste*. Как только группа переступает порог, жрица встает, открывает корзину и знаком велит первому что-то достать. Там лежит перевернутое деревянное материнское лоно. Мист вынимает его из корзины, переворачивает и видит, что у него в руках. Жрица направляет его в священный покой, где в полумраке, выпрямившись во весь рост, стоит молодая жрица Гекаты, которая на этом празднике одновременно является Корой. Она держит на голове *kalathos*, маленькую корзину. Когда входит мист, она снимает корзину и показывает ему — там пусто. Жестом она приказывает положить туда лоно, не переворачивая его, затем ставит корзинку на голову, некоторое время серьезно смотрит на миста, опять снимает корзинку, велит ему вытащить содержимое и уходить. За дверью этот предмет снова переворачивают и кладут в корзину Деметры, на которую опять усаживается старуха жрица. Она ждет следующего.

Обряд содержит образ того, что должно произойти в душе миста, в котором элевсинское таинство таким способом вызывает желанное пробуждение, открывает способность к духовидению, — образ оплодотворения свыше. На тот же процесс указывает и широко известное еще в древности изображение Элевсинских мистерий — найденный под руинами элевсинской гробницы Триптолема рельеф, датируемый примерно 440 годом до Р.Х. Перед нами обнаженный юноша Триптолем в окружении "обеих владычиц": Деметра стоит к нему лицом, протягивая колос; Кора за спиной у юноши, благословляющим жестом она протирает руку над его головой, как бы прикрывая ладонью пламя. И сам обряд, и это изображение показывают, как "мать" наделяет человека плодом, питающим тело, а "дочь" — духовным огнем, пробуждающим душу. Рельеф, копия которого была изготовлена еще в древности для Рима и хранится ныне в афинском Национальном музее,

излагает мистерию даже лаконичнее и целомудреннее, чем описанный выше непродолжительный обряд.

Пока мисты 18 боэдромиона тихонько "домовничали", по городу шла процессия бога-врачевателя Асклепия (такие процессии устраивались начиная с 421 года до Р.Х.). Главное святилище этого бога находилось в Эпидавре; жрецы его носили в руках змей. С незапамятных времен город праздновал в этот день Дионису и жертвовал "всем богам", что соответствует полным таинствам, а здесь, в Элевсине, — предстоящему осеннему "бракосочетанию времен года". 19 и 20 боэдромиона вместе именовались *мистерияльными днями*. Все обряды в рамках Элевсиний, совершавшиеся в эти дни, не только не были общедоступны, но считались строго тайными. 19-е число называли "полным сбором", поскольку утром этого дня процессия мистов собиралась в Афинах у Пестрого портика, где иерофант и факелonosцы еще раз предостерегали от участия тех, кто не имеет чистых рук, внятной речи и праведной жизни³⁹. Затем процессия во главе со жрецами, несущими изображение Иакха, молча покидала город через Священные ворота — так назывался южный проем северо-западных ворот Дипилон, где вытекала из города и речка Эридан.

Священная дорога

Павсаний путешествовал по Аттике примерно в 160 году от Р.Х., однако о местах Малых и Великих мистерий он пишет очень скупо. Что до поля в Аграх, он хотя бы указал, где оно располагалось, и перечислил постройки (1.18 и 19); Элевсинон, а тем паче священную территорию перед Элевсином он полностью обошел молчанием, ибо во сне ему было предостережение от выдачи тайны мистерий (1.38,6). Но Священную дорогу от Афин до Элевсина Павсаний подробно описывает шаг за шагом; ни на минуту не упуская из виду процессию с ее остановками и описывая лишь те места, которые можно соотнести с таинствами (1.39,3). Другие места, как, например, лежащие в

Священная дорога из Афин до Элевсина

начале дороги гробницы афинских воинов, которые показывали тогда всем чужестранцам, он вообще не упоминает.

Керени время от времени пользуется Павсаниевыми заметками о Священной дороге, чтобы как в зеркале увидеть подробности таинств. Мы применим ту же методику и будем рассматривать остановки как отражение самих таинств.

Протяженность Священной дороги составляла 22 км; процессия одолевала ее за день. Таким образом, было до-

статочно времени для совершения обрядов на стоянках, а участники сберегали силы для Священной ночи. Впереди шествовали два вестника (не жрецы) в черных одеждах. Следом за ними, тоже в черном, верховные жрецы: иерофант, дадух и керик, или вестник; далее две жрицы с корзинами на голове — здесь использовались только малые корзины. За ними несли деревянное, украшенное миртом изображение Иакха — это и был центр процессии. У городских ворот его водружали на повозку и так везли до самых Рэт, а через эти "ручьи" в классическую

Дионис с Иакхом

эпоху проезжей дороги не было. Лишь Адриан в 128 году от Р.Х. — если не еще раньше, в 112 году, будучи афинским архонтом, — соорудил там широкий каменный мост. Жрицы и пожилые жрецы тоже ехали до Рэт на повозке, а после постройки моста, возможно, и до самого Элевсина¹⁴⁰. Каждый жрец имел при себе служку. Все были в черном — это цвет разгневанной и скорбящей Деметры.

Далее следовали мисты, иногда числом более двух тысяч, тоже в черном. Начиная с 174 года до Р.Х., когда Марк Аврелий восстановил разрушенный костобокан Элевсин, одежды стали белыми; правильнее было бы — в соответствии со скорбью и примирением Деметры — идти на

таинства в черном, а возвращаться в белом. Примерно с 600 года до Р.Х., когда Солон ориентировал святилище на Афины, до 84 года до Р.Х., когда Сулла разоружил Аттику, процессию сопровождали всадники — будущие воины со щитами и копьями; сами они еще не имели права на посвящение, но вечером светили шествию факелами до привратной площади для танцев и возвращались домой, когда мисты входили на священную территорию. Все мисты, и мужчины тоже, были в миртовых венках, как невесты. Кроме того, у них в руках были миртовые ветви, а у мужчин еще и кувшинчик с кикеоном. Женщины несли на голове кувшинчик побольше. На первом отрезке пути, от Пестрого портика до моста через афинский Кефисс, процессия хранила молчание.

Павсаний, прошедший этой дорогой в одиночку и не в праздничное время, описывает ее так: "Если идти в Элевсин из Афин той дорогой, которую афиняне называют священной, то тут сооружен [справа от ворот. — Д.Л.] памятник Анфемокрита. Мегарцы совершили против него злодейское и безбожное дело; когда он шел к ним в качестве вестника, чтобы запретить им в дальнейшем обрабатывать незаконно <священную> [к западу от Элевсина, ближе к границе. — Д.Л.] область, они его убили [в 431 году до Р.Х. — Д.Л.]. За такой поступок над ними до сих пор тяготеет гнев богинь, и им одним из всех эллинов император Адриан [в 128 году от Р.Х., экономически. — Д.Л.] не смог помочь" (1.36,3). Павсаний не задерживает внимания на гробницах погибших воинов и государственных деятелей по сторонам дороги за Священными воротами, равно как и у ближней дороги к Академии¹⁴¹. Об Анфемокрите он упоминает, поскольку его миссия свидетельствовала об опеке Афин над элевсинским святилищем и о том, что, убив Анфемокрита, мегарцы однозначно отвергли эту опеку. Еще в VII веке существовала такая же дорога процессий из Мегары, и надо сказать, полностью ее не перекрывали никогда. "За погребальным памятником Анфемокрита <...> — продолжает Павсаний, — идет местечко Скир, названное так по следующему поводу.

Когда элевсинцы воевали с [аттическим царем. — Д.Л.] Эрехтеем, к ним пришел из Додоны прорицатель по имени Скир, который основал и древний храм Афины Скирады в Фалере [старейшей афинской гавани. — Д.Л.]. Когда он пал в сражении, то элевсинцы похоронили его около горной реки и название как этому месту, так и реке дано по имени этого героя" (1.36,3). Еще раз Павсаний вспоминает об этом сражении, говоря о Рэтах. Вероятно, предание вело речь вообще о спорной границе между Афинами и Элевсином. В те времена, когда Додона значимостью превосходила Дельфы, то есть еще в VIII веке, граница эта проходила южнее Пестрых гор, а позже по Рэтам, куда в VII веке из Дельф был призван Аполлон; ранее Дельфы не имели в Элладе достаточно высокого авторитета.

Ниже у Павсания: «Есть дальше жертвенник Зефиру [несущему дождь западному ветру. — Д.Л.] и Деметре и ее дочери; вместе с ними тут пользуются поклонением Афина и Посейдон. Говорят, что в этой местности Фитал (производящий растения) принял в своем доме [скитающуюся. — Д.Л.] Деметру и что богиня за это дала ему отросток смоквы [облагороженной, сладкой смоквы. — Д.Л.]. Мой рассказ подтверждает»

Фитала: "Некогда здесь царь Фитал почтенную принял Деметру; тут она осенью плод впервые герою явила: смоквой священной его род людской называет; за что род Фитала владеет всегда нестареющей славой" (1.37,1—2). На другом, дальнем Кефиссе близ Элевсина стоял *egineos*, или "дерево гнева", дикая смоковница.

Алтарь Зефира и Скир находились на этом берегу ближней речки. Возможно, местечко названо отнюдь не по имени прорицателя, а по "белому" зонтику, под которым жрица Афины вместе со жрецами Посейдона и Гелиоса стояла во время летнего праздника Скира. Афина и Гелиос были здесь всего лишь гостями, тогда как Посейдона в этих краях чтит с незапамятных времен. Вообще по эту сторону речки верховным богом являлся Посейдон, а по ту сторону — Плутон, именовавшийся тут Зевсом Мэлихием, "милости-

вым", потому что в мистериях он изменяет закосневшие душевные формы. Впрочем, это наше предположение, и только.

На общедоступном празднике Скира (на Троицу, 2 июня) женщины тоже надевали миртовые венки и блюли половое воздержание. Во время этих торжеств они "зачинали" то, что семь месяцев спустя, на Ленеи (6 января), рождалось в образе мальчика Диониса и в тот же день вырастало в юношу. На Скиру же эти невесты продевали сверху вниз сквозь свои одежды живую змею — в честь Диониса как сына Персефоны, рожденного в Гадесе; так происходило зачатие. Боги — дети семимесячные, недоношенные. Речь здесь о доступном для всех пути, который идет вместе с солнцем, за всадником Кастором. Тайный путь мистов — против хода солнца и под водительством другого Близнеца, Полидевка, — тоже продолжался ровно семь месяцев, с 24 апреля через март-февраль до Великих мистерий в октябре. Каждый начатый месяц принимается в расчет.

На мосту через первый Кефисс Деметра высылала на встречу мистам свою служанку Ямбу, которая носит то же имя, что и насмешливые стихи, ямбы; орфики называли служанку Баубо, "мамаша Брюхо". Некогда в жилище Келлея девушка Ямба фривольными речами и танцами развевала цепенящую скорбь богини. Теперь на мосту Ямба бесстыдно задирает перед мистами свое платье. И как некогда богиня рассмеялась и выпила кикеон, хотя гнев ее не вполне еще обернулся милостью, так и мисты, задолго до таинств, нарушали свое молчание, пели песни и пили из кувшинчиков кикеон.

Мистерияльные действия Ямбы на мосту поясняет история о Геракле, бытовавшая в беотийской Феспии: "У Феспия было 50 дочерей, и с ними со всеми в одну и ту же ночь сочетался Геракл, со всеми, кроме одной, которая одна только не пожелала сойтись с ним. <Разгневанный на нее> Геракл наказал ее тем, что осудил ее на всю жизнь остаться девушкой и быть жрицей в его храме"¹⁴². Геракл

выступает как божество; сорок девять дочерей Феспия — непосвященное человечество. Мисты же искали близости девственной дщери, в итоге — близости Кору-Персефоны. Ведь и Кора обретает свою силу в нижней части тела, когда физическое его воздействие почти незаметно. Элевсинские мисты получали указание на эту тайну сил уже посредством обряда в Элевсинионе, когда "брали в руки содержимое корзины". Элевсинский иерофант, опасаясь возможной победы телесного, пил после Первой оргии разбавленный сок болиголова, чтобы не потерять твердости в Третьей оргии. Благодаря этому и голос его приобрел надлежащее мальчишеское звучание, и его справедливо звали "краснопевцем" — *евмолом*.

За мостом процессия мистов делала первую остановку, возле упомянутого алтаря подземного властелина — Зевса Мэлихия, "милостивого". Эта остановка была программной для всей мистерии. Павсаний сообщает: "Если перейти Кефисс, то увидим древний жертвенник Зевса Милостивого. На нем Тесей получил от потомков Фитала очищение, после того как он среди других разбойников убил и своего родственника со стороны Питфея, Синиса [Синида. — *Н.Ф.*]" (1.37,3).

Спустя четыре дня, 23 боэдромиона, город приносил этому Мэлихию белую овечью шкуру, вроде той, на которой основатель города сидел, принимая искупление. Пока бог гневался, он звался *Maimaktes* ("бурный"), отсюда и название месяца — "маймактерион" (ноябрь). "Гнев" и "милость" у него, как и у Реи, соотнесены с погодой в году (в отличие от Деметры). В мистерии его милость от этого не зависит. Если говорить о временах года, то публично бога умиротворяют Крещение и карнавал. В открытом культе его умиротворяют искупительные животные жертвы, то есть жертвы всеожжения. Мэлихия изображают с Плутоновым рогом изобилия и с телом как у огромной змеи¹⁴³. Он отец рожденного Персефой в образе змеи первого Диониса, которого титаны при его первом превращении в тельца растерзали на части. После этого растерзания (в

октябре) отец гневается в ноябре и декабре под знаком Скорпиона и Стрельца, пока благодаря рождению сына во время Лены, под знаком Водолея, не начинает сменять гнев на милость. Этот умиротворенный подземный Зевс — Сотер, "спаситель". Зевса Олимпийского так не называли никогда, однако благосклонный отец глубин может открыто, как бы в первом ослаблении, именоваться Водолеем, или Посейдоном.

В связи с этим Павсаний приводит сказание: "У феспийцев в городе есть медная статуя Зевса Саота (Спасителя). Предание <...> таково: некогда их город опустошал дракон; бог приказал давать дикому чудовищу каждый год одного из юношей, на кого падал жребий. <...> но когда жребий пал на Клеострата, <...> он сделал медный* панцирь, на каждой пластинке которого был загнутый кверху крючок. Надев этот панцирь, он добровольно отдал себя на пожрание дракону, исполненный решимости, отдав себя, погибнуть самому, но погубить и чудовище. За это, говорят, Зевсу дано было наименование Спасителя (Саота)" (1X.26,7-8).

Железный панцирь указывает на то, что бог войны Арес играл в мистериях весьма важную вспомогательную роль. О металлах, их иерархии и мистериальных задачах мы говорили выше: Арес и железо всегда выступают сообща. Для нас главное тут — дракон, змея, которая живет в земле и, побежденная мистом, оказывается Сотером, Спасителем, что владеет силами преобразования. Все боги и полубоги, имеющие доступ в Гадес, могут быть "спасителями", кроме Гефеста и самого Гадеса; в первую же очередь это — подземный отец с рогом изобилия, который не царит над сущим миром, как Олимпийский Зевс, страшась гибели и преобразования; это Плутон, владыка возможностей, вечно "богатый". Ему одному ведомы торные пути и для виновных, взыскующих искупления, и для мис-

* В цитируемом немецком переводе речь идет о железном панцире, что обуславливает ход дальнейших рассуждений автора.

тов, молящих о высоком преобразении, то есть об обожении. Олимпийский Зевс при свете дня держит неумолимые весы судьбы, он справедлив; подземный же Зевс способен оказать милость, умеет прощать, то есть преобразовать.

При метаморфозе исходный образ не должен просто уничтожиться, скорее, его нужно умело и бережно, часть за частью, орган за органом, перестроить для высокого служения. О том, чтобы исходный образ не разрушился, в таинствах заботился Аполлон. Он защищал прекрасное тело Гектора от увечий, когда Ахиллес волок его за колесницей. В ослабленной форме Аполлон как небесный врачеватель Пеон выполняет ту же службу, "заговаривая" волшебным словом, каковым и является его имя, и тем излечивая все раны богов¹⁴⁴. В обиходе волшебное слово "пеан", или "пеон", считается достойным приветствием Аполлона. Противоположной ему силой является метаморфоза, преобразование, подвластное Дионису-Иакху, которого приветствуют "иэ-иэ-иэ-Иакх". Когда оба эти волшебных слова сливаются, можно ждать безопасного, здорового посвящения.

Павсаний рассказывает далее о восхождении на Пеструю гору: "Тут же есть <...> могила Мнесифея; говорят, что он был прекрасным врачом, и ему приписывается посвящение статуй, в числе которых есть и Вахк [Иакх. — Д.Л.]" (1.37,4). Иакх — это мистический отец Мэлихием. У этой могилы корифей запевае песни, а мисты в ответ восклицают: "Иакх, иэ-Иакх!" В дифирамбах восхваляли деяния и страсти тех героев, жизнь которых таила в себе участь Диониса. Одну из этих песен, как сообщает Геродот, одинаково любили и эллины, и варвары, считая "ее древнейшей из всех, — песнь о безвременно умершем юноше Лине, чье имя напоминает об эфемерной красоте распускающихся в июле голубых цветов льна. Геродот: « [В Египте] на пиршествах у людей богатых после угощения один человек обносит кругом деревянное изображение покойника, ле-

жащего в гробу. <...> каждому сотрапезнику показывают эту фигуру со словами: "Смотри на него, пей и наслаждайся жизнью. После смерти ведь ты будешь таким!" <...> Среди других достопримечательных обычаев есть у них обычай исполнять одну песнь Лина, которую поют также в Финикии, на Кипре и в других местах. Хотя у разных народов она называется по-разному, но это как раз та же самая песнь, которую исполняют и в Элладе и называют Лином. <...> На египетском же языке Лин зовется Манерос. По рассказам египтян, это был единственный сын первого египетского царя. Его безвременную кончину египтяне чествовали, [прославляя] жалобными песнями, и эта [песнь] была сначала их первой единственной жалобной песнью»¹⁴⁵. Но первым царем Египта считался бог Осирис, затем царствовал его сын Гор. Эллины воспринимали Осириса как мистического отца и видели в нем своего Плутона, а Гора, мистического сына, толковали как младенца Иакха. И, воспевая Лина, помышляли о Дионисе-Иакхе.

Жалобные песни с припевом о нежных голубых цветках льна были известны не только о Лине, но и о безвременно ушедшем Аттисе и Адонисе. Сирийские женщины оплакивали Адониса в июле. Тень Лина еще жива у Новалиса: его Генрих фон Офтердинген в доме своих родителей в Эйзенахе видит сон о "голубом цветке" — своей мистовой цели. Само имя Лин ("лён") древнее этого образа и идет от сирийского возгласа над мертвым Адонисом: ай-лену! — "увы нам!". Эллины приняли чужие слова за имя собственное: Айлинон, ай Линон, тон Линон, — одновременно памятуя и о голубом цветке льна. Подобным же образом Геродот превратил скорбное египетское восклицание над мертвым Осирисом "маа-на-хра" в надуманное имя "Манерос", просто он не нашел в родном языке подходящего созвучия вроде "ай-лену" — Лин, "лён".

Лин у эллинов считался сыном Аполлона или Гермеса. Многие полагали, что отец мальчика — Посейдонов сын Амфимар, "угасающий". Все боги почитали Лина, ведь он первый из людей спел такую песнь. Лишь Аполлон разгне-

вался и убил мальчика. С тех пор Музы оплакивают его¹⁴⁶. Легендарный певец Олен дал богине Гекате прозвище Евлинос. Тем самым он чуть ли не выдал мистерию, ибо мало-мальски сведущий человек мог услышать в этом "благо во смерти".

Далее Павсаний рассказывает: "Около этой дороги выстроен небольшой храм Киамита (бобового). Я не могу точно объяснить, стал ли этот человек первым сеять бобы или это прозвище приписано какому-либо герою, как их родоначальнику, так как открытие бобов никак нельзя приписать Деметре: тот, кто уже знаком с элевсинскими таинствами или читал так называемые орфические гимны, знает, о чем я говорю" (1.37,3). Павсаний совершенно напрасно напускает таинственности — по открытым обрядам любой афинянин знал, что владыкой столь популярных в народе бобов был Аполлон. Ели их всегда в его осенние праздники по седьмым числам боэдромиона и пиепсиона, когда солнце находилось в Весах и Скорпионе. В период возникновения этого обычая во II тысячелетии солнце, однако же, стояло по этим дням в Скорпионе и Стрельце. Павсаниевская ссылка на Элевсинии и орфические гимны ничего нового нам не дает, разве только что там, как вообще нередко в таинствах, вино, мясо и бобы были под запретом. Важно другое: Павсаний связывает с мистериями не гомеровские, а скорее орфические гимны.

По поводу того, что бобы не имеют касательства к мистериям, Павсаний позднее сообщает из Аркадии: "У жителей Феней есть храм Деметры, называемой Элевсинской. В честь этой богини они совершают мистерии <...>, ведь и сюда пришла в своих блужданиях Деметра. Те из фенеатов, которые приняли ее гостеприимно в своем доме, получили от богини в подарок семена стручковых растений, только бобов она им не дала. По этому поводу у них есть тайное священное сказание, в силу которого у них считаются нечистыми семена бобов" (VIII.14,8 — 15). Сказание это Павсаний не приводит. Пифагор также не допускал употребления бобов в

кругу своих учеников, во многом напоминавшем мистериальную общину. Эти плоды принадлежат Аполлону, закрепителю внешнего образа. В остальном пропитание — сфера Деметры, как подчеркивает Каллимах в своих гимнах к этой богине на примере обжоры Эрисихтиона, "того, на кого гневается Земля". Другие боги действуют избирательно: Дионис с вином и древесными плодами, Афина с оливой и Аполлон, особенно через свою подземную тень, Гиакинфа, с бобом.

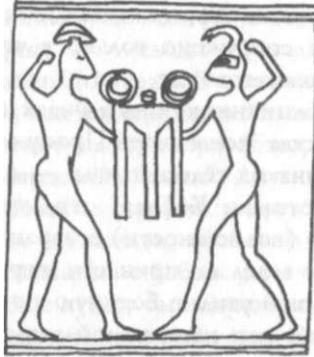
Мистам вообще нужно было преобразить низшие силы своей природы в высочайшие силы духа. Если перед таинствами Деметра посылала на мост свою непристойную служанку Ямбу, то в самих мистериях она требовала целомудрия. Если Вакх обычно поощрял к вкушению мяса и вина, то его небесный образ Иакх строго-настрого запрещал в мистериях и то и другое. Пифагор в жизни называл себя сыном Аполлона, но немногочисленный круг своих учеников лишал именно Аполлонова плода — бобов. Вот и Аристофан в комедии "Лягушки", написанной в 405 году до Р.Х., противопоставляет душам непосвященных, которые живут в Гадесе, как лягушки в болоте, блаженных мистов в Элизии. Гадес и Элизий — одно и то же место, которое как Гадес воспринимается сугубо душевно, а как Элизий — возвышенно-духовно. Аристофан заставляет Геракла и Диониса вкуче со слугой и ослом стучать в двери Плутона. Служанка Персефоны приглашает их зайти и предлагает отведать бобовой каши¹⁴⁷, с той же остроумной иронией, которая заставила Гераклова раба в ту эпоху, учуяв запах горячей поросятины, надеяться на жаркое. Лишь тот, кто сведущ в мистериях, здесь посмеется. Вино, мясо и бобы для элевсинских мистов были под запретом уже при подготовке.

Богу Аполлону посвящены три остановки на Священной дороге: 1) уже упомянутый храм бобового бога, 2) храм наверху, на Дафне, и 3) место очищения у Рэт. Павсаний описывает перевал Дафне так: "Тут же есть святилище, в котором находятся изображения Деметры

и ее дочери, а также Афины и Аполлона. Вначале это святилище было сооружено только в честь Аполлона. Вот как это было: говорят, что <...> Кефал [голова. — Д.Л.], как изгнанник, жил в Фивах, бежав из Афин вследствие убийства жены своей Прокриды [сухая смоква как символ низких телесных сил. — Д.Л.]. В десятом колене <...> потомки Кефала, отплывши в Дельфы, спросили бога о (возможности) возвращения в Афины. Бог прежде всего велел им принести жертву Аполлону в том месте, где они увидят бегущую по земле триэру. Когда они были у так называемой горы Пойкилы, им явился дракон, спешно уходивший в свою нору; и вот они приносят жертву Аполлону в том месте; когда они после этого пришли в Афины, то афиняне сделали их своими согражданами" (1.37,4).

Аполлон здесь символизирует важнейшую для всяких таинств метаморфозу низких сил в высокие. Как в Дельфах, так и на Дафне подземным отражением Аполлона была змея, или дракон. Супруги Кефал и Прокрида обозначают естественное противоборство верхних и нижних сил тела. Только с оживлением нижней силы можно ожидать, что таинства будут успешными; вместо сухой смолы, сплошь состоящей из семян, появляется оккультная — здесь: сокрытая в норе — змея.

На перевале мисты вспоминали мифическое происшествие с Аполлоновым треножником в Дельфах, которым завладел Геракл. Поскольку Аполлон не дал герою ответа на вопрос, где он найдет искупление кровавой вины, Геракл сам сел на треножник и услышал: "Искупление дарует Элевсин". "Геракл и Аполлон как-то поссорились из-за треножника; когда же они примирились, — пишет Павсаний, — то после этой ссоры они вместе построили этот город [Гифион. — Н.Ф.]; у них на площади есть статуи Аполлона и Геракла, а около них Диониса" (III.21,8). И в Дафне для мистов постоянно присутствовали эти трое: Аполлон как хранитель ясного сознания в бережном телесном образе; Геракл — Стрелец — как пышущий мощью

Борьба Аполлона и Геракла за пифийский треножник

укротитель жизни и таинств; Дионис как наставник на мистическом пути преображений.

На северном склоне Пестрой горы Священная дорога сворачивает влево и вниз. На западе открывается морской простор и остров Саламин — едва ли не самый красивый в Элладе пейзаж. Великие Афины исчезли из глаз процессии мистов. Элевсин, тоже отсюда невидимый, еще далеко. Северные склоны пусты — ни поля, ни сада, только пастбища, по которым спешит с козами Пан. Там мисты вспоминают о "бушующей в горах" сестре Аполлона, девственнице Артемиде, которая делает глубже дыхание, расширяет грудь. Ребенком она, как поет Каллимах, просила у своего отца Зевса: "Горы мне все подари, а вот город — какой пожелаешь мне уделить; не часто его посетит Артемиды". Мисты воспевают "гортинскую нимфу, зоркую Бритомартис-оленеубийцу", которая таилась "то в укромых лесных, <...> то в болотных лощинах" и под конец "ввернулась в море". Далекое море у Саламина напоминает путникам о спокойной, всегда приветливой матери Лето. Первая элевсинская оргия проходит в стихии ветра, Вторая — процессия как бы их предвосхищает — будет разыгрываться в воде.

* Каллимах. К Артемиде, 18—19; 190 сл. Перевод С.С. Аверинцева.

Полдень. Между горами и морем Пан ищет свою возлюбленную Эхо. В долине для нее поставлена "часовня". Но он не может найти ее, зовет по имени, прислушивается. Сперва ответ доносится от ближайшей скалы, затем от далеких и все более дальних гор, будто она мчится по склонам резвее самой Артемиды. Вместе с Паном мисты благодарно поминают и его отца Гермеса, проводника мертвых и мистов.

Некогда двое греков сидели здесь слева от дороги, возле горы, а перед ними, в долине и на море, разыгрывалась великая история. Тогда, в 480 году до Р.Х., в этот самый день 19 боздромиона, кипело морское сражение при Саламине. Аттика обезлюдела, жители укрылись на острове, ожидая, что принесет им богиня случая Тюхе — счастье или беду, ибо война коварна. Эти двое служили персу Ксерксу, который восседал дальше влево, на западном склоне горы, откуда он наблюдал за битвой в морском проливе. Писцы усердно записывали его слова — похвалы и укоры воинам, чтобы позже те получили награду или наказание. Упомянутые же двое были греками из царской свиты; Геродот пишет о них вот что: «Дикей, сын Феокида, афинский изгнанник, бывший тогда в почете у персов, рассказывал: когда войско Ксеркса опустошало опустевшую Аттику, ему как раз пришлось быть вместе с лакедемонянином Демаратом на Фриаспийской равнине. И вот он увидел поднимающееся от Элевсина облако пыли, как бы от трех мириад человек. Оба они пришли в изумление: какие это люди могли поднять такое облако пыли? И вдруг послышались звуки голосов, которые показались им ликующей песней хора мистов. Демарат, который не был посвящен в Элевсинские мистерии, спросил Дикей, что это за звуки. А тот отвечал: "Демарат! Ужасная беда грозит царскому войску. Аттика ведь покинута жителями, и совершенно очевидно, что это голос божества, которое идет из Элевсина на помощь афинянам и их союзникам. И если [это облако пыли] обрушится на Пелопоннес,

то это грозит опасностью самому царю и его войску на материке; если же оно обратится на корабли у Саламина, тогда под угрозой царский флот. А празднество это афиняне справляют каждый год в честь Матери и Кору, и всякий афинянин или другой эллин, если пожелает, принимает посвящение в таинства. Звуки же, которые ты слышишь, — это ликующие песни (хора) на празднике". <...> А пыль и звуки голосов превратились в облако, которое, поднявшись вверх, полетело на Саламин к эллинскому флоту. Тогда Демарат и Дикей поняли, что флоту Ксеркса предстоит гибель» (VIII. 65).

Видение говорит о трех мириадах людей, которые кричали "Иакх!" на Фриаспийской равнине. Более поздние толкователи полагали, что это была тридцатитысячная или просто огромная толпа мистов. Но элевсинский Телестерион в ту пору имел размеры 20 x 20 м. Видение могло лишь указывать, что элевсинские богини защитят всех сражающихся афинян, число которых и вправду составляло около тридцати тысяч.

За свою более чем двухтысячелетнюю историю Элевсинии, как известно, не состоялись лишь трижды: в 480 году до Р.Х., о котором только что шла речь; в 335 году до Р.Х., когда Александр Македонский стер Фивы с лица земли и в Аттику хлынули беженцы, и наконец в 166-173 годах от Р.Х., когда костобоки разрушили святилище. Навсегда Элевсинии погибли в 396 году после нашествия Алариха, короля вестготов.

В шуме и тучах пыли Павсаний вместе с нами покидает Пеструю гору и достигает побережья на юго-западной оконечности Рарийского поля: "Дальше есть [как следующая остановка. — Д.Л.] храм Афродите и перед ним стена из белых камней [у Фрэзера: "из необработанных камней". — Н.Ф.]" (1.37,4). Об этом — судя по стене — очень древнем культовом центре Афиней Навкратийский, творивший около 200 года от Р.Х., в своем "Пире софистов" (XIII, 590) рассказывает, что во времена Александра художник Апеллес был вдохновлен здешним ландшафтом к созданию зна-

Афродита выходит из моря

менитейшей своей картины "Афродита, выходящая из моря", которую он написал для святилища Асклепия на острове Кос; отсюда император Траян перевез картину в Рим, в храм Гая Юлия Цезаря и его прародительницы Венеры.

Афродита — из числа великих морских богинь, а ведь таковы и титанида Тефида (или Тефия), супруга Океана, древняя, как Стикс, которым клянутся боги; и Рея, супруга Кроноса, которая в архаические времена была опять-таки связана с Посейдоном; и Амфитрита, (по Гомеру) супруга Посейдона; и Лето, зачавшая от Зевса двух детей — Аполлона и Артемиду; и Фетида, которая бы родила от Посейдона или от Зевса грядущего божественного владыку мира, если бы Зевс не принудил ее вступить в брак со смертным "мужем из глины", Пелеем — вторым Адамом, — от которого она родила Ахиллеса. "Пенорожденная" Афродита — дочь Кроноса, а значит, титанида — легко вошла в круг много более молодых олимпийцев и даже позволила Аресу тешиться иллюзией, что он может стать ей мужем.

У предвечной Тефиды на реке Стикс живут пряхи судьбы. Кто хочет узнать — а узнать можно только в мистериях, — тот услышит, что Афродита одна из них, и самая

могущественная. Об этом знали уже мисты на поле в Аг-рах. Тефида властвует околплодными водами эмбриона, Рея — всеми процессами становления, Амфитрита "объемлет" вместе с Посейдоном все воды внешнего мира; человеческое тело подносит ей свои соки. Лето присутствует у человека в спинномозговой жидкости; ее сын Аполлон через верхний отдел позвоночника обеспечивает прямохождение; его сводный брат Гермес, рожденный от земной девушки Майи, властвует поясницей и действует через подвижные ноги. Сестра Аполлона Артемида творит в дыхании и речи; мать Ахиллеса Фетида — в сукровице; ее подзащитный Дионис — в алой крови, где и бог огня Гефест находит свою вторую кузницу.

Когда Посейдон, Гера и Афина приковали владыку Зевса к трону, Фетида привела на помощь сторукого великана¹⁴⁸; возможно, питательным соком в крови она восстановила подвижность сознания в Зевсовой голове. Но то, что действует на сыворотку крови из эмбриональной первичной почки, а затем через очищающие почки, — это Афродита. Вновь и вновь она возрождает прекрасный образ, ярче всего в ходе поколений, равно как и в новых инкарнациях. Для мистов она своими украшениями вышает образ, поднимая его над природой. Но подобно тому, как в жизни боги поставили человеку условием преуспевания труд в поте лица, так эта богиня в таинствах ставит условием обретения ее прекрасного убора, то есть оккультных органов, — боль. Масштаб этому задает мистическое воспитание чувств через "настрой" — "страсть", пафос (*pathos*). О пафосе заботится Семела.

Перед образом воспаряющей над морем Афродиты как будто бы достаточно ощутить сладостный настрой удивления и восторга; но этого мало, необходимо также страстное ожидание, которое сменяется горькими чувствами. Нарастающую боль Гомер изображает как раны богов в битве на Скамандре¹⁴⁹; в Элевсиниях такова была целенаправленность Второй оргии.

От бычьего пастуха Анхиза у Афродиты родился "блис-

тательный" и славный сын Эней, как у Фетиды от Пелея — Ахиллес. Обе эти богини через связь со смертным узнали и "великое горе". Поэтому Афродита перетолковала имя "лучистого" Энея в "приносящий горе": "Имя же мальчику будет Эней, потому что в ужасном горе [αἰνον αχος. — Д.Л.] была я, попавши в объятия [Анхиза. — Д.Л.] смертного мужа"¹⁵⁰. Мисту до- жественное горе.

Когда Фетида через Пелея узнала такое же горе, она оставила супруга. Но когда мисты чувствуют божественное горе, боль придает им и толику божественного величия. В новое время ярчайший пример тому — капитан Ахав из романа Германа Мелвилла "Моби Дик" (1851)¹⁵¹.

От храма Афродиты процессия направляется на север — по косе мелководного залива к "ручьям", Рэтам. По-гречески у этого слова есть множественное число, так как обозначает оно "потоки" отлива и прилива. Во времена Солона Рэты служили границей между землями Элевсина и землями Афин. Предание связывает "ручьи" с битвой: древний афинский царь Эрехтей ("рожденный землею") и элевсинец Иммарад, чье имя — сопряженный со смертью эпитет Вакха, вступили там в бой и оба погибли, как и древнейшие спутники Афродиты Кастор и Полидевк. Умирая, цари повелели, чтобы Элевсин подчинился Афинам, но чтобы лишь элевсинцы совершали Великие таинства. Такой совет дал призванный сюда Аполлон¹⁵². Вот почему Аполлон считался господином этого места и времени; по "призыву" (βοε) царей дельфийский бог примчался "бегом" (δρομος) — отсюда и название месяца таинств: *боздромион*. От более древней эпохи дошло сказание о битве царей у первого Кефисса возле Афин, по случаю которой Додонский оракул обнародовал прорицание. В VIII и VII веках важнейшим в Элладе стал Дельфийский оракул. Элевсин же был присоединен к Аттике только в VII веке, и новую границу блюли Дельфы, а не Додона.

О Близнецах на Рэтах писал еще Гёте в "Фаусте" (ч. II). Это мелководье он называет "Елевсинскими боло-

тами"; неутомимый кентавр Хирон рассказывает о них своему всаднику Фаусту, когда везет его на этот раз не в Элевсин, а через фессалийскую реку Пеней к провидице Манто, чтобы она посвятила его в своей пещере под горою Олимп. Фауст спрашивает сначала о Геракле, а потом о Елене, которая была человеческим отражением Афродиты. Хирон отвечает:

Пусть красота сама себе довлеет:
Неотразима грация одна,
Которая сердца привлечь умеет.
Такой была Елена в дни, когда
Я вез ее.

Фауст

Ты вез Елену?

Хирон

Аа!

На этой вот спине.

Она сама

Меня, как ты, рукою обнимала,
Держась за шерсть.

В ту пору Диоскуровой чете
Пришлось спасти сестричку дорогую
Из плена похитителей [Тесея и Пирифоя. — Д.Л.]; а те,
Удивлены подобной неудачей,
Привыкнув лишь к победам, ободряясь,
Пустились вслед погонею горячей.
И беглецов тут задержала грязь
В болотах Елевсинских; братья бродом
Отправились, я плыл через разлив... (7359 — 7421)*

За такими разговорами Хирон прискакал к Манто, которая приветствует всадника Фауста:

* Здесь и далее "Фауст" цитируется в переводе Н.А. Холодковского.

Войди сюда, смельчак,

И радуйся: вот темный ход, которым

Дойдешь путем надежным ты и скорым

До Персефоны. (7489 сл.)

Так было и с аттическими мистами на Рэтах.

Павсаний сообщает об этом месте следующее: «Так называемые Рэты (Соляные озера) похожи на реки только тем, что они текут, так как вода у них столь же соленая, как в море. <...> Говорят, что Рэты посвящены Коре и Деметре и что рыбу ловить в них можно только [элевсинским. — Д.Л.] жрецам. <...> По ту сторону Рэт первым обитателем был Крокон; то место, где он жил, еще и сейчас называют "дворцом" Крокона» (1.38,1—2). Через "ручьи" еще в VII веке был перекинут узкий деревянный мостик. Лишь император Адриан в 129 году, а может, и раньше, в 112-м, построил там каменный мост для повозок. С той поры сановные афинские дамы могли доехать прямо до самого священного участка в Элевсине. А прежде по крайней мере отсюда все мисты шли пешком. Свита — молодые конники, — возможно, переплывала Рэты или скакала в объезд, по берегу мелководья; так или иначе, они и дальше светили процессии факелами. Мисты использовали мостик два часа, совершая описанный ниже обряд.

Сначала мисты еще раз очищались в море и отдыхали, пока их не призывали к мосту. В Элевсине, как подтверждают надписи, был особый жрец — *гидран* ("водный учитель"); он-то и стоял за мостиком Кроконидов. Здесь каждому мисту на правое запястье и левую щиколотку повязывали *кгоке* — красную шерстяную нить. Она должна была защищать от дурных влияний и одновременно служила опознавательным знаком.

Вместе с Керени¹⁵³ мы реконструируем ход событий следующим образом: мисты поодиночке переходят через мостик. На той стороне их ждет "внук Крокона", который спрашивает о подготовке. Каждый отвечает: "Я постился, пил кикеон" и т.д., по обряду в столичном Элевсинионе. После

этого миста наделяют двойным *kroke*. Нечто похожее Павсаний сообщает о Мантинее: "У края горы находится храм Посейдона Покровителя Коней <...>. Есть предание, что в древности этот храм выстроили в честь Посейдона [великие (мифические) храмовые и придворные строители. — Д.Л.] Агамед и Трофоний, используя как материал дубовые стволы, скрепив их друг с другом. Чтобы преградить людям [а также мертвым и духам. — Д.Л.] вход в этот храм, они <...> протянули только [красную. — Д.Л.] шерстяную нить <...>" (VIII.10,2-3).

Вечерет, теперь путь процессии сворачивает от побережья, ведет к стихии земли, точнее говоря, через свежевспаханные для посева октябрьские поля, называемые "триасскими" — по трезубцу владычествующего здесь Посейдона. Посредине находится "ток Триптолема", где в июне-июле шла молотба; быть может, мисты несколько минут награждали друг друга ударами, чисто символически, как поступали в подобной ситуации и египтяне.

Уже при свете факелов, которые держали в руках сопровождающие процессию юноши-всадники, — тем самым при участии стихии огня — мисты подходили к другому мосту, окрестности которого Павсаний описывает так: "Около Элевсина протекает [второй. — Д.Л.] Кефисс; его течение здесь гораздо сильнее, чем выше; около него (одно местечко) называют Эринейон ["смоковница гнева". — Д.Л.] и рассказывают, что, когда Плутон похитил Кору, он спустился под землю именно в этом месте; у этого же Кефисса Тесей убил разбойника Полипемона [Уничтожителя. — Д.Л.], по прозвищу же Прокруста [Растягателя. — Д.Л.]" (1.38,5).

О месте схождения Кору в подземный мир у смоковницы гнева поет также V гомеровский гимн: "...вдруг расколослась широко почва Нисийской равнины" (17). "Илиада" упоминает Нису, где фракийский царь Ликург преследовал "питательниц буйного Вакха" (6,133). "Одиссея" помещает дерево гнева над водоворотом Харибды (12,103). Павсаний сообщает из лаконских Брасий: "Семела [в Фивах. — Д.Л.],

родившая сына от Зевса и уличенная Кадмом, была заключена в бочку вместе с Дионисом. Эта бочка была подхвачена волнами и, как говорят, была выброшена на эту землю; так как Семела не пережила уже всего этого, то они ее пышно похоронили, а Диониса, говорят, воспитали. <...> К этому жителю Брасий еще прибавляют, что Ино, блуждая по земле, прибыла в их страну, а придя, пожелала стать кормилицей Диониса. Они <...> равнину называют садом Диониса" (Ш.24,3).

Поскольку корень слова "Дионис" звучит как "нис", ученые ищут *nyssēion ogos* повсюду там, где существовали плодовые сады. Смоковница гнева, однако, сюда не вписывается, ибо рядом с нею Кора спустилась к мертвым.

Об этом мосте ок. 500 года от Р.Х. писал византиец Гесихий, говоря о *gephyris*, или "шутках на мосту", что почтенным гражданам (мистам), когда они шли через элевсинский мост, приходилось молча выслушивать брань. Сами поношения и невнимание к ним считались отводящими беду. Впрочем, возможно, что слова Гесихия относились к возвратному пути уже "обоженных" мистов и имели в виду брань ради отрезвления, как полагаем и мы. Ибо и на римских триумфах чествуемый полководец в одеждах Диониса вынужден был безропотно выслушивать подобные поношения толпы. За мостом, возле жертвенника Триптолема, еще не дойдя до хороводной площадки, процессия достигает своей цели.

Далее на просторной площадке между Каллихороном, то есть Колодцем Прекрасных Хороводов, и храмом Артемиды открыто, как самостоятельный обряд, происходит пляска океанид. Сопровождавшие ее песнопения, возможно, каждый раз сочиняли заново, хотя содержание их менялось мало. До наших дней сохранился написанный в VII веке до Р.Х. V гомеровский гимн Деметре — особенно удачный образец такого рода песнопений.

У Колодца Прекрасных Хороводов

Оказав почести изображению божественного Иакха у жертвенника Триптолема, иерофант вместе с этим изображением, сопровождаемый жрецами, пересекал площадку для танцев и входил в ворота священного участка, которые тотчас закрывались. Юноши поодаль расседывали коней, а затем, с новыми факелами, пешей цепочкой окружали хороводную площадку между колодцем Деметры и храмом Артемиды; если цепочка была коротка, ее удлиняли красным канатом. Вокруг толпились мисты. На большом алтаре перед храмом, в северо-западной части площадки (нетрадиционная ориентация для храма и алтаря!), жрецы, первый из которых именовался *эпибомий*, или "тот, что у алтаря", разводили жаркий костер и бросали в него *пеланы* — жертвенные лепешки в честь "обеих богинь". Животных жертв здесь уже не приносили. Во время таинств действовало правило Кекропа: не приносить в жертву ничего, что имеет душу.

Открытая площадка для танцев перед священным участком, построенная Писистратом, была больше и красивее всех существовавших до и после нее. По окончании персидских войн священный участок был расширен, а стены его укреплены; однако ради этого площадку урезали на треть. Хороводы сократились. Элевсинцы ежегодно наслаждались этим продолжительным публичным зрелищем, но афинским мистам, которые располагали весьма ограниченными временами, сокращение хороводных обрядов было на руку. К тому же значение танца вообще падало. Когда в VI веке из него родилась драма, он с его безмолвной древней стилистикой стал еще менее понятен. Впрочем, и в новой драме хор обращался к танцу куда чаще, нежели, как правило, полагает наш современник.

Еще и в VII веке перед мистериями, как свидетельствует Аристофан в "Лягушках", молодые неопиты, уроженцы Элевсина — все в девичьем платье, — непременно участвовали в культовых танцах. Не в пример афинянам, они не совершали

долгого утомительного перехода и могли начать в нужное время. В архаической древности, вероятно, порой уже сам танец вызывал желанный "созерцательный образ" — подтверждение тому минойские геммы. В ту пору хорошо подготовленные неопиты составляли хор, а двое жрецов или по крайней мере двое посвященных изображали богов. Но начиная с эпохи Солона (ок. 600 года до Р.Х.) мисты, в большинстве своем уже афиняне, стали зрителями, а танцевать доставалось хору элевсинских неопитов; когда же обряд на священной территории был расширен, к ним присоединились семнадцати-всехнадецатилетние элевсинские девушки, и танец стал целым представлением. Но в роли богов по-прежнему выступали жрецы или тщательно подготовленные посвященные.

Юноши в девичьем платье или девушки (в идеале "пятьдесят дочерей Океана") плотной цепочкой медленно обходили колодец Деметры, затем размыкали круг и в искрометном танце проворно разбегаются по всему пространству площадки. Апулей называет это "пиррическим танцем"¹⁵⁴, сюжет которого — суд пастуха Париса о богинях Юноне (Гере), Минерве (Афине) и Венере (Афродите). О близких сюжетах сообщают и бронзовые таблички из додорического храма Аполлона в Амиклах. Тамшний миф ведет начало из II тысячелетия, таблички возникли около 500 года до Р.Х. Аполлон изображен рядом с юношей Гиакинфом, своим отражением в подземном Гадесе; далее Персей и Тесей.

Что до сопровождающих танец текстов, то элевсинские поэты имели достаточно широкий выбор тем. Необходимое содержание можно почерпнуть в V гомеровском гимне. Возможно, со времен Солона им и ограничивались; если существовал запас времени, мистерия готовилась постепенно. Тогда сначала в честь Афродиты танцевали Близнецы. Затем богиня производила на свет от пастуха Анхиза сына Энея. Вместе с Артемидой и Афиной она являлась царевичу-пастуху Парису, и в итоге становилось ясно, что здесь приводятся в движение первозданные титанические силы, вот так же, как у Еврипида:

Звездный Зевесов Эфир пусть поведет хоровод!
 Всех впереди Селена, богиня Луны, выступает,
 И пятьдесят следом за нею дочек Нерея
 Кружат в безмерных пучинах глубин вековечных.
 Так почитают богиню в венце золотом из колосьев,
 Чтут и плющом увенчанную дочь [Персефонею].

У Аристофана в "Лягушках" хор мистов славит Элизий, светлое место в Гадесе, обитель блаженных, а затем и бога, который им предводительствует:

Иакх наш, снизойди к нам, золотых стен обитатель!
 Иакх, о Иакх!
 К нам приди, на святой луг, на зеленый!
 С нами будь рад, в наш вступи ряд!
 Пусть венок мирт многоцветных
 Пышнокудрый окружит лоб!
 Попляши, бог! И ногой в лад бей о землю!
 Восхити дерзновенный
 И веселый хоровод,
 Наших гор сонм, наших плясок богомольных череду,
 Песни мистов посвященных!

Раздуй свет искряных смол, поднимай ввысь знойный витень!
 Иакх, о Иакх,
 Ты, ночных хороводов пламеносец!*

Под речитатив певца подробно вытанцовывался миф, связанный с этим местом. До наших дней сохранился гимн из 495 шестиарсисных стихов о страстях и деяниях богини Деметры. Судя по стилю, написан он в VIII или VII веке до Р.Х.

Песнь повествует: у Матери полей есть дочь по имени Персефона, а проше — Кора, "девушка". На Троицу она со своими подругами Артемидой и Афиной играет на цветущем лугу. Оттуда ее похищает Плутон и увозит в свой чертог, в Гадес. Там она делит с ним трон,

* Перевод А. Пиотровского.

становится царицей мертвых. Последний вопль ее достиг слуха матери — но больше Деметра ничего не ведает. Девять дней скитается она по земле в поисках дочери. На рассвете десятого дня Геката советует ей расспросить Гелиоса, всевидящего солнечного титана. От него Деметра узнает о похищении и об имени похитителя.

Разгневавшись на богов, допустивших злое дело, Деметра блуждает в мире людей, приняв облик древней старушки. Однажды вечером сидит она у городского колодца в Элевсине, и тут за водою приходят четыре дочери царя Кедея ("дятла"). Старуха рассказывает им, что она была похищена с Крита разбойниками и в Южной Аттике сумела от них убежать, а затем, представившись нянькой, расспрашивает девушек 6 состоятельных городских семействах. Девушки обещают поговорить со своей матерью Метанирой, и вот та приглашает пришлицу няней к новорожденному сыну Демофону.

Когда старуха входит, Метанира предлагает ей свое кресло, Деметра же предпочитает скамью, на которую служанка Ямба набрасывает овчину. Недвижно и печально смотрит богиня в пространство перед собою, пока Ямба балагурством и солеными шутками не вынуждает ее засмеяться. Царица угощает гостью вином, но старуха просит *кикеон*, напиток из поля и поджаренной ячной муки.

Нянюшка не дает своему питомцу ни молока, ни иной человеческой еды, однако младенец растет и крепнет. Метанира ночью подглядывает за старухой и видит, как та, словно факел, погружает ребенка в огонь очага. Царица вскрикивает от ужаса. А ведь не помешай она богине, та наделила бы мальчика вечной жизнью и молодостью. Теперь Деметра опускает ребенка на землю у очага и в гневе восклицает: "Жалкие, глупые люди! Ни счастья, идущего в руки, вы не способны предвидеть, ни горя, которое ждет вас! Непоправимое ты неразумьем своим совершила. Клятвой богов я клянусь, водой беспощадного Стикса, — сделать

могла бы навек не стареющим я и бессмертным милого сына тебе и почет ему вечный доставить... В непреходящем, однако, почете пребудет навеки: к нам он всходил на колени, и в наших объятиях спал он. Многие годы пройдут, и всегда в эту самую пору будут сыны элевсинцев войну и жестокую свалку против афинян вчинять ежегодно во вечные веки..."¹⁵⁵

Всю ночь Метанира и ее дочери в испуге молятся богине. Затем элевсинцы строят на холме священную обитель, Анакторон, Дом владычицы. Деметра во гневе и тоске удаляется в храм. Целый год не дает она взойти семенам, и наконец боги в страхе за все живое посылают Гермеса к Плутону — просить подземного владыку отпустить из мрака на свет похищенную супругу. Плутон отпускает Кору, но прежде дает ей проглотить крохотное зернышко граната.

Ликуя, Кора возвращается к матери. Та немедленно вопрошает: "Дочь моя, [вкушала ль ты] в Гадесе пищи... Если ж вкусила, обратно пойдешь и в течение года третью будешь ты часть [июль—октябрь. — Д.Л.] проводить в глубине преисподней. Две остальные — со мною, а также с другими богами"¹⁵⁶.

Дочь рассказывает, как она с подругами, среди которых были ее девственные сестры Афина и Артемида, играла на лугу, собирая цветы, как Плутон похитил ее от них и как перед возвращением силой заставил проглотить зерно граната. Теперь она знает, что ей предстоит. К матери и дочери вместо давней подруги Артемиды присоединяется Геката; отныне она становится служанкою и спутницей Персефоны как владычицы Гадеса.

Зевс же посылает предвечную Рею, дабы она примирила свою гневную, одетую в черное дочь Деметру со всеми богами. И титанида успешно выполняет эту миссию. Гнев Деметры против богов унимается, а гнев против людей Деметра смиряет сама, установив священные таинства — *teletai* или *orgia*. В мельчайших подробностях наставляет она первого своего миста Триптолема, как надлежит праздновать эти оргии. И когда элевсинские правители под ру-

ководством Триптолема отправляют таинства, на полях вновь вырастает ячмень, более всего любезный богине. Вслед за Триптолемом первыми мистами были Диокл, Евмолп и Поликсен: «"Таинства ж в нем я сама учрежу, чтобы впредь, по обряду чин совершая священный, на милость вы дух мой склоняли". Так сказала богиня... "Об них [таинствах] ни расспросов делать не должен никто, ни ответа давать на расспросы: счастливы те из людей земнородных, кто таинства видел. Тот же, кто им непричастен, до смерти не будет вовеки доли подобной иметь в многосумрачном царстве подземном»"¹⁵⁷.

Жрецы

Жалоба на Алкивиада в 415 году свидетельствует о трех главных жреческих должностях: верховном жреце — иерофанте, вестнике-глашатае и факелоносце. Плутарх сообщает текст этой жалобы: "Фессал, сын Кимона, из дема Лакиады, обвиняет Алкивиада, сына Клиния, из дема Скамбониды, в том, что он нанес оскорбление богиням Деметре и Коре: в своем доме на глазах у товарищей он подражал тайным священнодействиям, облаченный в столу, в какую облачается верховный жрец, **когда** являет святыни, и себя именовал верховным жрецом, Политиона — факелоносцем, Феодора из дема Фегея — глашатаем, остальных же приятелей называл мистами и эпоптами — вопреки законам и установлениям евмолпидов, кериков и элевсинских жрецов"¹⁵⁸. Стоик и моралист философ Эпиктет около 110 года от Р.Х. перечисляет тех же жрецов: иерофанта, керика и дадуха¹⁵⁹.

Живший в Сирии, Риме и Сицилии ученик Плотина, философ-неоплатоник и богослов Порфирий (232/4—304/5) в своей утраченной работе о мистериях подробно комментировал чрезвычайно популярные начиная с II века от Р.Х. "Халдейские оракулы", так называемые "Священные слова". По свидетельству Евсевия¹⁶⁰, Порфирий ставил элевсинских жрецов наравне с богами: иерофанта наравне с демиургом, или творцом, — вероятно, Дионисом-Плутоном; дадуха наравне с Гелиосом; эпибомия наравне с богиней Луны Селеной, а иерокерика, или глашатая (вестника), наравне с Гермесом. Однако Порфирий никогда не бывал в Элладе и приводит не собственное свое свидетельство. Его ученик Ямвлих (250—330) в сирийском Апамее написал хорошую книгу "О египетских мистериях"¹⁶¹, но не ссылаясь ни на Элевсинию, ни на иные греческие таинства, а просто отвечал на письмо о фундаментальных вопросах тогдашней религии платоников, которое Порфирий, его учитель, адресовал неизвестному жрецу Исида и Осириса по имени Анебон. Об Элевсинских таинствах книга никаких свидетельств не дает.

Дадух

Иерофант

Иерофант, дадух и керик — вот минимум жрецов, при каком могли совершаться Элевсинские таинства. Кроме них было еще две жрицы — Деметры и Гекаты-Артемиды, для Персефоны же, являвшейся лишь в созерцании, особой жрицы не существовало. В будничной жизни это были жены главных жрецов или их близкие родственницы. Обряд могли исполнять только представители двух древних родов — Евмолпиды и Керики, и только они занимали эти должности. Из Кериков был не только открыто выступавший керик, но и храмовый факелоносец, или дадух. Жрица Гекаты при необходимости представляла также и Персефону. Деметра — Деметра Антея ("призрачная") — и Рея по культу и мифу были едины.

Что до второстепенных жрецов, то из них подтверждены свидетельствами: крокониды — гидран ("водный"), эпибомий ("алтарный") и литофор ("каменосец"), последний, видимо, как слркитель бога Ареса. Из богов упоминаются Афродита, Гефест, Прометей, Геракл, Арес. На изображениях встречаются также Семела и Ариадна; из юношей-полу богов — Триптолем, Евбулей и Диоскуры. Всех их могли представлять жрецы, но не обязательно и, уж во всяком случае, не одновременно. Поэтому жрецов было гораздо меньше, чем богов и героев, известных в культе. Не в пример мифу, культ обходился с персонажами экономно.

Отрок очага

В Великих мистериях "отрок очага" был прислужником. Вместе с иерофантом ему позволялось войти в Анакторон, где он клал дрова на низкий круглый очаг, столь любезный подземным богам; здесь он сохранился как домашний очаг микенской эпохи. В целом же пользовались детским ясновидением отрока, которое должно было пробуждать у взрослых способность созерцания. В обрядах требовался лишь один отрок; но — по крайней мере в римскую эпоху — отбирали сразу нескольких, видимо, чтобы наверняка отыскать мальчиков, одаренных ясновиденьем.

"Отрок очага" в свои восемь—двенадцать лет не нуждался в очищении. От Малых мистерий в Аграх он был освобожден, более того, ни под каким видом к ним не допускался. И о том, что происходило в элевсинских дворах, дети не ведали. Взяв с мальчиков обет молчания, их заранее отводили в Дом посвящений, и одному немедля давали в Анактороне указания касательно его обязанностей. Пока нужды в нем не возникало, он сидел там, скрестив ноги, чтобы никому не мешать, а при удачном стечении обстоятельств увидеть, как действует верховный жрец — не только правильно исполняя обряды, но и вызы-

Отрок очага

вая реальные духовные свершения. Остальные мальчики размещались перед святой святых. Все они должны были быть отпрысками древних и знатных местных родов и иметь живых отца и мать. Лишь в эпоху Империи возникла довольно большая группа мальчиков и девочек из городской и имперской аристократии.

Ученик апостола Павла Дионисий Ареопагит (II в. от Р.Х.) рассказывает в своей биографии, как он служил "отроком очага". Ученый спор об авторстве сообщения нам безразличен, ибо так или иначе писал все это осведомленный современник: «Мои родители по афинскому обычаю и согласно жребию передали меня элевсинским жрецам, когда я был еще отроком, а вообще-то совсем ребенком, который очень любил играть. Так я, минуя необходимые для взрослых очищения, был посвящен в таинства — выполнял в Телестерионе священнодействия как домашний отрок — прислужник богинь. Однажды, когда я находился в храме (Анактороне), чистил и раскладывал по порядку святыни, вошел (афинский) архонт-басилевс. Видя мою старательность, он подозвал меня к себе и спросил имя и происхождение. Я ответил: "Я афинянин. Отец мой — благородный Сократ, и моя жизнь посвящена служению богам". Потом архонт говорил со жрецами. Позднее я узнал, что разговор этот касался моего воспитания. И в должное время меня действительно передали весьма опытному наставнику, который обучал меня всем наукам. Я узнал границы созвездий и время их появления, круговорот небесных сфер, прибавление и убыль солнечного и лунного времени, а также кое-что о ветрах, погоде, приливах и отливах. Помимо путей и воздействий звезд, узнал я и о причинах, по которым они могут отклоняться от своего пути. Так я (вместе с наставником) мало-помалу в должном порядке прочитал все труды астрономов и философов»¹⁶².

Психологические процедуры, вызывавшие ясновидение отроков, нам из античных свидетельств не известны, но, благодаря златокузнецу Бенвенуто Челлини (1500—1570),

мы располагаем сведениями из эпохи Возрождения. В своих воспоминаниях, сообщая о заклинании духов в римском Колизее, он пишет вот что: "В ту пору, как делают молодые люди, я влюбился в одну девочку-сицилианку <...>. Тем временем я предался всем удовольствиям, какие только можно вообразить, и завел другую любовь, только для того чтобы погасить эту. Привелось мне через некоторые разные странности завести дружбу с неким сицилианским священником <...>. Случилось однажды по поводу одного разговора, что зашла речь об искусстве некромантии <...>, на какие слова священник добавил: "Твердый дух и спокойный должен быть у человека, который берется за такое предприятие. <...> Если ты на это идешь, то уж остальным я тебя угощу вдоволь". <...> Мы отправились в Кулизей, и там священник, нарядившись по способу некромантов, принялся чертить круги на земле <...>. И вот он велел нам принести с собой драгоценные курения и огонь <...>. Когда он был готов, он сделал в кругу ворота и, взяв нас за руку, <...> поставил нас в круг <...> затем приступил к заклинаниям, и длилась эта штука полтора с лишним часа <...>. В эту ночь нам никакого ответа не было. <...> Некромант сказал, <...> что он хочет, чтобы я привел с собой невинного мальчика. Я взял одного своего ученика, которому было лет двенадцать, и снова позвал с собой <...> Винченцио Ромоли; а так был у него близкий приятель, некий Аньолино Гадди, то также и его мы повели на это дело <...> затем этому моему Винченцио он поручил заботу о курениях и об огне <...> затем мне он дал в руки пентакул, каковой он мне сказал, чтобы я его поворачивал сообразно местам, куда он мне укажет, а под пентакулом у меня стоял этот мальчуган, мой ученик. Начал некромант творить эти ужаснейшие заклинания, призывая поименно великое множество этих самых демонов <...> Я, по совету некроманта, снова попросил, чтобы мне можно было быть с Анджеликой <...> обернувшись ко мне, некромант сказал: "Слышишь, что они сказали? Что не пройдет и месяца, как ты будешь там, где она". <...> С другой стороны мальчик,

который стоял под пентакулом, в превеликом испуге говорил, что в этом месте миллион свирепейших людей, каковые все нам грозят; потом он сказал, что появилось четыре непомерных великана, каковые вооружены и показывают вид, что хотят войти к нам <...> Винченцио Ромоли, который дрожал, как хворостинка, хлопотал над курениями. <...> Мальчик спрятал голову между колен, говоря: "Я хочу умереть, потому что нам пришла смерть". Я <...> сказал мальчику: "Эти существа все ниже нас, и то, что ты видишь, — только дым и тень; так что подыми глаза". Когда он поднял глаза, он опять сказал: "Весь Кулизей горит, и огонь идет на нас". И, закрыв лицо руками, снова сказал, что ему пришла смерть и что он не хочет больше смотреть. <...> Аньолино Гадди <...>, чуть хотел тронуться, издал громогласную пальбу с таким изобилием кала, каковое возмгло много больше, нежели цафетика. Мальчик, при этой великой вони и при этом треске приподняв лицо, слыша, что я посмеиваюсь, успокоив немного страх, сказал, что они начали удаляться с великой поспешностью"*.

Заклинания впоследствии и впрямь привели златокузнецца к его Анджелике, правда, вдобавок он совершил убийство. Для нас здесь существенно лишь использование визионерского дара ребенка.

* "Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции", кн. I. Перевод М. Лозинского. М., Academia, 1931.

IV. ВЕЛИКИЕ МИСТЕРИИ

Музыка

Критически настроенный к элевсинским обычаям отец церкви, римский пресвитер Ипполит (г 235 г.) цитирует гимн на смерть юноши — возлюбленного фригийской Матери богов Кибелы (эта мифическая пара вполне вписывается во Вторую элевсинскую оргию): «Аттиса хочу я воспеть, сына Реи, не трубами звонкими, не флейтой идейских куретов, но нежными звуками лиры Феба-Аполлона: "Э-у-а-н — как Пан, как и Вакх [поет], как пастырь светлых звезд"»¹⁶³.

Инструменты указаны очень точно: трубачи вполне могли играть во внешнем дворе при Первой оргии. Во Второй оргии, происходившей во внутреннем дворе, они уже не участвовали, там были слышны только струнные инструменты. Хороводы у колодца при необходимости сопровождалась просто пением самих танцоров и их юных друзей.

Если сопоставить порядок таинств с композицией крупных эпических произведений — а это и возможно, и плодотворно, — то "Илиада" еще допускает трубы в конце Первой оргии, в сочетании с громкими жалобами и боевыми криками (18, 219). "Одиссея" в том же плане упоминает крик ослепленного Полифема (9, 399). Далее в "Одиссее" речь идет только о мелодическом пении. Аполлоний в "Аргонавтике", которая описывает Вторую оргию как путешествие по Черному морю вдоль северного побережья Малой Азии, даже указывает, где именно Орфей оставил свою лиру на алтаре Аполлона, то есть когда замолкали и струнные инструменты (II, 929). После этого на острове Аретиада аргонавты использовали под конец Второй оргии в качестве инструментов бронзовые трещотки, точнее, за неимением оных громко бряцали оружием.

В микенской культуре существовала двойная флейта, простые струнные инструменты и трещотки, далее кимвалы — небольшие металлические чаши, которые при ударе друг о друга издавали высокий звон, — и барабаны. Нонн в своих "Дионисиаках" упоминает о ночном грохоте боль-

Сатир

ших барабанов, символизирующих гром (7,349). В элевсинской Третьей оргии пользовались большой чашей с очень густым звуком. Аналогичный сосуд Софокл заставлял громыхать на сцене, когда "Эдип в Колоне" под раскаты грома навеки проваливался под землю.

Музыкальные инструменты в таинствах сопряжены с возможностями человеческого тела, сверху вниз: на первом дворе, где главенствуют стихия ветра и дыхание, играли трубачи. На втором дворе, где центральная роль отведена стихии воды и кровообращению (вкупе с нервами), можно было услышать струнные инструменты, а также кимвалы и трещотки. Тогдашние лиры и видом напоминали позвоночник с крупными нервами. Телестерион же оглашался только низкими звуками огромной чаши, словно ударяли в диафрагму.

Восприятие музыки у микенцев и у европейцев Нового времени совершенно различно. В какой-то мере нынешний европеец способен приобщиться к древнему ощущению музыки разве что в подземном храме Гроба Господня в Иерусалиме на пасхальных литургиях поместных православных церквей: малые интервалы и очень высокий регистр чистых певческих голосов — по контрасту с басами в русском церковном пении. Эта сохранившаяся от позд-

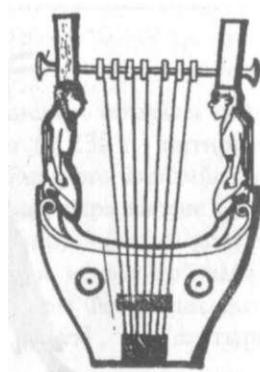
Триптолемов устав и "крещение"

После хоровода мисты входили в высокие ворота, расположенные справа от колодца и сооруженные после персидских войн. Но открытый портик, остатки которого сохранились поныне, относится к римской эпохе. Все собирались на площади метров 40 в длину и метров 12 в ширину, за древними, теперь внутренними воротами, видимо, и здесь при свете факелов непосвященных молодых воинов. Пока еще ничего тайного не было — благожелательный римлянин Цицерон совершенно открыто просил выслать ему материалы об Элевсиниях¹⁶⁴. Жрец-глашатай предупреждал: "Только иерофант вправе войти в Анакторон... Никому не дозволено называть иерофанта его мирским именем" и т.д. Если первый устав, объявленный в афинском Пестром портике, носил отчасти нравственный характер, то этот второй был сутобо культовым. Тот и другой в целом были менее значительны, нежели провозглашенные Моисеем у Синая ок. 1300 года до Р.Х. Десять заповедей (Исх. 20) и культовый Декалог (Исх. 34).

Сходные уставы для подобных же мест упоминает Павсаний (VIII.37; 15,1—4) — вблизи аркадского города Акакесия существовало мистериальное святилище, в переднем зале которого табличка перечисляла культовые обычаи; прочтение этой таблички вслух составляло особый культ: "Около святилища Деметры Элевсинской находится так называемая Петрома — "творение из камня"; это два огромных камня, приложенных один к другому. Каждый второй год те, кто совершает мистерии, называемые ими Большими, открывая эти камни, вынимают оттуда письма, касающиеся совершения этих мистерий, громко прочитывают их в присутствии посвященных и той же ночью вновь кладут их обратно. Я [Павсаний. — Д.Л.] знаю, что многие из фенеатов в очень важных случаях даже клянутся этой Петромой. На ней находится круглая крышка, а в ней хранится маска Деметры Кидарии (со священной повязкой). Надев на себя эту маску во время так называемых Больших мистерий, жрец поражает <демонов, ударяя в землю> жезлом". Такое чтение

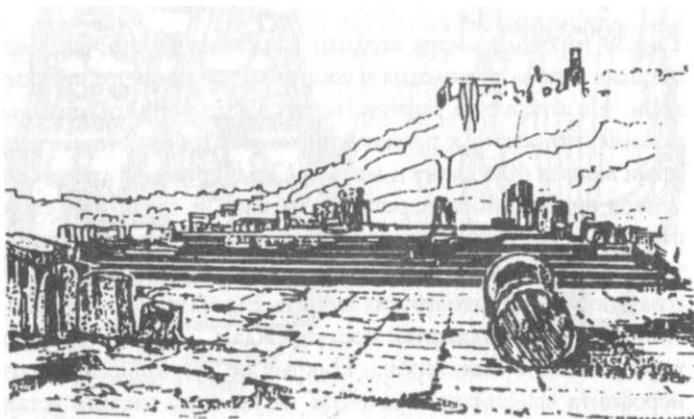

Аполлон приглашает богов к танцу

Ли́ра

ней греческой античности приблизительно 500 года от Р.Х. культовая музыка много более сходна с музыкой Элевсиний, чем рожденная на почве латинской церкви, а в эпоху барокко достигшая совершенства музыка трезвучия. Но еще греки последнего дохристианского тысячелетия обращали внимание, что высоким голосом поет один лишь иерофант. Этому-то речитативу, исполняемому необычайно высоким "бесполом" голосом, якобы напоминающим о предке Евмолпе, иерофант, или "краснопевец", и обязан своим именем.

Нынешний вид сквозь ворота

То, что теперь может видеть каждый:
обломки элевсинского внутреннего рельефа

изображено и на фресках Виллы мистерий близ Помпей.

После чтения устава юноши с факелами исчезают. Неофиты — девушки и юноши раздельно — небольшими группами под водительством мистагогов входят в боковые калитки внутренних ворот. Центральная дверца предназначена Иакху. Прежде всего группа оказывается в помещении размером 6 x 3 м. Один из найденных там рельефов показывает высокую женщину, которая окропляет водой обнаженного отрока: богиня Геката "крестит" героя. Это, видимо, пережиток изначально единственного очищения, которое происходило в этом месте и на этом этапе, а при Солоне для афинян было перенесено к морю в Фалер, для элевсинцев же — на Рэты и таким образом удвоено. Каждый мист повторял перед жрецом или жрицей свой пароль: "Я постился, пил кикеон, брал кое-что из большой корзины и, подержав в руках, клал в маленькую, а из маленькой опять в большую"¹⁶⁵. Жрец-гидран отвечал мужчинам, а жрица Гекаты — женщинам: "Отныне храни молчание". Мркчины при этом "крещении" снимали одежды и, как свидетельствует другой Найденный там рельеф, затем на всю священную ночь оставляли обнаженным правое плечо. Покинув это помещение через внутреннюю дверь, мист попадал в темный первый двор.

В "Золотом осле" у Апулея девушка Фотида ("огонек"), слрканка богатой фессалийской колдр*ьи, так выдает нам эту сцену: "Но я надеюсь на тебя [речь идет об "осле" Луции. — Д.Л.] и на твою образованность, только достойный по благородному своему происхождению, не только обладающий возвышенным разумом, но и посвященный во многие таинства, в совершенстве умеешь хранить святой обет молчания... сейчас узнаешь удивительные тайны моей хозяйки — из-за них-то ей повинуются маны, меняют свое течение светила, покоряются волей-неволей боги, несут рабскую слркбу стихии. <...> она самому солнцу грозила свергнуть его в вечную темноту"¹⁶⁶.

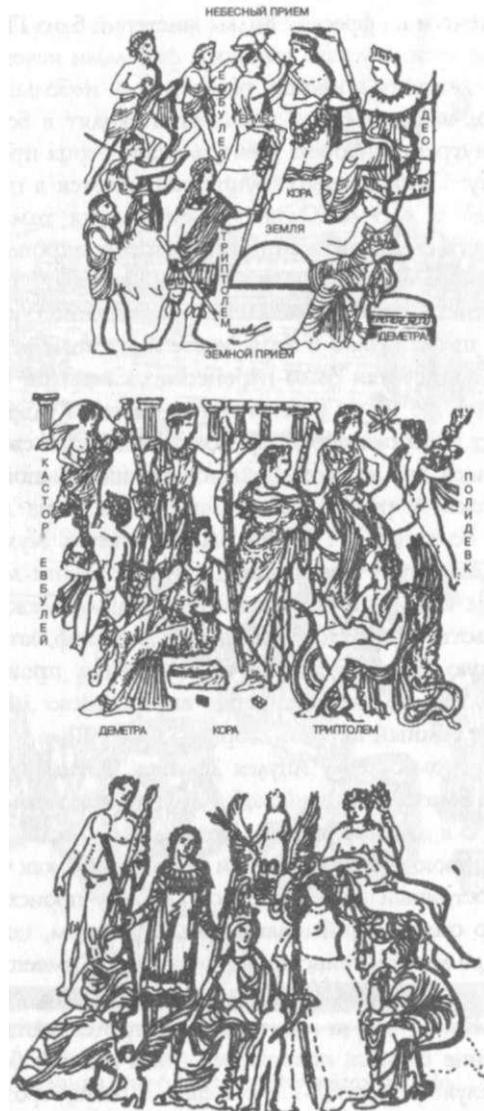
Первая оргия: рождение и смерть

В первом дворе на "камне скорби" сидит Деметра в черных одеждах, закрыв лицо покрывалом. Камень находится справа от Священной дороги, последние тридцать метров которой проходят уже по закрытой территории под городским акрополем, затем она вливается в самый древний, некогда единственный двор, ставший в эпоху Перикла вторым, внутренним. Дадр ("факелonosец") — жрец Гермеса и собственно вожатый мистов — своими двумя факелами освещает богиню сзади. Перед нею, закутанная в один только черный плащ, молодая служанка Ямба. Верхний двор освещает стоящая слева, подле гермы, жрица Гекаты в черных одеждах; позади нее в полутьме еще выше слева на склоне холма — Гера и Афина, представленные их жрицами. На голове у Геры зубчатая корона с двенадцатью драгоценными камнями; Афина в шлеме, со щитом, эгидой и копьем. Справа сверху за храмом Плутона в холме находится древняя двойная пещера. Мисты собираются внизу на дороге, ближе к входу.

Дадух поет скорбящей Деметре:

Внемли, Део, богиня всематерь, почтеннейший демон,
Юность растящая, счастье дарящая ты, о Деметра,
Ты наделяешь, богиня, богатством, питаешь колосья,
Мир, всецарящая, любишь, трудам многохлопотным рада,
И семена ты хранишь, и зеленые всходы, и жатву,
В кучи сыпаешь зерно, Элевсинской долины жилища.
Детолобивая, добрая мать, растящая юность,
Ты запрягла колесницу — вся упряжь ее змеевидна,
Вакховы буйные пляски твой трон окружают, ликуя,
Едиnorodная, о многоплодная, о всецарица...
Ныне гряди, о блаженная, летними полнясь плодами,
Мир к нам веди, приведи желанное благозаконье <...>!¹⁶⁷

Богиня хранит безмолвие и не двигается, пока Ямба не сбрасывает плащ и обнаженная не начинает свой танец. Лишь теперь Мать чуточку оживляется. Ямба танцует возвратный путь человека к его истоку. В верхнем дворе

Изображения на элевсинских урнах,
теперь доступные всеобщему обозрению

Гера и Афина делают несколько шагов вперед, чтобы тоже видеть танец, ведь Гера — покровительница телесной формы, Афина же — водительница мыслящих душ.

Ямба повторяет в танце летний путь Кастора с апреля по октябрь, о чем столетия спустя Нонн (390—450 от Р.Х.) пишет так:

**Нежно незримый супруг обнимает деву рукою.
Телом он человек, лишь глава увенчана рогами.
Голосом бычьим ревет поначалу и львиным рыком пугает;
Лижет шею девичью, словно змея, песнь о свадьбе шипит;
Медом, не желчью пасть сочится его.
Только в венце, из лоз и плюща соплетенном,
Голова человеческой станет, и с уст священные звуки польются:
ЭВОЙ!¹⁶⁸**

Ямба танцует зачатие. Под конец и на губах Део появляется улыбка. А дадух все это время ревет, шипит, визжит "ЭВОЙ", пока мисты не подхватывают его крики.

В финале девушка Ямба, пав на колени, протягивает владычице яйцо. Рядом с богиней лежит дощечка с шестью-семью выемками, в которых насыпано различное зерно. В среднюю выемку Ямба и кладет яйцо. А старая богиня вновь улыбается — значит, можно продолжить действие. Деметра набрасывает на плечи нагой танцовщицы длинное белое одеяние. Дадух меж тем поет песнь небесному другу Диониса, жениху Ямбы:

**Вечной земли царя величайшего я призываю,
Я корибанта зову, воителя с долей счастливой,
Взор на кого невозможно поднять, ночного курета,
Кто избавляет от ужасов тяжких, от призраков жутких.
Тот, кто по воле Део сменил свое тело святое,
Вид принимая чудовищный страшного черного змея.
Гласу внимли моему, о блаженный, не гневайся тяжко,
Грешную душу избавь от снедающих страхом видений!¹⁶⁹**

Вместо одного корибанта быстро приближаются два юноши в коротких белых хитонах и рогатых шапках. Один —

из наружных ворот, второй — из внутренних. За вошедшим снаружи спешат козлоногие сатиры, дующие в двойные флейты. Второй юноша тащит следом красную веревку, за которую держатся двенадцать белых как мел обнаженных фигур, или "мертвецов". К ним присоединяются волколюды, их все больше и больше; далеко позади ковыляет некто в красно-буром одеянии, с клещами и двойным топориком-лабрисом — Гефест.

Дадух приветствует пришельцев:

**Звучные медью куреты, владельцы доспехов Арея!
Вы, многосчастные, сущие в небе, на суше и в море,
Животворящие духи, святые спасители мира!
Душ пестуны, невидимки, вовеки живущие духи...
О спасители добрые наши!., нам, о владыки, повейте!¹⁷⁰**

Куреты танцуют сначала вокруг Деметры, потом замирают справа и слева от Ямбы. Гера и Афина встают за спиной Деметры. Три древних божества смотрят на трех грядущих. Гефест караулит за спиной юноши с красной веревкой; тот стоит перед Афиной.

Двенадцать "мертвых" поднимают веревку и окружают этих семерых. Сатиры и мисты остаются за пределами веревочного кольца. Только дадух по-прежнему стоит поодаль от семерки и много выше — перед гротом Гекаты. Дадух поет:

**Гера воздушная, в складках одежд темно-синих богиня!
Шлешь дуновенья, живящие душу, достойным и добрым,
Матерь дождей, пестунья ветров...
Ныне, блаженная, многоименная, ты, всецарица,
К нам, о богиня, гряди с сияющим ласково ликом!¹⁷¹**

Гефест выпрямляется и своим топориком сбивает рогатую шапку с головы юноши из внутреннего двора, который ближе к нему. Пошатнувшегося поддерживают "мертвые". Перед этим юношей Ямба танцует соответствующее целебное волшебство: "Рождение Афины из головы ее отца Зевса".

Дадух поет:

Единородное чадо великого Зевса, Паллада,

Ты и жена, и мужчина, о мысль, о родящая войны,
Переливаешься ты, о змея, в иступлении божьем,
Славная, гонишь коней, истребитель флегрийских гигантов,
Горгоубийца, о дева-боец, твой гнев ужасает,
Мать многосчастная всяких искусств, ненавистница ложа...
Дивная, любишь пещеры и грозные держишь вершины!

Ныне услышь и меня, подари же мне мир многосчастный,
Дай мне счастливые дни и добрую меру здоровья!¹⁷²

Афина возлагает на плечи и грудь девушки свою эгиду. В шлеме, с копьем и щитом богиня возвращается на верхний двор и уходит вправо, в пещеру. Гера следует за нею. Веревка двенадцати "мертвых" падает наземь. Деметра вновь одна. Волки подступают ближе. Снизу является древняя, плотно закутанная в покрывало титанида и, пятясь, уводит за собою Деметру и Ямбу. Мисты воспринимают эту группу как бабу, мать и дочь и стремятся за ними. И тут раздаётся грохот — впереди с холма на дорогу обрушивается каменная лавина. У всех перехватывает дыхание.

Пока мисты смотрят туда и прислушиваются, по знаку Гефеста юлки связывают веревкой юношу, который остался без шапки, и отгаскивают его в опустевший теперь левый угол верхнего двора. Справа сверху из пещеры выходят Геката и Гера и жестом приказывают бичевать связанного. Волки срывают с него одежду. Высоченный парень, ставши позади гермы, держит юношу за руки перед нею, на весу; остальные юлки хлещут его кнутами. Вначале он кричит, но мало-помалу, измученный, умолкает. Мисты внизу безмолвны. Флейт сатиров не слышно. Скоро, однако, большинство устремляется вослед диковинным трем женщинам. Последний взгляд — наверху перед гермой вместо бичуемого скелет.

Конец Первой оргии.

Междворье: побивание камнями

Прежде чем покинуть первый двор, дадух кричит неофитам: "Мужайтесь, мисты!" и поет:

Оры, о дочери богини Фемиды и Зевса владыки!
Вы, Евномия и Дика с Эйреной, счастливые много!
Вешние и луговые, святые, в цветах бесконечных,
Благоухаете, пестрые, вы ароматом цветочным,
Ходите кругом, прелестные ликом и юные вечно,
Соткан из множества разных цветов ваш пеплос росистый.
Вы с Персефоной святой играете вместе в ту пору,
Как возвращают богиню на свет Хариты и Мойры,
Пляску ведя круговую свою, на радость Зевесу,
Равно и матери, щедро плоды приносящей богине.
О, явитесь же к тем, кто впервые на таинствах наших!
В должное время даруйте плодам уродиться на славу!¹⁷³

Три Горы входят снаружи и ведут хоровод вокруг пустого трона Матери полей, затем исчезают во внутреннем дворе, в направлении Дома посвящений. За ними шагают "мертвые", сатиры и, наконец, мисты. Поскольку волки кусают сатиров, те пятятся, отбиваясь копытами и когтями, что для идущих следом мистов и определяет образ этой процессии.

На выступе холма появляется мужчина в бело-красных одеждах, с мечом: Арес. Изображающий его жрец зовется "камнебросатель" — *литофор*, или *литобол*, потому что вызывает каменную лавину. Он подходит к избитому юноше, развязывает его и накидывает ему на плечи свой красный плащ. Юноша — образ нового божества, как прежде Ямба с эгидой Афины.

Мисты находятся на последнем участке Священной дороги, "между дворами"; здесь сообща властвуют Арес, Геката и Деметра Антея. До Ареса и его нового спутника мисты видели рядом со скелетом Гекату. Новым у нее была шляпа с тремя киверами. Кивера расположены друг за другом — над лбом, ушами и затылком.

На закате святилища император Марк Аврелий (170 год от Р.Х.) поместил в этом древнем пространстве храм императрицы Фаустины Младшей (130—176) как "новой Деметры". Если, отвлекаясь от злоупотреблений императорского культа, задаться вопросом, что составляло здешний праобраз, то ответ можно отыскать в орфическом гимне Деметре Антее, "призрачной", у которой в облике Гекаты на переходе во внутренний двор и ко Второй оргии меняется головное убранство: в междворье властвует метаморфоза, преобразование.

Факелоносец воспеваает шедшую впереди старуху:

**Внемли, богиня, царица Антея, почтенная мать
Всех — и бессмертных блаженных богов, и смертного люда,
Ты, кто некогда в муках бродила, ища и терзаясь,
Лишь в Элевсинской долине поста обрета разрешение.
Ты и к Аиду пришла, к блистательной Ферсефонее,
Сопровождало тебя Дисавлово чадо святое,
Что донесло до тебя известье о Зевсовом ложе.
Ты родила Евбулея, богиня, средь мук человеческих,
Ныне молю, многотимая наша богиня, царица,
К мисту, что свято тебя почитает, явись благосклонно!**

У ворот внутреннего двора эта призрачная великая богиня оборачивается, привлекает к себе девушку Ямбу, отпускает свою белую головную повязку и повязывает ее девушке так, что узел находится впереди и концы крылышками торчат над лбом. Ямба занимает место по левую руку от нее, старая же богиня как бы еще вырастает, быть может благодаря более высоким котурнам. При этом из-под ее подола выбегает свинья, которую все гонят в первый двор и кричат, подхватывая крик сатиров: "Деметра, Деметра!" Их высокую силу вбирает Рея.

В воротах Горы избирают эту Рею своей владычицей. Под пестрым платьем этих трех мелькают черные одежды. Теперь в них можно узнать Мойр, бросающих жребий для всех живых существ. Ближе всех к ним стоит юноша под конской гривой, один из Близнецов. Геката в трехкиверной

шапке отступает перед четырьмя великаншами в черном, остается у ворот; ее слуга Евбулей держится вблизи Гермеса. Прощаясь с Гекатой, Близнецы поют:

**Ты, о Геката преддверная!
На страже стоишь ты рожденья и смерти!
Царица ночная со свитой собачьей,
Молим, Персея, веди мертвых и мистов
К священной Ферсефонее!¹⁷⁴**

Четыре великанши — Рея и Мойры — оборачиваются внутрь двора; дадух светит им факелами. Мисты стройной чередой идут за ними, тут же толкаются волки, уже без сатиров. Иерофант меж тем испил разбавленного аконитового соку, чтобы истребить в себе силу сатиров, и благодаря такому напитку обретает на эту ночь необходимый по чину голос кастрата.

Конец промежуточной оргии.

Вторая оргия: вынашивание и становление

Когда Гермес с четырьмя великими богинями и мистами вступает во внутренний двор, все поворачиваются лицом направо. Перед Телестерионом они видят двенадцать могучих колонн, несущих плоский фронто́н Дома посвящений. У последней левой колонны садится Рея под конской гривой, в просторном траурном одеянье. Свои атрибуты — "яйцо и змею" — она покуда прячет; вместо них в правой ее руке — дельфин, в левой — белый голубь. За колоннами три Мойры ведут торжественный хоровод под скурые звуки лиры. Гера, стоя на заднем плане, у стены, наблюдает. Танцовщицы чтут Рею, снова и снова обходя вокруг нее. На нижних ступеньках перед Реей сидят на корточках юноша под конской гривой и Гефест, перед ними — волки. "Мертвые" перекрывают всю ширину лестницы красной веревкой.

Гермес велит второму юноше, закутанному теперь в красный плащ, Евбулею, стать чуть правее; совсем справа — Арес; девушка остается слева, поблизости от Реи. Освещают эту сцену "мертвые".

Атлант подпирает на западе небо,
на востоке Прометей — молчит о ведомом ему грядущем

Кроме того, сюда призывают — Кроноса, Посейдона, Палемона и его мать Ино-Левкотею, Белую морскую богиню. Здесь властвует стихия моря. Сначала Гермес приветствует великанш за колоннами:

**О беспредельные Мойры, о чада любимые Ночи!
Дщери благого отца — о Лахесис, Клото и Атропа!
В тонких багряных своих плащаницах выходите в поле
Смертных судеб... Спутницы чада священной Деметры!
Мистам дозвольте узреть Ферсефонею царицу, а затем
Их отведите обратно под светлые звезды!**¹⁷⁵

Внемля призыву, великанши убыстряют свой танец. Когда в проемах между колоннами на них падает свет, на седых головах вместо волос угадываются змеи. Шипение примешивается к нежной музыке струн и кимвалов. Старухи почтительно кружат хороводом вокруг Реи и Ямбы. Но Ямба в испуге зовет на помощь Евбулею.

Видя, что к ней приближается хромоногий Гефест, Гермес велит ему и как будто бы расположенной к обоим Рее держаться на расстоянии и призывает еще более могучего:

**Пышущий пламенем отче мужей и богов всеблаженных,
В мыслях изменчивый, ты, о титан незапамятный, мощный!
Все истребляя, ты снова растись, умножая, и держишь
Несокрушимые цепи всего бесконечного мира.
Крон-всеродитель всевечный, вещатель коварных глаголов,
Отпрыск богини Земли и звездами полного Неба,
Младших родитель богов, о Реи супруг, Промыслитель,
Родоначальник, живущий в любом уголке мироздания,
Хитролукавый умом! Услышь умоляющий голос,
Жизни счастливой пошли, о благой, благою кончину!**¹⁷⁶

Девушка, которая, несмотря на спутников, похоже, вновь чувствует себя покинутой, поворачивается к Дому посвящений, откуда Гермес ждет появления Кроноса, дабы действие было продолжено. В полночь она призывает Ино, пестунью Диониса; ведь та заботилась об осиротевшем

Кронос и Зевс. В истории победил Зевс, в таинствах — Кронос

божественном ребенке, а впоследствии стала Белой морской богиней, Левкотеей. И девушка поет:

О Левкотей Кадмида, зову тебя, демон почтенный!
 Силой благою пестунью зову Диониса, о внемли!
 Ты, о владычица, правишь глубокой пучиной морскою,
 Волны — услада твоя, о спасенье великое смертных,
 В дланях твоих — неустойчивый ход кораблей-моребежцев,
 Горькую гибель в волнах от людей ты одна отгоняешь,
 К тонущим ты, о спаситель и друг, на подмогу приходишь.
 Ныне, царица, богиня, храни, я тебя умоляю,
 Промыслом добрым своим корабли наши с палубой крепкой!
 Мистам, пустившимся в море, да веет твой ветер попутный!¹⁷⁷

Глянув через плечо во двор, она зовет сына богини, Палемона, что ездит верхом на дельфине. Рея меж тем отпускает своего дельфина — он исчезает "в море", на внутреннем дворе. Ямба поет:

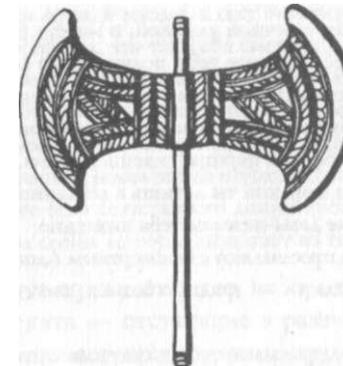
Ты, кто возрос с Дионисом, водителем хоров веселых,
 Ты, обитатель священного моря просторов соленых!
 К благосвященным обрядам явись, Палемон благосклонный,
 Кличу тебя, о явись, веселящийся, с ликом цветущим,
 Юный, и мистов храни на земле и на море!¹⁷⁸

Когда Рея отпускает дельфина, девушка просит для себя голубя, которого богиня держит в другой руке, и получает его, преклонивши колена. Голубь трепещет в правой руке

девушки, а она, незаметно спрятав левую руку под одеждой, делает себе сзади подобие хвостика. Подошедший Гефест держит у нее за плечами свой широкий двойной топор, будто крылья. Затем она встает и танцует, точно большая порхающая птица, — Рея в конце концов улыбается, глядя на эту новую голубку Афродиту. Старуха вынимает из-за пазухи змею, которую Ямба пожертвовала ей вместе с яйцом, и вкладывает девушке в левую руку! Яйцо она оставляет себе.

Стоящий слева кузнец вновь перехватывает инициативу, не в последнюю очередь песню в честь бога этого двора, Посейдона:

О черновласый держатель земли Посейдаон, внемли мне!
 Конник, держащий в руках трезубец, из меди отлитый!
 Корни земные хранишь, блюдешь кораблей продвижение.
 Нам же подай честное богатство, и мир, и здоровье!¹⁷⁹

Критский культовый топорик-лабрис

При словах "конник, держащий в руках трезубец" Рея встает, как бы с отвращением бросает наземь атрибут Посейдона, конскую гриву, и входит в левую дверь Телестериона. Мойры следуют за ней. Гефест поднимает гриву, девушка же пением поднимает свою душу на более высокую ступень:

Я совоюкую Тетис зову, Океана супругу,
 В пеплосе синем царицу, что легкие волны колеблет,
 Сладостновеющим ветром дыша на прибрежную землю.
 Ты крушишь о прибрежные скалы валы-исполины
 И, усмирив, посылаешь на берег спокойно и мягко.
 Ты кораблями красуешься, ты, о пестунья чудовищ,
 Влажнорожденная мать Киприды и туч мраковидных,
 Мать нимф ключевых и речных, изобильных водою,

Ныне внемли мне, молю, многотимая, будь благосклонна,
 Помощью будь и пошли кораблю попутные ветры!¹⁸⁰

Из открытой для пяти старух двери Телестериона доно-
 сится тихая барабанная дробь. Снаружи, возле колонны,
 перед пустым сиденьем Реи, теперь устроился Гефест.
 Когда он шевелится, слышен звук большого барабана.
 Гриву Реи он показывает всем как символ его владычества
 на этом дворе. После песни Тефиде оба юноши под
 звуки лиры обходят вокруг девушки и поют Афродите:

Морерожденная, с вечной улыбкой, о мать богиня!
 Празднества любви ночные тебе, полуночнице славной,
 Ты, на земле породившая все и в небе высокою,
 Также и в глубях морских, о волчья, богов повелитель!
 Ты на Олимпе, богиня царица, сияешь красую,
 Или над гладью морской ты летишь в лебединой повозке.
 Три незамужние девы-невесты тебя ежегодно
 Гимном святым прославляют с бессмертным Адонисом чистым.

Где б ни была ты — гряди, о богиня, твой вид столь

отраден!

С чистой душой призываю тебя и святыми словами!¹⁸¹

Гефест и Арес в центре площадки пересекают их путь.
 Арес возлагает на голову Евбулей свой дубовый венок и
 вручает ему свой меч, после чего исчезает. Украшенный и
 вооруженный Евбулей выпрямляется во весь рост, будто
 только теперь окончательно пробуждаясь. Взмахивая ме-
 чом, он танцует вокруг девушки. Второй юноша следует за
 ним, обронив свой алый плащ. Кузнец поднимает плащ,

Вторая оргия: становление

вновь забирает себе, а взамен дарит меч и ему. Девушка
 отвечает танцорам:

Звучные медью куреты, владельцы доспехов Ароя!
 Животворящие духи, святые спасители мира!
 Ор пестуны, плодоносные, нам, о владыки, повейте!
 Таинства цель далека, помогите ее нам достигнуть¹⁸².

После танца Евбулей оказывается справа, в одиночестве, и
 отходит еще дальше, на место Ареса. Девушка идет за
 ним. Второй юноша остается слева, рядом с кузнецом в
 красном плаще. Из богов теперь виден только один этот,
 Гефест. И Диоскуры отдают ему почесть:

Духом могучий Гефест, многомогущий огонь безустанный!
 В пламени ярких лучей горящий и греющий демон!
 О светоносный, о дланью могучий, о вечный искусник,
 Часть мироздания, его элемент беспорочный, работник,
 Всепоглотитель, о всеукротитель, всевышний, всевечный,
 Солнце, эфир и Луна, и звезды, и свет безущербный —
 Все это части Гефеста, что так себя смертным являют,
 Всюду твой дом — и город любой, и племя любое.
 Ты и в телах обитаешь людских, многосчастный, могучий.
 Внемли, блаженный, тебя призываю к честным возлияньям,
 К радостным нашим делам всегда приходи, благосклонный!
 О, прекрати же огня безустанного дикую ярость,
 Ты, кто жаром своим естество выжигает из тела!¹⁸³

Евбулей чувствует, что проку от этого не будет, догадывается,
 что Гефест и Геката — отстающие в развитии силы, оши-
 бочно соблазнившиеся кропотливым трудом. И он зовет
 из Дома посвящений свой предвечный образ:

Вечной земли царя величайшего я призываю,
 Я корибанта зову, воителя с долей счастливой,
 Взор на кого невозможно поднять, ночного курета,
 Кто избавляет от ужасов тяжких, от призраков жутких.
 Бродит один корибант, двусущий, изменчивый видом,
 Кровью залитый, когда двое братьев его погубили,

Тот, кто по воле Део сменил свое тело святое,

Вид принимая чудовищный страшного черного змея.

Гласу внимли моему, о блаженный, не гневайся тяжко,

Грешную душу избавь от снедающих страхом видений! 184

Евбулей зовет не напрасно. Гермес выходит из тени за колоннами и снова зовет: "Кронос!" На зов выходит, правда, не сам Кронос, но божество сродни кузнецу. Старший собрат кузнеца является справа у одной из колонн — титан Прометей. Поверх длинного хитона на нем тоже накинут красный плащ. В правой руке у него стебель тростника-нартекса, внутри которого он спрятал для людей небесный огонь. Он спокоен и неподвижен.

Кузнец, стоящий на дальнем левом краю, понимает, кто это. Дальше в глубине он видит и богиню в шлеме, блистающем золотом. Она пока во тьме за колоннами. В центре появляется Гера, становится рядом с Гермесом. Тогда Гефест возмущенно шипит: "Мои женщины здесь, но не глядят на меня и не говорят со мной — ни мать, ни подруга. Если теперь Афродита или хоть Ямба бросится в объятия этого силача Ареса, сия троица может потрясти мир! Подчиниться моей власти Афина не желает: свобода ей превыше всего. И однако ж она подольстилась к Плутону: шлем-то в золоте!.. Мои волки должны этим воспользоваться! Бедняга Тантал всего-навсего украл золотую собаку или попросту утаил это животное и — страдает в Гадесе. Но одна-единственная собака возвысила Микены! Вот и я искупаю волков в Плутоновом глянце. Впредь любой мист сможет выиграть золотую собаку — во имя своей и моей власти на земле.

И зачем я торчу возле женщин? Этого восточного исполина недаром сослали на Кавказ. Кто освободил и его, и огонь? Наказанный Зевсом, он опять восстает! Еще опаснее его западный брат, он не иначе как прячется в колонне за пустым тронном Реи. Крепко стоит на бездонной пучине. Несет свое бремя. Произноси его имя — Атлант, "несущий", — тихонько, чтоб он не явился! Я рискну за-

нять место огненного его брата, что стоит вон там. А здесь нужен Геракл. Не хватает нам его".

Прометей замечает Гефеста, когда тот нагибается, и жестом велит Евбулею и Ямбе окончательно уйти от кузнеца в Дом посвящений. Те повинуются и уводят за собою Гермеса, Геру, Афины и вереницу мистов. Затем Афина и Гера с помощью "мертвых" охраняют изнутри шесть дверей Телестериона, чтобы ни один волк не пробрался в дом. Своему господину Гефесту, богу, они препятствий чинить не могут, и он обосновывается за Анактороном.

Конец Второй оргии.

Третья оргия: преображение

Мисты занимают места в Телестерионе, слабо освещенном факелами нескольких "мертвых"; ступени у внешних стен — самые удобные. Посередине маленький храм, вроде часовни, — "Дом владычицы" Персефоны, Анакторон; вокруг него пустое пространство, ограниченное красной веревкой, которую держат "мертвые". У этого храма нет ни крыши, ни окон, узкий бездверный проем неподалеку от трона иерофанта ведет внутрь. Постройка воспроизводит храм XV века до Р.Х. Внутри и теперь находится микенский очаг из желтого кирпича, низкий, круглой формы, — алтарь, столь любезный эллинским подземным богам. На коньке крыши Дома посвящений устроена башенка, через которую уходит дым. Для священнодействий в Анакторон входят только иерофант и его мальчик-прислужник; кроме того, богини Гея и Афина, но они сугубо пассивно; далее, туда втаскивают в беспамятстве одного из Близнецов; однако же взрослым мистам доступ категорически заказан. Когда мисты входят в Дом посвящений, в Анактороне находится девяти-двенадцатилетний "отрок очага".

У восточного угла Анакторона, возле входного проема, — трон с высоко обмурованной спинкой, предназначенный для иерофанта, верховного жреца, ибо именно он в надлежащий миг "предъявляет священные знаки". Когда входят мисты, он восседает там в одеждах бога Диониса — длинном синем химатионе и пурпурно-красном хитоне, поверх которых на плечи наброшено подобие столы. В правой руке иерофант, словно скипетр, сжимает цельную тростинку, в левой — золотой колос. На расстоянии нескольких шагов лицом к трону стоит дадух-Гермес со своими факелами, слева от него — девушка Ямба, справа — юноша в дубовом венке.

Подле глухой западной стены Дома владычицы притулился Гефест; рядом справа сидит праматерь Гея, она в черном, в правой руке у нее яйцо. Слева от древней богини — Геката, тоже в черном, с двумя факелами; с северной сторо-

ны — две женщины в белом. Одна из них, в шлеме, со щитом и копьем, стоит лицом к трону, это Афина; вторая глядит на Гефеста, это его мать Гера, легко узнаваемая по зубчатой короне с двенадцатью драгоценными камнями. Внутри красного веревочного кольца вокруг этих групп в медленном величавом танце кружатся Мойры.

"Мертвые" с красной веревкой молят танцующих старух:

**О змеекудрые девы, полночицы, страшные взору!
Вы, потаенные, вы, о ночные, живете сокрыто,
Возле потока священного Стикса в глубокой пещере,
Чистые дщери Хтонийского Зевса, великого бога,
И Персефоны, прельстительной девы прекраснокудрявой!
Вы наблюдаете жизнь нечестивого люда всечасно,
Вмиг к преступлениям летите, неся нечестивым отмщенье.
О вседарящие, о избавители смертных в несчастьях!
Вас призываю! Грядите к питающим чистые мысли!¹⁸⁵**

Гефест в черном хитоне и красном плаще встает и славит Гею. Семь "мертвых" с западной стороны, которым видна Праматерь, подхватывают:

**Гайя богиня, о мать блаженных и смертного люда,
О всекормящая, о всецарящая, всепогубитель,
Ты — основа бессмертного мира, всеестрая дева.
О плодовитая, роды твои — урожай многовидный,
Любишь дожди ты, а космос, искусник всехитрый, светила
Вертит вокруг тебя вечнотекущим могучим потоком!¹⁸⁶**

Юноша на западной стороне — тот, что под бычьим шлемом, — возобновляет славу Гефесту:

**Духом могучий Гефест, многомогущий огонь безустанный!
В пламени ярких лучей горящий и греющий демон!
Внемли, блаженный, тебя призываю к честным возлияньям,
К радостным нашим делам всегда приходи, благосклонный!¹⁸⁷**

После этого прославления иерофант с восточной стороны жестом подзывает к себе девушку Ямбу, набрасыва-

ет на нее свою "столу" так, что спереди свисают как бы фиолетовые ленты, и прикрепляет на горле, против сердца и ниже украшения в виде цветов; кончики завязанной над лбом головной повязки Ямбы он ставит торчком. Потом он поднимается, достает из тронного балдахина багряно-фиолетовый шестнадцатилепестковый анемон и двумя пальцами долго вращает его перед глазами девушки, после чего касается им украшения у нее на горле. Те же манипуляции он проделывает с двенадцатилепестковым лотосом, в заключение касаясь им украшения, прикрепленного над сердцем; прочие украшения согревает наложением руки.

Затем он вместе с девушкой поет, обращаясь к входу Анакторона:

**Гестия, о благовластного Кроноса дочь, царица!
Ты, чей дом — среди огня величайшего, сущего вечно!
К таинствам чистым своим допусти этих мистов и сделай
Вечно цветущими, полными святости, счастья, веселья!¹⁸⁸**

Призыв верховного жреца заставляет встрепетнуться Гефеста и Гекату (в западной части Телестериона). Геката заклинает Гор:

**Оры, о дочери богини Фемиды и Зевса владыки!
Ходите кругом, прелестные ликом и юные вечно,
Вы с Персефой святой играете вместе в ту пору,
Как возвращают богиню на свет Хариты и Мойры,
Пляску ведя круговую свою, на радость Зевесу,
Равно и матери, щедро плоды приносящей богине.
О, явитесь же к тем, кто впервые на таинствах наших!¹⁸⁹**

Геката поет, а Гефест меж тем посылает юношу в бычьем шлеме направо вокруг Дома владычицы к трону, чтобы он, обнажив меч, устремился в атаку. Задача его — "помешать девушке в украшениях создавать иллюзию". Юноша в дубовом венке замечает его; перед тронном Близнецы скрещивают мечи, восклицая: "Реальна двойка!" и "Истинно единое". Воин в рогатом шлеме, поборник двойки, обращается в бегство;

Ахиллес, Афина и Гектор

слуга единого преследует его, трижды обегая вокруг Анакторона. И снова поют "мертвые":

**Звучные медью куреты, владельцы доспехов Арея!
Вы, многосчастные, сущие в небе, на суше и в море,
Животворящие духи, святые спасители мира!
Ныне грядите к священному действию, даруя подмогу!¹⁹⁰**

На третьем круге быковоин оборачивается и, вытянув вперед меч, неподвижно замирает между тронном и Домом владычицы. Поборник единого налетает на острие, одновременно сам поражая соперника. Оба падают мертвые. Гермес воздевает над телами увитый змеями жезл и возглашает финикийскую жалобу: "Ай-лену! ай Линон! Айлинон, тон Айлинон!" Мисты вторят: "Увы нам, увы!"

Слыша эту заплачку, кузнец у западной стены догадывается, что его наскок потерпел неудачу, и решает действовать по-другому: он больше не противостоит девушке Ямбе, а, полностью приняв сторону Геи, которая находится рядом с ним, ополчается против Гестии в Анактороне. Кузнец молится Гее:

**Гайя, о мать блаженных и смертного люда,
Трон твой среди мирозданья ныне займи, о царица,
Дабы ни дочь, ни служанка на нем воссесть не посмели!¹⁹¹**

Великанша впервые поднимается во весь рост. С яйцом в деснице она величаво вступает в Анакторон. Мойры замедляют шаг. Если мир будет поделен заново, вернется ли он к древнейшему порядку? Затем они устремляются к тому месту у западной стены, где сидела Гея.

Гера, мать кузнеца, отходит от северной стены Дома владычицы и приближается к сыну, а тот возлагает все свои надежды на новую владетельную троицу в божественных сферах: словно перед Парисом на троянской Иде, должны явиться перед ним и стать рядом с Герой Афина и Афродита. Поэтому Гефест кличет Афины как свою невесту, как в храме на аттическом рынке. Афина же, заметив, что Гера покинула свое место у северо-западного угла Анакторона, переходит туда и видит Гефеста с Герой и Гекатой. Не желая прислушиваться к его зову, Афина, выступая здесь вместо Афродиты, хоть и не выказывает враждебности к старшей Гере, зато обрушивается на привратницу таинства:

**Ты, о Геката, как призрак туманный, морочишь и манишь
Смертных, являясь их взорам в бесчисленном множестве видов.
То ты вполне различима, а то затемняешься мраком,
То возникаешь с одной стороны, то с другой, среди ночи.
Страшным чудовищем ты обитаешь у глубей Кокита...**

**Ныне молю, о богиня, царица подземного царства,
Жала страстей от души отгони за пределы земные,
Мистам же лик свой священный яви благосклонно и кротко!**¹⁹²

Геката ищет спасения в обряде:

**Кличу Фемиду бутаноочитую, Геину поросль,
Первой она указала для смертных священный оракул.
В блеске красоты, многотимая всюду, бродящая ночью,
Первая ты священные таинства смертным открыла.**

**Ныне, блаженная, с добрым советом гряди, веселясь,
К чистым мистериям благосвященных обрядов, о дева!**¹⁹³

Фемида ненадолго выходит из Анакторона, изгоняет Геру и Афины на их прежнее место в северо-западной части Телес-

териона, не позволяя тем самым кузнецу создать новое триединство. Гера требует, чтобы Геката подчинилась Мойрам. Та упирается и показывает свою силу, швыряя под ноги Мойрам, стоящим теперь на давнем месте Геи, Рейну конскую гриву. Мойры замирают в неподвижности.

Теперь Гера велит сыну Гефесту идти прислужником впереди нее. Так она шествует в обход северной стены Анакторона на восток. К ним обоим присоединяется Афина. И сидящий на троне иерофант видит перед собою новое триединство: Афины, Геру, а вместо Афродиты — украшенную Ямбу! Фемида, наводя порядок, распорядилась так, будто она — сама Гестия. Священное действие может продолжаться.

Ямба преклоняет колени перед царицей богов Герой. Та снимает с нее трехкиверную шапку Гекаты, а взамен надевает ей собственную зубчатую корону с двенадцатью драгоценными камнями. При этом Гера произносит: "Э-А-О!" Ямба нараспев повторяет протяжные звуки, которые в конце концов подхватывают и мисты. Даже кузнец теперь понимает: новая троица собралась там без принуждения и обмана; Парису, который на Иде должен был объединить, но принял роковое решение в пользу Трои, — Парису наконец-то даровано избавление.

Гефест вполне осознает смысл аллегии и больше не противится. Он оттаскивает одного из мертвых Близнецов мимо южной стены маленького храма на запад, под ноги Мойрам; при этом рогатый шлем спадает с головы юноши. Гермес поднимает его, набрасывает поверх серебрисное покрывало и протягивает Гере этот новый убор. Затем, положив на грудь мертвого Евбулея свой жезл, Гермес заклинает врачевателя богов:

**Феб Ликорей, гряди, о блаженный, Пэан святочтимый,
Все перед взором простерлось твоим — и эфир бесконечный,
И под эфиром земля, наделенная долей счастливой,
Зримы тебе и сквозь мрак звездами расцветенной ночи,
В полной тиши ее, корни земли и мира пределы,**

Афродита, Гермес, Гера и Афина

**Сердце заботит твое и начало, и всеокончанья.
Образ грядущий даруй, о благой, посвященному мисту,
Кифарой своей полнозвучной, молим, его распрями!**¹⁹⁴

Мальчик-прислужник втаскивает этого мертвеца в Анакторон. Гермес (дадух) приближается к Дионису (иерофанту) и просит: "Владыка, необходимое!" По велению иерофанта дадух передает ему меч; затем верховный жрец подзывает Афины и следом за нею сам входит в Анакторон. Копье богиня оставляет снаружи, золотой шлем и щит берет с собой. В храме она держит щит так, что Дионис, глядя не на стоящую перед ним Гею, а в зеркально отполированную внутреннюю поверхность щита, видит, как ему нужно взмахнуть мечом. Из Дома владычицы слышен крик! Верховный жрец появляется из Анакторона, неся за волосы-змеи окровавленную голову, обходит вокруг маленького храма и все время держит змевоподобную голову так, чтобы Мойры наверняка окаменели от ее взгляда. Затем голову сжигают на жертвенном очаге.

При этом от Гестии поднимается густой дым ладана. Но вот душистое облако достигает потолка Телестериона, и Гермес, громко и отчетливо, произносит слова молитвы:

**Отец всетворящий, хозяин перуна, и грома, и молний!
Как некогда Кадмовой дщери, Семеле царнице,**

**Той, что познала великие роды среди огненных вспышек,
Так же и нам подари, скиптродержец, рождение духа!**¹⁹⁵

Полная тишина, затем раздается внятный для верховного жреца возглас изумления; нередко его издает отрок, ибо он по возрасту наиболее впечатлителен; лучше, если этот возглас срывается с уст самого жреца или слышны сразу несколько знамений. Тогда жрец с силой ударяет в огромный гонг на спинке своего трона и взывает высоким детским голосом: "Дева!" Помолчав, он добавляет: "Дева родила мальчика, сильная — сильного!., *brimo brimon*"... "Сильная" — так по-микенски именовалось божество, слово *theos* возникло позднее. Те из мистов, что воспринимают созерцательный образ девы, сами узнают, что боги существуют. Те же, кто лишь угадывает, что происходит со сподобившимися благодати, по крайней мере испытывают священный трепет.

Вновь воцаряется тишина; иерофант знаком велит двенадцати белым "мертвецам" обойти вокруг Анакторона. Мистам в белых одеждах позволено присоединиться к процессии, составить пары с "мертвыми". Шествуя, они вполголоса поют:

**О, гряди, Ферсефона, рожденная Зевсом великим,
Единородная, жертвы прими благосклонно, богиня!
Ты, жизнетворная, мудрая, ты, о супруга Плутона,
Ты под путями земными владеешь вратами Аида,
Жизни грядущей стезю назначая для смертных.**

После предсмертного вопля Геи под коньком крыши встречаются две птицы — голубь и сова. Украшенная девушка, новая Афродита, выпустила на свободу своего голубя, а богиня Афина — сову. Теперь охотница-сова нападает на голубя, и тот в лучшем случае успевает схорониться на груди хозяйки. Сова же улетает через дымовое отверстие в ночь. Каждый мист видел обеих птиц и истолковывал их полет — для себя, для своего города, для этих таинств. Необычное поведение какой-либо из птиц знаменовало важные события.

Афина

Потом все, в первую очередь "мертвые" с их резкими голосами, поют славу — но не девушке с голубем, а златошлемной богине, хозяйке совы:

**Единородное чадо великого Зевса, Паллада,
Ты, бранелюбица, в души людей исступленье вдыхаешь,
Дева, обывшая в битвах, чудовищно страшная духом.
Горгоубийца, о дева-боец, твой гнев ужасает.
Ты и жена, и мужчина, о демон победный, от зол избавитель,
Ныне услышь и меня, подари же мне мир многосчастный!¹⁹⁶**

Единственная оставшаяся группа — восточная — готовится к круговому шествию. Возглавляет ее Гермес, в правой руке он высоко поднимает каддуцей, в левой держит факел. Справа от него шествует Афина в золотом шлеме, с копьем в правой руке и зеркально отполированным щитом в левой. Девушка, новая Афродита, следует за ними; впереди нее факелоносцы — Близнецы. Выше их на голову, хотя бы и благодаря котурнам, далее выступает иерофант в образе пожилого Диониса. Он вертит в пальцах пурпурный анемон, цветок Адониса, поднимая его так высоко, что он виднеется над головой девушки. На сей раз каждый мист видит этот цветок —

символ освобождения души, — а под ним семь украшенных девушки.

Гера под рогатым полумесяцем, в серебристо мерцающем покрывале, замыкает шествие. Обойдя вокруг Анакторона, иерофант вновь поднимается к трону, но на этот раз не садится. Мисты по-прежнему воспевают свою возлюбленную богиню Афину:

**Единородное чадо великого Зевса, Паллада,
Ты, бранелюбица, души людей оробевших
Дерзкой отвагой и пылом зажги, умоляю!
Злобу от нас отведи, Тритогея, демон победный!¹⁹⁷**

"Отрок очага" меж тем складывает в храме поленья для костра. Когда наконец воцаряется тишина, он горстями черпает из полных ваз смолу, бросая ее в огонь. Вскоре над Анактороном поднимается облако, снизу подсвеченное красным. Полупробужденным мистам открывается в его отблеске то, что, как видение, вероятно, доньше от них ускользало.

"Мертвые" приглушенно воспевают небесного отца:

**О всеродитель Уран, некрушимая часть мироздания,
Старший в роду, и начало всего и всему завершенье!
Ты, огнедышащий, всеукротитель, ты — искра живого!
Ныне вдохни восприимчивым душам твою животворную силу!¹⁹⁸**

В перерывах Гермес славит Диониса, громко возглашая:

**Отец светворящий, хозяин перуна, и грома и молний!
Как некогда Кадмовой дщери, Семеле царнице,
Той, что познала великие роды среди огненных вспышек,
Так же и нам подари, скиптродержец, рождение духа!¹⁹⁹**

Двенадцать облаченных в белое мистов — каждый об руку с "мертвым" — обходят вокруг Анакторона.

**О, гряди, Ферсефона, рожденная Зевсом великим,
Единородная, жертвы прими благосклонно, богиня!
Ты, жизнетворная, мудрая, ты, о супруга Плутона,**

Ты под путями земными владеешь вратами Аида,
 Жизни грядущей стезю назначая для смертных.
 Ты Евменид породила, подземного царства царица,
 Дева, рожденная Зевсовым семенем неизречимым,
 Мать Евбулея, чей образ изменчив, гремящего страшно,
 Шествуй приветливо к нам, усладись почитанием нашим!

Конец Третьей оргии.

Четвертая оргия: собрание

Иерофант стоит у трона. Когда огненный отблеск сверху наконец угасает, под возгласы "Иакх!" двенадцати белых мистов и "мертвых" из Дома владычицы появляется "отрок очага". В руке или на голове у него кувшинчик с пеплом, оставшимся от сожжения головы Геи. Иными словами, он изображает божественное дитя. Юноша в белом, несущий золотой меч острием вверх, прижав головку эфеса к подбородку, следует за ним. Старик иерофант с тирсом и золотым колосом присоединяется к ним, и все вместе они обходят Анакторон вдоль веревки, которую держат теперь двенадцать мистов в белом, одной только левой рукой. В правой у них факелы. "Мертвые" исчезают. Во время шествия мисты поют Дионисийской Троице:

Этой молитвой зову Диониса Священной Корзины,
 Доброго Вакха-нисейца, желанного, в пышном цветенье,
 Детище милое нимф и венчанной светло Афродиты.
 Пляшущей поступью ты сотрясаешь лесные дубравы,
 С нимфами вместе ликую, безумием сладким объятый,
 Ты отведен был к святой Персефоне по воле Зевеса,
 Ею был вскормлен, возвращен любимым для сонма бессмертных²⁰¹.

Вторая песнь обращена к воскресшему юноше:

Демон прекрасный с мечом золотым, услышь, как тебя
 призываю!
 В возрасте самом желанном, ты любишь бродить одиноко,
 В нежных прекрасных кудрях, о ты, Евбулей многовидный,
 Всезнаменитый питатель всего, и отрок и дева,
 Вечно цветущий Адонис — в году, затухая, сияешь,
 Рост посылаешь всему, двурогий, оплаканный, милый,
 Блещущий дивной красой, длиннокудрый любитель охоты,
 Сладкая ветка Киприды, прельстительный отпрыск Эрота!
 О, порожденный от ложа прекрасной собой Персефоны!

В Тартаре мрачном обитель имел ты когда-то, но после
Вновь на высоты Олимпа вознес плодоносное тело.
Ныне же к мистам гряди, плодами земли награждая²⁰².

Приветствуют они и верховного жреца:

Высший из демонов! В дланях своих бережно держишь
Священный цветок. Молю, покажи его смертным,
Тяжесть страданий уйми, повергни людские препоны!
Пламенем ярким открой созерцателям образ
Освобождающих душу чистых и ясных видений!²⁰⁵

Гермес громко обращается к Гефесту и его свите, ожидающей в южной части Телестериона: "Я, посланец бездонных глубин, умиротворяю духов, соединяю владык элементов: Гею, и Рею, и Гипту, и тебя, владыка огня!" Затем он поет:

Гипту, кормилицу Вакха, кричащую "эйа", я кличу,
Силой благоую пестунью зову Диониса — тебя, Левкодея!
Примири титанов!²⁰⁴

У подножия трона, прямо перед ступенями, верховный жрец видит лежащего на смертном одре второго Близнеца. Юноша и отрок подходят к нему, становятся рядом; старец благословляет мертвого тирсом — жезлом с шишкой пинии — и произносит:

Юный сей воин, павший в бою достославном,
Жезла целебного слово теперь да примет:

Пэан святочтимый,
Вещатель грядущего
Чистых глаголов!
Скрепи это тело
Вселенскою формой,
Вели посвященному встать!
Из пэон, из пэон!²⁰⁵

После короткой паузы он продолжает:

Гефест! Укрепи эту форму!
Теплом животворным
Согрей эту плоть!

Кузнец возлагает правую руку на живот юноши. Иерофант касается тирсом его лба и приказывает: "Восстань!" Мертвый поднимается. Верховный жрец вопрошает: "Где меч?" Гермес подает меч и просит: "Пусть меч станет здесь оралом!" Гефест сгибает меч в орало, передает верховному жрецу, а тот — пробужденному юноше. Процессия покидает Телестерион и вновь поворачивает к первому двору. Гермес с двумя факелами шагает впереди. За ним следуют Близнецы, далее Гера и Афина, эскортирующие "новую Афродиту", затем друг за другом Дионисийская Троица. Кузнец с волками и "мертвыми", а также Гипта и Ино остаются во внутреннем дворе.

В междворье на каменистом холме ожидают Арес и Геката, снова надевшая свою трехкиверную шапку. Гермес светит факелами так, что их видят все мисты. Евбулей поет:

Я придорожную славлю Гекату пустых перекрестков,
Буйную славлю царицу ночную со свитой собачьей!
Горных жилища высот, о Персея, ты лад душам мистов даруешь,
Персефонее благой ты близка, умоляю,
Внемли же с охотой словам благодарности нашей!²⁰⁶

Во внешнем дворе божественная группа под радостные клики сатиров направляется к пещере Деметры высоко на холме. Мисты остаются внизу, на Священной дороге. Сатиры шлепают их кожаными хлопучками, шумят и веселятся. Тем, кто создает толкотню, достается больше шлепков, но от этого у них лишь прибывает сил.

У пещеры сидит Деметра, теперь уже в белом. Перед

Снова у пещеры Деметры

нею ведут хоровод три Горы в пестрых одеждах. Гермес внизу запирает наружные ворота. Богиня в золотом шлеме поднимается на камень возле скального обрыва, откуда она может следить за происходящим. Гера становится рядом с Деметрой, отрок доверчиво подходит к старушке. Иерофант поворачивается лицом ко двору, теперь он — ее жрец. Близнецы и девушка, лицом к Део, преклоняют колени перед иерофантом и поют:

Вы, о Плутон и Део, ключами владеете оба!
Смертному роду даришь, всецарица Део, урожай в богатые годы.
Третью мироздания удел твой, Плутон, — земля, вседарящая почва!
О Евбулей! Ты прекрасное чадо священной Деметры
В жены похитил, схватив на лугу, и понес через море
Вдаль на четверке коней прямо в Аттику, в край Элевсинский:
Есть там пещера — врата ее путь открывают к Аиду.
О вседержители мощные, мистам даруйте сокровища ваши,
Матерь Део и ты, возвышающий отче, Плутон благосклонный! 207

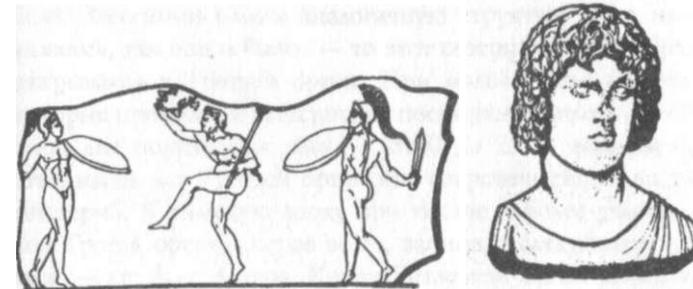
Во время песнопения он поднимает жезл, увенчанный золотым диском, над головою Геры, так что ее рогатый головной убор мнится лунным серпом, в котором покоится солнце. Гера поет, сатиры подыгрывают на флейтах:

Кора

С рожками бычьими Месяц, бродящий в ночи небожитель!
В факелах шестивий ночных, о Луна, благовоздушная дева,
То ты полнеешь, то таешь, и женщина ты, и мужчина,
О конелюбца, о плодоносная, мать ты году.

Мистов душой укрепи, память у них пробуди об обряде
Благосвященном, богиня, забывчивость прочь отгоняй! 208

Кастор, Дионис-Плутон и Полидевк Плутон-Евбулей перед пещерой

Пещеры: Боги для людей — боги в своем кругу

Двойной знак по возможности должен быть виден, пока не появится солнце.

Конец Четвертой оргии.

В преддверье жрица Гекаты подает каждому мисту руку, предупреждая: "Молчи!"

Конец ночного празднества.

Продолжительность празднества священной ночи

Когда перед заходом солнца процессия достигала жертвенника Триптолема и жрецы вместе с изображением Иакха исчезали за воротами святилища, мистам требовалось время, чтобы освежиться и подготовиться к долгому ночному празднеству. Поэтому танцы nereid между колодезем и храмом Артемиды вкупе с последующим жертвоприношением хлебов начинались, видимо, приблизительно через час после захода солнца. Празднество на площади возле стены, в котором косвенно принимали участие все элевсинцы, в том числе и не бывшие мистами этого года, занимало часа два. Затем следовало чтение устава, между внешними и внутренними воротами. Таким образом, проходило примерно три часа ночного времени. Последнее очищение, которое под вторыми воротами получал каждый, а стало быть, оно повторялось раз пятьсот, тоже занимало целый час. Значит, к началу Первой оргии было уже 22 часа, а то и больше. Если отвести на каждую из оргий максимум час, на промежуточную оргию — полчаса, а на переходы — самое малое десять минут, то во время Второй оргии наступала полночь. Реконструированный нами текст требует меньше времени, но он минимален.

Апулей называет кульминацией мистерий Исиды в императорском Риме *полночное солнце в сияющем блеске*²⁰⁹. Если Элевсинии имели аналогичную структуру — а нам кажется, так оно и было, — то этот созерцательный образ открывался в Третьей оргии. При малом числе мистов, которые принимали элевсинские посвящения вплоть до VII века, два полуночных часа — от 0 до 2, — возможно, отводились для Третьей оргии как сокровеннейшей части мистерий. В римскую эпоху при тысяче и более участников Третья оргия, скорее всего, занимала следующие два часа — от 2 до 4 утра. Конец Четвертой оргии выводил торжественную процессию к древней пещере за храмом

Плутона. Если отвести на это еще полчаса, то не позднее пяти утра участники снова были на площади у колодца, еще под звездами, с глубоким чувством созерцая Утреннюю звезду, Венеру.

С восходом солнца — в сентябре-октябре между 6 и 7 утра — мисты поодиночке или группами уже шагали домой в Афины, куда и добирались к полудню. Там праздник продолжения не получал. Вместе с подготовкой афинянин тратил на мистерии неполных 24 часа, а с обратной дорогой — более суток без сна. Молодым людям это не составляло труда, а мисты в большинстве и были молоды — от девятнадцати до двадцати пяти лет. Люди пожилые, состоятельные, миновав Рэты, пользовались колесницами и повозками. На мосту через ближний к городу Кефисс каждому дозволялось крикнуть "священным мистам" любую брань и скабрзность. Ответом было молчание.

V. Отражения таинств

Трагедия

В IV веке до Р.Х. в Афинах из дионисийского танца родилась драма, в частности трагедия. Особую роль в этом эллины отводили Феспиду (ок. 535 года до Р.Х.). Немецкие классики в своем понимании древней трагедии основывались вовсе не на созданных в 472 году "Персах" Эсхила (525—456), хотя это, вероятно, самое древнее сценическое произведение, а на его же "Прометее Прикованном", который был поставлен в 458 году. Именно в "Прометее" они усматривали начало греческой драмы, сравнивая его с библейским рассказом о грехопадении человека и спасении его благодаря нисхождению во ад и воскресению Христа. Авторы более позднего времени, например М. Крюгер в своей книге "Лики трагического. Драма и инициация", также ведут отсчет от этой трагедии Эсхила.

И в сказании о Прометее, и в библейском символе рая присутствует мотив вины, связанной с обретением знаний и умений. Тут и там вопрос, не увидят ли далекие потомки в как будто бы виновном наставнике — победителя, оставлен открытым. У Эсхила один за другим держат речь титан Прометей, титан Океан, гонимая Герой смертная девушка Ио — ее роль вполне под стать мисту — и олимпийский бог Гермес. Громовержец Зевс действует, но не произносит ни слова. Смысл истории куда глубже, чем полагает правящий готовым миром Зевс. И страждущий титан Прометей знает об этом.

Прометей слышит гром, чувствует удар молнии и кричит: "И всю эту бурю послал на меня разгневанный Зевс, чтоб меня утратить!"* Титан нисходит в Тартар, в стихию земли, зная о грядущем восхождении в огне, — для людей в этом заложено знание о силе преобразования в таинствах. Таинства воспринимают грядущую метаморфозу лично; поэтому главное в драме — имя божественного владыки будущего.

Создав первых людей, Прометей подарил им небесный огонь. Он знал, что делает, хотя в наказание висит с тех пор крестообразно распятый на утесах Кавказа. Его палач и страж Гефест, как и он сам, властвует огнем, особенно подземно-вулканическим. Гермес тщетно старается выпытать у Прометея, которому открыто грядущее, имя и происхождение будущего властелина мира; Прометей молчит. Лишь посещающим его богам воды и ветра он кое на что намекает.

В таинствах на первом месте было, скорее всего, божество ветра, то есть Артемида или здесь — Гера со своей посвященной Ио; лишь затем следовал Посейдон как владыка вод. Перестановкой древний поэт маскирует мистирию. В остальном же трагедия повторяет строение элевсинских таинств, коль скоро путь через стихии отвечает порядку *ветер — вода — земля — огонь*.

В основе едва ли не каждой аттической драмы V века лежит заданный мистериями образец, который отчетливо просматривается в комедии Аристофана "Лягушки" (405 г.). Мы видим здесь Диониса, которого Геракл ведет в Гадес, у Ахерона ему надоедают лягушки — души, не обретшие избавления. Но вблизи Плутонова дворца оба они слышат музыку флейт: это процессия душ, что были посвящены в Элевсинии и теперь, после смерти, направляются в Элизий. Мертвые мисты поют те же песни, какие пели, шагая из Афин к Элевсину. Перед тронем Плутона

* Эсхил. Прометей Прикованный, 1178—1179. Перевод СМ. Соловьева и В.О. Нилендера.

решится, который из великих трагиков столетия — Эсхил, Софокл или Еврипид — наиболее велик. Ситуация напоминает вторую сцену в Гадесе из "Одиссеи", где к концу эпоса Агамемнон и Ахиллес оценивают свой земной путь.

В таинствах решение приходится на Третью оргию, и принимают его боги огня; зовутся они, как правило, Гефестом и Прометеем-Дионисом. Если Первая оргия — под знаком ветра и речи — напоминает странствия Иисуса-учителя, то Вторая — под знаком стихии воды — напоминает страсти, о которых повествуют Евангелия, а Третья — под знаком стихии земли и огня — смерть и нисхождение Спасителя во ад. (Евангелия об этом умалчивают, но зато говорит христианский Символ веры*). Воскресение его стоит под знаком света и соответствует явлению богини в желанном "созерцательном образе" во время Третьей оргии.

* В принятом ныне православном Символе соответствующие слова отсутствуют, однако они есть в символах некоторых других исповеданий.

Пятый гомеровский гимн

Этот гимн — детальнейшее вербальное свидетельство Элевсиний. Гомеровским древние называли его, а также еще 33 песни потому, что особенностями языка он родствен гомеровским эпосом и Фукидид (f 400 до Р.Х.) в своей "Истории" (III, 104), согласно преданию, приписывает Гомеру I гомеровский гимн (в честь Аполлона Делосского). Певец этого гимна называет себя "зренья лишенный певец, что живет на Хиосе высокоом"; Фукидид делает отсюда вывод, что это Гомер. Впоследствии авторство распространили на все собрание.

V гимн (Деметре) по языку относится к VII веку. Его содержание — свидетельство эпохи, когда архаический городок Элевсин еще имел политическую самостоятельность. Поэт — он же, видимо, и певец — был хорошо знаком с древним мифом; форму он создал заново. Такие песни исполнялись перед жертвоприношениями или таинствами, а особенно удачные повторялись и в последующие годы, в ту же пору. В культе повествовательный миф божества выполнял задачу, сходную с той, какую в христианской литургии выполняет предварительно читаемое Евангелие. Миф облакает божество образом, тогда как причастие, жертва и пресуществление призывают его силу.

Орфические гимны — сборник более поздний, примерно эпохи тирана Писистрата (560—527), который усердно развивал религиозную связь Афин с Элевсином. Помимо гомеровских гимнов его друзья, в особенности Ономакрит, бережно сохранили и произведения Гомера и Гесиода. Названия *гомеровский* и *орфический* приобрели дополнительный смысл — *публичный, общедоступный* и *тайный, относящийся к таинствам*. Мы разделяем точку зрения Фрица Графа, который заключает свою книгу "Элевсин и орфическая поэзия Афин в доэллиническую эпоху" (1974) такими словами: "Будучи близки Элевсинским таинствам, эти сочинения предназначались для того, чтобы посредством интерпретаций открывать современности

элевсинский обряд и элевсинский миф, возраст которых исчислялся веками".

Самый древний пласт V гомеровского гимна — имена. Кроме топонимов *Крит* и *Элевсин* (оба они догреческого происхождения, и смысл их неясен), все имена сплошь "говорящие". Тем не менее и они "говорят" по-своему: Крит в VII веке еще считался "страной древней культуры", такой же древней, как египетская IV тысячелетия. Уже непонятное эллинам название Элевсин по крайней мере напоминало им греческое *eleusis* — "пришествие [богини]". В топониме звучало и мифическое, опять-таки доэллиническое наименование мистического царства — Элизия, где обитали блаженные души. Трещины в земле от молний назывались *en-elysia*. Убитых молнией считали жителями Элизия. Семела, смертная мать бога Диониса, была праобразом таких погибших от молнии.

"*Deo*" или "*demeter*" означает "мать Де", в более древней фонетической форме "*da*". В 1939 году в Пилосе на микенской табличке II тысячелетия до Р.Х. была найдена надпись "*da-ma-tc da 40*" — "поле площадью 40 да". Последнее слово, таким образом, обозначает меру площади. Стало быть, можно сделать вывод, что богиня "*Даматер*", или *Мать полей*, существовала уже во II тысячелетии²¹⁰.

Персефона делит первую, нерасшифрованную часть своего имени с героем Персеем и титаном Персом²¹¹, единственным чадом которого была Геката, ночная богиня, свершающая — спряденную не ею — судьбу, в самом крайнем случае *обреза* ее нить (*лат. secare*)²¹². Она по-сестрински связана с несущим смерть стрелком — Аполлоном Гекатом, то есть "далеко разящим". У Гесиода Геката стала водительницей служанок Персефоны. Вторая часть имени, *-фона*, означает *губительница*, что опять-таки вполне под стать царице мертвых.

Ее супруг зовется *Гадес* ("незримый"), или Плутон ("богатый"). *Метанира* делит свое имя с *en-neroi*, или *nerteroi*, то есть мертвыми. Если эта царица живет "среди

мертвых", то она человеческая ипостась Персефоны. Ее сынок зовется *Кемофонт* ("губитель народов"), недаром же он покровитель весенних воинских игр.

Первым посвященным Деметры стал юноша Триптолем, его примеру последовал юноша Евбулей, или Евбул, а затем знатные люди постарше: Келей, Поликсен, Евмолп и Дисавл. Имя *Дисавл* означает "без двора" и тем самым свидетельствует о кочевой жизни. Евмолп ("краснопевец") — эпитет (умирающего) лебедя, а в облике лебедя умирающим с музыкою являлся Аполлон. Келей — лесная птица *дятел*, принадлежащая богу войны Аресу. Поликсена ("гостеприимца") имя сближает с Гадесом ("хозяином многих [мертвых]"). Евбулей ("благой советчик") есть ипостась Плутона, как гласил столь популярный тогда оракул мертвых.

Триптолем, близнец молодого Евбулея, допускает два толкования своего имени: "троепашец" и "трижды воин". Гомеру он известен как распространитель сельского хозяйства²¹³. Как боец же он стоит наряду с Келеем, его сыном Демофонтом ("губителем народов") и богом войны Аресом. "Троепашец" — верховный жрец Матери полей.

Павсаний рассказывает о Триптоleme вот что: "Я опишу то, что рассказывается о его судьбе, опустив то, что имеет отношение к [девушке, убитой у Элевсина, на второй Священной дороге из Мегары. — Д.Л.] Деиопе [Алопе (лисичке), которая, возможно, была бабкой Триптолема. — Д.Л.]. Из эллинов наиболее спорят с афинянами, претендуя на древность даров, которые будто бы они имеют от богов, аргивяне <...>. Говорят, что, когда Деметра пришла в Аргос, Пеласг [тамошний древний царь. — Д.Л.] принял ее у себя в доме, а Хрисаитида ["золотой цветок", его супруга. — Д.Л.], зная о похищении Коры, рассказала ей об этом; впоследствии иерофант Трохил [сын Алопы. — Д.Л.] бежал из Аргоса <...> в Атику; взяв себе в жены одну из жительниц Элевсина, он имел двух сыновей — Евбулея и Триптолема. <...> Афиняне же <...> (считают) что Триптолем, сын Келея, первый стал сеять

хлебные семена. Поется и поэма Мусея, <...> что Триптолем был сыном Океана и Земли, а в стихах Орфея <...> отцом Евбулея и Триптолема назван Дисавл, и что им, сообщившим Деметре о похищении ее дочери, богиня дала семена для посева. У афинянина Херила [ок. 500 года до Р.Х. — Д.Л.], написавшего драму "Алопа", сказано, что Керкион и Триптолем были братьями, что их родила дочь Амфиктиона, что отцом Триптолема был Пар, а Керкиона — Посейдон. Когда я дальше хотел рассказывать <...> делать это мне запретило видение во сне [предостережение от предательства тайн мистерий. — Д.Л.] " (1.14,1-3).

Большинство имен в V гомеровском гимне указывают на царство мертвых. В этом окружении даже солнечный титан Гелиос принадлежит царству мертвых, ибо гимн сообщает: "Девять скиталася дней непрерывно Део пречистая [в поисках дочери. — Д.Л.], с факелом в каждой руке <...>. Но лишь десятая в небе забрезжила светлая Эос, встретила скорбной богине Геката, державшая светоч <...>. К Гелию ["наблюдателю". — Д.Л.] обе пришли <...>. В ответ же ей сын Гиперионов молвил: "<...>Зевс, облаков собиратель, брату Аиду назвать твою дочь цветущей супругой Зевс разрешил <...>. Недостойным ужели зятем себе считаешь властителя Аидонея, единокровного брата родного?" (47—85)

Временные указания тоже под стать Гадесу и таинствам: девять дней уходило на подготовку Элевсиний, в ночь на десятый мисты достигали своей цели. И там, к своему удивлению, они видели Гелиоса, осуществившего свою гомеровскую угрозу, высказанную по адресу спутников Одиссея: "Если же вами [богами-олимпийцами. — Н.Ф.] не будет наказано их святотатство, в область Аида сойду я и буду светить для умерших"²¹⁴. Хотя в гимне упоминается утренняя заря, неверно полагать, будто Элевсиний ориентировались на рассвет. Скорее они воплощали угрозу гомеровского Гелиоса. Карфагенянин Апулей (ок. 160 года до Р.Х.) пишет об этом так: "В полночь видел я солнце в

сияющем блеске"²¹⁵. "Наблюдатель", сообщивший обоим богиням о свадьбе в Гадесе, порою заглядывает ночью в подземное царство.

V гомеровский гимн, сочиненный для хоровода на предвратной площади, прячет в себе содержание Третьей оргии, ведя речь о долгом пребывании гневной Деметры в воздвигнутом для нее Анактороне. Тем временем, как повествует орфическое предание, она украдкой спускалась в Гадес (этот мотив изображен и на ахенском саркофаге).

В конце V гомеровский гимн (ст. 441—489) рассказывает о возвращении Деметры в сонм олимпийцев — в культе это означает, что она снова становится зрима, причем именно там, где начиналось действие. Людям вновь даруются плоды земли. Следовательно, профанный близнец Триптолем снова опережает своего оккультно-скрытого брата Евбулея. Затем Део заботливо наставляет благородных элевсинцев: Триптолема, Поликсена, Диокла, Келея и Евмолпа (474—477) — в таинствах, чтобы они стали понятны каждому. Из этого акта мы заключаем для рядовых мистов, что Четвертая оргия завершается простой сценой, которая помогает мистам сохранить в памяти содержание праздника.

Свидетельство "Илиады"

В "Илиаде" (ок. 750 года до Р.Х.) Гомер воспевает гнев ахейского героя Ахиллеса, уроженца Эгины. Внешней канвой событий являются решающие пятьдесят дней десятого года войны, происходившей в XIII веке до Р.Х. Бои, как таковые, всего лишь кулиса, в действительности поэт изображает душевную драму героя. Он даже смерть его опускает, только предрекая ее в словесных пророчествах. Духовный фон образуют начало и финал эпоса (4,1 сл. и 24,25 сл.) в мифе о свадьбе морской богини Фетиды и смертного мужа Пелея ("глиняного"), от союза которых родился Ахиллес. Один только Пиндар (518—446) излагает мифические причины этого союза.

В Восьмой истмийской песни (30—60) Пиндар рассказывает: Зевс и Посейдон поспорили, кто из них возьмет в жены Фетиду, и попросили Фемиду ("мировой закон") разрешить их распрю. Та сказала, что из любого союза родится новый владыка мира, "царственное отца". Тогда боги отказались от своих притязаний. И Зевс повелел выдать морскую богиню за смертного "мужа из глины" Пелея. Так родился Ахиллес. Дальше эта история переходит из царства богов в мир людей.

Гомер дополняет миф (4,1 и 24,25), сообщая, что на свадьбе Фетиды были все боги. Это — мистерия. Именно тогда Гера, Афродита и Афина поспорили, которая из них наиболее привлекательна для людей. Пусть, решили они, спор рассудит царевич-пастух из троянской Азии. Они явились к нему — и он выбрал Афродиту! Это и стало зародышем десятилетней войны, приведшей к гибели Трои, быстрому душевному развитию Ахиллеса и к его ранней смерти.

Если в пиндаровском мифе Зевс был еще подземным микенским Заном, тогда спор божественных братьев имел место на заре II тысячелетия; если же этот Зевс уже был гомеровским олимпийцем, спор следует датировать рубежом I тысячелетия. До той поры власть Афродиты была

неоспорима. Лишь равновесие сил между Афродитой (телесно она действует в воспроизведении), Герой (ее сфера — совокупный облик) и Афиной (она властвует мыслящей, способной к суждению головою) обеспечило мистическую определенную свободу и самоопределение, позволило человеку соучаствовать в мистическом развитии.

Если троянец Анхиз по праву связал себя с одною Афродитой, то через поколение, в конце XIV века, троянец Парис сделал это уже неправомерно. Напрасно он выбрал одну из трех богинь, нужно было отдаться во власть всех трех разом. Поскольку археологические находки в Элевсине доказывают, что тамошние мистерии были установлены в XVI веке до Р.Х., напрашивается предположение, что в Элевсиниях изначально господствовала триада богинь, а духовной причиной гибели Трои в XIII веке стал переход к почитанию божественной триады.

Физически-природные силы богов, и без мистерий служащие формированию тела, "Илиада" поначалу изображает через трех верховных богов, творящих образ Агамемнона: "<...> меж них возвышался герой Агамемнон, Зевсу, метателю молний, главой и очами подобный, станом — Арею великому, персями Энносигею [Посейдону. — Н.Ф.]. Словно как бык [животное подземного Плутона. — Д.Л.] среди стада стоит, перед всеми отличный, гордый телец, возвышается он меж телиц превосходный <...>" (2,477 сл.). Итак, гомеровский Зевс ваяет голову; это видно и по нему самому: движение его бровей подтверждает речь. Именно на это он указывает Фетиде: «"Зри, да уверена будешь, — тебе я главой помагаю. Се от лица моего для бессмертных богов величайший слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно, и не совершиться не может, когда я главой помагаю". Рек, и во знамень Зевс помавает бровями <...>» (1,524 сл.). Но как только Гомер в XIV песни "Илиады" начинает изображать таинства, олимпийский Зевс, дарящий дневное сознание, тотчас засыпает (14,233). Таинства гасят знание о происходящем на свету

и с помощью Гекаты и Персефоны пробуждают ночное сознание.

Далее среди ваятелей тела следует назвать Аполлона. Он сохранил облик мертвому Гектору, когда Ахиллес влох его за колесницей (20, 21). В этом плане он прежде всего обеспечивает прямохождение, поднимает позвоночник, главным образом шейный отдел, *medulla oblongata*. Мать Аполлона действует в ликворе — спинномозговой жидкости, омывающей *medulla oblongata*. Артемида властвует дыханием, Афродита — областью первичной почки, Деметра — питанием. Афина дарит мысль и суждение. Гермес двигает конечности и поддерживает в душе способность к метаморфозе. Сторукий великан Бриарей-Эгеон, о котором речь идет в "Илиаде" (1,399—406), вероятно, действовал в питательном соке, или тканевой жидкости.

Своей композицией "Илиада" облегчает понимание таинств, но это касается лишь второй части, песней XV—XXIV, которые, по-видимому, восходят к обнаруженному Шадевальдтом базовому эпосу "Мемнон". В общем и целом "Илиада" описывает пятьдесят дней Троянской войны, исторически относящейся к XIII веку; Гомер же творил в VIII веке. Он изображает гнев молодого героя Ахиллеса и его духовное преображение в этой второй части эпоса так, что здесь четко просматривается элевсинское посвящение. Речь идет не о победе или поражении, а о духовном развитии.

"Илиада" начинается словами: "Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, грозный, который ахеенам тысячи бедствий содеял <...> с одного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою пастырь народов Атрид [Агамемнон. — Н.Ф.] и герой Ахиллес благородный". Из добычи, захваченной в маленьком, попутно завоеванном городке, им обоим досталось по девушке; Агамемнону — дочь Аполлонова жреца Хриса, Ахиллесу — дочь некоего Бриса, или Брисея, каковое имя обозначает и бога Диониса. Хрис и Брис были братьями, как и их боги Аполлон

и Дионис²¹⁶. Аполлон, наславши на ахейский лагерь мор, принудил греков вернуть жрецу Хрису его дочь. Вместо нее царь Агамемнон забрал себе невесту Ахиллеса. Разгневавшись на это, Ахиллес объявил, что не станет участвовать в боях до тех пор, пока девушка, нетронутая, не возвратится к нему.

Ахиллес обладал поочередно тремя девушками, что знаменует ступени его развития: на острове Скирос совсем еще молодой герой вступил с дочерью Ликомеда в союз, от которого родился сын Неоптолем. В Авлиде он был помолвлен с дочерью Агамемнона Ифигенией, которая, однако, стала не его женой, а девственной жрицей Артемиды в Тавриде. Под Троей он возлюбил Брисеиду как дионисийскую ипостась Персефоны; ниже мы поговорим об этом подробнее. Эта последовательность невест, как и в гётевском "Вильгельме Мейстере", наиболее отчетливо отображает развитие героя. Божественным праобразом Ахиллеса является Дионис, это подтверждает Плутарх, ссылаясь на Александра Великого: "Александр переправился через Геллеспонт. Прибыв к Илиону [Трое. — Д.Л.], Александр принес жертвы Афине и совершил возлияния героям. У надгробия Ахилла он, согласно обычаю, умастил тело и нагой состязался с друзьями в беге вокруг памятника; затем, возложив венок, он сказал, что считает Ахилла счастливецом, потому что при жизни он имел преданного друга [Патрокла. — Д.Л.], после смерти — великого глашатая своей славы [Гомера. — Д.Л.]".* Македонец смотрел тогда на себя как на второго Ахиллеса, позднее же — как на второго Диониса. Из Индии он вернулся в Вавилон, украшенный всеми дионисийскими культовыми атрибутами. Гомер дважды проясняет дионисийский характер Ахиллеса — сперва он именуется мать героя, Фетиду, океанической пестуньей юного Диониса (согласно культу, в январе и феврале), а затем посылает этому богу "золотую урну" Ахиллеса (Од. 24,74 сл.).

* Плутарх. Александр, 15. Перевод М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера.

Все действие первой половины "Илиады" разыгрывается в лагере ахейцев. Но начиная с песней XIII—XIV эпос построен по географическому признаку: пока Зевс спит, греки выходят из своего укрепленного лагеря на берегу Геллеспонта. Зевс неизменно спит в таинствах. Песни XV—XVIII вплоть до оплакивания Патрокла стоят под знаком штурма. В XIX песни Ахиллес сам вступает в сражение, а в XX и XXI песни кипит под водительством Посейдона битва богов на реках. Эти три песни стоят под знаком воды. Затем в XXII песни наступает черед стихии земли — в эпосе это Крепкая Троя, в Элевсине — Дом посвящений. Ахиллес и Гектор бегут вокруг каменных стен Илиона, пока Гектор не погибает. В XXIII и XXIV песни властвует огонь, горят погребальные костры Патрокла и Гектора. Золотая урна Диониса украшает более важный первый костер. Стихии ветра, воды, земли и огня преодолеваются страданием. Над огнем в таинствах является в итоге богиня мертвых. В эпосе же Ахиллес впервые возлежит подле девы Брисеиды.

Появление богини мертвых означает, что сброшены все покровы, в мисте открывается истинно человеческое. Так и в "Илиаде": престарелый троянский царь ночью тайком приходит к Ахиллесу, который возлежит в своей куше рядом с Брисеидой, и молит отдать ему тело сына, Гектора. Оба ведут последнюю схватку — каждый со своей душой: Приам заставляет умолкнуть в своей душе гордыню и страх; Ахиллес — остатки своего гнева на Гектора. И тогда они наконец встречаются непринужденно: "Долго Приам Дарданид удивлялся царю Ахиллесу, виду его и величеству: бога, казалось, он видит". Но и Ахиллес был поражен обликом старца, "смотря на образ почтенный и слушая старцевы речи" (24,629 сл.).

Первая оргия отражена в песнях "Илиады" XIV—XVIII: Гера с помощью Афродиты усыпляет олимпийца Зевса. Теперь ахейцы могут выйти из своего лагеря. Аякс камнем поражает Гектора в грудь близ шеи, так что троянского воителя без памяти уносят в Трою (14). Но вскоре

Гектор с помощью Аполлона поднимается, перелезает на глазах у пробудившегося Зевса через вал и проникает в глубь ахейского лагеря, до первых кораблей на берегу, которые и поджигает (15). Во время пожара Патрокл осаждает своего друга Ахиллеса просьбами о помощи. Ахиллес велит своим воинам вступить в бой и ставит во главе отряда Патрокла, давши ему свое фамильное оружие. Патрокл теснит троянцев, гонит их в город — он бы взял Трои штурмом, если б Аполлон не обессилил его. Таким образом Гектор получает возможность убить Патрокла (16). Ахиллесово оружие достается Гектору; тело Патрокла Менелай приносит Ахиллесу (17). Герой оплакивает мертвого друга, отпугивает страшным криком троянцев и молит свою божественную мать Фетиду попросить у божественного кузнеца Гефеста новое оружие. Гефест кует оружие, в том числе медный щит, на котором явлен мистический образ мира, включая Ариадну с ее хороводными плясками в Кноссе (18).

Едва не взятая штурмом Троя и едва не сожженные корабли, утрата фамильного оружия, могучий крик, мистический образ мира на новом щите, который апостол Павел назвал бы "щитом веры"²¹⁷, — все это знаменует Первую оргию, намечает целое, но не свершает его.

Смертью Патрокла и решением Ахиллеса снова вступить в бой XVIII и XIX песни "Илиады" подготавливают Вторую оргию, с которой соотносится прежде всего битва на Скамандре в песнях XX—XXII. Последующий бег Гектора и Ахиллеса вокруг Трои и смерть Гектора говорят уже о Третьей оргии. Битва богов достигает кульминации с ранением Ареса и Афродиты (21,400 сл.). Забегая вперед, можно сказать, что "Одиссея" (8,267 сл.) знаменует кульминацию Второй оргии выступлением тех же божеств; под звуки лиры там идет рассказ о союзе Ареса и Афродиты вопреки воле Гефеста, а юноши-феаки представляют эту историю в пляске.

В битве на Скамандре первым гибнет троянец Ифити-

он. Имя ставит его в один ряд с Ифигенией, побочной ипостасью Артемиды. Ахиллесово копьё, предназначенное Энею, поражает его в лоб (20,387). С этого мгновения сражение метательными снарядами до поры до времени прекращается; отныне все дроты и стрелы падают наземь (20,440), ветры отказываются служить. Для нас тем самым завершается Первая оргия, проходящая под знаком стихии ветра. Рана во лбу относится еще к этой оргии, позднее Ахиллес сражается уже только мечом и пикой.

Следующей жертвой Ахиллеса становится Демолон (20,395), ему пика пробивает висок. Третьей жертве, Гипподаму (20,401), она вонзается в междуплечье, а Полидору (20,414—416) — в хребет, притом насквозь, и выходит возле пупка. Это следующая, видимая спереди рана. После тщетного преследования Гектора, которого укрывает Аполлон, Ахиллес пробивает шею герою Дриопу (20,455), а затем погружает меч в печень Троса (20,469). Так кончается первая серия подвигов. В следующей он поражает противников в ухо, череп, руку, шею и утробу (20,473—486). Затем река пытается свалить Пелида, вымывая прах из-под его стоп, и она бы преуспела, если б Посейдон и Афина не пришли на выручку своему герою и не вывели его на берег (21, 284 сл.) и если б Гера не приказала своему сыну Гефесту поджечь прибрежный лес и устремить огонь на враждебную реку (21,330 сл.).

Теперь Афина сама участвует в сражении. Подхватив межевой камень, она метнула его в шею Ареса, так что бог распростерся на земле. Затем она с такою силой поразила Афродиту в грудь, что та ослабла сердцем и коленями (21,400 сл.). Теперь божественная пара явила собою ту же картину, как во время оно, когда Гефест набросил на этих любовников сеть, и все боги смотрели на них, и все, кроме Посейдона, громко над ними смеялись (Од. 8,261 сл.). Нанесенные в битве раны расположены тремя рядами, каждый раз сверху вниз, начиная от Ифитионова лба (20,387) и кончая проколотыми ногами Гектора

(22,396) или только предсказанным здесь смертоносным выстрелом Аполлона в Ахиллесову пятую (22,326 и 359).

Из богов ранены трое — Арес в шею (21,406), Афродита в грудь (21,426) и еще прежде в запястье (5,336). Мы добавим сюда еще одну рану — в бедре Афины, упомянутую, правда, не Гомером, а Павсанием: Афина получила ее в Авлиде от копья Тевфиса, когда приняла образ Меласа, чтобы уговорить Тевфиса, вопреки его уже высказанному решению, вернуться и все-таки принять участие в походе против Трои²¹⁸. В "Золотом осле" благородная Харита убивает себя, поражая свою грудь мечом в том же месте — справа²¹⁹. Согласно христианскому преданию, в этом самом месте воин пронзил копьем тело распятого (Ин. 19:34).

Все эти раны без исключения учитываются и рассматриваются в мистике. Гомер ведет речь о ранах олимпийцев, мистика христианского Запада — о ранах распятого Богочеловека, в Индии о том же говорят буддийские песни веданты, известные в литературной форме с 700 года до Р.Х.²²⁰; из западноевропейских мистиков в первую очередь следует назвать Бернара Клервоского (1091—1153), а в более позднюю эпоху — Иоганна Георга Гихтеля (1638—1710)²²¹, ученика Якоба Бёме. Мистики Евразии обретают эти раны в виде складывающихся органов чувств более высокого порядка. Иудейский пророк Иезекииль (Иез. 1:15) и индусы называют их *колесами, или цветами лотоса*.

Вторая элевсинская оргия способствует их зарождению или пробуждению. Элевсин являет их как заключительные символы в ряду *колос — бычий череп — корзина — факел — курильница — цветок*.

Раненые места на теле у богов в "Илиаде" сопоставимы и с теми местами, где Афродита носит украшения, которые совлекает с нее смертный муж Анхиз, прежде чем взойти с нею на ложе; для мистов, поднимающихся в сферу божественного, союз обоих есть созерцательный образ²²².

Аресова сила в мисте явлена там же, что и в Агамемно-

не, которого сообща создавали все мужские божества (2,479): Арес дал ему крепость стана, в котором от природы заложена его сила. В пах, под живот, поразило бога копье "зовущего к брани" — Диомеда: "И взревел Арей меднобронный страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули тысяч сильных мужей <...>. <...> кровью покрытый, <...> быстро бессмертный вознесся к жилищу бессмертных, Олимпу. <...> И, бессмертную кровь показуя, <...> к Зевсу вещал он крылатые речи <...>. Рек, и его врачевать повелел громовержец Пеану" (5,859 сл.). Рев бога пробуждает второй центр душевной активности человека — горло, где от природы в дыхании действует Артемида, а через речь — опять-таки Арес. Афина наделяет мистическим органом в точке между лбом и переносицей, где находилась рана Ифитиона. Артемида и Арес даруют его через рану на шее, где у Скамандра камень Афины поразил Ареса. Бог поражен не только физически, но — на более высоком уровне — уязвлена его культура и речь; оттого-то он уже не кричит навстречу ветру, как кричал в первый раз сам или как Полифем, а молча падает наземь, что фактически отвечает Второй оргии, в которой властвует вода, река Скамандр. Рядом с ним вскоре падает Афродита, после того как Афина ударила ее кулаком по сердцу (21,406—426). В соответствии с Второй оргией Арес и Афродита действуют сообща через "колеса" на шее и сердце. Настоящий супруг богини — кузнец Гефест, седалище которого нижняя часть человеческого тела. Богиня и Арес, но не кузнец, в мистике и таинствах перемещают свое пребывание к сердцу и шее. Мистический орган над пупком, соотносимый с раной Полидора, тоже закладывается во Второй оргии²²³. Венера-Афродита физически-телесным путем действует в недрах организма, образуя там первичную почку и ее производные, дополнительно генерируя излучение в сторону коленей и ступней. Мистически же сила Афродиты подымается на высоту сердца, ибо "на персях" был наложен у нее пояс, который она подарила Гере (14,214). Арес и Афродита возвышают свои силы в ходе мистической метаморфозы и

одохотворяют их в "цветы", или "колеса", на горле и сердце.

В связи с элевсинским символом цветка Керени ссылается на индийского мистика Гаутаму Будду (550—447)^{224*}, который использовал цветок как средство духовного пробуждения: долгая проповедь утомила учеников, и тогда учитель замолчал, медленно вращая двумя пальцами плоский цветок; тот, кто увидел этот знак в подходящем настрое, духовно прозрел. Жест пробудил ученика по имени Кашьяпа, и он стал первым наставником школы, получившей позднее — в Китае и Японии — название *дзэн*. В рамках этой школы без правил, мгновенным озарением находили самые разные жесты, которые, сообразно расположению духа, в коем пребывает ученик, стимулировали его к созерцанию. Но праобразом навсегда остался тот первый цветок, тихо поворачивающийся в руке Будды, похожий на алый анемон или на маргаритку.

Затем очищенные сердечные силы пробуждают иной, двенадцатилепестковый лотос, чье излучение направлено в кисти рук. Гомер отдает его во власть Афродиты. В более глубоких центрах действует хромоногий Гефест; а раскрывают они, в частности, дарования других людей, их "сокровища".

Когда боги покинули поле битвы у Скамандра (21,518), Аполлон остался, чтобы до поры защищать Трою, наблюдать кончину Гектора, сохраняя облик его тела (вид — *eidōs*), и отмстить Ахиллесу за его гибель. Но до того предстояло совершить огненное погребение Патрокла и почтить его посмертными играми (21,515—24; 23). Сохранение телесной формы, которое отчасти является и духовной силой, относится уже к Третьей оргии, подчиненной земле и огню. Мы же покуда ведем речь о Второй оргии.

Раны, полученные на Скамандре, преимущественно те, что были нанесены богам, суть как бы зародыши мистичес-

* Даты жизни Гаутамы Будды точно не установлены, и разброс их весьма широк.

ких органов, позволяющих быть зрячим в Элизии. Они принадлежат иному, новому силовому организму, который еще должен сложиться и пронизывает все тело, базирываясь на силах естества, но с ними не совпадая. Как тело обладает своими органами чувств, так и этот незримый организм имеет особые средоточия сил, которых при успешном развитии бывает много; у гуру последнего махараджи Кашмира их насчитывалось до пятидесяти²²⁵. Управляет всеми этими источниками центр — "колесо" над сердцем, ему сродни пять или шесть других, расположенных на вертикали, что проходит, словно передний хребет, от лба до гениталий. Чакры, или цветы лотоса, развиваются на этом единственном стебле.

Выше изложено, каким образом каждое из греческих божеств творчески действует внутри тела; это знание мы берем за основу. С мышлением, физически сосредоточенным прежде всего под лбом, связана Афина; такова ее роль в мистериях I дохристианского тысячелетия — но не раньше — и при мистическом пробуждении посредством двухлепесткового лотоса во лбу. Дыханием правит Артемида; она соотносится с шестнадцатилепестковым лотосом в области гортани, однако впоследствии ее дополняет Арес. Афродита связана в первую очередь с расположенной в глубине тела областью первичной почки и ее производных. Мистически она возвышается до владычицы сердечного лотоса. Поскольку этот лотос неизменно важнейший центр, в конечном счете решающий залог успеха, случались — чем дальше в глубь времен, тем чаще — продуктивные таинства, в которых практически только эта богиня и заправляла. Арес по природе своей связан с желчью и чреслами; мистически он возвышается до владыки лотоса у гортани. С огненной сферой пищеварения, конечно же, связаны как Всекормилица Деметра, так и хромоногий кузнец Гефест — он, кстати, еще и со скелетом. В таинствах оба они оттуда вытеснены; вместо них в случае успеха может явиться дева Персефона.

Потеряв свою настоящую супругу Афродиту — она всту-

пает в союз с возвышенным Аресом, — Гефест ищет нового союза с Афиной. Когда ему сопутствует удача, он создает технику; и все это время в "нижнем" человеке живет и чувственность — как сатир. Когда же Афина отвергает его, она направляет свою организующую силу от повелевающего лотоса во лбу на восприятия всех "колес". Для нас неусыпное ее бдение выступает как суждение, сопровождающее всякий мистический шаг. Мистически эта богиня также укрепляет зыбкие явления непреходящей мыслью — "И все, что временно, изменчиво, туманно, обнимет ваша мысль, спокойно-постоянна"²²⁶. Таинства без Афины вели бы к глоссолалии или безумию, вроде того, что обуюло на Тринакии спутников Одиссея: "А сырое на вертелах мясо и мясо, снятое с вертелов, жалобно рев издавали бычачий" (Од. 12,395 — 396). В Элевсине Афина участвует везде и во всем.

Раны богов у Гомера, наверное, напоминают христианам о ранах Богочеловека на кресте. Но как культовый символ крест старше христианства. Так, в I веке до Р.Х. Диодор Сицилийский в своей "Мифологической библиотеке" (111,65) сообщает о мифическом царе Фракии Ликурге, который — как показывает вышеописанный обряд юношеских инициации 6 января — прогнал в море бога Диониса. Впоследствии Дионис ослепил царя и распял слепца на кресте. Ликург — человек, связанный с этим богом лишь профанными узами, через питье вина. Алкоголь вызывает мистическую слепоту; недаром в Элевсиниях он был под запретом. Вспомним, что и Полифем был ослеплен во хмелю (Од. 9,346 сл.).

Одна из цилиндрических печатей III века от Р.Х., ныне хранящаяся в Берлине, представляет распятого Орфея; над ним месяц с семью звездами, а внизу слова: "*Orpheos Vakkikos*", то есть "вакхический Орфей". Христианские изображения распятия на кресте появляются лишь в V веке. Дохристианские свидетельства о кресте как культовом символе принадлежат дионисийскому ритуалу, к сфере которого, вопреки протестам филолога V. фон Виламовица, от-

носятся Элевсинии²²⁷. Многое из содержания и чина этих мистерий сохранилось в христианской мистике, ибо все это отвечает сущности человека, а не только принадлежит к единому культурному потоку, хотя и это тоже.

Сходство страстей со Второй оргией в том виде, в каком ее отражают "Илиада" и другие произведения, заметил и сведущий в таинствах император Адриан, когда в 135 году строил на месте древнего Иерусалима римскую колонию Элия Капитолина. На месте храма Яхве он воздвиг храм Юпитера, а на поле, где высится холм Голгофа, — храм Афродиты-Венеры. Холм с могильной пещерой, видимо, был для христиан святыней, ибо римляне старались возводить свои культовые постройки на ранее освященных местах. Для нас важно, что Адриан обнаружил сродство обоих культов. Точно так же в 324 году, предполагая близость Страстной пятницы и роли Афродиты во Второй оргии, Елена, мать императора Константина, пришла к заключению, что храм Афродиты воздвигнут на месте распятия и гробницы Христа, и повелела им выстроить там поныне существующую церковь Гроба Господня... Вернемся, однако, к деяниям богов, описанным в "Илиаде".

Ахиллес меняет оружие — это подготовка битвы богов. В тяжелый для ахейцев час герой одолжил свое наследное оружие другу Патроклу (16,130 сл.); со смертью Патрокла оно было утрачено (17,194 сл.). По просьбе Фетиды божественный кузнец изготавливает новое оружие. Гомер (750 г.) подробно описывает изображения на щите (18,478—607). Поэтический прием оказался столь выигрышным, что Гесиод (700 г.) создал на его основе отдельное произведение — "Щит Геракла". Гомер воссоздает на новом щите Ахиллеса мистический образ мира, под стать близкой уже битве на Скамандре.

В VIII веке, в эпоху Гомера, на смену удлинённому щиту пришел круглый: он закрывает только грудь, однако обеспечивает подвижность и удобен при атаке в пешем строю. Щиты принято было снабжать устрашающими рисунка-

ми: грозной змеей, яростным кабаном, львиной пастью. Самое жуткое изображение "украшало" одно из древнейших средств защиты — черно-белую козью шкуру, закрывающую грудь Афины. Эта *эгида* (или *эгид*) являла взору змеевласую голову Горгоны с каменящим взглядом. На фамильном щите Ахиллеса наверняка тоже была какая-то устрашающая картина, не то что на новом, где можно было видеть весь мир, будто у противника есть время долго его рассматривать: земной диск, окруженный морем, над ним небо со звездами, луной и солнцем; на земле представлены важнейшие сцены цивилизованного быта людей, а также отрок, который, аккомпанируя себе на лире, поет безвременно умершему Лину [в русском переводе несколько иное прочтение. — *Н.Ф.*], и хоровод в честь Ариадны в Кноссе (18,570 сл.).

Гесиод выбрал для "Щита Геракла" то же обрамление и те же сцены, добавив подвиг героя Пирифоя (179), который проник в Гадес, чтобы украсть Персефону, и Тесея (182), похищающего девятилетнюю Елену, а вместе с ней как бы и ее праобраз — богиню Афродиту; кроме того, он живописует "хоровод блаженных" в Элизии (211), Персея (216), отрубавшего голову Горгоне, и божественного титана Хрисаора, родителя чудовищ, а затем молодого бога именем Златомеч. Молодой и старый соотносятся так же, как древний Плутон и юноша Дионис.

Гомер и Гесиод дали эллинам последнего дохристианского тысячелетия писаную основу веры, "установили родословную богов, дали имена и прозвища, разделили между ними почести и круг деятельности и описали их образы"²²⁸, лишь много позже к ним пришли Исида и Митра, а затем и Христос. В душах ефесян апостол Павел отыскал и развил гомеровские образы; сказано это такими словами: "Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите все-

оружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолевши, устоять. Итак станьте, препоясавши чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обувши ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры..."²²⁹

Гомер и Гесиод изобразили на щитах квинтэссенцию мистической веры. Образы на древнем эгиде Афины и на новом щите Ахиллеса отражали именно то, что обитало в сердцах.

Третью оргию "Илиада" отражает в трех очень разных сценах. Во-первых, это бег двух героев — Гектора и Ахиллеса — вокруг стен Трои, пока Гектор не погибает (песнь XXII); во-вторых, сожжение трупа Патрокла и погребение его праха в золотой Дионисовой чаше (песнь XXIII); в-третьих, погребальные игры в честь Патрокла (вторая часть песни XXIII). Последняя, XXIV песнь отражает Четвертую оргию.

Проследим ход песней XXII и XXIII: Ахиллес гонит Гектора, и оба героя трижды обегают вокруг стен Трои, мимо башни городской стражи, мимо смоковницы, мимо вытекающих рядом двух источников, теплого и студеного, которые затем сливаются, образуя реку Ксанф (Скамандр) (22,145 сл. и 165).

В ночном действе роль стража выпадает Афине, роль источников — богине Гере, а роль смоковницы — Афродите. Бегущие герои соответствуют мистическим Близнецам: образцовый муж Гектор — Триптолему, а полубог Ахиллес — Евбулею. Погребальный костер Патрокла в обрядовом действе становится огнем на круглом алтаре Анакторона, а золото чаши (урны) — отсветом, в котором ожидается над огнем созерцательный образ Персефоны с младенцем (23,216 сл., 252; Од. 24,74).

Погребальные игры в честь Патрокла (23,258—897) включают состязания колесниц, кулачный бой, борьбу, бег, метание копья и железного круга, а также стрельбу из лука. В мифе колесничные гонки и кулачный бой главным

образом поприще Кастора и Полидевка. Стрельба из лука указывает на небесного Стрельца как созвездие, осеняющее таинства. В качестве награды Ахиллес выставил своих вещей коней. Он возглашает о них: "Знаете, сколь превосходны мои благородные кони, дети породы бессмертной: отцу моему их, Пелею, сам Посейдон даровал [на свадьбу. — Д.Л.], а отец мой мне подарил их" (23,276 сл.). Это два Пегаса.

Четвертая оргия отражена в заключительной, XXIV песни "Илиады". Все ее стихи исполнены чудом: Ахиллес девять дней влачил за колесницей тело Гектора, и все же Аполлон сохранил мертвого героя свежим, как "росою умытым" (24,419, 757), укутав для этого в собственный "золотой эгид" (24,20) — нагрудный панцирь из козьей шкуры, который среди богов носят еще только Зевс и Афина. У Аполлона эгида сияет золотом, будто плащ, сотканный из солнечных лучей. В нее-то бог и укутывает тело Гектора.

Вторая существенная часть XXIV песни также указывает на "облик" человека, но созерцаемый как бы душою: Ахиллес и троянский царь Приам, отец Гектора, тайно встретившись ночью, постигают друг друга зрением: изумленный старец замечает, как силен и величав Ахиллес — "бога, казалось, он видит"; Ахиллес же восхищается старцем, "смотря на образ почтенный и слушая старцевы речи" (24,629 сл.).

Встречу их устроили боги, которые после девятидневного спора решили положить конец надругательству над Гектором. Фетида уговаривает сына, и Гермес ночью приводит Приама в ахейский лагерь, в кушу Ахиллеса. Молодой герой "плакал, о друге еще вспоминая; к нему не касался все умиряющий сон; по одру беспокойно метаясь, он вспоминал Менетидово [Патроклово. — Н.Ф.] мужество, дух возвышенный; сколько они подвизались, какие труды подымали, боев с мужами иша и свирепость морей искушая" (24,4 сл.). И только здесь, на прощанье,

мы впервые в эпосе видим его почивающим подле девушки Брисеиды (24,676).

Троянец-глашатай увозит мертвое тело в Трою на крепкой повозке, которую влекут сильные мески*. Достойный старец правит двухколесной колесницей, запряженной огневными конями (24,690). Обе упряжки первой видит в свете утра Кассандра. На царском дворе три женщины поднимают плач по усопшему: супруга Андромаха, мать Гекуба и, наконец, аргивянка Елена. Через девять дней тело Гектора сжигают перед Скейскими воротами; на одиннадцатый день золотую урну с прахом героя (24,795) — и его тоже! — погребают, насыпав высокий курган. Так кончается эпос.

К толкованию заключительной песни можно добавить следующее:

1) девять дней сохранявшееся свежим мертвое тело — причиной тому была золотая эгида Аполлона — невольно подсказывает мысль о сравнении (не отождествлении!) с членами христианского Символа веры: "страдавшая и погребенная, сошедшая во ад и воскресшая" как световой облик, а именно к такой форме тела воскресения подводят Евангелия. Схема — реального осуществления мы здесь не касаемся — та же.

2) Ночная поездка Приама под водительством Гермеса к Пелиду являет на мистическом уровне воссоединение небесных Близнецов в предзимней мистерии, причем эпос ставит Ахиллеса на место полубожественно-окультурного Полидевка, или Евбулея, а Гектора, которого подменяет отец, на место человечески-профанного Кастора, или Триптолема. Кроме того, поездка свидетельствует, что в мистерииальном культе процессией, покидающей Телестерион, иными словами оболочку Анакторона — а именно его образом служит Троя, — этой процессией водительствовавший дадук, жрец Гермеса.

3) Не дающие Ахиллесе покоя воспоминания о по-

* Меск — мул, помесь лошади и осла.

двигах и страданиях бок о бок с Патроком сродни второму "отчету", который Одиссей после избиения женихов дает уже не феакам, а своей жене Пенелопе (Од. 23,310 сл.); а заключительное (для нас) отдохновение Ахиллеса подле Брисеиды сравнимо со свершением таинства.

4) Золотая урна для праха Гектора — сестра той, какую полубожественный Близнец Ахиллес получил в дар от Диониса для себя и Патрокла (Од. 24,74). Различие лишь в том, что Гектор получил ее от людей, Ахиллес же — непосредственно от божества.

5) Тризна — последнее событие "Илиады" — наводит на мысль, что мистерия заканчивалась священной трапезой. Фактически, по нашему мнению, во времена Перикла и позднее ничего подобного уже не было, хотя один из древних рельефов недвусмысленно подтверждает, что изначально финал был именно таков.

Свидетельство "Одиссеи"

Гомерову "Одиссею" еще в древности читали как зашифрованный рассказ о мистериях, и Апулей (ок. 275 г. от Р.Х.) в своем романе "Золотой осел" дает тому прямое свидетельство. Описав прескверные обстоятельства на мельнице, где ночью и днем тяжело трудятся оборванные, тощие, как скелеты, рабы — он имеет в виду подземные деянья Деметры через посредство мертвецов, — поэт заключает намеком на начало "Одиссеи": "Не без основания божественный творец древней поэзии у греков [Гомер. — Д.Л.], желая показать нам мужа пел человека, приобретшего полноту добродетели в путешествиях по многим странам и в изучении разных народов. Я сам вспоминаю свое существование в ослином виде с большой благодарностью, так как под прикрытием этой шкуры, испытав превратности судьбы, я сделался если уж не благоразумным, то по крайней мере многоопытным"²³⁰.

Повествование в эпосе ведется в порядке, не повторяющем реальный ход событий. А лишь этот самый ход и сопоставим с Элевсиниями. Формально, с точки зрения Элевсиний, эпос начинается в разгар Второй оргии на Кроновом острове Огигия, что находится где-то в западном океане, северо-западнее Сицилии, и живет на нем нимфа Калипсо (1,14). Предшествующее — все, что соответствует Первой оргии и первой половине Второй, — герой рассказывает позже, у феаков (9,12), собственное место которых в конце Второй оргии. С I и до конца IV песни идет рассказ о путешествии Одиссея сына Телемаха в Лакедемон (Спарту), где он узнаёт от Менелая о пророчестве морского старца Протея, которое царь услышал на острове Фарос у побережья Египта: Одиссей жив, находится в плену на далеком острове (4,555 сл.). Песнь V живописует плавание Одиссея на плоту от Калипсо к феакам, VI—VIII посвящены отдыху у феаков. И только в песнях IX—XII Одиссей сообщает обо всем, что произошло ранее.

"Одиссея" показывает в элевсинском ключе следующие разделы: после отъезда из сожженной Трои на десятый год войны Одиссей разоряет на фракийском побережье в земле киконов город Исмар. У этого топонима есть вторая форма — Иммарад, а именно так звался древний жрец элевсинцев, могилу которого показывали в Элевсинионе на старой афинской агоре²³¹. Разоренный город позднее называли Маронеей в честь силена Марона, который в родстве с Марсием. Слово *Исмар* столь же дионисийское, сколь и элевсинское. Из этого города как раз и было вино, которым Одиссей опоил великана Полифема (9,198 сл.). Разорение киконов — дионисийский пролог.

Первой оргии "Одиссея" посвящает вступление из четырех песней, в котором сын Одиссея, девятнадцатилетний Телемах, выходит из-под опеки, оттого что едет на Пилос и в Лакедемон, к последним живым участникам Троянской войны, и спрашивает о своем отце. В Лакедемоне Менелай рассказывает ему, как он узнал о местопребывании Одиссея через оракул морского бога Протея на островке Фарос у египетского побережья: "Сильной рукою все вместе мы обхватили его; но старик не забыл чародейства; вдруг он в свирепого с гривой огромного льва обратился; после предстал нам драконом, пантерою, вепрем великим, быстротекущей водою и деревом густовершинным; мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали. Он напоследок <...> сделался тих <...>, и, отвечая, так мне сказал он: "<...> Третий [Одиссей. — *Н.Ф.*] живой средь пустынного моря в неволе крушится. С длинновесельными в бурю морскую погиб кораблями сын Оилеев Аякс <...>" (4,454—500).

На обратном пути в родную Итаку Телемах лишь с помощью Афины уходит от ловушки женихов матери. Через оракул Протея и опасность при возвращении он продлевает свою Первую оргию. Для отца начало ее в том, что он рассказывает в IX песни о лотофагах. Произошло это, возможно, также в Египте, во всяком случае в Африке. Там его посланцам до того понравилось, что он

вынужден был увести их силой (9,95 сл.). Суровую часть этой оргии он испытал у Полифема ("болтуна"), пожравшего шестерых греков. Следующая остановка — у царя Эола, повелителя ветров (10), вероятно на Мальте, если принять точку зрения современных мореходов Х. и А. Вольфов²³². До Эола продолжается для Одиссея отражение Первой оргии.

Близнецы в "Одиссее" опущены, разве что истолковать Менелая как профанного брата оккультного героя Одиссея. Стихии здесь представлены четко: ветры у Эола, вода — в двух кораблекрушениях, земля и огонь — в царском доме на Итаке. Явственно обозначен и мистический попятный годовой путь от знака Близнецов через Тельца и Овна на Тринакии (или Тринакрии) к Водолею в кораблекрушении с Посейдоном и Ино-Левкотеей. Дом и стрельба из лука помешаются под небесным Козерогом (земля) и огненным Стрельцом.

Среди героев микенской эпохи жили три великих стрелка — свершители таинств: Геракл, Филоктет и Одиссей. В прологе Третьей оргии Одиссей стреляет навывлет через двенадцать колец (21,121 и 421).

Вторая оргия странным образом находит свое отражение прежде в X—XII, а затем в V—VIII песнях "Одиссеи". Ей соответствует первый плен у Цирцеи (Кирки) в X песни, первое посещение Гадеса (Аида) в XI, возвращение к Цирцее в XII песни, встреча с сиренами, "бродящие утесы", затем Скилла, остров Тринакия, водоворот Харибда и нимфа Калипсо (все в XII песни). Затем в песнях V—VIII — плавание на плоту к феакам и пребывание у них, на острове Схерия. Так кончается Вторая оргия.

Дважды эпос уводит своих слушателей в Гадес, сперва с Одиссеем в XI песни, а затем с перебитыми женихами — в XXIV. Второй рассказ содержательно дает больше, чем первый: если первый весьма схож с вопрошанием оракула мертвых по личному делу, то во втором — из разговоров теней Ахиллеса и Агамемнона — мы кое-что

узнаем о ценности жизни и о смысле судеб героев Троянской войны. Всё происходящее между этими двумя событиями, собственно, разыгрывается в Гадесе и на пороге Элизия как цели таинств. Вот почему с ними сопоставима Вторая оргия. Она ведет мистов в Гадес, а Третья — уже в Элизий.

Как и Первая, Вторая оргия требует от мистов недреманного бдения. Первая оргия была для Одиссея безуспешна, потому что в решающий миг, когда вдали уже завиднелись пастушьи костры Итаки, он уснул, а спутники развязали мех с четырьмя ветрами (10,31 сл.). На переходе к Второй оргии повествуется о таком же обычае бдения у лестригонов. Там "несонливый работник" получает двойную плату, ведь ночью он пасет быков, а днем — баранов (10,82 сл.). Кульминацию Второй оргии на Тринакии, о которой упомянуто уже в прелюдии эпоса (1,9), герой снова упускает, не ко времени заснув. После он укоряет богов: "Вы на беду обольстительный сон низвели мне на вежды; спутники там без меня святотатное дело свершили [убили быков Гелиоса. — Д.Л.]" (12,373 сл.).

В Третьей оргии Гомер совершенно по-иному использует сон как символ особенно глубокого мистического сознания: в стране феаков герой впервые вкушает подлинно мистериальный сон после крушения плота и трех бессонных ночей, когда плыл через море, — это сон под сенью сплетенных олив, дикой и плодоносной (5,477). Третья оргия не ведаёт обета бодрствования, напротив: она начинается сном Одиссея на корабле феаков; сон этот, как поет Гомер, был "с безмолвной смертью сходный" (13,80). Корабль везет его на Итаку.

Из богов во Второй оргии властвуют Посейдон, Арес и Афродита. "Пенорожденная" пронизывает своими отражениями едва ли не все остановки этой оргии, кроме Тринакии. Она поочередно отражается в семи поющих нимфах, или водяных духах: первая из них — Цирцея (Кирка) с острова Эя, что "пела, сидя за широкой, прекрас-

ной <...> тканью" (10,222). Она отображает Афродиту, а не Гекату, как утверждают иные комментаторы. Геката никогда не поет и не ткёт; она скорее разрывает одежды; Цирцея же, ткущая и созидающая, прекрасна и одновременно опасна. Она с лёгкостью пробуждает в людях дикие инстинкты, очаровывает и превращает людей в животных — львов, волков, свиней (10,212). Товарищи Одиссея становятся свиньями. Он же, словно второй Арес, мечом принуждает ее вернуть им человеческий облик (10,321 сл.). Одиссея Гермес заблаговременно и тайно снабдил волшебным растением *моли* (10,277—306), которое напоминает подавляющий половое возбуждение латук в "Золотом осле" и разбавленный сок аконита в Элевсинах. Перед спуском героя в Гадес Цирцея является как богиня Натура, "ткущая" животво-растительный покров земли (10,221 сл.). После путешествия в Гадес (11) она для Одиссея водительница в сценах Второй оргии, но не в Третьей. Сходную службу служат Ахиллесу вешие кони перед выездом на битву у Скамандра, а аргонавтам — прорицатель Финей.

После Цирцеи Афродита в "Одиссее" удваивает свой образ, являясь в двух птицеподобных, поющих сиренах, музах смерти (12,158 сл.). Они сидят на останках тех, кого заманили своим пением. Напевы их сродни по настроению песне об умирающем юноше Лине, чей образ и имя запечатлены в эфемерном голубом цветке льна. Разбуженные Цирцеей животные порывы отринуты, но после этого отнюдь не воцаряется благая тишина, нет, прежде возникает столь же опасное сладостное влечение к смерти. Одиссей уберегает своих спутников от сирен — затыкает им уши воском, а себя велит крепко привязать к мачте. Каков бы ни был духовный смысл этого образа, так или иначе в нём существенна прямизна осанки. И тут нельзя не вспомнить об Аполлоне и Лето, действующих в распрямленном позвоночнике. Учитывая известную и в древности поговорку: "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты", окружение Одиссея делает его полу-

богом, родственным гигантам. Полифем и тот уже заявлял: "Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевсе, ни в прочих ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей" (9,275 сл.). Так и лестригоны "не людям подобны", а великанам (10,120). Царь феаков рассказывает о своем народе: "<...> всегда нам открыто являются боги, когда мы, их призывая, богатые им гекатомбы приносим; с нами они пировать без чинов за трапезу садятся; даже когда кто из них и один на пути с феакийским странником встретится — он не скрывается; боги считают всех нас родными, как диких циклопов, как племя гигантов" (7,201—206). И наконец Посейдон говорит о самом Одиссее: "<...> путь свой он совершит без участия свыше, без помощи смертных; морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много, в день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной, где обитают родные богам феакийцы; и будет ими ему, как бессмертному богу, оказана почесть: в милую землю отцов с кораблем их [отплыть]..." (5,32 сл.) Стать бессмертными — надежда мистов; основу тому закладывала Вторая оргия, тогда как в Третьей ожидался прорыв.

На следующей остановке — упомянутой лишь в пророчестве Кирки-Цирцеи (12,59 сл.) — корабль проходит через "бродящие утесы", которые поминутно сталкиваются. Голуби Афродиты, носящие амброзию Зевсу, — во плоти они летают снизу вверх — помогают корабельщикам определить ритм, в каком сталкиваются утесы, и невредимыми проскочить между ними. Телесно движение утесов соответствует сердцебиению; говоря языком реалий тела, Одиссей — не в пример голубям, служащим Зевсу, — находится на пути сверху вниз. Во время плаванья мы ничего об этом не слышим, ибо все внимание устремлено теперь на Харибду (12,236 сл.); меж тем Скилла утаскивает шестерых из оставшихся двенадцати спутников.

Скилла — затаившееся в скальной пещере чудовище с шестью длинными шеями, о шести визжащих, как щенки, головах; вечно голодная, она охотится в море за дельфина-

ми и людьми. Некогда чудовище было девушкой, которую видели Минос и Геракл* (12,87 и 230 сл.). Здесь Афродита-Цирцея является полностью раскрепощенной, здесь она уже не поет, а визжит. Телесно эта Скилла живет в страстной криви.

Едва Скилла остается позади, приближается треугольный остров Тринакия, таящий оккультные возможности двенадцатиспицевого "колеса" над сердцем, силы шести неизмеримых чувств, которые, если достаточно культивированны, ведут в Третьей оргии к ночному созерцанию духовной стороны солнца, или Гелиоса, в Аиде (Гадесе).

Одиссей проспал возможности Тринакии — созерцательный образ во Второй оргии лишь отдаленно угадывается и явлен лишь в Третьей, в собственном дворце на Итаке, — а пока он спал и его спутники совершили кощунство над священными быками, титан Гелиос грозит олимпийским богам: "Если же вами не будет наказано их святотатство, в область Аида сойду я и буду светить для умерших" (12,382 сл.). Именно это и есть цель мистерий в Третьей оргии. Там Гелиос осуществляет свою угрозу.

После молнии, которая разрушает отплывший с Тринакии корабль и убивает последних шестерых спутников, Одиссей попадает в бешеный водоворот Харибды. Дикая смоковница над пропастью спасает его, это — дерево Диониса (12,432 сл.). Морской омут был настолько глубок, что виднелся "черный песок" на дне (12,243). Здесь даже Посейдон утратил свою силу. Мифически неподалеку отсюда — физически, возможно, в Этне — находится кузница Гефеста. Телесно действие происходит в области под диафрагмой, где идет пищеварение. Если провести аналогию, то Ахиллес мистически пробудился там, когда его копье пронзило спину троянца Полидора и вышло над пупком (Ил. 20,407 сл.). Здесь является "колесо" над

* У Аполлодора в "Мифологической библиотеке" (Эпитома VII) есть упоминание, что Скилла — чудовище с головой и грудью женщины и еще шестью собачьими головами.

пупком, которое йога зовет "огненным кругом", или "украшенным драгоценностями"²³³. Драгоценные камни — песок, который Одиссей увидел на две водоворота.

Харибда — слово не имеет толкования — мистически представляет собой глубочайшую загадку. Вместо нее "Илиада" изображает в XXI песни, как 1) река Скамандр вымывает прах из-под стоп свирепого гневом Ахиллеса, так что он лишь при поддержке Посейдона и Афины выбирается на берег; 2) Аполлон укрывает Гектора от глаз Ахиллеса и тем спасает его; 3) Гера с помощью Гефеста укрощает вспученную реку, заставив кузнеца поджечь прибрежный лес.

"Аргонавтика" изображает в той же роли остров Ареса со Стимфалийскими птицами, отдельными намеками увязывая этот остров с Харибдой. На острове Аретиада обычно совершают жертвоприношения воинственные девы амазонки, которые живут среди племен, дошедших в блюде до полного нравственного упадка и живущих "словно свиньи" (II, 1010 сл.). Народы эти, стало быть, противостоят друг другу и оба живут в дисгармонии с этой сферой.

Если говорить о теле, данные сцены разыгрываются в природном седалище Ареса или там, где бушует огонь Гефеста и духовно может возникнуть яростный гнев, где человеку не обойтись без помощи богов. Когда Одиссей спасся от Харибды, ему понадобилось ровно столько же лет, сколько греки воевали под Троей, чтобы спокойно восстановить у нимфы Калипсо свои силы, и лишь затем он вновь действовать.

Еще в прологе "Одиссея" ставит святотатство на Тринакии в центр всего повествования. Близка к этому центру и Харибда, двойная встреча с этим чудовищным водоворотом, по сути, обрамляет тринакийское приключение.

Гёте вводит в пролог своей мистерии "Классическая Вальпургиева ночь", ориентируясь на "Илиаду", "Одиссею" и "Аргонавтику", вполне определенное сражение, в котором римляне бились против римлян 9 августа 49 года до Р.Х. на греческой земле, — сражение при Фарсале. Кол-

дунья Эрихто ("вышедшая из земных глубин") говорит о полководцах в ночь перед битвой: "Никогда никто не уступает власти, взятой силою: насильно завладевши ею, хочется господствовать надменно над соседями тому, кто даже сам собой не властвует. <...> Великому [Помпею. — Д.Л.] здесь снилась слава прежних дней, а гордый Цезарь здесь следил внимательно за стрелкою весов судьбы изменчивой. Сегодня снова это все измерится, но знает мир, кому удача выпала. Горят огни сторожевые, красные..." (Фауст, ч. II) Не спящему, а бодрствующему досталась империя.

Духовно "Илиада" помещает в "огненный круг" гнев, "Одиссея" — беспомощность, "Аргонавтика" — жажду войны и власти. Гёте следует "Аргонавтике", воплощая эту жажду в образах Цезаря и Помпея, а затем заставляя своего героя до самой смерти тщетно с нею бороться. Среди страстей, которые старость не гасит, а зачастую, напротив, усиливает, всегда называют скупость, но почти никогда — властолюбие, а ведь оно и на склоне лет может стать ох каким опасным — достаточно вспомнить венецианского дожа Дандоло*, который в 1204 году, девяноста шести лет от роду, участвовал в походе против Византии. В "Фаусте" Гёте вслед за пророком Исайей (8:1)** представляет эту страсть под видом молодцов по имени Забирай и Хватай-добычу, которых Мефистофель ведет на морской грабеж:

<...> надо смело брать!

<...>

Лишь был бы наш карман набит.

Кто спросит, как наш груз добыт?

Разбой, торговля и война —

Не все ль равно? Их цель одна!

* Энрико Дандоло (ок. 1108—1205) — венецианский дож с 1192 года. Добился изменения направления Четвертого крестового похода (в Византию вместо Египта), участвовал в 1204 году в разграблении Константинополя и создании Латинской империи.

** Ис. 8:1: "И сказал мне Господь: возьми себе большой свиток, и начертай на нем человеческим письмом: Магер-шелал-хаш-баз", то есть: "Спешит грабеж, ускоряет добыча".

Тот, кто отыщет душевно-гигиеническое средство против этих пороков, кто сумеет обратить гнев и властолюбие в высокие силы, — откроет для истории *pharmakon mus-tikon*.

Особую, но совершенно иную, нежели женщины, роль играют в "Одиссее" и деревья. Есть там дикая смоковница, спасающая героя от бездны Харибды, — сходная роль принадлежит ей в элевсинском мифе о похищении Персефоны, — ас другой стороны, дикая и плодоносная олива. Раскаленным острием кола из маслины Одиссей выжигает "болтуну" Полифему единственный глаз посреди лба (9,381 — 383). Страдающий глоссолалией исполин не ведаёт, что видит, говорит или делает; даже если боги порою вплетают истину в его видения и речи, он все равно ею не управляет. Трезвая Афина, создательница культурной маслины, везде и всюду помогает нашему герою. Поэтому Одиссей неизменно сознаёт себя; в конце концов назвав Полифему свое имя, он противопоставляет ему собственное "я есмь": "Царь Одиссей" (9,504).

Вновь оливы появляются в эпосе среди леса на Схерии, и земля под ними устлана мягкой палой листвой. Одиссей утнезживается под плодоносной и дикой оливой, где наутро его будят крики девушек (5,477 сл.). Навсикая надевает на него светлые одежды. Так герой пробуждается в новом мире, почти в Элизии.

Вторая оргия здесь близится к концу. Если же искать в "Одиссее" ещё и те "колеса", какие "Илиада" намечает ранами в битве на Скамандре, то ослепленный Полифем демонстрирует "колесо" между бровями. "Колесо" у гортани предположительно действует в прорицающей Цирцее; о пробуждении сердечного лотоса свидетельствует при втором кораблекрушении спасительное покрывало Ино-Левкотеи, а "огненный круг" над пупком поначалу представляется нам разбуженным уже над бездною Харибды, где Одиссея спасает дикая смоковница; в гармонической же деятельности этот круг солнечного сплетения мы видим лишь под лесными оливами, а совсем глубинные цен-

тры и совокупное их воздействие — в образе Навсикаина хитона: силы наконец сотворили новый телесный организм сил, который освоен сознанием.

В третий раз благородная олива-маслина появляется к концу эпоса (23,190—192), на исходе Третьей оргии: двадцать лет назад Пенелопа и Одиссей установили для себя тайный "знак" — возвели свой царский дворец вокруг обрубленной садовой маслины и превратили ее укорененный пень в опору своего брачного ложа. Речь об этом знаке заходит лишь после того, как перебиты женихи, очищен зал и устроены шумные свадебные танцы (23,135 сл.). В этой укрепленной маслиною четырехногой кровати видится нижнее, лежащее в области гениталий мистическое "колесо" о четырех спицах. Иных важных мистических колес не существует. "Одиссея" указывает на них теми же способами и в том же порядке, что и вся мистика.

Спасшегося Одиссея девять дней носит по морю, пока он не попадает на остров Огигию, где обитает нимфопевунья Калипсо ("та, что сокрыта"); как прежде Кирка-Цирцея, а затем у феаков отец Навсикаи, она сулит герою бессмертие, если он навсегда останется с нею (5; 6,154 сл. и 7,311 сл.).

Эти женщины — полунебесные существа, знаменующие путь Одиссея, равно как Ахиллеса знаменуют три девушки: дочь Ликомеда, посвященная богине Артемиде Ифигения и дионисийская Брисеида. Если присмотреться к жизненной стезе Одиссея, то вместо явных трех сокрыто обнаруживаются семь женщин, и хотя сущность каждой в отдельности вызывает сомнения, их семиединство вполне очевидно: сначала герой встречает Кирку-Цирцею, затем сирен (как единство), далее Скиллу, после первого удара молнии — нимфу Калипсо, после второго — дионисийскую морскую богиню Ино-Левкотею, потом Навсикаю и, наконец, жену, тоска по которой (5,219) гнала его через все эти приключения, — Пенелопу.

Сходный ряд выстраивает перед своим Луцием Апулей. Начинается этот ряд тремя именами — Фотида, Вир-

рена и Харита. Затем следуют Плотина, "Пасифая". А уж гётевский Вильгельм Мейстер тем более встречает семь разных женщин, от Марианны до Макарии, которых можно сопоставить с семью планетами — Луной, Меркурием, Венерой, Солнцем, Марсом, Юпитером, Сатурном.

Великие мистерии — праздник осенний. Когда Одиссей возвратился домой, ночи были холодны (14,457 сл.). Его схватка со 108 женихами (16,245—251), гибель которых описана в XXII песни, еще ярче подчеркивает смысл числа "12": 108 — это 12×9^{234} . Девять — число царицы мертвых, а двенадцать — число при солнца по созвездиям. Таким образом, количеством женихов Гомер также указывает на бракосочетание времен года под знаком Стрельца.

Третью оргию "Одиссея" изображает как возвращение героя домой и схватку в собственном доме (13—23). В Элевсине Третью оргию также праздновали в доме.

Сравнение идет дальше: корабль феаков обращается в камень после того, как эти полубоги за одну ночь доставляют спящего непробудным сном Одиссея на Итаку (13,80, 156 и 8,565). В мистерии между Второй и Третьей оргиями меняются стихии — от воды к земле и огню. Вместо лиры и цитры у феаков слышится гром (21,415). Огонь и "очистительная сера" использовались, чтобы очиститься от крови убитых женихов (22,481). Тогда по дворцу прошел и отсвет Элизия — от золотой лампы Афины (19,34). Афина и здесь, в доме, держит сторону героя. Помогает она ему волшебной тростью, вроде жезла, что был у Цирцеи; только Афина не превращает людей в животных (10,388), она превращает юношей в старцев, а старцев в юношей (13,427 сл.; 24,368—369). Она неявно служит Дионису, который раскрывается не в пространстве, а во времени, возрасте.

Четвертую оргию "Одиссея" являет в заключительной, XXIV песни. Действие ее происходит в двух местах: в Га-

десе и в загородной усадьбе старика Лаэрта. Образно то и другое место соседствуют так же, как Гадес и Элизий в Аристофановых "Лягушках". В Гадесе Агамемнон и Ахиллес сначала беседуют о счастье, злосчастье, смысле и непреходящем итоге своих жизней. Затем они видят толпу нисходящих в Аид душ — это убитые Одиссеем женихи — и спрашивают о причине их общей безвременной смерти. Так они узнают о подвиге Одиссея, который он совершил, вернувшись домой после двадцати лет разлуки с женою и родиной. Они славят его верность Пенелопе, называя его *olbios* ("счастливый"), причем пользуются тем же словом, каким V гомеровский гимн обозначает мистов, посвященных в элевсинских мистериях Деметры (24,192; V гом. гимн, 480).

Затем мы переносимся в сад, где трудится Лаэрт. Одиссей приходит к отцу и открывается ему, доказывая, что он вправду его сын. В доме их встречают Телемах и работники; они съедают обильный обед и, выйдя наружу, предстают перед ищущими мести родичами убитых женихов. Число их очень велико: половина взрослого мужского населения Итаки, под водительством Евпейта, сын которого Антиной был самым первым и самым наглым женихом (24,422 сл.). Лаэрт, Одиссей, Телемах и слуги были всего числом двенадцать (24,497 сл.). Старец, муж и внук бьются в меру своей отваги, не желая посрамить предков (24,510 сл.). Лаэрт могучим броском копья поражает Евпейта (24,522—525). Но Афина в образе Ментора умиряет бой между гражданами и укрепляет союз народа с посвященным теперь царем Одиссеем (24,546).

Достоин-живой облик человека — вот тема этой песни; образ сей витает между старцем и юношей — не муж в расцвете сил, а старец наносит меткий удар копьем; вообще-то Лаэрт давно отложил оружие. Духовно главная награда для всех — добродетель, *arete*; для мужа — отвага, для жены — верность: облик сильной души.

Свидетельство "Аргонавтики"

Аполлоний (ок. 240 до Р.Х. на о. Родос) в начале своего эпоса "Аргонавтика" еще до множества приключений Ясона и пятидесяти его спутников приводит семь знаков-картин, вытканых Афиной на пурпурном плаще* (1,722 сл.), в котором встречается с царицей Гипсипилой Ясон, герой раннемикенской эпохи (1300 год до Р.Х.). Эти знаки непосредственно связаны с подвигами и злоключениями аргонатов лишь через последнюю картину, изображающую Фрикса на баране. Этого барана Гермес вызолотил (11,1144) и наделил способностью летать. Напомним, что золотой барашек был символом царской власти в Микенах. Позднее Гермес послал златорунного овна в Беотию, к несчастным детям Фриксу и Гелле, чтобы он перенес их в Колхиду. Во время полета девушка Гелла упала в пролив, который с тех пор и зовется Геллеспонтом. Именно там начинается для аргонатов та часть путешествия, что отражает таинство. Конечная цель ждет в Колхиде, с золотым руном, которое спасшийся Фрикс, принеся овна в жертву, сохранил и повесил на священном дубе.

Еще не доплыв до Геллеспонта, аргонаты делают первую остановку — у царицы Гипсипилы (1,710 сл.). Герои вряд ли отправились бы дальше, если б не Геракл: он настоял продолжать путь. После такой подготовки они пристали к острову Самофракия, где богиня Электра (Гека-та) посвятила их в свои таинства (1,915—917). В этом смысле Аполлоний и зачинает свой эпос. Приключения в Пропонтиде, на Черном море, в Колхиде и на обратном пути по Дунаю или Днепру соответствуют четырем частям, или оргиям, посвящения.

Первую оргию Ясон и пятьдесят его спутников отправляют в Пропонтиде, Мраморном море. Поскольку эта

*У автора в оригинале неточность: в подарок от Гипсипилы Ясон получил пеплос Диониса, сотканный Харитами (IV.423 сл.).

оргия идет под знаком ветра, маленькое, от природы спокойное Мраморное море предстает бурным, штормовым, тогда как во Второй оргии от природы ярое Черное море аргонаты видят безмятежно-спокойным. В Пропонтиде изображены схватки с племенами, населяющими малоазийский южный берег. При этом Геракл отходит от аргонатов; посвященные ему мистерии носят несколько иной характер. Последняя остановка Первой оргии расположена на европейском берегу, там, где впоследствии воздвигся город Византий. Там аргонаты обращаются к прорицателю Финею.

Второй оргии Аполлоний посвящает вторую из четырех песней своего эпоса, описывая в ней плавание аргонатов по Черному морю. К Второй же оргии можно отнести, пожалуй, и ту часть III песни, где рассказывается о прибытии в Колхиду и подготовке к борьбе за золотое руно. Сама эта борьба в III песни отображает Третью оргию. IV песнь стоит особняком, и вводится она как самостоятельное произведение. Содержание ее отражает заключительную оргию, повествуя о возвращении "Арго". Чтобы вернуться в Элладу, аргонаты выбирают далекий кружной путь, через Северную и Западную Европу и африканское побережье на юге; там они повторяют прежние остановки в новых формах, например вместо Медеи появляется Кирка (Цирцея), а вместо сталкивающихся утесов — "бродячие" скалы. IV песнь собирает духовные плоды целого плавания. Все это само по себе отвечает Четвертой оргии таинств, однако содержит у Аполлония множество открытых вопросов.

Три первые песни следуют мистериальному порядку стихий: ветер, вода, земля и огонь. Эта схема даже подчиняет себе природные данности, поднимая бури в обычно спокойной Пропонтиде и повергая в штиль нередко штормящее Черное море. Кроме того, реки, которые аргонаты посещают в Малой Азии, хотя и опознаваемы, однако же носят не профанические имена, а мифические, из Га-

леса, чем Аполлоний — столь же недвусмысленно, как Гомер в "Одиссее" начиная с XI песни, — указывает, что II песнь "Аргонавтики" разыгрывается в подземном царстве.

Фон образуют микенские мифы, в которых аргивская Гера занимает то место, которое в Элевсине приличествует Матери полей. Гера помогает Ясону и его героям получить золотое руно и вернуться домой. Изначально руно принадлежало летучему овну, которого Гермес даровал первым микенским царям для укрепления их власти. Когда же жрец Фиест похитил этого овна у своего брата, царя Атрея, Гелиос — солнце — так разгневался, что повернул вспять и погнался коней с запада на восток. Эти братья — ипостаси небесных Близнецов, из которых облеченный жреческим саном совершает попятный путь через Тельца, Овна, Рыб и т.д., то есть похищает золотого овна и тем обретает посвящение, которое являет ему "солнце в полуночном блеске". Около 700 года до Р.Х. пророк Исайя тоже показал своему царю Езекии возвратный ход солнца, зримый ночью, как знамение, поданное Господом в тяжелейшую годину (Ис. 38:8). Тот же знак в "Одиссее" (Од. 12,382 сл.) мы уже рассматривали.

Одно из фессалийских преданий сообщает, как распространялась эта мистерия в ослабленной форме — вместо овна только его руно; "одиночка" Афамент был товарищем Атрея в Фессалии, которая поддерживала тогда тесные отношения с Беотией, где Кадм недавно основал Фивы. Отцом этого Афаменты был царь Эол (не владыка ветров с Мальты!), а братом — Сисиф, строитель Коринфа. Женат он был на дочери Кадма Ино. Когда ее сестра Семела под Рождество зачала от Зевсовой молнии младенца и при этом сгорела — спасенный зародыш Зевс выносил в своем бедре и родил ровно через двенадцать дней, на Крещение, — Ино (в январе-феврале) стала пестуньей этого ребенка. Поскольку же она, менада, выполняя эту службу, два месяца отсутствовала дома, Афамент решил, что жена умер-

ла, и взял за себя простую девушку Нефелу ("облако")*. В конце концов Ино вернулась и, увидев соперницу, велела своим челядинкам (в июле-августе) поджарить семенное зерно, чтобы оно не могло взойти. Затем (в октябре) она провозгласила мнимый оракул: бесплодие полей прекратится, только если сын Нефелы Фрикс будет принесен в жертву. Афамент волей-неволей подчинился и приготовил мальчика к жертвоприношению; однако (ко времени Элевсиний под небесным Стрельцом) Гермес спас Фрикса и его сестру Геллу и с помощью летучего златорунного овна перенес в Колхиду. По пути Гелла упала в названный ее именем Геллеспонт. В Колхиде, по ту сторону Черного моря, Фрикс принес овна в жертву, а его золотое руно раскинул на ветвях дуба.

За этим-то руном и отправился Ясон. Дома же, в Беотии, царь Афамент впал в безумие и убил своего сына Лearchа, матерью которого была Ино, — посчитал сына не то львом, не то оленем. После этого Ино с сыном Меликертом бросилась в море и стала Левкотеей, Белой богиней, а Меликерт — божественным мальчиком Палеоном, что плавают на дельфинах.

Бегство Фрикса в Колхиду в культовом посвящении означает то же самое, что и перенос Ифигении в Тавриду. Лearch и Фрикс опять-таки соответствуют небесным Близнецам, которые в мистериях под знаком Стрельца мистически убивают друг друга. Лearch, подобно Кастору, следовал естественному пути солнца, и потому отец спутал его в небе со "Львом" или оленем (под знаком "Девы" Артемиды). Фрикс, как Полидевк, следовал против солнца путем, которым распоряжался Гермес, а потому ехал верхом на небесном Овне и потерял сестру Геллу под зимним Водолеем. Когда он в Колхиде раскидывает золотое руно на дубе, дуб этот знаменует мировое дерево, на котором, согласно философу Ферекиду (VII век до Р.Х.), при рода раскидывает вышитые покровы. Если этот покров

* По наиболее широко известным мифам, Нефела была богиней облаков и возлюбленной Афаменты до его женитьбы на Ино.

начинает светиться золотом, мист пробуждается в Элизии и видит там подземное солнце, по-египетски Осириса, "солнце в полуночном блеске".

Добыча золотого руна сопоставима в "Одиссее" с посещением острова Тринакия, где наряду с быками были и священные бараны (II, 108); успешное свершение, однако, ждет лишь в Одиссеевом супружеском покое на Итаке. Добыча золотого руна схожа и с одолением Минотавра в Кноссе, но не вполне, ибо в Колхиде Медея недвусмысленно говорит Ясону: "Царь же Эит [Ээт. — *Н.Ф.*] не такой человек, каким по рассказам был Пасифаи супруг, Минос; и можно ль равняться мне с Ариадной?" (III, 1107 сл.)

Греческая пословица делает обеих жен Афананта, божественную Ино-Левкотею и человечески-естественную Нефелу, символами предприятия гениально задуманного, но закончившегося весьма тривиально: "Вместо богини — женщина, как у Афананта".

До Афананта примерно то же произошло у Иксиона с Герой: Иксион (отец Тесея друга Пирифоя, тщетно домогавшегося Персефоны), допущенный Зевсом к трапезе богов, тотчас принялся искать любви Геры. Зевс сделал вид, будто уступает его домогательствам, но подsunул ему облачное подобие Геры, от которого затем родились кентавры. Иксион же в наказание был привязан к огненному колесу, которое, прокатившись по небу, до сих пор кружится в Гадесе. Колесо Гадеса — это солнце полуночи, Иксион — посвященный.

Остановки "Арго" на Черном море отвечают тем, какие входят в Одиссееву Вторую оргию начиная с двух его посещений Цирцеи. Они соответствуют пребыванию аргонавтов у прорицателя Финея, на месте будущего Византия. Необузданная Цирцея превращала своих гостей в свиней — Финея точно так же терзали Гарпии, псы Зевеса, смердящие воздушные демоны чувственности, которых приносил ласковый западный ветер. Но среди аргонавтов находились сыновья холодного северного ветра,

они и освободили Финея (Ил. 16,150; Од. 1,237; 14,371; 20,66 сл.; Арг. 11,76 слл., 282, 288 слл.). Как Гомер усиливает дурные черты Цирцеи-Кирки (Од. 10) в Скилле (Од. 12,255), так Аполлоний, усилив терзания Финея, возводит их в дурные обычаи тибаренов и моссинеков (II, 1010 слл.), что живут, "словно свиньи", вокруг бесполох амазонок.

К концу этой песни шум очищает остров Аретиаду от Стимфалийских птиц, использующих свои перья как стрелы (II, 1030 сл.). Если говорить о нисхождении мистов в телесность, то остров соответствует области чресел, мистически же — "колесу" над пупком; его вырождение проявляется как гнев, властолюбие и человеконенавистнические замыслы в образе перьев-стрел. "Одиссея" и евразийская мистика едины в том, что Харибда, или гнев с его оккультным источником вблизи пупка, есть наиболее опасное препятствие на пути миста. Там может спасти только бог. В нашей реконструкции Элевсиний Гера и Афина не допускают волков в Телестерион и тем обрекают на провал властолюбивый план Гефеста. Увы, не удалось прояснить, каким образом трещотки Геракла и бряцающее оружие аргонавтов помогают подавить вскипающий гнев и какое поведение и практика отвечают ныне этим звуковым картинам. Как бы там ни было, мистически Арес должен покинуть эту сферу и возвыситься до горлового лотоса, дабы там осенить огнем силу речи. В итоге он благодаря гармонии должен слиться с сердечным лотосом, с Афродитой.

Теперь подробнее: если Гомер вслед за очищенной и затем прорицающей Цирцеей приводит Одиссея к "бродящим утесам" (Од. 12,61), то у Аполлония после прорицателя следуют сшибающиеся скалы Босфора (II, 317; 550). Гомер говорит о двух пролетающих между утесами голубях, один из которых гибнет, тогда как второй доносит амброзию Зевсу (то есть телесно — голове); мертвый голубь затем оживает. Аполлоний ведет речь лишь об одной голубке, которая, летя впереди корабля — телесно мистическим путем сверху вниз, — теряет между

скалами перья хвоста (Од. 12,69—74; Арг. II, 573). Аполлоний едва ли понимает мистический знак Гомера. Бродящие утесы или stalkивающиеся скалы суть телесный образ сердца.

Миновав эти скалы среди ночных кошмаров, Ясон и его герои созерцают необычайное видение: на заре осеннего дня они видят Аполлона, шагающего по воздуху, он направляется из своей летней резиденции в Ликийи, стране волков, на зимнюю, постоянную квартиру в Гиперборейской земле, где живет и северный ветер (II, 674 слл.).

Это видение стоит у Аполлония особняком. Гомер вместо этого упоминает о встрече с Гелиосом на Тринакии, которую Одиссей проспал (12). Аполлоний же созерцательным образом гиперборейца Аполлона, вероятно, указывает на никак не подготовленное в эпосе посещение аргонавтами северных стран, в IV песни. Мы рискуем предположить, что на обратном пути они плыли не по Дунаю и Роне, как принято считать, а выбрали более легкий водный путь через Днепр и Западную Двину, через Балтийское и Северное море. Впоследствии этим путем плавали норманны-варяги.

После stalkивающихся скал аргонавты чувствуют себя так, будто "из Аида вышли" (II, 609), будто он им ничем, и это вполне справедливо, ибо немногим позже они видят первый проблеск Элизия — шагающего по воздуху Аполлона. И Ясон вправе сказать: "Даже если бы нам чрез Аида пучины плыть пришлось, не поддамся я робости"... (II, 642) Пучины и впрямь знаменуют его дальнейший путь, ведущий для начала через устье Ахеронта (II, 743), реки подземного мира. Властвует тамошним краем царь по имени Лик ("волк"), подземное отражение Аполлона (II, 752). О грядущей дороге этот Лик говорит аргонавтам примерно то же, что и Финей. Здесь "Арго" меняет кормчего, прежний убит вепрем (II, 815 слл.). И опять-таки здесь впервые слышен совет из уст не постороннего, но аргонавта — Пелея, "мужа из глины", отца Ахиллеса (II, 880). Внешне "Арго"

плывет вдоль северного побережья Малой Азии, внутренне же, духовно — через Гадес, пока в Колхиде, добыв золотое руно, Ясон со товарищи не осуществляет прорыв в Элизий.

Очередная остановка "Арго" после Ахеронта — в устье Каллихора, где Дионис по возвращении из Индии справлял свои оргии и таинства (II, 904 сл.). И подобно тому, как Одиссей, спустившись в Гадес, в первой же встретившейся ему душе узнаёт своего недавно усопшего спутника Ельпенора (Од. 11, 51), так и аргонавтам является душа мертвого Сфенела, Гераклова спутника в давнем походе против амазонок: "<...> пустила на землю тут Ферсефона сама Акторида плачевную душу" (II, 915 сл.).

У реки Каллихор Орфей, тоже участвовавший в этом походе, посвящает свою лиру Аполлону (II 928—929). Аполлон и здесь — божество подземное, мистическое; таким он виделся и мистериальной общине, что собиралась в императорском Риме под нынешней церковью Санта-Мария-Маджоре. Далее мы узнаём, что с завершением Второй оргии струнная музыка умолкала. В Первой оргии звучали флейты сатиров, во Второй — лира, к концу ее, по Аполлонию, — трещотки, а в Третьей оргии — имитирующие гром барабаны или (в Элевсине) огромный гонг. Под наигрыш флейт мист обращает свое внимание от лба вниз, к горлу; его пока что несут ветер и дыхание. Под струнную музыку он достигает стихии воды, в человеке чувствующем — нервов, крови и сердца. Трещотки, барабан и гонг в Третьей, отвечающей воле оргии сопровождают переход диафрагмы.

Следующая остановка "Арго" — Парфений, "река девственниц" (II, 936 сл.). Дальше начинаются земли воинственных "женщин без груди", амазонок (II, 965 сл.). "Железоносной земли рассекая упорные недра, плату они получают в обмен" (II, 1005—1006). Из всех богов в почете у них только Арес; на острове Аретиада в храме, не покрытом кровлей, на черном священном камне они при-

носят ему в жертву коней (II,1171 сл.). Лежит этот остров вблизи Колхиды.

Рядом с амазонками живут племена тибаренов и мосинеков, отличающиеся весьма безнравственными обычаями (II,1010 слл.). Мимо них "Арго" проплывает с той же поспешностью, что и Одиссей мимо Скиллы. Затем герои высаживаются на Аретиаде. Духовно этот остров соответствует Харибде.

Аретиада, остров Ареса с его построенным из морских камней храмом — это камни Харибды, — необитаема из-за Стимфалийских птиц, у которых перья как стрелы. Герои вспоминают, что в Аркадии Геракл разогнал таких птиц медной трещоткой (II,1055). За отсутствием трещоток они принимаются оглушительно кричать и бить копытами в щиты. Птицы тысячами взмывают в воздух и улетают (II,1082).

На очищенном острове аргонавты встречают четырех сынов того самого Фрикса, который некогда повесил золотое руно на дубу среди Аресова поля в месте, называемом Эя, то бишь Земля. Умирая, Фрикс наказал привезти из Эллады принадлежащее ему наследие — сокровища Афаманта. И они отправились в путь, но потерпели кораблекрушение. Из кораблекрушений, выпавших во Второй оргии на долю Одиссея, сыновей Фрикса настигает то, что предшествует встрече с Харибдой. Здесь речь идет о мистических органах над пупком и гениталиями.

От имени четырех потомков Фрикса говорит Арг, рассказывает, что душа у царя Эита (Ээта) "полна погибельной злобы" (II,1202). Тот хотя и слывет сыном Гелиоса (II,1204), однако же носит имя "земной", и все его достоинство создано Гефестом, даже огнедышащие быки, на которых он раз в году перепахивает каменистое поле Ареса (III,228 слл.). В нисхождении достигается "колесо" о четырех спицах.

Напрашивается предположение, что Эита и золотое руно нужно искать в подземном царстве мертвых, где Гелиос

двинется вспять, превращая Гадес в Элизий. Между Аретиадой и Колхидой "Арго" проплывает мимо острова Филириды (II,1231), названного по имени нимфы, которая родила от коня-Кроноса кентавра Хирона. Небесный кентавр — созвездие Стрельца. Мистерия начиналась под Близнецами, которые во II тысячелетии осеняли день рождения Афродиты, 24 апреля; здесь она уже идет к концу. Геракл тоже гибнет в огненно-жгучей рубахе отравленного кентавра, то есть побежденного Стрельца.

Кроме того, поэт вспоминает здесь огненного титана Прометея (II,1248 сл.), которого Гефест по велению Зевса приковал к скалам Кавказа. В этом образе скала и огонь тесно связаны, как и положено в Третьей оргии. Имя Прометея напоследок слышится в названии зелья, которое в Колхиде припасено Медеей; оно зовется "прометеев цвет" и схоже с растением *моли*, которое Одиссей получил от Гермеса (Од. 10,303 сл.); это зелье склоняет к Ясону "единородную Деву" (Персефону) (III,845 сл.). Им же Медея наводит сон на недреманного дракона, стерегущего золотое руно. Усыпление змея она предваряет напевным наговором (IV.146; 156 сл.).

"Арго" еще стоит в засаде возле Эи среди густых тростников реки Фазис. А Гера и Афина совещаются, как помочь Ясону. Обе просят Афродиту пробудить в Медее любовь к Ясону (III,1 — 153). Афродита успешно выполняет их просьбу, после чего аргонавты успешно похищают руно. В древнейшую эпоху таинствами единовластно распоряжалась Афродита, так было во времена троянца Анхиза. Чуть позже наряду с нею являются Гера и Афина; поначалу их не слишком жаловали, стремясь обрести силу одной только Афродиты, — именно так поступил троянец Парис, что и отражено в легенде. Затем Гера и Афина решительно вторгаются в мистику — для Ахиллеса они участвуют в священном действе наравне с Афродитой, как сообщает в VIII веке Гомера "Илиада". Наконец в III веке у Аполлония три богини предстают как вершитель-

ницы таинств в полной гармонии. По крайней мере в классическую Периклову эпоху мы обоснованно предполагаем в Элевсиниях существование такой гармонии.

Третью оргию "Аргонавтика" отражает в III своей песни. Три богини — Гера, Афина и Афродита, — посоветовавшись между собой, решают, что царевну Медею нужно так преисполнить любовью к Ясону, чтобы она помогла ему добыть золотое руно (III, 85 сл.). Это совещание занимает то же самое место, что и их спор, послуживший поводом к Троянской войне.

Мы не будем останавливаться на побочных сценах, но рассмотрим условия, на которых Эит был готов предоставить Ясону золотое руно: на равнине Ареса герой должен исполнить дело, которое дотопе ежегодно исполнял сам царь (III, 401 сл.), — вывести из подземного стойла двух огнедышащих быков, надеть на них ярмо и вспахать крепкое, словно камень, Аресово поле, затем посеять там зубы дракона, точно такие же, какие были получены царем Кадмом в Фивах, и одолеть всходы — необузданно-диких воинов. Ясон вспахивает поле и побеждает воинов, швырнув в их ряды большой камень, отчего вспыхивает междоусобная схватка и они почти полностью истребляют друг друга, а оставшихся добывает сам Ясон (III, 1277—1385). Затем аргонавты уплывают, похитив золотое руно. Так начинается последняя, IV песнь. Вместе с руном они увозят и царевну Медею, а этого ее отец Эит снести не может.

Аполлоний сравнивает помощь Медеи Ясону с той, какую Ариадна оказала в Кноссе Тесею в его единоборстве с человекобыком (III, 997 сл.). И подобно тому, как царь Минос хвастался, что он сын (подземного) Зевса, так Эит ("земной") мнит себя сыном солнечного бога Гелиоса. Скорее всего, царь имеет в виду "Гелиоса мертвых", потому-то Аполлоний так тесно и связывает его с Гефестом. Эит пользуется творениями огненного подземного духа и кузнеца; Ясон же пользуется зельем, выросшим из крови

Прометея (III, 845; 1256), титана, принесшего людям небесный огонь.

"Аргонавтика" посвящает IV, заключительную песнь еще и описанию дальнего — через северные страны — пути героев домой; спасаясь от колхов, флот которых перекрыл и Босфор, и Дунай, они на веслах идут, вероятно, по Днепру. Все препоны, которые Одиссей у Гомера одолевает на море, снова встают и перед Ясоном. Мы усматриваем в IV песни обобщенное описание Четвертой оргии, замечая при этом, что мисты не всегда выходят из таинств невредимыми.

Свидетельство в сказке Апулея

Включенная Апулеем в роман сказка (IV,28—VI.24) состоит из трех частей. Девушку по имени Психея (Душа), младшую из трех дочерей кипрского царя, преследует гнев Венеры (Афродиты), потому что ее, смертную, считают красивее самой богини. Отец советуется с оракулом Аполлона и получает предсказание: "Царь, на высокий обрыв поставь обреченную деву и в погребальный наряд к свадьбе ее обряди; смертного зятя иметь не надейся, несчастный родитель: будет он дик и жесток, словно ужасный дракон. <...> Даже Юпитер трепещет пред ним и боги боятся. Стиксу внушает он страх, мрачной подземной реке" (IV,33,1-2).

Психею отводят на скалу и оставляют там. Зефир, западный ветер, подхватывает ее и относит в цветущую долину с источником и дворцом. Днем девушка совершенно одна; ночью приходит супруг, которого она любит, но не видит; с рассветом он исчезает. Сестры, навестив ее, напоминают о драконе, о котором вешал оракул. Они оставляют ей яркую лампу и бритву, чтобы, если жених все-таки окажется драконом, она отрезала ему голову.

На следующую ночь Психея встает, взяв бритву, зажигает светильник и видит крылатого юношу — Купидона. Ненароком она до крови колет себе руку его стрелой. Кровь привязывает ее к тому, кого она вот-вот потеряет. Капля горячего масла от лампы, брызнув на плечо бога, будит его. Открыв глаза, он видит Психею со светильником и бритвой, взлетает на ближний кипарис и оттуда, укоряя ее, говорит, что она должна теперь делать. А потом исчезает. Такова первая часть, соответствующая Первой оргии. Ее повторяют и углубляют два испытания — зерном и овцами с ядовитым укусом.

Первым испытанием и начинается Вторая оргия. Психея должна за день рассортировать кучу смешанного зерна. Вместо девушки зерно разбирают муравьи. Это испытание как бы подводит итог недавним молитвам бедняж-

ки Психеи в храме Деметры: "Заклинаю тебя твоей десницей плодоносной, радостными жатвы обрядами, сокровенными тайнами корзин, крылатой колесницей драконов, твоих прислужников, бороздою почвы сицилийской, колесницею хищною, землею цепкою, к беспросветному браку Прозерпины [Персефоны. — Н.Ф.] схождением, светлым обретенной дочери возвращением и прочим, что окружено молчанием в святилище Элевсина аттического, — окажи помощь душе несчастной Психеи, к твоей защите прибегающей" (VI,2).

В июне, снимая урожай, жнецы ели кашу из смешанного зерна, которая называлась *panspermia* и, кстати, не вышла из употребления по сей день. В октябре-ноябре, перед севом, богине полей тоже приносили в жертву всевозможное зерно, только разобранный, на блюде с пятью-шестью выемками, в каждую из которых клали свой особый сорт. Эти блюда сохранились и сейчас. "Золушкино испытание Психеи в стихии ветра следует, таким образом, естественному ходу крестьянских работ. С одинаковым успехом оно могло стоять как под профаническим Блинецом Кастором-Триптолемом, так и под оккультным Полидевком-Евбулеем. Второе и третье испытания, однако, связаны с овцами и Коцитом, то есть принадлежат обращенному пути оккультного Близнеца Евбулея. Кроме того, мы полагаем, что разборка зерна — у Психеи с помощью муравьев, или инстинкта, у Золушки с помощью голубей, или более высокого понимания, — сопоставима с танцем Ямбы в Элевсиниях, когда она изображает становление человеческих и животных форм, в обратной последовательности, к началу — змее и яйцу. Исторически этот танец, который на многие тысячелетия старше Элевсиний, возможно, исполнялся уже в мистериях Астарты; для более поздней Матери полей в общедоступном ритуале к танцу добавили сбор зерна, в оккультном ритуале Элевсиний мы этого, однако, не обнаружили. Если говорить об оккультной практике, то обе эти формы способствуют осознанию точных метаморфоз. В обычной жизни

это способность видеть не только факты, но и скрытые за ними возможности. Из оккультных "колес" такая практика стимулирует лобный лотос и отчасти — тот, что у гортани.

Второе испытание Психеи — в рамках Второй оргии — ставит перед ней задачу принести из заречья клочок шерсти золотурных овец. Овцы эти свирепы, укусы их ядовиты; они принадлежат зимнему пути миста навстречу смерти.

Сперва Психея готова утопиться от отчаяния. Но тростинка шепчет ей: "Когда же после полудня спадет солнечный жар и приятная речная прохлада стадо успокоит, <...> ты найдешь золотую шерсть, застрявшую повсюду среди переплетенных ветвей, — стоит лишь потрясти листву соседних деревьев" (VI.12). Здесь проскальзывает намек на предание о золотом руне. Сама Гера вела к нему аргонавтов; поэтому вполне позволительно предположить, что данное испытание как бы венчает визит Психеи в храм Геры. Может статься, ссылка насчет полудня означает: посредством соответствующих понятий возвысь свое видение, помести его в дневное сознание, чтобы не оно завладело тобой, а ты сохранил власть над его содержанием. Мы пока что в стихии ветра, а телесно-мистически — в области горлового лотоса.

Третье испытание требует, чтобы Психея зачерпнула склянку ледяной воды из охраняемого драконами источника, питающего волны Коцита, которым клянутся боги. Выполняет это дело Зевесов орел — то самое существо, что терзает печень Прометея. Психея проникает к сердечному лотосу, а возможно, и глубже, так что заглядывает одним глазком в реку судьбы. "Одиссея" излагает тут приключения от Цирцеи-Кирки до Харибды, то есть до "колеса" над пупком.

В целом о "колесах" в этой сказке можно сказать следующее: лобный лотос закладывается оракулом Аполлона, приводящим девушку на оккультный путь — на скалу. В лесной долине этот лотос пробуждается в виде светильника: когда светильник горит, над горлом Купидона уже за-

несена бритва и, таким образом, закладывается горловой лотос. Пробуждают его золотурные овцы, тогда как воды Коцита стимулируют сердечный лотос. Лотос у пупка — с черными камушками, или драгоценностями, — и два других вплоть до четырехлепесткового лотоса в нижней части тела пробуждаются последним испытанием; их оживляет сначала Персефона (Прозерпина), а под конец Купидон — как огонь. Обладая этими шестью "колесами", иначе говоря органами духовного восприятия, Психея по свершении Третьей оргии способна в Четвертой свободно двигаться в кругу богов.

Третью оргию сказка описывает как путешествие Психеи к Прозерпине (Персефоне), четвертое ее испытание (VI. 16 — 21). Получив задание принести баночку с красотой Прозерпины, девушка понимает, что идет на верную гибель, и спешит к высокой башне, чтобы броситься оттуда вниз. Но неожиданно башня дает ей совет, объясняет, каким образом она сможет успешно выполнить поручение и остаться в живых.

Башня принадлежит знаку Козерога, под которым начинается Третья оргия. Козерог — дикая горная коза и относится к стихии земли. На небе (в обратном порядке) за Козерогом следует Стрелец, под которым свершается Третья оргия. Советы башни таковы: нужно спрятать под язык две монеты для перевозчика на реке мертвых, а в руках нести две ячменные лепешки на меду для трехголового адского пса, по одной на дорогу туда и обратно. Мы не будем говорить об этих дарах мертвым, хотя лепешка и мед указывают на хлеб и вино в причастии, а касательно медяков за перевоз орфически-элевсинская мистика располагает однозначными текстами на золотых пластинках из Фурий.

Кроме того, неподалеку от реки Психея встретит погонщика с нагруженным ослом, увидит во время переправы всплывшего на поверхность мертвого старика, который попросит втащить его в лодку, а на том берегу —

трех старых ткачих, которые станут умолять ее о помощи. Девушка должна оставить все это без внимания, ибо осел и старик суть отражение ее тела, о котором она должна забыть на пути к Прозерпине, а ткачихи — ее судьба, которая в таинстве дожидается в стороне.

Прозерпина принимает девушку благосклонно и желает щедро ее угостить. Психея же садится на землю у ног богини и берет только кусок простого хлеба, а потом излагает просьбу Венеры. Прозерпина выполняет просьбу, и Психея возвращается в верхний мир. Перешагнув сумеречный порог, она хочет взять себе капельку Прозерпининой красоты, открывает баночку и погружается в глубочайший сон, который незримо вылетает из сосуда. Тут ее отыскивает Купидон, снимает сон и загоняет его на прежнее место, в баночку, предназначенную для Венеры-Афродиты. Засим он просит Юпитера (Зевса) даровать Психее бессмертие. Велением громовержца девушка принята в сонм вечных богов, а тем самым завершена и Четвертая оргия.

Свидетельство Апулея "Золотого осла"

Латинский роман "Метаморфозы" написан уроженцем Северной Африки Апулеем около 170 года от Р.Х. Произведение, вскоре получившее название "Золотой осел", состоит из пяти частей. Прежде всего оно рассказывает о превращении его героя Луция в осла, сообщая попутно несколько любовных историй: начиная с двух женщин старика Сократа через служанку Фотиду до благородной девицы Хариты. В этом смысле роман до раздела VIII.14 сходен с женственно-мягкой Первой оргией. Далее, с раздела VIII.15 следует та же оргия в по-мужски жесткой форме — ряд жутких перипетий, которые можно рассматривать и как переход к Второй оргии. В нашем толковании это промежуточная оргия с бросанием камней.

Следующая серия приключений (IX.29—X.12) отображает Вторую оргию, и завершается она, когда осел находит приют у наместника Ахайи. Благородный господин в итоге определяет его в коринфский театр, который заменяет здесь Телестерион и представляет собою место свершения Третьей оргии (X.13—35). Бегство оттуда к морю у Кенхрея и предрассветное созерцание Исиды над водами заканчивают Третью оргию. Утром процессия Исиды позволяет ослу снова обратиться в человека. Процессия отражает Четвертую оргию (XI.1—18). Далее автор описывает свои посвящения в таинства Исиды и Осириса на Марсовом поле в Риме.

Прологом романа является путешествие Луция в Афины и фессалийскую Гипату. По дороге он встречает некоего Аристомена и слышит от него жуткую историю о двух ведьмах, которые лишили жизни его товарища Сократа, а самого Аристомена залили мочой. Моча указывает на седалище Афродиты в человеческом теле, ведьмы же суть отражения Артемиды и Деметры. У бив Сократа, они вы-

резают ему сердце, то есть вслед за почками завладевают и мистическим органом над сердцем.

Первая оргия начинается любовными историями. Молодой человек Луций ("просветленный") затевает в Гипате амурные игры с девушкой Фотидой ("огонек"). Участвуют в развитии событий и тетка Луция — Биррена ("огненная плясунья"), незамужняя благородная дама, дом которой похож на храм Дианы-Артемиды, и хозяйка Фотиды Памфила ("вселюбящая"), чьи колдовские зелья превращают Луция в осла. Кем бы ни была Памфила — негативным отражением Деметры, Исиды или Афродиты, ее старый, скупой, богатый муж Милон вполне под стать Гадесу-Плутону ("богатому").

Ночью Луций веселится с Фотидой, днем слышит у Биррены о бдении над покойником, во время которого наемный караульщик остался без носа и ушей. Затем, когда Луция, уже превращенного в осла, гонят в горы, он слышит в разбойничьей башне, как старуха, которая стряпает для разбойников (Деметра), утешает похищенную от матери, как Персефона, девушку Хариту ("наделенную милостью"), рассказывает ей сказку о Купидоне и Психее. Харита тщетно пытается сбежать верхом на осле, но ее жених Тлеполем ("ревнитель таинств"), назвавшись разбойником Гемом ("кровавым"), освобождает ее. Осла отсылают пастухам на конское пастбище, и он ошибочно полагает, что стал наконец свободен.

На этом заканчивается Первая оргия. Следует пролог к Второй: завистливый друг жениха, по имени Тразилл ("дерзкий"), во время кабаньей охоты убивает Тлеполема. Харита ослепляет злодея, и он ищет голодной смерти, но положения девушки и осла это не улучшает. В гробнице, устроенной как часовня Диониса, Харита вонзает себе под правую грудь меч жениха.

Любовные игры с Фотидой соответствуют элевсинскому танцу Ямбы в нижней части первого двора, изображающему рождение; а последующие ужасные истории ото-

бражают священное действо вплоть до избиения юноши в верхней левой части первого двора и появления скелета. Нижняя сцена стоит под знаком небесного Тельца, верхняя — под знаком Овна, в сказке он соотносится с ядовитыми златорунными овцами. Любовь и смерть Хариты повторяют эту двойную сцену. Если говорить о богах, то от Артемиды и Деметры мы продвигаемся к Персефоне и Дионису.

После смерти Хариты принадлежавшие ей пастухи спасаются бегством от новых хозяев и берут с собой осла. Заночевав в какой-то деревушке, они слышат с случившейся там страшной истории. Некий раб любви свободную женщину; горя мезтью, его законная жена-рабыня утопилась с ребенком в колодеце, хозяин же велел вымазать несчастного медом и привязать к фиговому дереву, чтобы гнездившиеся в дупле муравьи обглодали его до костей. В конце концов к дереву оказался привязанным только сверкающий скелет. Все это напоминает любовь героя Пирифоя, который сватался к Персефоне, одно из ее имен как раз и означает "свободная", по-латыни *Libera*. Первая оргия тоже сходна со сватовством к Персефоне; мы совершаем переход к Второй оргии.

Ученица К. Г. Юнга Мария Луиза фон Франц, специалистка по глубинной психологии, посвятила первой половине романа "Золотой осел" (включая сказку) обширный комментарий, в котором она скрупулезнейшим образом анализирует все сцены и все сложности. Значимость этих сцен и вставных историй вплоть до *замужества и смерти Хариты* в VII книге получает вполне правильное толкование. А вот книги VIII—X она уже только критикует: ее раздражают жестокости.

Но как раз эти "жестокие" истории отражают существенные сцены античного посвящения. Аргументировать против этого нынешними ощущениями нет смысла, ибо речь здесь идет не о душевных, а о духовных процессах и о средствах, которые должны пробудить в

душе новые органы познания. Г-жа фон Франц знаменует предел своего понимания словами: "Со смертью Глептолема и Хариты в романе заканчивается всякая любовная жизнь; отныне вокруг только супружеские измены, гомосексуализм и содомия, за исключением разве что последней главы. Теперь авторские темы — извращения, преступления и пытки. Роман становится скучноват; омерзительные истории следуют одна за другой"²³⁵. В первой части упомянутый комментарий, как нам представляется, весьма хорош, далее же он не более чем свидетельство ограниченности глубинной психологии. Что касается сказки, полезно обратиться также к работе Геллы Краузе-Циммер "Об античной мистериальной сказке: Амур и Психея"²³⁶.

Роман отражает промежуточную оргию в рассказах 1) о грозящем ослу холощении, 2) о ночном побивании камнями, 3) о драконе, пожирающем мальчика и юношу, и 4) о скелете, привязанном к дереву.

Благородная Харита отпускает осла по случаю своей свадьбы на пастбище к лошадям. Наконец-то свободный ослик! — радуется он. Но прежде чем он попадет в табун и будет искусан жеребцами, старая табунщица (Деметра) заставляет его без отдыха вращать мельничный жернов. Верчение жернова (да еще и с завязанными глазами!) повторяется затем на другой мельнице у другой хозяйки, на самом деле — у той же в царстве мертвых (Деметры Антеи). После первой мельницы осел Луций попадает к мальчишке, который возит на нем хворост и вскоре гибнет в лапах медведицы (Артемиды-Гекаты).

После смерти Хариты (VIII.14) пастухи, опасаясь за свою участь, спасаются бегством и во время ночного странствия видят трупы да скелеты. Им угрожают волки, собаки и медведи; испуганные обитатели деревень, через которые они идут, бросают в них камни. Женщина, едущая на осле, получает камнем по голове. Ее муж

молит о милосердии и слышит с верхушки кипариса ответ главаря атакующих: "Теперь же с миром и ничего не опасаясь можете продолжать ваш путь" (VIII.18). С того же кипариса, дерева мертвых, Купидон в сказке ободряет Психею, после того как первая их связь рвется. Мы находимся в междворье, на переходе к Второй оргии.

Утром, на первом привале, к путникам обращается старик козопас (под знаком дикого козла, Козерога), молит о помощи: "Внучек мой <...> свалился в <...> ров <...> Вам <...>, молодостью и силой одаренным, легко оказать поддержку несчастнейшему старцу и доставить мне живым и невредимым самого младшего из моих потомков и единственного отпрыска" (VIII.20). Один из молодых и крепких пастухов уходит со стариком и не возвращается. Когда же заглядывают в ров, то обнаруживают там огромного дракона, который пожирает юношу-пастуха. А убогого старца пропал и след. Дракон — это Дионис в подземном облике. Мальчик и юноша — его ипостаси на Крещенье.

В ближнем городе осла продают вожаку юнцов-корибантов, служителей сирийской богини Реи. Юнцы одеты в женское платье и танцуют под флейты и трубу, бичуя и рая друг друга в якобы божественной одержимости. Осел возит на спине статую богини и все добро трупы, служит и храмом, и складом. Тайные непристойности, которыми священнослужители занимаются с крестьянским юношей, раздев его догола, Луций выдает громким ослиным криком, и в наказание его жестоко, чуть не до смерти избивают бичами, в которые вплетены бараньи косточки. Вторая оргия напоминает культовые страсти, которые следуют в обратном порядке и начинаются под небесным Овном. Мы все еще в междворье.

В доме, куда затем попадает бродячая трупка, собака стащила у повара олений окорок. Олень — животное Артемиды; Первая оргия заканчивается. Вместо оленя повар намеревается зарезать осла и подать на стол его окорок.

Только бегство в хозяйскую столовую спасает Луция от ножа. Слуги хозяина зовутся **Миртил**, Гефестион, Гипатей и Аполлониий, то есть Евбулей, Гефест, Гермес и (ночной) Аполлон. Они проверяют, не взбесился ли осел, поставив ему для питья полное ведро свежей воды — бешеные животные воду не пьют. Осел пьет, и его отпускают (IX.1—4). Вода — господствующая стихия Второй оргии. А поскольку **эта** оргия зачинает оккультное развитие, метаморфозу сознания, рассудок миста должен постоянно быть начеку и подвергаться испытаниям. Удивительны для нас испытатели — все участвующие в мистерии боги. Было бы достаточно одной Афины.

Труппа сирийской богини приходит в деревню, где узнает следующую историю (IX.5—7). Прелюбодей, которого вернувшийся домой муж застал голым у себя в доме, объявляет простаку-мужу, что он-де за семь денариев купил бочку и голым залез в нее, чтобы посмотреть, годится ли она на что-нибудь. В итоге обманутый муж сам чистит бочку да еще и тащит ее в дом женина любовника, получивши пресловутые семь денариев. Бочка — образ человеческого тела, в которое мист нисходит душевно (голым).

В конце концов шайку накрывают с поличным на краже золотой чаши (из Элизия) и разгоняют (IX.9—10), то есть с достижением Элизия их таинство завершается.

Осел же еще не закончил свой путь, он попадает к супругам, у которых на мельнице день и ночь трудятся рабы, в скудости своей уже похожие на скелеты. Луций, впряженный в бесконечный ворот, крутит жернов. Мельничиха (Деметра) исполняет обряды "какой-то ложной и святотатственной религии" и якобы "читит единого бога", а вдобавок пристрастилась с раннего утра пить неразбавленное вино (IX.14). Единым богом для нее становится Дионис.

На мельнице Луций много чего видит, о чем впоследствии говорит так: "Не без основания божественный творец древней поэзии у греков, желая показать

нам мужа высшего благоразумия, воспел человека, приобретшего полноту добродетели в путешествиях по многим странам и в изучении разных народов. Я сам вспоминаю свое существование в ослиной шкуре с большой благодарностью, так как под прикрытием этой шкуры, испытав превратности судьбы, я сделался если уж не благоразумным, то по крайней мере многоопытным" (IX.13).

К примеру, он видит, что мельничиха держит любовника, которого ждет "словно появления какого-нибудь бога" (IX.22), а это указывает, что цель Второй оргии — обиженный человек.

Однажды мельник приходит домой раньше времени, и мельничиха прячет любовника под деревянным чаном. А тою порой муж, призывая в свидетели Цереру (Деметру), рассказывает, что в доме его приятеля сукновала, к которому он был приглашен на ужин, случилось безбожное и неслыханное преступление — жена спуталась с любовником. Когда приятели после бани явились к ужину, она "своего любовника сажает под высокую корзину, <...> увешанную со всех сторон материей, которую отбеливал выходящий из-под корзины серный дым". Пока приятели ели, "молодой человек, нанюхавшись серы, принимается чихать" и тем себя выдает. Муж хотел заколоть его мечом, но мельник отсоветовал: "...враг его все равно скоро погибнет от действия серы".

Мельничиха так возмутилась этой историей, что "принялась ругательски ругать жену сукновала", а под конец вскричала: "Таких женщин [они — это Персефона. — Д.Л.] следует живьем сжигать!" Тут, [осел. — Д.Л.] наступил со злобой на пальцы [спрятанного под чаном любовника мельничихи. — Д.Л.] и раздробил их на мелкие кусочки". Юноша жалобно застонал и был также обнаружен. Жену мельник выгнал из дому. А любовника ее он велел работникам поднять как можно выше /ср.: Фотида в роли "Венеры Раскачивающейся" как

раз еще находится в стихии ветра] и отстегал его розгой по ягодицам. Изгнанная жена [Деметра. — Д.Л.] затем наслала на него едва прикрытую лохмотьями старую ведьму [Рею. — Д.Л.], которая, намереваясь якобы потолковать с мельником наедине, повесила его в его же комнате [лишила воздуха. — Д.Л.]. Сама она исчезла из запертого помещения, точно призрак. Осла тогда продали огороднику (IX. 23—31). Эти образы достигают в своем развитии стихии воды, Второй оргии.

Страдания осла от колючек, речки, камней и горячей ноши, еще когда он при жизни Хариты возит хвост, проводят его через стихии ветра, воды, земли и огня. Это стихии первой группы созвездий от Рака до Овна, а затем и примыкающей второй группы: Рыб, Водолея, Козерога и Стрельца. Когда старуха грозит ослу тлеющей головней, она действительно хочет оскопить его. И вообще этот период кончается решением пастухов накануне побега "завтра" выхолостить осла. Нечто подобное происходило в Элевсине на рубеже Первой и Второй оргии — когда иерофант пил свое зелье. И в целом тоже первые три элевсинские оргии ведут миста через стихии ветра, воды и земли к огню — небесно при обратном порядке знаков, от Близнецов к Стрельцу; начальный Рак отпадает. Телесно же происходит нисхождение к силам пола. Иерофант, выпивая разбавленный сок аконита, находил защиту от чувственности. Сок он пил между Первой и Второй оргией, на переходе от ветра к воде, чтобы в конце Третьей оргии не опасаться телесного явления огня. Когда мельничиха (Деметра), узнав о прелюбодеянии жены сукновала, восклицает: "Таких женщин следует живьем сжигать!", она говорит о Персефоне, которая так и так является лишь в огне Стрельца. Мельник — это Дионис, "призрачная" старуха — Деметра Антея, или Рея, сукновал — Гадес. Любовники, как уже упоминалось в комментарии к промежуточной оргии, — это Близнецы Евбулей и Триптолем, соответственно при Персефоне и при

Деметре. Гадес — это и молодой богатый сосед, убивающий владельца имения, к которому приезжает огородник, и его трех сыновей. Владелец имения — Дионис, три сына — его ипостаси: мальчик, юноша, муж.

Любовник жены сукновала — Евбулей. Напрямую он с Аресом не связан; потому-то мельнику удается уговорить сукновала не закалывать юношу мечом, как сделал бы Арес, а удушить его адским серным дымом или — что соответствует этому — ввести его во Вторую оргию. Возлюбленный мельничихи, подобно непреобразенному Аресу и Триптолему, следует летнему ходу природного развития; потому-то его оставляют в живых и подвергают, под знаком Льва, наказанию, которое отвечает побоям Матери-Земли при обмолоте в июне-июле.

Водою начинается Вторая оргия, когда подозреваемый в бешенстве осел выпивает ведро воды и потому может идти дальше. Вставная новелла о любовнике в бочке свидетельствует, что в последующих оргиях мистам предстоит низойти в сосуд телесности. Еще в первой части романа угроза разбойников в башне выпотрошить осла и зашить в него обнаженную девушку Хариту знаменует это проникновение в глубь тела.

На подворье огородникова благодетеля (IX.33—34) сперва отмечаются дурные знаки: наседка вместо яйца сносит готового, пищущего цыпленка; под столом разверзается земля и ключом бьет кровь; в погребе закипает в бочках вино; ласка выволакивает из норы мертвую змею; у собаки из пасти выскакивает лягушонок, а баран вцепляется собаке в глотку и тут же ее душит.

Кипящее в погребе вино показывает Диониса-Плутон в стихии огня — это цель мистерии. Яйцо, которое перескакивает период высживания, есть пасхальное яйцо первоначала, подвергнутое ускоренному развитию таинства. Ласка посвящена Артемиде, которая стоит перед воротами, а потом, уже как Геката, открывает за воротами в Первой оргии мистерию смерти, приводящую в конце к Зевсу Мэлихию, или Плутону.

ну,— подземной змее. Собака — животное Гекаты, а именно эта богиня изгоняет чувственность в образе голубого лягушонка; в Элевсине под конец Первой оргии иерофант пил разбавленный сок аконита, укрощающий чувственное возбуждение. Таким же средством — латуком — питается и огородник, промежуточный хозяин осла, к которому из-за дождя завернул почтенный владелец винных погребов. Знаки, которые осел Луций видит в усадьбе этого человека, ведут к Водолею, а тем самым к Второй оргии во внутреннем дворе.

Огородник, купивший осла из **Мельникова** наследства, выращивает один только латук. Тщетно ждет он зерна, вина и масла от почтенного землевладельца Диониса, что вместе с тремя сыновьями гибнет от злодейств соседа Гадеса.

На обратном пути из той усадьбы римский легионер пытается отнять осла и бьет огородника жезлом. Тот в рукопашной одолевает противника, валит его наземь и, забрав солдатский меч, уезжает. В лачуге у приятеля он сам прячется в какую-то корзинку с крышкой, осла же затаскивают на второй этаж. Через два дня ликторы являются в этот дом и безуспешно его обыскивают. Но перед уходом они так бурно спорят с солдатами, что осел от любопытства выглядывает в окошко. Длинноухая тень падает под ноги легионерам, так что все раскрывается. Огородника ждет скорая казнь, а осел попадает на военную службу (IX. 39—42). Тень указывает на лобный лотос, корзинка и меч — на горловой.

Солдат со своим новым оруженосцем приходит в городок, где случается такая история. Домохозяин, человек пожилой, богатый, был в отъезде, оставив дома вторую, молодую жену и сыновей. Имея собственного двенадцатилетнего сына, женщина влюбляется в семнадцатилетнего пасынка (Афродита в Адониса), но взаимности не находит и решает отравить юношу. Услужливый раб добывает у старика врача яд и наливает в бокал с вином — для юноши; однако двенадцатилет-

ний мальчик, сын коварной матроны, приходит с утренних занятий и, выпив отравленное вино, умирает. Его кладут в саркофаг в фамильном склепе. Перед городским судом жена обвиняет пасынка в братоубийстве. Раб выступает главным свидетелем. Только один из сенаторов не ополчается предвзято против юноши, тот самый врач, который за сто золотых в мешочке с печатью продал рабу яд. Он-то и предотвращает смертный приговор, рассказав, как было дело: у него возникло подозрение, что замышляется какое-то преступление, и вместо яда он продал снотворное, действие которого должно теперь прекратиться, так что пусть судьбы, мол, проверят саркофаг. Вернувшийся тем временем отец сам поднимает крышку — и тотчас мальчик открывает глаза. Жену сжигают [в русском переводе (X.12): "мачеху осуждают на вечное изгнание". — Н.Ф.], раба пригвозждают к кресту (X.1—12). Полный страстной путь.

Богатый отец, семнадцати- и двенадцатилетний сын соответствуют тому триединому Дионису, который в таинствах обнимает все возрасты. Его мистическое седалище — сердечный лотос, а в ипостаси Плутона — еще и лотос над солнечным сплетением.

Римский наместник (Дионис) развлекается дионисийской склонностью осла Луция к неразбавленному вину и покупает нашего героя за цену вчетверо выше обычной. Теперь подготовлен и нижний, четырехлепестковый лотос. Это действие всесторонне отражает Вторую оргию.

Как изложено выше, у каждого бога-участника есть свое место в человеческом теле: Афина властвует в голове, Артемиды — в области гортани, Гера — в совокупном облике, Деметра — в желудке и кишечнике, а Исида-Афродита-Персефона — в органах воспроизведения и обновления, в гениталиях. Осел — это тело, наместник Тиаз — дух.

На рассвете над морем у Кенхрея "золотой осел" Луций созерцает богиню, а затем встречает процессию Исиды с масками всех персонажей своих приключений, даже

со знаками — яйцом, факелом и серой. И вот жрец-предводитель протягивает животному венки из первых роз; сжевав его, Луций вновь обретает человеческий облик. Жрец тотчас велит накинуть на нагого юношу белые одежды (XI.3—15). Для Четвертой оргии отсюда следует: заключительная процессия всех участников, человеческий облик как смыслообразующий центр и белая одежда, которая была и в Элевсине.

X книга "Метаморфоз" отражает Третью оргию и при этом уже самими именами раскрывает лишь немногим меньше тайн, чем XI книга, непосредственно описывающая мистерии Иисиды в Риме.

Солдат, владелец осла Луция, направляется курьером в Рим к важному начальнику и в Коринфе продает осла неженатым братьям — кондитеру и повару, рабам наместника провинции Ахайи, по имени Тиаз ("дионисийское праздничное шествие"). Осел с человеческим аппетитом поедает приносимые братьями домой лакомства. Братья же обвиняют один другого в краже и прямо-таки готовы затеять смертельную распрю, подобно сыновьям Эдипа Этеоклу и Полинику, которые убили друг друга. Но до смертоубийства кондитер и повар не доходят, вовремя обнаружив человеческие причуды осла; развеселившийся зрелищем пирующего осла, их хозяин Тиаз дает ему еще и вина и учит разным штукам. Кроме того, он делает осла своим личным верховым животным. Как прежде Харита вместе с Луцием являла образ "девы в триумфе верхом на осле" (VII.13), так и здесь мы видим императорского наместника, въезжающего на осле в Коринф (X.18).

Благородная дама влюбляется в осла и берет его напрокат у Тиазова вольноотпущенника — этакая вторая Пасифая, мать Минотавра (X.19). Узнав об этом, Тиаз велит, чтобы Луций публично проделал это же в театре с преступной убийцей, осужденной на съедение зверям.

Сперва в театре представляют Париса на Идейской горе: он выбирает прекраснейшую из трех богинь — Геры, Афины и Афродиты; при этом белых коз "вызолотили" вином, в которое подмешали для желтизны шафран (X.34). Луцию удается сбежать до того, как приходит его черед идти на сцену, где, как он опасается, на него кинутся хищные звери. В гавани Кенхрея он на рассвете видит над морем богиню Исиду, сулящую ему скорое избавление от ослиного облика (XI.5).

Тиаз — одновременно Дионис и иерофант, театр — Телестерион. Золотые козы, уже под знаком Козерога, подают намек на свет Элизия (в знаке Стрельца).

Свидетельство Апокалипсиса

Элевсинские мистерии учитывают духовную метаморфозу эпох. До их установления в XVI веке до Р.Х. посвящение в Средиземноморье носило экстатический характер, используя прежде всего танец, и проходило обычно под знаком одной-единственной богини, которую мы вслед за Гомером зовем Афродитой, а более обобщенно — Астартой-Остарой. Элевсин сгладил формы, привнес в действие хладнокровие и на место одной богини поставил триединство — Афродиту, Геру и Афины. Случилось это, вероятно, непосредственно при установлении таинств или максимум через три сотни лет, как подсказывает мифический фон Гомеровой "Илиады". Духовная перестройка была настолько серьезна и глубока, что спустя три с лишним тысячи лет нам трудно сказать, какие изменения стоило бы предпринять ныне.

За почти две тысячи лет существования Элевсиний не было никаких духовных изменений, которые можно было бы прочесть по звездам. Все это время исходили из того, что в день рождения Афродиты (24 апреля) над солнцем стоит созвездие Близнецов, как было в начале II тысячелетия, а в октябре все время искали над солнцем Стрельца, даже когда эта констелляция давным-давно сдвинулась на ноябрь. Когда в 396 году Элевсинии угасли, Близнецы и солнце соседствовали в конце мая, теперь же это имеет место в июле. Оставить подобные факты без внимания никак нельзя.

В эпоху, религиозную суть которой образует христианство, и в той части мира, где оно распространено, греческие мифы как ипостаси ступеней развития уже непонятны; скорее, осмысляется новое: родственные по характеру образы библейского Апокалипсиса. Там Вседержитель-Творец тоже является в окружении двадцати четырех старцев и "животных" — льва, тельца, человека (Водолей) и орла (вместо Скорпиона), то есть в окружении древнего небесного Зодиака. Первые шаги углубления, или таинства, опять-таки и здесь ведр нас к Водолею — у древних греков это был Посейдон со своим юношеским отражением Хрисаором

("златомечем"). В Апокалипсисе они стали "Сыном Человеческим", голос которого был "как шум вод многих", а "из уст Его выходил острый с обеих сторон меч" (1:13—16).

На небосводе следуют (в обратном порядке) Козерог и Стрелец. Апокалипсис следом за посланиями ведет нас к "книге, запечатанной семью печатями", а тем самым снова к Стрельцу; снятие первых четырех печатей являет всадников — новые формы греческих кентавров. Во II тысячелетии до Р.Х. Стрелец был быкочеловеком, в I тысячелетии он превратился в конечеловека, а еще через полтора тысячелетия создатель Апокалипсиса превратил кентавров во всадников. Первый всадник имеет лук стрельца (6:2), второй — меч (6:4), третий — меру (весы) (6:5), четвертый всадник зовется "смерть"; таким образом мы через созвездие Весов попадаем к новому небесному местопребыванию смерти, то есть к месту посвящения под знаками Девы и Льва.

Следующая, пятая печать открывает под жертвенником души убиенных (6:9); шестая омрачает солнце (6:12). Совершенно аналогично у Гомера бог Гелиос грозит в будущем светить только для умерших. Со снятием седьмой печати перед жертвенником является Ангел с золотой кадильницей (8:3). Здесь брезжит золотой отсвет Элизия.

Затем звучат семь труб. Они повторяют и усиливают мировые страсти; повсюду пылает огонь (8:7 сл.): "И видел я и слышал одного Ангела <...> говорящего громким голосом: горе, горе, горе <...> увидел звезду, падшую с неба на землю, и был дан ей ключ от кладезя бездны" (8:13, 9:2). С седьмой же трубой "отверзся храм Божий на небе" (11:19). "И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения" (12:1—2). Дитя ее звалось "лев от колена Иудина" (5:5), явилось же как принесенный в жертву агнец. Оно одновременно Христос и новый, духовный человек, который в Элевсиниях звался Иакхом. В Апокалипсисе мы видим полное посвящение по возвратному чину, но не под огненным знаком Стрельца, а, как у Геракла, под знаком Девы и Льва.

Примечания

1. Пиндар. Оды, фрагм. 115
2. К. Kerenyi. Eleusis
3. G.E. Mylonas. Eleusis
4. Серьезной основой для данной главы послужила работа; К. Albert. Griechische Religion und platonische Philosophie
5. Павсаний VIII.8—9
6. Платон. Тезетт, 149 сл.
7. Порфирий. Жизнь Плотина 2
8. Там же, 15
9. Там же, 22
10. Яввлих. О егип. мистериях
11. Марин. Прокл, или О счастье
12. Там же, 10
13. Там же, 11
14. Там же, 12
15. Там же, 36, 17
16. Там же, 13
17. Там же, 13; E.R. Dodds: Proklus, XV f.
18. Там же, 38
19. Там же, 38; Прокл. Комментарии к первой книге "Начал Евклида"; N. Hartmann: Des Proklus Diadochus philosophische Anfangsgründe der Mathematik
20. Proklus: Kommentar zu Piatons Timaios 1. 13, 14; E.R. Dodds: Proklus, XIII
21. Марин. Прокл, или О счастье 38
22. Там же, 14
23. Там же, 19
24. Там же, 22
25. Там же, 28
26. Там же, 20
27. Proclus: In Piatonis Cratylum commentaria, 401c, 403
28. W. Beierwaltes: Proklos, 76
29. J.A. Jungmann: Missarum solemnium, I, 43 ff.
30. F. Gregorovius: Geschichte der Stadt Athen, II, 416
31. Павсаний 1.39,1—3
32. L. Preller: Theogonie der Götter, 1.589; 777 A 2
33. G.E. Mylonas: Eleusis, 281
34. Там же, 249
35. Там же, 263; U. von Wilamowitz-Moellendorff: Piaton; ergo же: Der Glaube der Hellenen; M.P. Nilsson: Die eleusischen Gottheiten; ergo же: Geschichte der griechischen Religion
36. Мы опираемся на кн.: J.A. Jungmann: Missarum solemnium
37. L. Preller: Theogonie der Götter, 1.3224 A 3
38. L. Deubnen Attische Feste, 91 с прим. 12

39. Аристофан. Женщины на празднике Фесмофорий, 297 - 299
40. G.E. Mylonas: Eleusis, 137 f.
41. Athenaeus von Naukratis: Deipnosophistae 9, 406d
42. К. Kerenyi: Eleusis, 57
43. Vitruv, 161,17
44. G.E. Mylonas: Eleusis, 178 f.
45. Цицерон. Письма к Аттику: Ad Art. VI. 1,26
46. Цицерон. О законах 2,36
47. Isokrates: Paneg. 157
48. Плутарх. Об Исиде и Осирисе, 352c
49. Плутарх. Деметрий 24
50. Там же, 26
51. Плутарх. Сулла XXVI
52. Светоний. Август, 93; Дион Кассий LI.4 и LIV.9; К. Kerenyi: Eleusis, 102
53. К. Kerenyi: Eleusis, 103
54. Платон. Федон, 62b
55. Светоний. Клавдий 25
56. Эпиктет III.21,13
57. Светоний. Нерон, 23(1)
58. Согласно надписи супруги иерофанта, участвовавшей в обряде; по кн.: G. Pfahl: Griechische Inschriften, 81 f.
59. По Aurelius Victor: Caesares 14.4 (произведение написано лишь ок. 390 г. от Р.Х.)
60. M.P. Nilsson: Geschichte der griechischen Religion, II, 346
61. G.E. Mylonas: Eleusis, 161 f.
62. Origenes: Contra Celsum III.36
63. К. Kerenyi: Dionysos, 151
64. J. Bidez: Kaiser Julian, 52
65. Там же, 141; A. Dietrich: Mithrasliturgie
66. J. Bidez: Kaiser Julian, 122, 132
67. Zosimus: Hist. nov. 4,3,3
68. K. Latte: Geschichte in Quellen, I
69. R. Klein: Symmachus
70. Euparius: Vitae soph. 7,3. Императоров, посвященных в Элевсине, перечисляют: P. Foucart: Les empereurs Romains, 197 ff; G. Gianelli: I Romani a Eleusis, 319 ff.; P. Graindor: Athenes de Tibere a Trajan, p. 101 ff; Ch. Picard: L'Eleusinisme a Rome, 77 ff.; La patere d'Aquileis, 35 ff.
71. F. Boll: Aus der Offenbarung Johanns
72. J. Mellaart: Catal Hüyük
73. Если не указано точнее, источники приводятся по: W.H. Roscher: Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie
74. Гомер. Илиада 5,509; Пиндар. Пятая Пифийская песнь, 104
75. Гомер. Одиссея 11,634
76. Платон. Политик 269a
77. Гомер. Илиада 2,106 сл.
78. Павсаний IX.39,4
79. Плутарх. Тесей 12.18,22
80. Это детально изучено К. Керени и Р. Тёлле. См.: К. Kerenyi: Labyrinth-Studien; R. Tolle: Frühgriechische Reigentänze
81. Гомер. Одиссея 8
82. Гомер. Илиада 5
83. J. Mellaart: gatal Hüyük, 236 f.
84. H.-G. Buchholz - V. Karageorghis: Altägäis und Altkypros
85. Y. und E. Sakellarkis: Minoische Menschenopfer
86. J. Chadwick — M Ventris: Documenta in Mycaean Greek; A. Bartonek: Studia Mycenaea;

- E.D. Vermeiden: Minoische und mykenische Religion; Н. Biesant: Die kretisch-mykenische Kunst
87. Павсаний. IX.39,4
88. L. Preller — C. Robert: Griechische Mythologie, 133 ff.
89. Anthologia graeca II, 746
90. Polybios 8.30,21
91. J. Travlos: Bildlexikon, 2f.
92. Там же, 57, 72, 228 сл.
93. Павсаний VIII.51,6; П.4,7
94. J. Travlos: Bildlexikon, 2
95. Там же, 291; Павсаний I.19,6
96. Перечень имен собственных, встречающихся на данных табличках, приведен в начале отчета Дж. Чадвика и М. Вентриса. См.: J. Chadwick — M. Ventris: Documents in Mycaean Greek
97. Гесиод. Труды и дни, 770
98. Плутарх. Тесей 35,3
99. Помощь при установлении соотношения между таинствами и календарем обеспечивают работы: А. Mommsen: Die Feste der Stadt Athen; МР. Nilsson: Griechische Feste; самой удобной основой для нас послужила книга: L. Deubner: Attische Feste
100. L. Curtius — A. Nawrath: Das antike Rom, 65, рис. 179
101. F. Weege: Der Tanz in der Antike, 115 f.; J.-P. Guerin: The Tragic Paradox, 227 - 319
102. R. Eisler: Orphisch-dyonisische Mysteriengedanken, 98
103. Migne: Patr.Gr. 85, с. 845 В (1864), цит. по: J.-P. Guerin, 292
104. Nonnus. Dionisiaca 44, 221
105. Феокрит. Идиллия XXVI, 27
106. Еврипид. Критянки. По кн.: Zeller I, 135
107. Каллимах. Гимн Зевсу, 52 — 54
108. VIII гомеровский гимн Аресу, 9
109. V гомеровский гимн Деметре, 266
110. Гомер. Илиада 5, 592
111. VIII гомеровский гимн Аресу, 12 - 14; Павсаний VIII.37, 5 - 6
112. Павсаний VIII.37,5
113. Plutarch: De prim. frig. 18, 953d
114. Павсаний X.32,2,7
115. Плутарх. Об Исиде, 35
116. Там же; Норфгер: 11,19
117. Philochoros: Fragm. 7,36, цит. по: J.-P. Guerin: The Tragic Paradox, 267
118. Плутарх. Об Исиде, 35; цит. по: Норфгер: 11,338
119. Macrobius: Saturnalia 1.18,6
120. Philochoros: Paian 59 — 62, цит. по: J.-P. Guerin: The Tragic Paradox, 263
121. Antologia lyrica, hrsgg. von E. Diehl, 206; O. Kern: Die Religion der Griechen I, 154
122. Каллимах. Гимн Артемиде, 189 - 205
123. Павсаний I.19,6
124. J. Travlos: Bildlexikon 52,100
125. Там же.
126. Philostratos: Vitae soph. 2.30,3
127. J. Travlos: Bildlexikon, 198 f.
128. Аристофан, Ориген, Светоний, Цельс, Аибаний и др., по G.E. Mylonas: Eleusis, 247
129. Другого мнения придерживается Г. Милонас. См.: G.E. Mylonas: Eleusis, 245 f.
130. К. Kerenyi: Eleusis, 72f.
131. Тит Ливий. История Рима от основания города 31,41
132. Надпись по К. Kerenyi: Eleusis, 73f.
133. Klemens von Alexandria: Protreptikos 2,21
134. К. Kerenyi: Eleusis, 277
135. G.E. Mylonas: Eleusis, 260
136. Аристотель. Афинская политая, 56,4
137. G.E. Mylonas: Eleusis, 245
138. Павсаний VIII.2,1
139. Isokrates 4,157
140. G.E. Mylonas: Eleusis, 253
141. E. Meyer: Einleitung zu Pausanias', 563
142. Павсаний IX.27,6
143. L. Deubner Attische Feste, 155 f
144. Гомер. Илиада 5,401
145. Геродот. История 11,78 — 79
146. L. Preller: Theogonie der Götter, 1,463
147. Аристофан. Лягушки, 504
148. Гомер. Илиада 1,396 сл.
149. Там же, 20 - 22
150. IV гомеровский гимн, 198 сл.
151. D. Lauenstein: Das Geheimnis des Wals
152. Павсаний 1.38,3
153. К. Kerenyi: Eleusis, 77
154. Апулей. Золотой осел, X.29 и 30 - 31
155. V гомеровский гимн, 256 — 267
156. Там же, 393 сл.
157. Там же, 273 сл. и 477 сл.
158. Плутарх. Алкивиад 22, 19; Фукидид 6,27 сл.
159. Эпиктет 111.21,13
160. Eusebius: Praep. ev. III.12,3
161. Ямвлих. О егип. мистериях
162. По немецкому переводу Кугенера, в кн.: Oriens christianus, Bd. 7, 1907, 292 f. то же: W. Müller: Dionysius Aegoragites, 1978, 9f.
163. Hypolytos: Refutatio V.9
164. Цицерон. Письма. Ad Art. 1.9
165. Klemens von Alexandria: Protrept. 2.21; текст также у O. Kern: Orphicorum fragmenta, 104
166. Апулей. Золотой осел, III.15,16
167. Сокращенно по XL орфическому гимну
168. По Nonnus: Dionisiaca, 318 ff.
169. По XXXIX орфическому гимну
170. По XXXVIII орфическому гимну
171. По XVI орфическому гимну
172. По XXXII орфическому гимну
173. По XLIII орфическому гимну
174. По I орфическому гимну; согласно Павсанию GX.30,12 известен и по мистериям в Филах
175. По LIX орфическому гимну
176. По XIII орфическому гимну
177. По LXXIV орфическому гимну
178. По LXXV орфическому гимну
179. По XVII орфическому гимну; второй вариант этого гимна дает форму, которая бытовала в частных теургиях вплоть до VI в. от Р.Х.
180. По XXII орфическому гимну
181. По LV орфическому гимну
182. По XXXVIII орфическому гимну
183. По LXVI орфическому гимну
184. По XXXIX орфическому гимну
185. По LIX, LXIX и LXX орфическим гимнам
186. По XXVI орфическому гимну
187. По LXVI орфическому гимну
188. По LXXXIV орфическому гимну
189. По XLIII орфическому гимну
190. По XXXVIII орфическому гимну
191. По XXVII орфическому гимну

192. По LXXI орфическому гимну
 193. По LXXIX орфическому гимну
 194. По XXXIV орфическому гимну
 195. По XV и XLIV орфическим гимнам
 196. По XXXII орфическому гимну
 197. По XXXII орфическому гимну
 198. По IV и V орфическим гимнам
 199. По XV и XLIV орфическим гимнам
 200. По XXIX орфическому гимну
 201. По XLVI орфическому гимну
 202. По LVI орфическому гимну
 203. По IV орфическому гимну
 204. По XLIX орфическому гимну
 205. По XXXIV орфическому гимну
 206. По I орфическому гимну
 207. По XVIII орфическому гимну
 208. По IX и LXXVII орфическим гимнам
 209. Апулей. Золотой осел, XI.23
 210. W. Schierling: Lexikon der Alten Welt, s.v.: *pylos*; аналогично у G.E. Mylonas: Eleusis, 50
 211. Гесиод. Происхождение богов, 377
 212. Там же, 413
 213. Гомер. Илиада 18,542
 214. Гомер. Одиссея 12,382
 215. Апулей. Золотой осел, XI.23
 216. W.H. Roscher: Ausführliches Lexikon, I,1, Sp. 820 f.
 217. Послание к Ефесянам 6:16
 218. Павсаний. VIII.28,3
 219. Апулей. Золотой осел, VIII,14
 220. D. Lauenstein: Das Erwachen der Gottesmystik, 59
 221. J. G. Gichtel: Theosophia practica
 222. IV гомеровский гимн к Афродите, 162 сл.
 223. D. Lauenstein: Hathayoga, 68—77; его же: Das Erwachen der Gottesmystik, 49, 59 f.
 224. K. Kerényi: Eleusis, 100
 225. A. Avalon: Shakti und Shakta, 412
 226. Гёте. Фауст. Пролог на небесах
 227. O. Kern: Orphic. frag., 46; R. Eisler: Orphisch-dionysische Mysteriengedanken, 338
 228. Геродот. История II, 53
 229. Послание к Ефесянам, 6:11-16
 230. Апулей. Золотой осел IXДЗ
 231. Павсаний 1.5,2; 27,4 и 28
 232. Н.-Н. und A. Wolf: Der Weg des Odysseus
 233. Shiva-Samhita, в кн.: D. Lauenstein: Der Hathayoga, 59, 71
 234. L.F.C. Mees: Helena und Penelope, 136
 235. M.L. von Franz: Die Erlösung des Weiblichen im Manne, 170 f.
 236. Hella Krause-Zimmer: Amor und Psyche, in: Das Goetheanum vom 27. Juli 1986

Библиография

I

- Произведения античных авторов, справочники, обзорные труды и журнальные публикации указаны автором выборочно.
- K. Albert: Griechische Religion und platonische Philosophie, Hamburg 1980
 A. Alföldi: Das frühe Rom und die Latiner (1963), Darmstadt 1977
 A. Alföldi: Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche, Darmstadt 1970
 Anthologia graeca griech.-deutsch, hrsgg. und übersetzt von H. Beckby, 2 Bde., München 1965
 H. Anton: Der Raub der Proserpina, Heidelberg 1967
 Apollodori Bibliotheca, hrsgg. von R. Wagner, Stuttgart 1965
 Apuleius: Der goldene Esel, Metamorphosen, lat.-deutsch, hrsgg. von E. Ehlers, München 1963
 Archilochus: Werke, griech.-deutsch, hrsgg. von K. Bayer, 1979
 R. Asmus: Der Alkibiades-Kommentar des Jamblichos als Hauptquelle für Kaiser Julian, Heidelberg 1917
 Athenaeus von Naukratis: Deipnosophistae, hrsgg. von H. Schäfer, Leipzig 1976
 A. Avalon (Sir J. Woodroffe): Die Schlangenkraft, Weilheim 1975
 A. Avalon (Sir J. Woodroffe): Shakti und Shakta, Weilheim 1962
 R. B. Bandinelli—A. Giuliano: Etrusker und Italiker vor der römischen Herrschaft, 1974
 A. Bartonek. Studia Mycenaea, Brünn 1966
 W. Beierwaltes: Proklos, Grundzüge seiner Metaphysik, Frankfurt 1965
 /. Bidez: Kaiser Julian, der Untergang der heidnischen Welt, Hamburg 1965
 H. Biesantz: Die kretisch-mykenische Kunst, Frankfurt/Berlin 1963
 F. Boll: Aus der Offenbarung Johannis, in: Stoicheia I (1914)
 O. F. Bollnow. Das Wesen der Stimmungen, Frankfurt 1965
 F. Brommer. Herakles, die zwölf Taten des Helden in antiker Kunst und Literatur, Köln/Wien 1972

- F. Brommer*: Theseus, die Taten des griechischen Helden in der antiken Kunst und Literatur, Darmstadt 1982
- H.-G. Buchholz — V. Karageorghis*: Altägäis und Altkypros, Tübingen 1971
- J. Chadwick — M. Ventris*: Documents in Mycaean Greek, Cambridge 1959
- L. Curtius — A. Nawrath*: Das antike Rom, Wien/München (1944) 4957
- K. Deichgräber*: Eleusinische Frömmigkeit und homerische Vorstellungswelt im Homerischen Demeterhymnus, Wiesbaden 1950
- L. Deubner*: Zum Weihehaus der eleusinischen Mysterien, Berlin 1948
- L. Deubner*: Attische Feste (1932), Berlin 1956
- H. Diels*: Kleine Schriften zur Geschichte der antiken Philosophie, Darmstadt 1969
- A. Dietrich*: Eine Mithrasliturgie (1903), 1966
- E. R. Dodds*: Proklus, The Elements of Theology, griech.-engl., Oxford 1963
- R. Eisler*: Orphisch-dionysische Mysteriengedanken in der christlichen Antike, Leipzig/Berlin 1925
- P. Foucart*: Les empereurs Romains initiés aux mystères d'Eleusis, in: Rev. de Phil. 17 (1983), 197ff.
- M. L. von Franz*: Die Erlösung des Weiblichen im Manne, der goldene Esel von Apuleius in tiefenpsychologischer Sicht, Frankfurt 1980
- A. Frova*: Villa dei Misteri a Pompei, 1965
- J Gebser*: Ursprung und Gegenwart, 3 Bde, Schafhausen 1966
- G. Gianelli*: I Romani a Eleusis, in: Atti Jec. Torino 50 (1950), 319 ff.
- J. G. Gichtel*: Theosophia practica (1779), Freiburg 1979
- F. Graf*: Eleusis und die orphische Dichtung Athens in vorhellenistischer Zeit, Berlin/New York 1974
- P. Graindor*: Athenes de Tibere a Trajan, in: Le Caire (1931), 101 ff.
- F. Gregorovius*: Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter (1889), 2 Bde., Basel/Stuttgart 1962
- J.-P. Guipin*: The Tragic Paradox, Myth and Ritual in Greek Tragedy, Amsterdam 1968
- N. Hartmann*: Des Proklus Diadochus philosophische Anfangsgründe in der Mathematik, Gießen 1909
- H. W. Haussig*: Götter und Mythen im Vorderen Orient, Stuttgart 1965
- R. Herwig*: Götter und Dämonen der Etrusker (1948), 1965
- A. Heubeck*: Aus der Welt der frühgriechischen Lineartafeln, Göttingen 1966
- Jamblichus*: De mysteriis, übersetzt von Th. Hopfner, hrsgg. von G. Parthey (Berlin 1857), Amsterdam 1965
- J. A. Jungmann*: Missarum solemnina, eine genetische Erklärung der römischen Messe (Wien 1948), 2 Bde., Wien/Freiburg/Basel 1962
- K. M. Kenyon*: Jerusalem, die heilige Stadt von David bis zu den Kreuzzügen, Bergisch-Gladbach 1968
- K. Kerényi*: Dionysos, Urbild des unzerstörbaren Lebens, München/Wien 1976
- K. Kerényi*: Labyrinth-Studien, Zürich 2 1950
- K. Kerényi*: Die Mysterien von Eleusis, Zürich 1962
- K. Kerényi*: Prometheus, die menschliche Existenz in griechischer Deutung, Hamburg 1959
- O. Kern*: Orphicorum fragmenta (Berlin 1922), 1963
- O. Kern*: Die Religion der Griechen (1926—1938), Darmstadt 1963
- G. S. Kirilr*: Griechische Mythen (1974), Berlin 1980
- R. Klein*: Symmachus, eine tragische Gestalt des ausgehenden Heidentums, Darmstadt 1971
- K. Kock*: Der römische Jupiter, Darmstadt 1968
- M. Krüger*: Wandlungen des Tragischen, Drama und Initiation, Stuttgart 1973
- K. Latte*: Geschichte in Quellen, hrsgg. von Lautemann und Schlenke, 1965
- D. Lauenstein*: Das Erwachen der Gottesmystik in Indien, Stuttgart 1943
- D. Lauenstein*: Das Geheimnis des Wals, Melvilles Moby Dick und das Alte Testament, Stuttgart 1973
- D. Lauenstein*: Der Hathayoga, Stuttgart 1943
- D. Lauenstein*: Der Messias, eine biblische Untersuchung, Stuttgart 1971
- G. Lieberg*: Puella divina, die Gestalt der göttlichen Geliebten bei Catull im Zusammenhang der antiken Dichtung, Amsterdam 1962
- N. Liesel*: Die Liturgien der Ostkirche, Freiburg/Basel/Wien 1960
- Longur*: Pastoralia, griech.-deutsch, Hirtengeschichten von Daphnis und Chloë, hrsgg. von O. Schönberger, Darmstadt 1960
- / V. Lucc*: Archäologie auf den Spuren Homers, Bergisch-Gladbach 1975
- V. Magnien*: Les Mysteres d'Eleusis, Paris 1950
- Marius*: Vita Prokli: Proklos oder über die Seligkeit, griech.-deutsch, hrsgg. von J. F. Boissonade (Leipzig 1841), Amsterdam 1966
- J. F. C. Meer*: Helena und Penelope, Stuttgart 1981
- J. Mellaart*: Catal Hüyük, Stadt aus der Steinzeit, Bergisch-Gladbach 1967
- R. Merkelbach*: Roman und Mysterium in der Antike, München/Berlin 1962
- E. Meyer*: Einleitung zu Pausanias' Beschreibung Griechenlands, Zürich 1954
- A. Mommsen*: Die Feste der Stadt Athen im Altertum, Leipzig 1898
- M. Müller*: Einleitung zu Demosthenes' "Rede vom Kranz", 1946
- G. E. Mylonas*: Eleusis and the Eleusinian Mysteries, Princeton 1961
- A. Nebe*: De mysteriorum Eleusiniorum tempore et administratione publica, 1887
- M.P. Nilsson*: Griechische Feste von religiöser Bedeutung, mit Ausschluß der attischen, Leipzig 1906
- M. P Nilsson*: Geschichte der griechischen Religion (1941—1950), 2 Bde., 1955—1961
- M. P Nilsson*: Die eleusischen Gottheiten, in: Archiv f. Religionswiss. (1935)
- Nonnus*: Dionisiaca, übersetzt von Th. von Scheffer, hrsgg. von J. Ludwich, 2 Bde., Aachen 1929—1933

- E. Norden*: P. Vergilius Maro Aeneis Buch VI (1915), Darmstadt² 1957
Orphei Hymni, hrsgg. von G. Quandt, Berlin 1955
Orphica, hrsgg. von G. Hermannus, Leipzig 1805, von E. Abel 1971
W. F. Otto: Dionysos, Mythos und Kultus, Frankfurt 1933
W. F. Otto: Die Götter Griechenlands, Frankfurt¹ 1947
W. F. Otto: Menschengestalt und Tanz, München 1956
W. F. Otto: Theophania, der Geist der altgriechischen Religion, Hamburg 1956
W. F. Otto: Die Wirklichkeit der Götter, Hamburg 1963
P. Ovidius Naso: Fasti, lat.-deutsch, hrsgg. von F. Börner, 2 Bde., Heidelberg 1957/58
Pausanias: Hellados perihegesis, übersetzt von J. Schubart, hrsgg. von F. Spiro (2 Bde. 1881/83), Stuttgart¹ 1959
G. Pfahl: Griechische Inschriften, 1966
£. Pfeiffer: Studien zum antiken Sternglauben, in: Stoicheia 8 (1916)
A.J. Pfiffig: Religio Etrusca, Graz 1975
Ch. Picard: L'Eleusinisme a Rome aux temps de la dynastie Julio-Claudienne, in: Rev. dest. lat. 28 (1950), 77 ff.
. Pieper: Über die platonischen Mythen, München 1965
Pindar: Werke, griech.-deutsch, hrsgg. von O. Werner, München 1967
. O. Plassmann: Orpheus' altgriechische Mysteriengesänge (Hymni deutsch), 1928
. Poerner: De Curetibus et Corybantibus, 1913
Porphyrius: De vita Plotini, griech.-deutsch, hrsgg. von W. Mang, Hamburg 1958
L. Preller: Theogonie der Götter (1860), Darmstadt 1964
Proclus: Kommentar zum ersten Buch von Euklids "Elementen", übersetzt von L. Schönberger und M. Strack, Halle a. d. Saale 1945
Proclus: Commentarius in Piatonis Timaeum, hrsgg. von A.J. Festugiére, 2 Bde., Paris 1966/67
Proclus: In Piatonis Cratylum commentaria, hrsgg. von G. Pasquali, Leipzig 1908
K. Reichhold: Attische Vasenbilder in München, München 1975
H. Reusck: Die zeichnerische Rekonstruktion des Frauenfrieses im boiotischen Theben, 1956
W. H. Roscher: Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie (Leipzig 1884—1921), 8 Bde., Darmstadt 1965
Y. und E. Sakellarkis: Minoische Menschenopfer, in: National Geographic (Feb. 1981)
W. Schadewaldt: Ilias-Studien (1943), Darmstadt¹ 1966
W. Schadewaldt: Die Anfänge der Philosophie bei den Griechen, Frankfurt 1978
E. Schürf: Das heilige Drama von Eleusis, übersetzt von M. von Sievers, 1902
R. Steiner: Wie erlangt man Erkenntnisse der höheren Welten? (1905), GA 10

- R. Steiner*: Vortrag vom 25. August 1912 (über das Spiel von E. Schure), in: Von der Initiation von Ewigkeit und Augenblick, von Geisteslicht und Lebensdunkel, 8 Vorträge vom 25. - 31. August 1912, GA 138
R. Steiner: Die chthonischen und die eleusinischen Mysterien, der Übergang von Plato zu Aristoteles, Vortrag vom 14. Dezember 1923, in: Mysteriengestaltungen, 14 Vorträge vom 23. November — 23. Dezember 1923, GA 232
R. Tolle: Frühgriechische Reigentänze, Waldsassen 1964
. Travlos: Bildlexikon zur Topographie des antiken Athen, Tübingen 1971
Chr. Ulf: Das römische Luperealienfest, Darmstadt 1982
W. von Uxkull: Die Eleusinischen Mysterien, Büdingen-Gettenbach 1957
M. Ventris—/. Chadwick: Documents in Mycaean Greek, Cambridge 1956
E. D. Vermeulen: Minoische und mykenische Religion, in: Archäologia Horn. III, 5 (1974)
W. F. Volbach: Frühchristliche Kunst der Spätantike in West- und Ostrom, München 1958
F. Weegr: Der Tanz in der Antike, Halle a. d. Saale 1926
U. von Wilamowitz-Moellendorff: Der Glaube der Hellenen, 2 Bde., Berlin 1931/32
U. von Wilamowitz-Moellendorff: Piaton, 2 Bde., Berlin 2 1919
G. Wissowa: Religion und Kultus der Römer (München 1902), 1971
A. Wlosok: Laktanz und die philosophische Gnosis, Heidelberg 1960
H.-H. und A. Wolf: Der Weg des Odysseus, Tübingen 1968
C. G. Yavis: Greek Altars, 1949

II

Перечень использованных русских переводов (составлен переводчиком)

- Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Л., Наука, 1972
Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Перевод Г. Церетели. В кн.: Александрийская поэзия. М., "Художественная литература", 1972
Апулей. Золотой осел. Метаморфозы в одиннадцати книгах. Перевод М. Кузмина под ред. С. Маркиша и А. Сыркина. М., "Художественная литература", 1956
Аристофан. Комедии. В 2-х т. М., "Искусство", 1983
Геродот. История в девяти книгах. Перевод Г.А. Стратановского. Л., "Наука", 1972
Гесиод. Труды и дни. О происхождении богов (Теогония). Перевод В.В. Вересаева. В кн.: О происхождении богов. М., "Советская Россия", 1990
Гимны Каллимаха. Перевод С.С. Аверинцева. В кн.: Античные гимны. М., Изд-во Московского университета, 1988
Гимны Прокла. Перевод О.В. Смыки. В кн.: Античные гимны. М., Изд-

П Р И Л О Ж Е Н И Е

- во Московского университета, 1988
- Гомер. Илиада.* Перевод Н.И. Гнедича. М., "Московский рабочий", 1982
- Гомер. Одиссея.* Перевод В.А. Жуковского. М., "Московский рабочий", 1982
- Гомеровские гимны.** Перевод В.В. Вересаева. В кн.: *Античные гимны.* М., Изд-во Московского университета, 1988
- Марин. Прокл, или О счастье.* Перевод М.Л. Гаспарова. В кн.: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.* 2-е, испр., изд. М., "Мысль", 1986.
- Орфические гимны.** Перевод О.В. Смыки. В кн.: *Античные гимны.* Изд-во Московского университета, 1988
- Павсаний. Описание Эллады.* В 2-х т. Перевод С.П. Кондратьева. М., Научно-издательский центр "Ладомир", 1994 (Репринт изд. 1938 г.)
- Платон. Собрание сочинений.* В 4-х т. Т. 1. М., "Мысль", 1994; т. 2. М., "Мысль", 1993; т. 3. М., "Мысль", 1994
- Платон. Сочинения.* В 3-х т. Т. 3, ч. 2. М., "Мир", 1972
- Плотин. Сочинения.* М.—СПб., Изд-во "Алетейя" при участии Греко-латинского кабинета Ю.А. Шичалина, 1995.
- Плутарх. Об Исиде и Осирисе.* Пер. Н. Трухиной под ред. А. Казарженского. БДИ, 1977 № № 3—4.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания.* В 2-х т. Изд. 2-е испр. и доп. М., "Наука", 1994
- Порфирий. Жизнь Плотина.* Перевод М.Л. Гаспарова. В кн.: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.* 2-е, испр. изд. М., "Мысль", 1986
- Светоний. Жизнь двенадцати цезарей.* Перевод М.Л. Гаспарова. М., "Правда", 1988
- Фукидид. История.* Л., "Наука", 1981
- Цицерон. О законах.* Перевод В.О. Горенштейна. В кн.: *Цицерон. Диалоги.* М., Научно-издательский центр "Ладомир" — "Наука", 1994
- Цицерон. Письма.* Перевод В.О. Горенштейна. Т. 1. М., Научно-издательский центр "Ладомир", 1994
- Эпиктет. Беседы.* Перевод Г.А. Тароняна. ВДИ, 1975 № № 2—4; 1976 № № 1—2
- Ямвлих. О египетских мистериях.* Перевод Л.Ю. Лукомского. Изд-во "Х.Г.С.", 1995

Указатель имен и географических названий

- Авлида 135, 284, 288
- Агамемнон 76, 135, 184, 192, 275, 282-284, 288, 301, 311
- Агры (Ловы) 62, 95, 122, 133, 154, 157, 159-163, 165-166, 168-169, 174, 198, 214, 228
- Алонис 113, 144, 206, 250, 262, 265, 338
- Адриан, император 30, 46—49, 160, 190, 199-200, 217, 293
- Аид 14, 16, 178, 244, 261, 264, 268, 279, 301, 305, 311, 318
- Айдес, см. Аид, Гадес
- Академия 13, 22-23, 42, 200
- Акакесий г. 191, 235
- Актей НО
- Аларих 27, 30, 53, 212
- Александр Великий (Македонский) 43, 212, 284
- Александрия (Египетская) 22, 194
- Алкивиад 16, 226
- Алопа 33, 278
- Амиклы г. 82, 103, 108-109, 118, 122, 131, 163, 221
- Амур, см. Купидон
- Амфиктион 279
- Амфитрион 79, 96
- Амфитрита 89—90, 96, 99, 109, 213-214
- Анакторон 26, 29, 31, 39-40, 48, 117-118, 123, 224, 228-229, 235, 253-254, 256-261, 263, 265, 280, 295, 297
- Ангелус Силезиус 65
- Андромаха 297
- Анебон 21, 226
- Анит 143
- Антей 81, 85, 100, 131
- Антиной 49, 311
- Антоний 45—46
- Антонин Пий, император 30, 47
- Анфемокрит 200
- Анфестерий 153, 168—169
- Анхиз 214-215, 221, 282, 288, 321
- Апамей г. 226
- Аполлодор 80, 83, 305
- Аполлон 39, 56, 69-70, 90, 96, 100, 108-109, 118, 125-126, 128, 150-151, 159, 162-164, 174, 201, 205-210, 213-215, 221, 232, 234, 278, 283-284, 286-288, 290, 296-297, 303, 306, 318-319, 324, 326, 334
- А. Гекат 277
- А.-Гиакинф 100, 108—110
- А. Делосский 276
- А. Дельфиний 87, 89, 116, 160—161
- А. Очиститель 121, 123, 125, 128, 160
- А. Феб 71, 156, 176, 232

- А. Хранитель Прямостоящего Образа Человеческого 38
- Аполлоний, персонаж "Золотого осла" 334
- Аполлоний Родосский 63, 82, 192, 232, 312-314, 317-319, 321-322
- Апулей 38-39, 151, 163, 165, 221, 237, 271, 279, 299, 309, 324, 329
- "Арго", корабль 313, 316, 318 — 321
- Аргос 33, 71, 81, 278
- Арес 58, 77, 96, 108, 122, 142 - 143, 159, 175-176, 204, 213, 227, 241, 243, 246, 250-252, 257, 267, 278, 282, 286-289, 291-292, 302-303, 306, 317, 319-320, 322, 337
- Арегиада о. 232, 306, 317, 320 - 321
- Ариадна 62, 89, 91, 93, 95, 100 — 102, 137, 147, 151, 153, 163, 227, 286, 294, 316, 322
- Аристотель 12, 23, 45, 78, 195
- Аристофан 36, 191, 208, 220, 222, 274
- Аркадий, император 53
- Аркадия 33, 108, 113, 118, 129, 157, 207, 320
- Артос 108, 136
- Артемиды 12, 36, 56, 60, 64, 69, 88, 108-109, 117, 125, 127, 131, 135-136, 150, 155, 157-162, 165, 172, 174-175, 184, 210-211, 213-214, 219-222, 224, 227, 271, 274, 283-284, 287, 289, 291, 309, 315, 329-333, 337, 339
- А. Агротера (Ловитчица) 87, 154, 160
- А. Илифия (Родовспомогательница) 93, 105
- А. Привратница 32
- Асклепий 125-126, 128, 197, 213
- Астарта 66, 68, 127, 144, 325, 342
- Атлант 81, 118, 246, 252
- Атлас, см. Атлант
- Атрей 75 — 76, 314
- Атропа, см. Атропос
- Атропос 179, 247
- Аттика 18, 33, 45, 61, 68, 83, 88, 92, 95, ПО, 115, 117-118; 121-122, 125, 129-130, 136, 143, 145, 169, 189, 195, 198, 200, 211-212, 215, 223, 268, 278
- Атгис 144, 206, 232
- Афамант 314 — 316, 320
- Афина 12, 58, 61, 71, 77, 83, 96, 109-115, 117, 125-126, 128-130, 143, 148-149, 159, 176, 201, 208-209, 214, 221-223', 239-243, 252-255, 257-263, 267, 281-284, 287-289, 291-292, 294-296, 300, 306, 308, 310-312, 317, 321-322, 334, 339, 341-342
- А.-дева 44, 117
- А. Паллада 63, 97, 242, 262 — 263
- А. Парфенос 114
- А. Полиада 111
- А. Скирада 201
- А. Сотейра 125, 127
- А. Тригоenea 113, 130, 263
- А. Тригоенида 127
- А. Халкидская 125
- Афиней Навкратийский 38, 212
- Афродита 12, 19, 55-57, 62-63, 66-67, 69, 77, 82, 89-92, 96-97, 100-102, 109, 112-115, 117, 122-123, 125, 127-128, 137, 139, 141-143, 154, 157-160, 162-165, 173, 175-176, 179-181, 183-184, 212-216, 221, 227, 249-250, 252, 258, 259-262, 265-267, 281-283, 285-291, 293-295, 302-305, 317, 321-322, 324, 328-330, 338-339, 341-342
- А. Анадиомена (Пенорожденная) 91, 101, 213, 302
- А. Вооруженная 63, 113, 129
- А. "В Садах" 111
- А. Небесная 91, 101 — 102, 116, 160
- А. Пандемос 116
- А. Урания, см. А. Небесная
- Ахайя, провинция 42, 52, 329, 340
- Ахерон (τ) р. 274, 318 — 319
- Ахилл(ес) 81, 175-176, 184, 192, 205, 213-215, 257, 275, 281, 283-287, 290, 293-298, 301, 303, 305-306, 309, 311, 318, 321
- Аякс 285, 300
- Байервальтес В. 26
- Белая богиня 77, 184, 247 — 248, 315
- Бёме Якоб 177, 288
- Беотия 76, 123, 144, 312, 314 — 315
- Бернар Клервоский 288
- Биррена 309, 330
- Болл Ф. 60
- Борей 117, 145, 159, 163
- Босфор пр. 117, 323
- Браврон г. 135 — 136
- Бриарей-Эгион 283
- Брисеида 184, 284 — 285, 297 — 298, 309
- Бритомартис 132, 155, 158, 210
- Вахх 50, 65, 141, 187, 205, 208, 215, 218, 232, 265-266
- Валентиниан II, император 52
- Великая Богиня 64, 86, 104
- Великая Мать 56 — 57, 62, 66, 91, 106 — 107, 141
- Венера 101, 142, 164 — 165, 213, 221, 289, 293, 324, 328, 335
- Веспасиан, император 47
- Византии г. 22, 313, 316
- Византия 11 — 12, 52 — 53, 307
- Виламовиц УЛЬРИХ фон 35, 293
- Вилла мистерий 136 — 139, 237
- Гадес 9 - 10, 57, 68, 73, 75, 78, 96, 100-101, 107, 119, 126, 147-148, 202, 204, 208, 221-222, 224, 252, 274-275, 277-278, 280, 294, 301-303, 305, 310-311, 313-314, 316, 319, 321, 330, 336-338
- Галлиен, император 49
- Гаутама Будда 290
- Гегель 8, 11
- Геката 9, 25, 36, 50, 64, 88, 96 — 97, 128, 157, 165, 168, 172, 177, 182, 193, 196, 223-224, 227, 237, 239, 241-245, 251, 254, 256, 258-259, 267, 270, 277, 279, 283, 303, 312, 332, 337-338
- Г. Евлинос 207
- Гектор 119, 176, 184, 205, 257, 283, 285-287, 290, 295-298, 305-306
- Гелиос 9, 17, 50, 76, 150, 165, 201, 223, 226, 279, 302, 305, 314, 318, 320-322, 343
- Гелла 312, 315
- Геллеспонт пр. 284 — 285, 312, 315
- Гера 12, 56, 77, 81, 96, 134, 147 - 148, 159, 164, 174, 214, 221, 239-242, 246, 252-253, 255, 258-260, 263, 267-268, 273-274, 281 - 282, 285, 287, 289, 295, 306, 314, 316 — 317, 321-322, 326, 339, 341-342
- Геракл 66, 68, 71-72, 79-82, 85,

- 96, 100, 108-110, 119-120, 130-132, 158, 162-163, 192, 202, 208-210, 216, 227, 253, 274, 293-294, 301, 305, 312-313, 317, 320-321, 342
- Герион(ей)** 72, 80
- Гермес** 36—37, 61, 63—64, 74, 76, 86, 97, 109, 116, 126—127, 142, 159, 162-163, 165, 173, 177-182, 206, 211, 214, 224, 226, 239, 245-247, 252-254, 257, 259-261, 263, 266-268, 273-274, 283, 296-297, 303, 312, 314-315, 321, 334
- Геродот** 160, 191, 205-206, 211
- Гесиод** 11, 15, 33, 39, 72-73, 100, 117, 123-125, 127-129, 276, 293-295
- Гесихий** 38, 219
- Геспериды** 72, 80
- Гестия** 17, 256-257, 259-260
- Гёте** 11, 28, 148, 215, 306-307
- Гефест** 58, 84, 111, 113-115, 125-126, 129, 131, 142, 147-148, 204, 214, 227, 241-242, 246-247, 249-256, 258-259, 266-267, 274-275, 286-287, 289-292, 305-306, 317, 320, 321-322, 334
- Гей** 36, 55, 116, 127, 160, 162, 176, 254-255, 257-261, 265—266
- Г. Куротропос** 116
- Гиакинф** 101, 108-109, 118, 131, 154, 163, 208, 221
- Гиакинфии** 82, 109, 122
- Гимерий из Прусы** 50
- Гипата г.** 329—330
- Гипподам** 287
- Гишодамия** 75
- Гипотоонт** 33
- Гипсила** 312
- Гипта** 266—267
- Гифион г.** 209
- Гихтель Иоганн Георг** 177, 288
- Голгофа** 168, 293
- Гомер** 11, 15, 33, 67, 71, 81, 96 - 97, 105, 108, 114, 117, 122, 124-125, 128-129, 143, 174, 178, 183, 186, 192, 213-214, 276, 278, 281-284, 288, 290, 292-295, 299, 302, 310, 314, 317—318, 323, 342-343
- Горгоны** 71-73, 107, 127, 294
- Гёры** 55, 83, 109, 121-122, 131, 157, 243-244, 251, 256, 268
- Граф Фриц** 276
- Дамаский** 22
- Дандоло Энрико** 307
- Дафне** 208—209
- Дафнис** 136—140
- Девкалион** 116, 160
- Дейдамия** 184
- Делос о.** 90, 160
- Дельфы** 17, 31, 38, 45, 78, 131, 144-146, 151, 162, 201, 209, 215
- Демарат** 211—212
- Деметра** 7, 9—10, 26, 28—29, 32-33, 36-39, 41, 55-59, 62, 69, 74, 86, 91, 107-109, 112-113, 118, 125-126, 128, 130, 134, 143, 154, 158-159, 164-165, 186, 188, 190, 193-194, 196, 199, 201-203, 207-208, 217, 219-224, 226-227, 239-242, 244, 247, 267-268, 270, 276, 278-280, 283, 291, 299, 311, 325, 329-332, 334-337, 339
- Д. Антея** 10, 39, 227, 243—244, 332, 336
- Д. Европа** 76
- Д. Кидария** 325
- Д. Хлоя** 116
- Д. Элевсинская** 57, 207, 235
- Деметрий** 43—44, 167
- Деметрий Фалерский** 42
- Демолон** 287
- Демофонт** 223, 278
- Део** 36, 239-240, 252, 268, 279 - 280
- Дёрпфельд Вельгельм** 29
- Диана, см. Артемида**
- Дикей, сын Феокида** 211—212
- Диктина** 158
- Диодор Сицилийский** 292
- Диокл** 225, 280
- Диоклетиан, император** 49
- Диомед** 96, 175, 289
- Диона** 86, 96
- Дионис** 37-39, 57, 59-62, 68 - 69, 74-75, 77, 85, 89-90, 101, 106-109, 115-116, 118, 125-127, 129—131, 133—136, 140-141, 146-155, 157, 159—161, 163, 181, 187-188, 197, 199, 202-203, 205-206, 208-210, 214, 219, 226, 240, 247-248, 254, 260, 262-263, 266, 269, 274-275, 277, 283-285, 292, 294, 298, 305, 310, 312, 319, 330-331, 333-334, 336-339, 341
- Д. Священной Корзины** 265
- Дионисий Ареопагит** 229
- Диоскуры** 56, 68, 111, 118, 135, 141-144, 227, 251
- Диотима** 15—16
- Дисавл** 278—279
- Додона г.** 17, 201, 215
- Дом посвящений** 29—31, 34, 39, 103, 228, 243, 246-247, 251-254, 285
- Домициан, император** 46—47
- Дриоп** 287
- Евбул(ей)** 10, 36, 57, 59, 63, 66 - 69, 150, 227, 244-247, 250 - 253, 259, 264-265, 267-269, 278-280, 295, 297, 325, 334, 336-337
- Евмениды** 78, 264
- Евмолп** 225, 234, 278, 280
- Евмолпиды** 47, 53, 227
- Евнапий** 49—50, 53
- Еврипид** 134, 141, 221, 275
- Евритион** 72
- Европа** 76, 107
- Евсевий** 226
- Евстохий, врач Плотина** 17
- Елена, мать Константина** 293
- Елена (Арговская)** 57, 216, 294, 297
- Ельпенор** 319
- Ерифей** 72
- Ехидна** 72—73
- Загрей** 141, 149
- Зан** 107-108, 141, 281
- Зан-Зевс** 107
- Зан-Плутон** 89
- Зан-Посейдон** 107
- Зевс** 9, 18-19, 33, 56-57, 61, 71-72, 74-76, 79, 89, 97, 107-110, 114, 117-118, 122, 125-126, 128-129, 139, 141, 148-150, 156, 160, 174, 177, 193, 205, 210, 213-214, 219, 224, 241-243, 248, 252, 256, 261-263, 265, 273 -274, 279, 281 -282, 285-286, 289, 296, 304, 314, 316-317, 321-322, 328
- З. Ликейский** 129
- З. Мэлихий** 37, 87, 107, 126, 187, 202-203, 205, 337
- З. Олимпийский** 117, 128, 130, 204-205, 282
- З. Саот (Спаситель)** 204
- З. Сотер** 125, 127, 204
- З. Хтонийский** 255
- Зефир** 164, 201, 324
- Зодиак** 54, 58, 60, 64-65, 80 - 82, 92, 342

Иакх 65, 101-102, 113, 150, 187, 197, 199, 205-206, 208, 212, 220, 222, 237, 265, 271, 343
Ида, гора 141, 258—259
Иерусалим г. 112, 134, 233, 293
Илион г. 192, 284-285
Илисс р. 17, 87, 115-116, 153, 158-160, 162, 169
Иммарад 215, 300
Ино 77, 109, 184, 219, 247, 267, 301, 308-309, 314-316
Ио 273-274
Иония 114, 123
Исайя, пророк 307, 314
Исида 50, 130, 161, 226, 271, 294, 329-330, 339-341
Итака о. 183, 300-302, 305, 310-311, 316
Ифигения 135-136, 184, 284, 287, 309, 315
Ификл 79—80
Ифитион 175, 286—287, 289

Кадм 71, 76-77, 219, 314, 322
Калипсо 165, 168, 184, 299, 301, 306, 309, 316
Каллимах 141, 158, 208, 210
Карл (Великий) 9—10
Кассандр, македонский наместник 43
Кастор 56-57, 59, 63, 67-69, 80, 118, 122, 141-142, 202, 215, 240, 269, 296-297, 315, 325
Кекроп 110, 129, 195, 220
Келей 32, 194, 202, 223, 278, 280
Кенхрей 329, 339, 341
Кербер 80, 129
Керени Карл 7, 11, 194, 198, 217, 290
Керкион 33, 85, 131, 279
Кето 71—72
Кефисс р. 37, 87, 187, 200-203, 215, 218, 272
Кибела 50, 144, 232
Киликия 42, 44
Кимон 30—31
Кипр о. 118, 156, 206
Киприан Антиохийский 134
Киприда, см. Афродита
Кирка 184, 192, 301-305, 308-310, 313, 316-317, 326
Клавдий (Аппий) Пульхр 42—43
Климент Александрийский 194—195
Клото 179, 247
Кноссг. 82, 88-90, 93-94, 103—105, 108, 115, 118, 128, 130, 151, 286, 294, 316, 322
Кокитр. 165, 258, 325-327
Колизей (Кулизей) 230—231
Колон 78, 233
Колхида 312-313, 315-316, 319-321
Коммод, император 48—49
Константин Великий 50, 293
Констанций II, император 51
Кора 9-10, 32, 36, 109, 112, 134, 157, 188, 193, 196, 203, 212, 217-219, 222, 224, 226, 269, 278
Корикион, пещера 146, 149
Коринф г. 23, 103-104, 314, 340
Коцит, см. Кокит
Краузе-Циммер Гелла 332
Крит о. 33, 87-90, 104-108, 110, 115, 140, 144, 163, 191, 223, 277
Крокон 217
Крон(ос) 107, 116, 122, 141, 151, 160, 162, 165, 169-170, 181, 213, 247-248, 252, 256, 321
Крюгер М. 273
Ксанфр. 175, 295
Ксеркс 30, 211—212
Купидон 139, 163-165, 324, 326-328, 330, 332-333
Куруниотис Константинос 7, 29

Лабиринт 88, 90—95, 97—101, 105, 130
Лай 77—79
Лакедемон 56, 68, 108, 122, 299—300
Латона, см. Лето
Лакхесис 179, 247
Лебадия 76, 167
Левкоtea 77, 247—248, 266, 301, 308-309, 315-316
Леней 144, 149, 202, 204
Лесбос о. 131, 137, 184
Лето 100, 146, 150, 210, 213-214, 303
Ликомед 284, 309
Ликург 61, 147, 218, 292
Лин 205-207, 294, 303
Лонг 136—139
Луций 237, 309, 329-330, 332—334, 338-341
Луций Вер, император 47—48

Майя 177, 214
Малая Азия 22, 232, 313, 319
Мальта о. 301, 314
Мантиней г. 15, 218
Манто 216
Марин 22, 24—25, 27
Марк Аврелий, император 30—31, 34, 38, 41-42, 48, 190, 199, 244
Матьер полей 9, 38, 57, 119, 143, 158, 189, 212, 222, 243, 277-278, 314, 325
Мать-Земля 126—127, 337
Мегараг. 31—33, 39, 85, 117, 131, 143, 200, 278
Медея 313, 316, 321-322
Медуза 71—74
Мелларг Джеймс 103—104
Менелай 178—179, 286, 299—301
Меркурий 63, 127, 142
Метанира 32, 223—224, 277
Метроон 158, 162, 168, 181, 184, 185, 189
Микены г. 71, 74, 76, 105, 112, 118, 252, 312
Милонас Георгиос 7, 11, 29, 34—35, 38, 194
Минос 18—19, 81, 89—90, 104, 117, 155, 158, 163, 305, 316, 322
Минотавр 88, 92, 94—95, 98, 106, 115, 316, 340
Митра 49-51, 53, 130, 294
Митридат (VI Понтийский) 42, 44-45
Мнемосина 166—167
Моисей 86, 115, 191-192, 235
Мойры 109, 116, 133, 160, 169-170, 179-181, 243-247, 249, 255-256, 258-260
Мраморное море 312—313
Мусей 15, 279

Навсикая 184, 308—309
Наксос о. 90—91, 147
Нерея 173, 222
Несс, кентавр 68, 80, 82
Нефела 315-316
Нис, герой 117, 163
Ниса г. 33, 218
Нонн 89, 134, 232, 240

Огигия о. 166, 299, 309
Одиссей 73, 81, 96, 105, 165—166, 168, 174, 183-185, 279, 292, 298-306, 308-311, 317—321, 323
Океан 72, 173, 213, 221, 250, 273, 279
Олимп, гора 39, 147, 174, 216, 250, 266, 289
Олимпия г. 75, 142
Ономакрит 11, 82, 128, 160, 276
Орифия 117, 145, 159, 163
Орфей 15, 98, 138, 176-177, 232, 279, 292, 319

- Оры, см. Горы 245, 247, 254-256, 261, 263, 265, 267, 277-278, 283-284, 291, 294-295, 308, 316, 319, 321, 325, 327, 330-331, 335-336, 339
- Павел, апостол 25, 27, 229, 286, 294
- Павсаний 32-33, 38, 82, 109-112, 117-118, 128-129, 145, 147, 150, 157-162, 166, 188, 198, 200-201, 203-205, 207-209, 212, 217-218, 235, 278, 288
- Палемон 247-248, 315
- Пан 138, 146, 150-151, 159-160, 162, 163-165, 169-173, 178, 182, 184-186, 210-211, 232
- Паризии г. 50-51
- Парис 221, 258-259, 282, 321, 341
- Парнас, гора 144-146, 149
- Патрокл 284-286, 290, 293, 295, 298
- Пегас 64, 71-72, 74, 148, 296
- Пеласг 129, 278
- Пелей 213, 215, 278, 281, 296, 318
- Пелид, см. Ахиллес
- Пелопоннес 75, 83, 108, ПО, 118, 211
- Пелопс 66, 71, 74-76, 83, 86
- Пенелопа 183, 298, 309, 311
- Пенфей 134-135, 147-148
- Перикл 30-31, 34, 39-40, 42, 239, 298
- Перифет 84, 131
- Персей 71-74, 79, 181, 183, 221, 277, 294
- Персефатта 71, 118, 157
- Персефона 9-10, 12, 28, 33, 38-39, 61-62, 71, 73-74, 101, 108, 113-114, 118, 128, 131, 134, 137, 142-143, 148, 150, 157, 165, 180, 193, 202-203, 208, 217, 222, 224, 227, 243-
- 245, 247, 254-256, 261, 263, 265, 267, 277-278, 283-284, 291, 294-295, 308, 316, 319, 321, 325, 327, 330-331, 335-336, 339
- Персефонея, см. Персефона
- Персея 172-173, 245, 267
- Пестрая гора 38, 187, 201, 205, 209-210, 212
- Пестрый портик 189, 195, 197, 200, 235
- Петрома 235
- Пилос г. 33, 67, 103, 105, 118, 277, 300
- Пиндар И, 71, 281
- Пирифой 216, 294, 316, 331
- Писистрат 30-32, 34, 39-40, 123, 128, 160, 188, 220, 276
- Пифагор 18, 99, 195, 208
- Платон 12-15, 17-18, 23-24, 26, 35, 45-46, 159
- Плотин 17-18, 20, 22, 226
- Плутарх Афинский 22-23, 25
- Плутарх из Херонеи 28, 43-45, 83, 90-91, 145, 149-151, 163, 226, 284
- Плутон 9-10, 12, 32-33, 37, 61-62, 74, 87, 90, 99, 107-109, 114, 119, 127, 130, 142, 158-159, 162-165, 182, 201, 203-204, 206, 208, 218, 222, 224, 226, 239, 252, 261, 263, 268-269, 272, 274, 277-278, 282, 294, 330, 337, 339
- П. Долих 36
- Пойкила, гора, см. Пестрая гора
- Полидевк 56-57, 59, 63, 67-69, 80, 122, 141, 202, 215, 269, 296-297, 315, 325
- Полидор 287, 289, 305
- Поликсен 225, 278, 280
- Полиник 61, 79, 340
- Полипемон, см. Прокруст
- Полифем 89-90, 96-97, 165, 174, 232, 289, 292, 300-301, 304, 308
- Поля Рарион 33, 212
- Помпей Великий 45, 307
- Помпей г. 136, 237
- (Тит) Помпоний Аттик 42-43
- Порфирий 18, 20-21, 226
- Посейдон 33, 36, 61, 64, 72, 75-76, 83, 87, 89-90, 98, 107-109, 118, 125, 128, 130, 149, 153, 156-157, 162, 165-166, 168, 174, 177, 179-181, 183-184, 186, 201, 204, 213-214, 218, 247, 249-250, 274, 279, 281-282, 285, 287, 296, 301-302, 304-306, 342
- П. Покровитель Коней 218
- Приам (Дарданид) 184, 285, 296-297
- Прозерпина 325, 327-328
- Прокл 12, 22-27
- Прокруст 86-87, 131, 218
- Прометей 73, 81, 145-146, 227, 246, 252-253, 273-275, 321, 323, 326
- Пропонтида 312-313
- Протей 178-179, 299-300
- Псевдо-Дионисий Ареопагит 24
- Психея 139, 163-165, 324-328, 330, 332-333
- Пэан 259, 266, 289
- Рар 33, 279
- Рарийское поле, см. Поля Рарион
- Рея 26, 39, 55, 57, 108, 116, 118, 127, 141-143, 157-160, 162-163, 165, 169, 182, 203, 213-214, 224, 227, 232, 244-250, 252-253, 266, 333, 336
- Рэты 40, 47, 194-195, 198-199, 201, 208, 215-217, 237, 272
- Сакелларкис И. и Э. 105
- Саламин о. 31, 210-212
- Саон 167-168
- Сапфо 131-132
- Саронический залив 84, 131
- Священная дорога 11, 31-32, 37, 39-41, 47, 163, 198, 208, 210, 239, 243, 267, 278
- Священные ворота 197, 200
- Селена 222, 226, 269
- Семела 61-62, 65, 77, 109, 148-149, 155, 157, 214, 218-219, 227, 260, 263, 277, 314
- Симмах, римский префект 52-53
- Синид 84-85, 87, 95, 131, 148, 203
- Сириан 22-23
- Сирия 20-22, 44, 191, 226
- Сицилия о. 13, 20, 226, 299
- Скамандр р. 174-176, 180, 182, 184, 214, 286, 289-290, 293, 295, 303, 306, 308
- Скилла 301, 304-305, 309, 317, 320
- Скир 85, 200-201
- Скира 57, 59, 112, 126, 201-202
- Скирон 85, 98, 131
- Скирос о. 184, 284
- Сократ, философ 12-17, 22, 50
- Сократ, персонаж "Золотого осла" 329
- Сократ, отец Дионисия Ареопагита 229
- Солон 30-32, 39-40, 87, 107, 114, 116-117, 120, 122-123, 128, 131, 143-144, 161-162, 187-189, 200, 215, 221, 237
- Софокл 233, 275
- Спарта, см. Лакедемон
- Средиземноморье 64, 342
- Стефан Византийский 111, 159
- Стикс р. 165, 213-214, 223, 255, 324
- Сулла 42, 44-45, 200

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сфинкс 77—78
 Схерия о. 301, 304, 308
 Таврида 135, 184, 284, 315
 Талант 118—119
 Талфибий 192
 Тантал 71, 74-75, 86, 118-119, 252
 Тартар 39, 177, 266, 274
 Тевфис 288
 Телемах 299—300, 311
 Телесидром 36
 Телестерион 17, 29 — 31, 34, 38, 40-41, 48-49, 191, 212, 229, 233, 246, 249-250, 253-254, 256, 258-260, 266-267, 297, 317, 329, 341
 Тесей 33, 68, 71, 80, 88-92, 95-96, 98-102, 106, 113, 115—116, 119-120, 128, 130-131, 147, 151, 159-161, 163, 203, 216, 218, 221, 294, 322
 Тетис, см. Тефида
 Тефида 61, 173, 213-214, 250
 Тефия, см. Тефида
 Тиаз 339-341
 Тирн- 76, 107
 Тираннион 45
 Тиринф г. 71-72, 103, 108, 130
 Тиха, см. Тюхе
 Тлеполом 330, 332
 Травлос Яннис 29, 116, 159, 442, 169
 Тразилл 330
 Траян, император 47—48, 213
 Трезен 38, 83-84, 128, 131
 Тринакия о. 165—166, 168, 292, 301-302, 305-306, 316, 318
 Тринакрия, см. Тринакия
 Триптолем 33, 36, 40—41, 57, 59, 62-63, 66-68, 82, 142-143, 188-189, 195-196, 218—220, 224-225, 227, 271, 278-280, 295, 297, 325, 336-337
 Тритон 113
 Тройзена, см. Трезен
 Трофоний, оракул 166—167, 218
 Троя г. 135, 174, 184, 259, 281-282, 284-286, 288, 290, 295, 297, 300, 306
 Тюхе 166, 211
 Уран 176, 263
 Упис 158
 Фавст 45
 Фазис р. 321
 Фалер г. 35, 88, 91, 153, 192, 201, 237
 Фарос о. 178, 299—300
 Фауст 28, 216
 Фаустина (Младшая) 41, 244
 Фемида 243, 256, 258-259, 281
 Ферсефона, см. Персефона
 Ферсефонея, см. Персефона
 Фесмофорий 36, 69, 126
 Феспид 273
 Феспий 202—203
 Фессал, сын Кимона 226
 Фетида 61, 149, 213-215, 281—282, 284, 286, 293, 296
 Фивы г. 33, 43, 76-79, 103, 166, 209, 212, 218, 314, 322
 Фидий 113—114
 Фиест 75—76, 314
 Филиос Деметриос 29
 Филохор 150—151
 Финей 303, 313, 316-318
 Фитал 201, 203
 Флавий Валентиниан I, император 52
 Флавий Иовиан, император 52
 Форкис 181, 183
 Фотида 237, 309, 329-330, 335
 Франц Мария Луиза фон 331—332
 Фриаспийская равнина 211-г-212
 Фрикс 312, 315, 320

Указатель

Харибда 184, 218, 301, 304-306, 308, 317, 320, 326
 Харита, персонаж "Золотого осла" 288, 310, 329-332, 336-337, 340
 Хариты 36, 175, 243, 256, 312
 Херил, поэт 33, 279
 Хирон, кентавр 216, 321
 Хлоя 136-140
 Хрис 283-284
 Хрисаор 65—66, 71—74, 294, 342
 Хрисипп 75—77, 79
 Цезарь 45, 213, 307
 Церера 164, 335
 Цирцея, см. Кирка
 Цицерон 42—43, 235
 Чатал-Хююк 62, 103
 Черное море 232, 312—313, 3, 15—316
 Шадевальдт 283
 Шумер 64
 Эванс Артур 88, 103-104
 Эвмениды, см. Евмениды
 Эврисфей 79, 82—83
 Эгеида 88, 103
 Эгейское море 104, 121
 Эдин 61, 77-79, 233, 340
 Эит, см. Ээ-
 Элевсинион 187—195, 198, 203, 217, 300
 Эллада 21, 30, 44, 47, 56, 63, 81, 124-125, 129, 131, 140, 142-143, 190, 201, 206, 210, 215, 226, 313, 320
 Эней 215, 221, 287
 Энидавр г. 84, 125, 131, 197
 Эпиктет 46—47, 226
 Эрехтей 201, 215
 Эрида 127
 Эридан р. 197
 Эринеон 218
 Эринии 127, 135, 180—181
 Эрисихтион 208
 Эрихто 307
 Эрихтоний 111—114
 Эрот 265
 Эсхил 273—275
 Этеокл 61, 79, 340
 Этна, гора 305
 Этра 83
 Этрурия 142
 Эфес г. 45, 50, 56, 60
 Эфиальтес 96
 Эфиопия 74
 Эхо 164, 187, 211
 Ээт 316, 320-322
 Эя, место в Колхиде 320—321
 Юлиан (Отступник) 21, 24, 50—52
 Юнг Карл Густав 331
 Юнона 164, 221
 Юпитер 139, 293, 324, 328
 Юстиниан, император 22
 Ямба 37, 202, 208, 223, 239—244, 247-249, 252-259, 325, 330
 Ямбз-Баубо 37, 202
 Ямвлих 20, 21, 50, 226
 Ясон 81, 312, 314-316, 318-319, 321-323
 Яхве 293

- P. E. Arias — M. Hirmer.* Tausend Jahre griechische Vasenkunst. München 1900
R. B. Bandinelli—A. Giuliano: Etrusker und Italiker vor der römischen Herrschaft, 1974
H. Berve — G. Gruben (Aufnahmen M. Hirmer): Griechische Tempel und Heiligtümer, München 1961
H.-G. Buchholz — V. Karageorghis: Altägäis und Altkypros, Tübingen 1971
L. Curtius. Interpretationen von sechs griechischen Bildwerken, 1947
£ Diehl: Die Hydria, 1964
A. Frova: Villa dei Misteri a Pompei, 1965
R. Hampe — £ Simon: Tausend Jahre frühgriechische Kunst, München 1980
R. Herbig: Götter und Dämonen, 1965
M. Hirmer. Griechische Kunst, München 1966
R. G. Hoegler. Griechenland, 1956
W. Kraiker. Die Malerei der Griechen, 1958
R. Lullies — M. Hirmer. Griechische Plastik von den Anfängen bis zum Ausgang des Hellenismus, München 1960
S. Marinatos — M. Hirmer. Kreta und das mykenische Hellas, München 1959
J. Mellaart: Catal Hüyük. Stadt aus der Steinzeit, Bergisch-Gladbach 1967
W. F. Otto: Menschengestalt und Tanz, 1956
K. A. Pfeiff. Apollon, die Wandlung seines Bildes, 1943
A. J. Pfiffig: Religio Etrusca, Graz 1975
H. Prückner. Die Lokrischen Tonreliefs, 1968
K. Reichhold: Attische Vasenbilder in München, München 1975
H. Reusch: Die zeichnerische Rekonstruktion des Frauenfrieses im boiotischen Theben, 1956
K. Schefold: Meisterwerke griechischer Kunst, 1960
K. Schefold—M. Hirmer. Frühgriechische Sagenbilder, München 1964
H. Sichtermann — G. Kock Griechische Mythen auf römischen Sarkophagen, 1975
H. Sichtermann — Koppermann: Griechische Vasen in Unteritalien, 1966
£ Simon — M. Hirmer. Die griechischen Vasen, München 1976

- M. Sprenger—G. Bartolom (Aufnahmen M. Hirmer):* Die Etrusker, Kunst und Geschichte, München 1977
R. Töllr. Frühgriechische Reigentänze, Waldsassen 1964
J. Travlor. Bildlexikon zur Topographie des antiken Athen, Tübingen 1971
W. F. Volbach: Frühchristliche Kunst der Spätantike in West- und Ostrom München 1958
F. Weegr. Der Tanz in der Antike, Halle a. d. Saale 1926

Дитер Лауэнштайн
ЭЛЕВСИНСКИЕ МИСТЕРИИ

Редакторы

С.В. Казачков, Е.О. Пучкова

Художественный редактор

Л.Л. Сихкин

Корректоры

Т.Н. Иванова, Н.И. Маркелова

Компьютерная верстка

Л. Л. Сихкин

ЛР № 064543 от 16.04.96

Подписано в печать 27.06.1996. Формат 84х108/32

Бумага офсетная №1. Гарнитура "Лазурского"

Печать офсетная. Физ.печл. 11.5. Тираж 5 000 экз. Зак. № 124

000 Издательство "Энигма",

123022, Москва, уд Пресненский вал, 1/2, а/я 428

Отпечатано с оригинал-макета в Московской типографии №2 РАН

121099, Москва, Шубинский пер,6